

МА

**Уполномоченный по правам человека
в Российской Федерации**

**Государственный архив
Российской Федерации**

**Фонд Первого Президента России
Б.Н. Ельцина**

**Издательство
«Российская политическая энциклопедия»**

**Международное историко-просветительское,
благотворительное и правозащитное
общество «Мемориал»**

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН**

LYNNE VIOLA

PEASANT
REBELS
UNDER STALIN

COLLECTIVIZATION AND THE CULTURE
OF PEASANT RESISTANCE

NEW YORK OXFORD
OXFORD UNIVERSITY PRESS
1996

ЛИНН ВИОЛА

КРЕСТЬЯНСКИЙ
БУНТ
В ЭПОХУ СТАЛИНА

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ И КУЛЬТУРА
КРЕСТЬЯНСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ

Москва
2010

УДК 94(47+57)(082.1)
ББК 63.3(2)615
В41

Редакционный совет серии:

Й. Баберовски (*Jörg Baberowski*), Л. Виола (*Lynn Viola*),
А. Грациози (*Andrea Graziosi*), А. А. Дроздов,
Э. Каррер д'Анкосс (*Hélène Carrère d'Encausse*),
В. П. Лукин, С. В. Мироненко, Ю. С. Пивоваров,
А. Б. Рогинский, Р. Сервис (*Robert Service*),
Л. Самуэльсон (*Lennart Samuelson*), А. К. Сорокин,
Ш. Фицпатрик (*Sheila Fitzpatrick*), О. В. Хлевнюк

Peasant Rebels under Stalin – Collectivization and the Culture of Peasant Resistance *was originally published in English in 1996.*
This translation is published by arrangement with Oxford University Press.

Впервые опубликовано под названием «Peasant Rebels under Stalin – Collectivization and the Culture of Peasant Resistance» на английском языке в 1996 г. Перевод публикуется по соглашению с издательством «Oxford University Press».

Виола Л.

В41 Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления / Л. Виола ; [пер. с англ. А. В. Бардина]. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2010. – 367 с. : табл. – (История сталинизма).

ISBN 978-5-8243-1311-6

Книга канадского историка Л. Виолы посвящена переломному моменту истории Советского Союза – коллективизации сельского хозяйства. Рассматривая борьбу советского крестьянства против коллективизации как гражданскую войну между городом и деревней, автор на основе архивных материалов исследует активные и пассивные, повседневные формы и стратегии крестьянского сопротивления в СССР 1930-х и последующих годов.

Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся историей России и СССР.

УДК 94(47+57)(082.1)
ББК 63.3(2)615

ISBN 978-5-8243-1311-6

© 1996 by Oxford University Press, Inc.
© Издание на русском языке,
оформление.
Издательство «Российская
политическая энциклопедия», 2010

О братья! О сестры! Жизнь наша горька,
Доколе нас терпит Владыки рука,
Роняйте, точайте пред Истинным слезы,
О братья и сестры, не ходите в колхозы.
Где будете жить, трепетать яко тать,
Антихриста трижды вам будет печать
Наложена. На руку будет одна,
Вторая на лбу, чтоб была видна,
И третья наложится вам на груди.
Кто верует в Бога, в колхоз не входи...
И если в колхоз вы, о сестры, войдете,
Антихриста имя невольню примете,
И в лавке, коль будете что покупать,
Печати придется вам все показать.
И только тогда вам товар продадут,
Коль все три печати на теле найдут...

*Из кн.: Евдокимов А. Колхозы в классовых боях.
Л., 1930. С. 34–35*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Коллективизация сельского хозяйства – переломный момент истории Советского Союза. Она стала кульминацией политики коммунистической партии по массовому преобразованию общества и первым из кровавых деяний сталинизма. Коллективизация разрушила деревенскую общину и принудительно насадила на ее месте колхоз – организацию (социалистическую лишь по названию), сыгравшую ключевую роль в превращении деревни в культурную и экономическую колонию коммунистической партии. Будучи инструментом контроля, он позволил государству взимать с крестьянства дань в виде хлеба и прочих продуктов и усилить политическую и административную власть над деревней. Для реализации поставленных задач партии было необходимо лишить крестьянство независимости и уничтожить его культуру. В этих целях началось широкомасштабное наступление на такие крестьянские институты, как двор, сход, община, мельница (место разговоров о политике), рынок и даже церковь и традиционные праздники, обеспечивавшие самоорганизацию и социальную автономию крестьянства. Был отдан приказ о закрытии церквей и проведении антирелигиозной кампании. Деревенскую элиту заставили замолчать, священников сажали в тюрьмы, представителей сельской интеллигенции, отказавшихся служить агентами государства, подвергали травле. На крестьян преуспевающих, привыкших свободно высказывать свое мнение или просто добившихся успехов в хозяйствовании, навешивали ярлык «кулака», их арестовывали и депортировали. За весь XX век мир видел мало столь ужасных эпизодов массовых репрессий, в результате которых крестьяне утратили контроль над средствами производства и собственным экономическим будущим. Коллективизация стала кульминацией атаки на крестьянство, его культуру и образ жизни.

Во многом книга «Крестьянский бунт в эпоху Сталина» является продолжением одной из моих ранних работ, посвященной роли советских заводских рабочих – «двадцатипятидесятыхников» в кампании по коллективизации (*The Best Sons of the Fatherland: Workers in the Vanguard of Soviet Collectivization*. New York, 1987). Эта работа

представляет собой исследование слоя горожан, ставшего социальной базой сталинской политики, рассматривает особенности популистского политического курса того времени и поддержку, оказанную режиму рабочим классом. В широком смысле она посвящена коллективизации и революции. «Двадцатипятипятитысячники» отправлялись в деревню, будучи полностью уверены, что социализм приживется в ней в полной мере. Однако их уверенность быстро испарилась, когда они погрузились во враждебный крестьянский мир, которому были по большей части чужды и рабочие, и город, и социализм в его сталинской трактовке. На страницах книги представлена вся грандиозная ироничность ситуации, в которую попали лучшие из лучших представителей «передового класса», увязшие в глуши деревенской России. Их судьба может быть понята как метафора умозрительно сконструированной пролетарской революции – детища нестабильности в городах, дела рук мечтателей и лидеров, жаждущих власти. Она была обречена на провал в силу сложившегося в России социально-экономического уклада (во многом похожего на тот, который позже назовут характерным для развивающихся стран) и традиций ее политической культуры.

Данная книга посвящена исследованию обстановки в деревне, которая встала на пути революции и, возможно, с самого начала предопределила ее судьбу. Главный предмет анализа – политика крестьянства в тот период, когда оно осознало все последствия революции для деревни, поскольку главное противоборство в России всегда шло не столько между классами (в традиционном, западноевропейском понимании их здесь, по сути, не существовало), сколько между городом и деревней, государством и крестьянством, и его результат никогда не был однозначным. В эпоху Сталина политическая деятельность крестьян приняла форму сопротивления коллективизации. В книге рассматривается крестьянское сопротивление в широком смысле слова – включая как методы борьбы деревни против коллективизации, так и общепринятые стратегии сопротивления, нашедшие применение в разразившейся в СССР гражданской войне между государством и крестьянством. В этой войне, где главную роль сыграли сила и власть, в итоге одержало победу государство, располагавшее мощным репрессивным аппаратом, который позволял вовремя подавлять очаги сопротивления. Но то была пиррова победа: результатом коллективизации стало объединение подавляющего большинства крестьян против государства и его политического курса. Еще долгое время после сталинских кампаний по коллективизации озлобленное крестьянство продолжало вести непрекращающуюся и необъявленную войну с колхозом, используя арсенал повседневных пассивных форм сопротивления. В той самой деревне, которую ре-

волюция пыталась преобразовать, она и потерпела поражение. Таким образом, подтверждается тезис о том, что Октябрьская революция и сложившийся в эпоху сталинизма военно-промышленный комплекс СССР с самого начала опирались на фундамент в виде деревни, неспособной удовлетворить нужды пролетарской революции и поддерживать статус сверхдержавы, что в полной мере проявилось в конце XX века.

Книга «Крестьянский бунт в эпоху Сталина» представляет собой попытку восстановить «утраченную главу» советской истории. Эта глава имеет огромное значение, ведь крестьянское сопротивление коллективизации вылилось в крупнейшее со времен Гражданской войны восстание против советской власти. В ней рассказывается о крестьянстве, находящемся на грани уничтожения, крестьянское общество, его культура и политика рассматриваются сквозь призму сопротивления. История крестьянского бунта необычайно интересна с чисто человеческой точки зрения. Героями книги выступают мужчины и женщины, пытавшиеся защитить свою общину, семью и веру от жестоких посягательств сталинизма. Как и в своей первой книге, я стараюсь по мере возможности представлять слово очевидцам и непосредственным участникам событий. Сопротивление властям оказывали не все крестьяне, но решившиеся на это пользовались множеством различных способов. Некоторые проявляли подлинный героизм, однако эта книга не о героях, о об обычных людях, доведенных до отчаяния варварской политикой государства. Слушая их рассказы, вспоминая деяния жителей деревни Началово или баб из Бутовской, мы восстановим некоторые утерянные страницы советской истории.

Работа над книгой началась в середине 1980-х гг. и была завершена в рамках проекта университета Торонто «Эпоха Сталина: исследования и архивы» по гранту Канадского научного совета социальных и гуманитарных исследований. Также работе помогли гранты Национального фонда искусств и гуманитарных наук, Американского совета научных сообществ, Американского философского общества, Совета по исследованиям в области социальных наук, Фонда Бернадотты Шмитт, Совета по международным исследованиям и обменов, Научного совета Канады по общественным и гуманитарным наукам и Фонда Коннаута. Одна из ранних версий шестой главы книги впервые была напечатана в «Русском ревю» (The Russian Review. 1985. Vol. 45. No. 1). «Журнал современной истории» («Journal of Modern History») дал разрешение на публикацию фрагментов статьи, появившейся там в 1990 году.

Я выражаю благодарность Барбаре Клементс, Шейле Фицпатрик, Стивену Франку, Уильяму Хасбэнду, Трейси Макдональд и Кристи-

не Воробек, ознакомившимся с рукописью, высказавшим замечательные критические суждения и сделавшим ценные наблюдения по поводу прочитанного. Я также благодарна Кари Бронаф, Джеффри Бердсу, Коллин Крейг, В. П. Данилову, Тодду Фоглсонгу, Томасу Грину, Нене Харди, Джеймсу Харрису, Дэну Хили, Нэнси Лейн, Эйлин Конси Манийчук, Джейн Ормрод и Памеле Томсон Веррико за их критику, советы и поддержку. Искренне признательна Татьяне Мироновой за неоценимую помощь в проведении исследований, а также директору Российского государственного архива экономики Е. А. Тюриной и ее превосходному коллективу, без их участия и расположения моя работа в Москве не была бы столь приятной. Особенно мне хотелось бы поблагодарить моего друга и коллегу Роберту Маннинг, которая великодушно поделилась со мной материалами своего исследования советской деревни 1930-х гг. и постоянно оказывала мне свою помощь. Моей семьей в Москве стали Зоя Викторовна и Мария Федоровна, и именно им я обязана своим вдохновением. Наконец, хочу упомянуть Шарика, без которого эта работа не состоялась бы.

Литт Виола
Торонто, Онтарио
Январь 1996

ВВЕДЕНИЕ

И всем крестьянским правилам Муравия верна.

А. Твардовский. Страна Муравия

В эпоху коллективизации в яростной и кровавой схватке сошлись две культуры, находившиеся на пике взаимных противоречий. Это была разрушительная по своим последствиям кампания по внутренней «колонизации» крестьянства и его полному подчинению. По сталинскому плану построения государства от крестьян требовалась «дань» (хлеб и прочая сельскохозяйственная продукция), которая направлялась на продажу за границу, на снабжение продовольствием городского населения и Красной армии – одним словом, на удовлетворение бесконечных нужд первоначального социалистического накопления¹. Коллективизация должна была создать механизм извлечения жизненно важных ресурсов (таких, как зерно, рекруты, рабочая сила) и подчинить крестьян государству с помощью мер жесткого и всепроникающего административного и политического контроля. В погоне за этими целями власть стремилась лишить крестьян автономии и искоренить крестьянскую культуру, насильно сделав ее частью господствующей культуры. Раскрестьянивание², вызванное проведившейся коммунистами индустриализацией, насаждением социализма и бесклассового общества, набирало обороты в ходе борьбы самопровозглашенных сил «современности» с «темнотой» и отсталостью деревни. Хотя коммунистическая партия публично объявила коллективизацию «социалистическим преобразованием» деревни, в действительности речь шла о противостоянии культур, по сути о гражданской войне между государством и крестьянством, городом и деревней.

С началом коллективизации для крестьян наступил настоящий конец света. Нараставшей волне репрессий они ответили ожесточенным сопротивлением, ознаменовавшимся созданием собственной идеологии, оппозиционной государственной. Эта идеология отрицала коммунистическое мировоззрение и легитимность советской власти, заклеив ее как Антихристову. Крестьяне восстали против

«нового крепостного права», уничтожая свое имущество (обреченное угодить в прожорливую пасть колхоза), из-за которого они могли быть причислены к «кулакам». Миллионы бежали, как встарь, в город или в глухую степь, где семьи искали убежища, а молодежь вступала в ряды формирований, которые власть окрестила «кулацкими бандами». Другие искали справедливость в родной деревне и ограничивались выступлениями на собраниях по коллективизации и письмами в адрес центральных властей в тщетной надежде, что Сталин, Калинин и ЦК ВКП(б) защитят их от произвола на местах. Когда мирные средства потерпели неудачу, крестьяне обратились к насилию. Поджоги, нападения, самосуды и убийства местных чиновников и активистов разрушительной волной прокатились по сельской местности. В 1930 г. более двух миллионов человек участвовали примерно в 13 тыс. бунтов. Угрожающие масштабы крестьянского сопротивления внушили Народному комиссариату земледелия мысль, что на селе орудуют «темные силы», а первый секретарь обкома Центрально-Черноземной области И. М. Варейкис пришел к выводу, что там, «вероятно, существует определенный контрреволюционный, эсеровский центр, который руководит этим делом»³.

Восстание крестьян против коллективизации стало высшей формой проявления народного сопротивления в Советском государстве с момента Гражданской войны и одним из многочисленных «белых пятен»⁴ в его истории. Многие десятилетия ученые СССР старательно обходили эту тему стороной. Если же события того времени все же становились предметом обсуждения, то их представляли в искаженном виде в псевдомарксистских терминах «классовой борьбы», «восстания кулаков» и «контрреволюционного террора». Западные ученые также избегали этой темы, предпочитая анализировать политический курс государства в целом, исходя из традиционного представления о российском крестьянстве как об исторически пассивном и бездеятельном слое общества внутри тоталитарного монолита⁵. Позже Шейла Фицпатрик провела исследование крестьянского сопротивления в период коллективизации и пришла к выводу, что крестьяне «относились к ней [коллективизации] фаталистически»⁶.

Книга «Крестьянский бунт в эпоху Сталина» преимущественно (но не исключительно) посвящена событиям 1930 г., ключевого для процессов коллективизации. В ней предпринята попытка продемонстрировать читателю, что размах крестьянского восстания в этот период был гораздо серьезнее, а его роль – далеко не столь однозначной, как ранее предполагали ученые; что сущность восстания и принимаемые им формы уходят корнями в особенности крестьянской культуры и Советского государства эпохи Сталина. Книга охватывает лишь часть истории крестьянства периода коллективизации, но именно ту часть,

которая наиболее ярко отражает переживания, ценности и пути крестьянства, предстающего как особое культурное сообщество. Исследование начинается с анализа отношений государства и крестьянства в период от революции 1917 г. до коллективизации, затем обращается к различным аспектам крестьянской «политики». Объектом изучения служит сложная сеть установок, верований, моделей поведения и действий, образующих крестьянскую культуру сопротивления.

Когда крестьяне прибегают к актам сопротивления, они «высказываются в полный голос». Тем самым историки получают нечастую возможность зафиксировать и проанализировать модель поведения этого обычно недоступного их рассмотрению слоя общества. Взгляд сквозь призму сопротивления помогает выделить ключевые характеристики крестьянского общества, его культуры и политики. Мосты, ведущие нас к пониманию крестьянского мира, складываются из таких элементов его сопротивления, как дискурс, стратегия поведения, действия, в свою очередь находящих выражение в слухах, фольклоре, культуре, символической инверсии, пассивном сопротивлении, насилии и бунте. Историки разных стран и поколений отмечали, что именно через эти аспекты сопротивления проявляются сознание крестьянства, его ценности и верования⁷.

В эпоху коллективизации наиболее отчетливо выступает феномен, который можно обозначить как *культуру* сопротивления – присущий крестьянству особый стиль коммуникации, поведения и взаимодействия с элитами, характерный для всех времен и стран. В этом стиле стремление диктовать свою волю власти, протестовать против ее шагов сочетается с попытками приспособиться к установленному ею режиму посредством обхода законов, организации восстаний и других пассивных и активных форм народного сопротивления, вызванных необходимостью защищать свое существование и свою самобытность. При этом культура, оказавшаяся в подчиненном положении по отношению к культуре господствующей, опирается на собственные институты, традиции, ценности, ритуалы, способы выражения и оформления сопротивления.

Вступив на путь сопротивления коллективизации, крестьянство проявило свою обособленность от советской власти и антитетичность ей. Единство и солидарность, которые оно продемонстрировало, были не столько следствием минимального уровня различий в социально-экономическом положении общин (тезис, лежащий в основе работ западных авторов⁸), сколько результатом нарушения государством интересов крестьянства в целом. Самооборона сплотила его как культурное сообщество, стремящееся выстоять против лобовой атаки государства на экономику крестьянского подворья, деревенские обычаи и образ жизни. Во многих местах восстание возглавили

женщины, в сферу интересов которых коллективизация вторгалась грубее всего. Под ударом оказались домашнее хозяйство, приусадебный участок и скот, а также воспитание детей и прочие аспекты семейной жизни. Крестьяне сплотились в противостоянии нарушению своих жизненно важных экономических, социальных и культурных интересов и традиционного уклада, основанного на малом сельскохозяйственном производстве, семейном хозяйстве и общинной жизни⁹. Солидарность, возникшая в ответ на наступление на интересы крестьян, заложила фундамент культуры сопротивления.

Единство, которое советское крестьянство продемонстрировало в период коллективизации, не зависело от социально-экономических процессов и даже не являлось типичной чертой крестьянской общины. Коллективизм и общинность служили образцом, идеалом деревенской жизни, ее высшей ценностью, но далеко не всегда отражали реальность. В обычное время крестьянское общество характеризовалось значительной степенью сегментации и внутренней стратификации. Жители деревни разделялись по уровню обеспеченности, принадлежности к семейным кланам, по полу, возрасту, группам интересов, по принципу «свой–чужой». Коллективизм, единство и равенство были важными ценностями и нормами в деревенском этосе, однако столь же или даже более важную роль играли в нем средства принуждения, которые патриархальная властная структура деревни применяла к непокорным, несогласным, а порой и просто *другим* голосам, раздающимся в общине¹⁰.

Сплоченность крестьян зависела от ситуации и контекста. Чаще всего она проявлялась при конфронтации с «чужаками» – представителями города, чиновничества и доминирующих классов или групп¹¹. Общество, обычно пронизанное конфликтами и разделенное по целому ряду признаков, оказалось способным к единству и сплоченным действиям перед лицом кризиса. В этом случае интересы крестьянства как единого целого отеснили на второй план обычные разногласия и расколы внутри общины¹². В то же время «политика» коллективизма и единства могла обернуться против тех жителей деревни, которые действовали в качестве агентов государства или поддерживали ненавистные методы «чужаков». Во время коллективизации крестьянство фактически вступило в гражданскую войну с государством, однако внутри нее разворачивалась еще одна, не менее жестокая гражданская война, обратившая деревенскую общину против меньшинства сельских должностных лиц и активистов, которые перешли на сторону советской власти¹³.

Неожиданным последствием революции 1917 г. стало усиление многих аспектов крестьянской культуры, в особенности ряда ее значимых черт, лежащих в основе сплоченности общины. Хотя челове-

ческие и материальные потери военных лет и голод, прокатившийся по стране после Гражданской войны, нанесли крестьянству тяжелейший урон, революция в сочетании с потрясениями того времени произвела на общину восстанавливающий эффект. Началось повсеместное выравнивание социального статуса крестьян. К середине 1920-х гг. доля бедняков упала примерно с 65 % почти до 25 %, в то время как доля обеспеченных крестьян снизилась приблизительно с 15 % (в зависимости от подсчетов) почти до 3 % за тот же промежуток времени¹⁴; главной фигурой в советском сельском хозяйстве стал середняк. Сказались потери военных лет, социальная революция и перераспределение благ, а также возвращение (зачастую принудительное) значительного числа крестьян, которые в период столыпинских аграрных реформ покинули общины, чтобы основать собственные личные хозяйства. Различия крестьян по социально-экономическому статусу оставались практически неизменными на протяжении 1920-х гг., время от времени лишь незначительно усиливаясь. Такое выравнивание укрепило однородность, сплоченность деревни и позиции середняков, представлявших, как пишет Эрик Вульф, наиболее «культурно консервативную страту» крестьянства и ту его силу, которая активнее всего сопротивлялась переменам¹⁵. Укрепилась и община как таковая, поскольку большинство «столыпинских» крестьян вернулись к общинному землевладению, составлявшему в середине 1920-х гг. примерно 95 % всех форм землевладения, тем самым увеличив степень однородности сельской экономики¹⁶. И хотя многие семьи давали трещину, так как дух свободы, навеянный революцией, побуждал деревенскую молодежь освобождаться от патриархальной власти, большинство крестьян, особенно женщины и слабейшие члены общины, все крепче держались за привычные и консервативные понятия хозяйства, семьи, брака и веры, пытались пережить эпоху перемен. Революция, без сомнения, внесла изменения в основные стороны крестьянской жизни, но историки все больше склоняются к выводу, что основные структуры и институты деревни демонстрировали значительную устойчивость перед лицом привнесенного революцией раскола. Во многих случаях они крепили, выступая в качестве защитного вала против экономических трудностей и разрушительных вторжений воюющих правительств и армий, что красных, что белых¹⁷.

Повышение однородности и устойчивости крестьянской культуры не означает, что крестьянство представляло собой косный, статичный слой общества. В деревне уже долгое время протекали процессы глубоких изменений, которые значительно ускорились в конце XIX – начале XX в. Возвращение крестьян из городов и с военной службы (на время или навсегда) вызывало появление альтернативных моде-

лей социализации. Более частые личные контакты между жителями города и деревни также способствовали усвоению на селе характерных для городской среды предпочтений и, в меньшей степени, моделей потребления. Рыночная экономика активно прокладывала путь в сельскую местность, внося изменения в деятельность крестьянских хозяйств и в устройство социальных структур общины. Семьи стали малочисленнее: все чаще под одной крышей проживали только муж и жена с детьми, а не сразу несколько поколений, как раньше. Кроме того, принятие решения о браке перестало зависеть исключительно от родителей жениха и невесты. Крестьянская культура не стояла на месте, а развивалась на протяжении времени, вбирая в себя все новые полезные элементы¹⁸. Базовые структуры и институты общины сохранялись, демонстрируя устойчивость крестьянской культуры и ее способность к адаптации.

Схожие модели изменений наблюдались и в советский период, соседствуя – иногда мирно, иногда нет – с доминирующими моделями и динамикой крестьянских и общинных отношений. Хотя многие каналы взаимодействия между деревней и городом были серьезно нарушены за время революции и Гражданской войны¹⁹, город и государство продолжали оказывать огромное влияние на деревню. Десятки тысяч крестьян-рабочих возвратились по домам во время Гражданской войны, принеся с собой новые манеры и привычки, не всегда согласовывавшиеся с принятыми в общине. Множество крестьян служило в армии во время Первой мировой и Гражданской войн, и они также вернулись с новыми идеями, которые их соседи иногда не могли принять. Из некоторых подобных групп вышли первые сельские коммунисты и комсомольцы; на первых этапах именно эти «блудные сыновья» стали инициаторами создания колхозов и передела хозяйств. В то же время, хотя большую часть 1920-х гг. коммунистическая партия и пренебрегала деревней, занимаясь промышленностью и внутрипартийными делами, она не оставляла мысль о переделке крестьянства и его уничтожении как отжившей социально-экономической категории. Ускоренное раскрестьянивание должно было превратить всех жителей деревни в пролетариев. Партия, комсомол, рабочие из крестьян, находившиеся дома или вдали от него, бедняки, ветераны Красной армии, сельские корреспонденты (селькоры) – все они как будто сигнализировали о том, что деревня готова принять коммунизм. В рамках политики управления социализацией и внедрения официальной идеологии периодически организовывались различные кампании. Среди них были акции, направленные против религии, на повышение грамотности, кампании по подготовке и проведению выборов, по агитации за вступление в партию и комсомол, по организации бедняков, женщин и всех тех, с чьей помощью

государство пыталось навести мосты к деревне и укрепить смычку (союз рабочих и крестьян) в 1920-е гг. Власти удалось сформировать на селе ячейки своих сторонников, которые должны были не только дать толчок переменам, но и внести в крестьянскую общину новый раскол, способствуя появлению новых типов политической идентичности, конфликтующих между собой.

Коллективизации суждено было разрушить большинство таких «культурных мостов», оставив последних сторонников государства, которых и раньше насчитывалось не так много, лицом к лицу с враждебной общиной. Большинство естественных расколов и линий потенциальных конфликтов, рассекавших деревню в обычное время, в период коллективизации отошли на второй план, община сплотилась против общего, и на тот момент смертельного, врага. Во время коллективизации крестьянство во многом действовало как класс, именно такой, каким его описывал Теодор Шанин: «Это социальная сущность с общими экономическими интересами, чья идентичность формируется в ходе конфликтов с другими классами и выражается в типичных моделях восприятия и политического сознания, хотя и находящегося в зачаточном состоянии, но обеспечившего возможность осуществлять коллективные действия, отражающие его интересы»²⁰. Если рассматривать крестьянство как класс или как культуру в характерном для Клиффорда Гирца смысле совокупности опыта и поведения, «социально установленных структур значений» или «систем значений», которыми индивиды руководствуются в своих действиях²¹, то оно отчетливо продемонстрировало, насколько существенными были его отличия и отдаленность от большинства остального советского общества.

Подобный взгляд на крестьянство как класс или культуру в чем-то созвучен определению, которое крестьянскому обществу и культуре дает Роберт Редфилд: «тип или класс, имеющий признаки некоторой общности»²². Форма, содержание, причины и мотивы сопротивления, оказанного крестьянством коллективизации, во многом были «общими» и демонстрировали его стойкость и сплоченность как социального и культурного класса, а также сходство с восставшими крестьянами из других мест и эпох. Однако классовая природа крестьянства и оказанного им сопротивления объясняет лишь модель его поведения в эти годы, в то время как коллективизация была во многом беспрецедентна по целям, форме и масштабу и временами задавала уникальный контекст, на который крестьянская культура была вынуждена реагировать – противостоять ему и адаптироваться к нему. Безусловно, такие факторы, как религия, этническая принадлежность, пол, класс и возраст, также могли создавать различные практики в рамках крестьянской общности.

В данной работе предпринята попытка установить взаимосвязь между региональными различиями, с одной стороны, и содержанием, формой и аспектами крестьянского сопротивления, с другой. Так, например, можно проследить эволюцию различных форм протеста в разных регионах РСФСР (и некоторых других республик) и сделать ряд выводов о том, как особенности сопротивления в конкретном регионе связаны с его местом в производстве зерновых. Однако более конкретные оценки можно будет дать только после того, как будут открыты архивы бывшего СССР, особенно архивы спецслужб. Точно так же в этой книге можно встретить только самый поверхностный анализ влияния этнической принадлежности на крестьянские акции протеста: частично это связано с тем, что в центре внимания в основном оказываются русские, а частично с тем, что этническая принадлежность, судя по всему, играла весьма значимую, иногда ключевую роль в крестьянском сопротивлении и заслуживает рассмотрения в отдельном исследовании. И хотя я стараюсь привлечь внимание читателя к крайне важным гендерным аспектам крестьянского протеста, у меня нет возможности слишком подробно останавливаться на возрастных и классовых факторах. Я иду на риск обобщения, поскольку убеждена, что крестьянское сопротивление эпохи коллективизации имеет ряд общих черт, дающих основания для широкого исследования. В рассматриваемый период – пусть непродолжительный, но чрезвычайно значимый – региональные и прочие различия отходят на второй план по сравнению с борьбой деревни против коллективизации. Не все крестьяне участвовали в сопротивлении – как я покажу далее, некоторое меньшинство действительно выступило на стороне государства, – однако большинство боролось, объединенное общим отношением к власти, неприятием ее политики и методов.

Во время коллективизации сопротивление приобрело форму политических акций протеста – единственного проявления оппозиционности, доступного в то время крестьянам. В этих акциях отразилось коллективное осознание ими своих целей, действий и желаемых результатов, а также отчетливое и порой даже пророческое понимание целей и задач государства. В эту эпоху сплоченность и солидарность крестьянства были прямыми проявлениями его политического сознания и организованности. Основными детерминантами крестьянского сопротивления служили обоснованные опасения, касавшиеся прежде всего соблюдения справедливости и наличия средств к существованию, к которым добавились стихийный гнев, отчаяние и ярость. Крестьянские идеи справедливости были неотъемлемой частью народного протеста²³. Коллективизация являлась насилием – прямым покушением на привычные нормы сельской власти и управления, на идеалы общинной солидарности и соседства, а порой

и просто на правила человеческой порядочности. Поддержка коллективизации *внутри* общины равнялась надругательству над сельскими идеалами взаимной поддержки и помощи, поэтому возмездие стало ключевым производным от справедливости в мотивации актов крестьянского сопротивления. Что еще важнее, коллективизация также представляла угрозу для крестьянского хозяйства и выживания общины. Борьба за существование в первую очередь определяла формирование крестьянской политики и отношений с властью²⁴, она же была главной заботой и предметом ответственности деревенских женщин, игравших доминирующую роль в реакции крестьянства на вызовы коллективизации, как и везде, где речь шла о выживании деревенских жителей. Сущность и причины крестьянского сопротивления коллективизации, таким образом, в значительной степени «типичны» для этого класса, специфический характер носят его источник, контекст и форма.

В качестве еще одного компонента культуры сопротивления выступают его формы. Наряду с содержанием и предпосылками сопротивления, формы его определялись обычными заботами крестьян, способами его бытия и действия, которые часто представлялись сторонним наблюдателям иррациональными и хаотичными, но имели свою собственную логику и в большинстве случаев вырабатывались в течение долгого времени как методы спора с властью. Традиция сама по себе стала для крестьян ресурсом легитимации и мобилизации в поисках обоснования своих интерпретаций политики государства и ответов на нее²⁵. Крестьяне пускали в ход привычный арсенал: распространение слухов, бегство, сокрытие зерна и целый ряд прочих активных и пассивных форм сопротивления, выбор которых обуславливался их эффективностью и реакцией со стороны властей. Все подобные формы характеризовались прагматизмом, гибкостью и приспособляемостью – каждое из этих качеств представляло жизненно важный ресурс в противостоянии могущественному и репрессивному государству. Крестьяне обращались к насилию лишь как к последнему средству, когда отчаяние и жажда мести достигали такого уровня, что толкали их на открытый конфликт. Часто обычные собрания, демонстрации и прочие методы взаимодействия с советской властью в результате ее жестких действий перерастали в акты насилия²⁶. По большей же части крестьянское сопротивление в его различных формах реализовалось по привычным ритуализованным сценариям, повторявшимся снова и снова благодаря своим организационным и тактическим преимуществам в противоборстве с властью.

Антитетическая природа крестьянской культуры и сопротивления наиболее ярко выражалась через метафору и символическую инверсию, которые служили «формой формы», т. е. проводниками многих

специфических типов протеста. Дискурс крестьянского бунта возник в мире слухов, где отношение к политике государства и поведению его агентов символизировалось понятиями апокалипсиса и крепостного права. Первое из них переворачивало привычные представления о коммунистическом мире, приравнивая государство к Антихристу, а второе намекало на то, что коммунисты в конечном счете предали идеалы революции. Массовое уничтожение и распродажа имущества (разбазаривание) служили еще одной формой инверсии – тем самым крестьянство как будто делало широкомасштабную попытку уничтожить «классы» в деревне путем социального и экономического выравнивания. Террор против должностных лиц и активистов в буквальном смысле менял местами субъект и объект политической власти. Обман, еще одно из основных средств сопротивления, представлял собой постоянное жонглирование силой и слабостью в попытках одурачить власти, скрыть что-то или избежать чего-то. Самое, пожалуй, главное: центральная роль женщин в организации крестьянского сопротивления свидетельствовала не только об инверсии властных отношений между государством и крестьянством, но и о ниспровержении традиционного патриархального порядка при полном отрицании норм повиновения и подчинения. Инверсия властных отношений, смена образов и ролей вкупе с контридеологией обеспечивали оправдание, легитимацию и мобилизацию сопротивления, поддерживали его с помощью символики бинарных оппозиций между государством и крестьянством, вновь являя миру крестьянскую культуру сопротивления²⁷.

Крестьянская культура сопротивления существовала и развивалась отнюдь не в вакууме. Ее развитие можно рассматривать как форму ответного протеста против строительства государства и доминирующей культуры эпохи коллективизации, а также во многом, хотя и не во всем, как попытку сохранения статус-кво²⁸. Однако крестьянская «политика» сводилась к простому *реагированию*. Крестьянское сопротивление было тесно связано с событиями в стране и политикой центра. Крестьянство идентифицировало себя как особую культуру или класс в оппозиции и конфликте с другими классами и (в данном случае) с государством. Его сопротивление «согласовалось» с репрессиями со стороны властей. Таким образом, изучение крестьянского сопротивления – в равной мере исследование и крестьянства, и государства, взаимодействующего с ним. Крестьянское сопротивление в эпоху коллективизации поочередно становилось причиной то радикализации, то модификации государственной политики. Разбазаривание и самораскулачивание, например, сыграли важную роль в эскалации темпов коллективизации и раскулачивания: местные власти старались воспрепятствовать массовому забою скота и бегству крестьян

путем увеличения масштабов репрессий и их ужесточения. Тем не менее в начале марта 1930 г., когда насилие в деревне начало угрожать и стабильности в государстве, и весеннему севу, Сталин объявил о временном приостановлении кампании по коллективизации. Пассивное сопротивление, без сомнения, оказывало наиболее значимое и устойчивое влияние на государственную политику, снова и снова вынуждая государство вносить поправки в некоторые из наиболее радикальных планов преобразований, особенно после голода 1932–1933 гг. На протяжении рассматриваемого в нашем исследовании периода крестьянство действовало отнюдь не само по себе, а *соответствии* с политикой государства и не только реагировало, но и оказывало влияние на эту политику²⁹. Более того, крестьянское сопротивление было в высшей степени созидательной силой, его основные формы эволюционировали и трансформировались в ритуализованные сценарии и тактические приемы в повседневных отношениях с властью.

Постоянное внимание в данной работе уделяется государству. Его доминирующее положение в социально-политической структуре сталинизма и сама природа используемых источников, в основном официального происхождения, заставляют историка рассматривать крестьянскую политику сквозь призму государства. Впрочем, как отмечал Дэвид Уоррен Сабиан в другом контексте, «то, что касается источников, – не обязательно слабость. Документы, показывающие крестьян с точки зрения правителей или их представителей, начинают с отношений доминирования... Цель заключается в том, чтобы изучить структуру крестьянских представлений в рамках динамики власти и иерархических отношений»³⁰. Поэтому исследование крестьянского сопротивления тесно связано с государственным дискурсом, языком и ментальностью сталинизма, превратившими крестьян во врагов и искажавшими подлинную сущность их «политики». Такие слова и выражения, как «кулак», «контрреволюция», «саботаж», «измена», «разбазаривание», «самораскулачивание», «перегибы», «массовые беспорядки», «бабьи бунты» и сотни других (обо всех мы в свое время поговорим) затрудняют нашу работу, отчасти заглушая голоса крестьян. Порой нам ничего не остается, как брать их на вооружение, наделяя тем самым весом и актуальностью, которых они, скорее всего, не имеют, по крайней мере в буквальном смысле. Однако семиотический подход к использованию этой терминологии может оказать ценную помощь для понимания доминантных голосов и государства. Если государство и накрывает в этом исследовании крестьянство своей тенью, то это связано с тем, что крестьянская культура сопротивления зависела от государства, развиваясь как часть сталинизма и вопреки ему, получая свою динамику от гражданской войны, связанной государством против крестьянства.

Широта и масштабность крестьянского сопротивления – т. е. само существование того, что я называю крестьянской культурой сопротивления, – говорят об относительной автономии крестьянства в рамках сталинского «государства-Левиафана» и постоянстве ключевых характеристик крестьянской культуры, политики и общины во время и даже после коллективизации советского сельского хозяйства. Стойкость и выносливость крестьянства, взгляд на коллективизацию как на гражданскую войну, как на столкновение культур позволяют оспорить как тоталитарную модель с акцентом на атомизацию общества, так и более позднюю исследовательскую традицию, заложенную Моше Левином, который говорит о «рыхлом обществе», неспособном образовывать сплоченные классы, готовые защищать свои интересы и оказывать сопротивление государству³¹. Постулируя существование крестьянской культуры сопротивления, данное исследование не ставит целью возродить старое историографическое представление о расколе на «мы и они» в российском (а позже и в советском) обществе, оно скорее предполагает, что дихотомия государства и общества (по крайней мере крестьянского) «снизу» рассматривалась как непреложная данность, однако представляла собой не столько социально-политическую реальность, сколько семантическое оружие сопротивления и взгляд на господствующие силы со стороны подчиненных. Если угол зрения смещается на положение крестьянства в обществе, его отношения с государством, содержание и форму его сопротивления, то советское общество уже не кажется таким отклонением от нормы, каким его обычно изображают. В то же время специфика общего и индивидуального опыта коллективизации вписывается в более широкую историческую картину, и становится ясно, что общие последствия великого крестьянского бунта и его кровавого подавления оказали непосредственное влияние на диалектику и ужесточение сталинизма, в значительной мере образуя подоплеку событий 1937 года.

1

ПОСЛЕДНИЙ И РЕШИТЕЛЬНЫЙ БОЙ: КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ КАК ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Никогда еще дыхание смерти не носилось так непосредственно над территорией Октябрьской революции, как в годы сплошной коллективизации. Недовольство, неуверенность, ожесточение разъедали страну. Расстройство денежной системы; нагромождение твердых цен, «конвенционных» и цен вольного рынка; переход от подобия торговли между государством и крестьянством к хлебному, мясному и молочному налогам; борьба не на жизнь, а на смерть с массовыми хищениями колхозного имущества и с массовым укрывательством таких хищений; чисто военная мобилизация партии для борьбы с кулацким саботажем после «ликвидации» кулачества, как класса; одновременно с этим: возвращение к карточной системе и голодному пайку, наконец, восстановление паспортной системы – все эти меры возродили в стране атмосферу, казалось, давно уже законченной гражданской войны.

Л. Троцкий. Преданная революция

Как евреи, выведенные Моисеем из рабства Египетского, вымрут полудикие, глупые, тяжелые люди русских сел и деревень... и место их займет новое племя – грамотных, разумных, бодрых людей.

М. Горький. О русском крестьянстве

Когда коммунистическая партия официально приступила к проведению политики сплошной коллективизации, она провозгласила, что страна находится на пороге великих перемен. С помощью коммунистов из числа горожан и рабочих государство намеревалось «построить» социализм в селе. Коллективизация должна была обеспечить победу на «хлебном фронте» (а значит, и на фронте промышленном). Целью «социалистического преобразования крестьянства» называ-

лись «устранение противоречий между городом и деревней» и искоренение сельской неграмотности. Однако пропаганда того времени рассказывала далеко не обо всем. Ничего не сообщалось о наступлении на культуру и автономию крестьянства или о бесчеловечных методах, которыми власти собирались осуществлять это великое преобразование. В обществе эти аспекты коллективизации были отражены, например, в распространенных призывах «преодолеть отсталость деревни», «ликвидировать идиотизм деревенской жизни», а также в менее распространенном, но пугающем рефрене «большевики – не вегетарианцы»¹. Большинство целей и ожидаемых результатов коллективизации были скрыты от широкой общественности.

По выражению Джеймса Скотта, публичная формулировка задач коллективизации представляла собой «официальный протокол» доминантной стороны². Этот «официальный протокол» служил ширмой, за которой скрывался «тайный протокол», обнаруживавший истинную сущность великого преобразования – борьбу за экономические ресурсы (в основном за хлеб) и культурное противостояние. Не все коммунисты отличали скрытое от явного, и компартия зачастую действительно была убеждена в своих словах – лицемерие шло рука об руку с заблуждением. Официальный сталинский дискурс (как и большинство государственных идеологий) использовался в том числе как средство создания логичных и политически привлекательных концептов для объяснения и оправдания зачастую жестких реалий – идеология была инструментом в руках государства. При столкновении действительности с идеологией, дабы поддержать баланс между правдой, верой (притворной или искренней) и реальностью, шли в ход разоблачение попыток теоретического ревизионизма, изменения курса, сохранявшие, как доводилось до общего сведения, преемственность с генеральной линией, толки об извращении догмы в виде «перегибов», «ошибок» и «уклонов». Если сдвинуть в сторону занавес «официального протокола», то откроется другая сторона коллективизации – тайный протокол партии, т. е., по словам Скотта, «методы и притязания ее правления, которые она не может признать открыто»³.

Большинство крестьян не обманывались «официальным протоколом» государства и не верили ему. Для них коллективизация была апокалипсисом, войной между силами добра и зла. Советская власть, которую олицетворяли государство, город и городские кадры коллективизаторов, выступала в роли Антихриста, сделавшего колхоз своей вотчиной. Крестьяне видели в коллективизации не только битву за хлеб или строительство такой абстрактной и аморфной вещи, как социализм. Они воспринимали ее как наступление на свою культуру и образ жизни, как грабеж, несправедливость – и ошибка-

лись. Это была борьба за власть, попытка подчинения и колонизации сельского населения, чья судьба в ходе советской истории все сильнее напоминала участь покоренного народа на оккупированной территории. Если перестать смотреть на коллективизацию через искажающую очертания линзу официальной пропаганды, убеждений и восприятий, то она представляет собой столкновение культур, гражданскую войну.

Первобытная мужицкая темнота

История отношений государства и крестьянства с момента революции 1917 г. – это история непрекращающейся борьбы двух культур. Коммунисты представляли городской рабочий класс (в абстракции)⁴, атеистическую, технологическую, детерминистскую и, по их понятиям, современную культуру, а крестьянство (с точки зрения коммунистов) представляло их противоположность, отрицание всего, что считалось современным. Еще до того, как стать большевиками, а тем более коммунистами, русские марксисты в глубине души были настроены против крестьянства. Прославляя бога прогресса, который, по их мнению, приговорил крестьянство к социальному и экономическому вырождению, они отвергали саму идею существования самостоятельной крестьянской культуры и считали деревню лишь питательной средой для зарождения рабочего класса⁵. Элементы детерминизма и волюнтаризма⁶, явно присущие российскому марксистскому и особенно большевистскому менталитету, которые привели большевиков к победе в октябре 1917 г., проецировались на партию, превращая ее в главную движущую силу истории. История должна была коватьсь партией, которая сама себя провозгласила авангардом политики, прогресса и революционной правды. Ожесточение после нескольких лет войны, революции и гражданской войны вкупе с абсолютной нетерпимостью и прагматичностью, свойственными большинству дореволюционной российской интеллигенции, из которой вышли большевики, сформировали партию, готовую и твердо намеренную вступить в «последний и решительный бой», как говорил Ленин⁷. В узком смысле имелся в виду бой с кулаками – фермерами, которые вели капиталистическое хозяйство и, как утверждала пропаганда, угнетали бедняков и середняков, союзников рабочего класса. На деле же этот бой велся против всего крестьянства и был призван ускорить ход истории, приблизить predetermined исчезновение этой будто бы примитивной, несременной социальной формы.

Советская власть опиралась на «диктатуру пролетариата и бедноты»⁸. В 1917 г., когда большевики отстаивали революционные цели

крестьянства как свои собственные, Ленин заявил, что «коренного расхождения интересов наемных рабочих с интересами трудящихся и эксплуатируемых крестьян нет. Социализм вполне может удовлетворить интересы тех и других»⁹. На самом деле диктатура и «союз», ее породивший, сочетали противоположные цели, которые вскоре вступили в конфликт. По-другому быть и не могло, учитывая противоречивый характер Октябрьской революции – революции «рабочего класса» в аграрной стране, где пролетариат составлял чуть более 3 % населения, а крестьяне – не менее 85 %. Большевицкая революция была предприятием городского рабочего класса, организованным крайними экстремистами из числа радикальной интеллигенции. Лев Крицман, крупный ученый-марксист, исследовавший крестьянство в послереволюционные годы, заявил, что на самом деле в 1917 г. произошли две революции – городская (социалистическая) и деревенская (буржуазная или антифеодальная)¹⁰, имевшие различные, прямо противоположные цели. После волны насильственной экспроприации и раздела помещичьих земель крестьяне хотели одного – чтобы их оставили в покое, дали им возможность процветать и распоряжаться произведенной продукцией так, как они сочтут нужным¹¹. Некоторые из них, возможно, и разделяли социалистические устремления города, но у большинства принципы коллективизма вызвали отторжение. Коммунистические классовые концепты нелегко было интерпретировать для применения в крестьянской культуре.

Справедливость выводов Крицмана стала очевидной во время Гражданской войны в России, когда город выступил против деревни, совершая жестокие набеги на села с целью захвата хлеба, забирая крестьянских сыновей в Красную армию. Компартия вела войну с помощью недавно созданной революционной армии и жестких внутриполитических мер, которым иногда дается общее название «военный коммунизм». После Первой мировой войны торговля зерном в стране пришла в упадок, резко подскочила инфляция, развалились сети поставок и распределения. К моменту прихода большевиков к власти во всей системе торговли и поставок наступила полная разруха. Вскоре партии пришлось прибегнуть к насильственной реквизиции хлеба, чтобы прокормить город и армию¹². На начальных этапах Гражданской войны коммунисты стремились обеспечить систему централизованных поставок зерна путем образования комитетов бедноты (комбедов). В теории комбеды должны были объединить бедных против богатых, чтобы спровоцировать классовую войну в деревне. Предполагалось, что бедняки станут помогать продотрядам в поиске хлеба, а взамен получать его часть. В реальности создание комбедов окончилось полным провалом. Крестьяне ненавидели чужаков, вмешива-

ющихся в их дела. Большинство бедняков воспринимали определение «бедный» как оскорбление, а не как привилегированную классовую характеристику. Все крестьяне общими усилиями старались сохранить у себя как можно больше хлеба, который они с таким трудом вырастили. В результате большинство деревень упорно не поддавались попыткам партии расколоть их общество и оказывали ей сопротивление как единое целое¹³.

Хлеб стал центральным вопросом, вызывавшим больше всего разногласий в союзе рабочих и бедных крестьян. Ленин признал этот факт еще в мае 1918 г., сказав, что независимо от своего социального статуса «все владельцы хлеба, имеющие излишки хлеба и не вывозящие их на станции и в места сбора и ссыпки, объявляются врагами народа»¹⁴. Здесь нет речи о традиционном ленинском разделении крестьянства на бедняков, середняков и кулаков. Ведь провинились не только кулаки, которые теоретически являлись классовыми врагами и контрреволюционерами. Поэтому политический статус определялся действиями, и Ленин провозгласил «беспощадную, террористическую борьбу и войну против крестьянской и иной буржуазии, удерживающей у себя излишки хлеба»¹⁵. Любой крестьянин мог стать врагом народа, если его действия противоречили политике партии. Ленин объяснял это кажущееся противоречие с точки зрения классовой теории тем, что «крестьянская среда настроена по-кулацки»¹⁶. А кулаки для него были нечистью, нелюдями. Он называл их «жадным, обожравшимся, зверским кулачем», «самыми зверскими, самыми грубыми, самыми дикими эксплуататорами», «пауками», «пиявками», «вампирами», объявлял «беспощадную войну против кулаков» и восклицал: «Смерть им!»¹⁷

Комбеды были в основном упразднены еще до конца 1918 г. Провал этой классовой политики вынудил Ленина, по крайней мере формально, перенести внимание с бедняков на середняков, но он продолжал считать кулаков главными врагами партии и поддерживать принудительную реквизицию хлеба. В своем выступлении в марте 1919 г. Ленин заявил: «Кулак непримиримый наш враг. И тут не на что надеяться, кроме как на подавление его. Другое дело средний крестьянин, это не наш враг». В то же время, проводя такие социальные различия между крестьянами, Ленин по-прежнему рассматривал крестьянскую политическую активность, противоречащую интересам советской власти, как кулацкую. Например, бунты против продразверстки он упорно называл не *крестьянскими*, а *кулацкими*¹⁸.

Средняков, которые после революции составляли большинство крестьян, обозначали как «колеблющийся» слой¹⁹. По социальному типу середняк, с одной стороны, был мелким хозяином, с другой – работником. Поэтому его социально-экономические интересы не

слишком вписывались в рамки коммунистической классовой теории. Проблему разрешили, приписав середняку двойственную политическую природу, которая соответствовала бы его двойственной социально-экономической природе. Средняк, в зависимости от своих интересов и обстоятельств, мог либо объединить силы с кулаком и контрреволюцией, либо принять сторону бедняка и революции. Стало быть, задача партии заключалась в том, чтобы помочь середняку осознать его подлинные интересы. Крестьян, неспособных сделать это самостоятельно, так же как и рабочих, следовало воспитывать. По словам Ленина, «всякий крестьянин, который сколько-нибудь развит и из первобытной мужицкой темноты вышел, согласится, что другого выхода нет» (кроме как отдать хлеб советской власти)²⁰. Он полагал, что «все сознательные, разумные крестьяне, все, кроме мошенников и спекулянтов, согласятся, что надо отдать в ссуду рабочему государству *все излишки хлеба полностью*»²¹. Из подобных заявлений вытекало, что несознательный крестьянин мог и не отдать свой хлеб. В данном случае политические действия крестьянина определяли его социально-экономический статус, т. е. сознание определяло бытие.

Благодаря субъективному определению класса и представлению о колеблющемся середняке Ленин нашел способ, с помощью которого большевистские классовые категории могли фактически преодолеть культурное препятствие. Такое понимание класса было абстракцией, конструктом, созданным партией, но оно позволяло коммунистам на теоретическом уровне примирить свои действия со своими идеями. Это искажение теории перенесло некоторые аспекты «тайного протокола» в «официальный», дав партии право открыто привлекать на свою сторону бедняков, когда представлялось возможным, и основания обращаться с середняками – т. е. с большинством крестьян – как с врагами, если те выступали против ее политики.

Данный подход стал одной из теоретических основ будущей сталинской войны против крестьянства. Между тем Ленин видел окончательный выход из положения и решение крестьянского вопроса в исчезновении крестьянства: «Чтобы уничтожить классы, надо... уничтожить разницу между рабочим и крестьянином, *сделать всех – работниками*». Однако, в отличие от Сталина, даже в эпоху Гражданской войны он был вынужден добавить, что переделка крестьянства будет «чрезвычайно длительной»²².

В полной мере последствия культурного разрыва с крестьянством и пагубной политики времен Гражданской войны проявились в конце 1920 – начале 1921 г., когда партия обнаружила, что оказалась в изоляции от крестьян и рабочих, а Советское государство, похоже, балансирует на краю пропасти. В городах повсеместно вспы-

хивали волнения среди рабочих; в деревне угрожающие масштабы принимали крестьянские восстания на Тамбовщине, в Сибири и на Украине. Последний и символический удар нанесло режиму в начале 1921 г. восстание моряков военно-морской базы в Кронштадте, долгое время служившей бастионом и опорой большевиков. Ленину пришлось отступить и отказаться от политики эпохи Гражданской войны.

На X съезде партии в марте 1921 г. Ленин представил свою новую экономическую политику (НЭП). НЭП был отступлением от прежнего курса, и прежде всего уступкой крестьянству. Ненавистная продразверстка отменялась, вместо нее вводился натуральный, а позже денежный налог. Легализовалась частная торговля, проводилась обширная денационализация, не затронувшая только важнейшие отрасли промышленности, банки и внешнюю торговлю. В итоге НЭП принял форму своего рода смешанной экономики, рыночного социализма. На X съезде Ленин признал, что «интересы этих двух классов [рабочих и крестьян] различны, мелкий земледелец не хочет того, чего хочет рабочий»²³. Он также предостерег, что «только соглашение с крестьянством может спасти социалистическую революцию в России, пока не наступила революция в других странах»²⁴. Ленин извлек важный урок из Гражданской войны: чтобы сохранить свою власть, партия нуждалась в поддержке со стороны крестьянства, составлявшего большинство населения. Такую поддержку предоставляла *смычка*, т. е. союз рабочих и крестьян. По Ленину, советская власть могла продержаться до начала мировой революции только при условии сохранения смычки, пока в стране идет «строительство» социализма, т. е. проводится индустриализация. До конца своей жизни Ленин продолжал настаивать, что смычка – обязательное условие для выживания Советского государства.

В 1922 г. на XI съезде партии Ленин заявил, что необходимо «доказать, что мы ему [крестьянину] умеем помочь, что коммунисты в момент тяжелого положения разоренного, обнищавшего, мучительно голодающего мелкого крестьянина ему сейчас помогают на деле. Либо мы это докажем, либо он нас пошлет ко всем чертям. Это совершенно неминуемо»²⁵. Ленин придерживался умеренной тактики в отношении крестьянства после Гражданской войны не ради блага самих крестьян, а стремясь обеспечить выживание советской власти. Он оставался приверженцем социализма как в городе, так и в деревне, и преобразования крестьянской России, однако уверился в том, что единственный способ изменить крестьянина – действовать убеждением: «Дело переработки мелкого земледельца, переработки всей его психологии и навыков есть дело, требующее поколений»²⁶. В своих последних статьях Ленин доказывал, что необходимая предпосылка

преобразования крестьянства – культурная революция, прежде всего всеобщая грамотность. Затем, утверждал он, сельскохозяйственная кооперация, которая удовлетворит материальные интересы крестьянина, прививая ему коллективизм, предоставит базу для развития социализма в деревне²⁷.

В 1923 г. Ленин написал, что НЭП рассчитан на целый исторический период – в идеале на десять или двадцать лет²⁸. Он оставил партии весьма двусмысленное наследие. С одной стороны, Ленин был сторонником постепенной эволюции в сторону социализма в деревне; с другой – крестьянство, по его мнению, само по себе не могло встать на путь социализма и инициативу в его построении на селе надлежало взять на себя сознательным агентам истории, а именно партии и рабочему классу. Как и неоднозначный труд Ленина «Что делать?», концепция НЭПа не давала ответа на вопрос, что предпринять, если крестьянин отвергнет перемены и социализм. К тому же в классовой логике ленинского взгляда на крестьянство содержался фундаментальный порок. Высказывания Ленина о том, что действия крестьян, противоречащие политике коммунистической партии, можно расценивать как кулацкие, наряду с утверждениями, что его отношение к крестьянству основано на научном марксистском классовом анализе, впоследствии оформились в концептуальную модель, которую его преемники использовали во время коллективизации, когда Сталин развязал войну против *всего* крестьянства. Сочетание субъективности большевистских классовых категорий и железного исторического детерминизма (на деле оборачивающегося произволом) образовало мощную и смертоносную гремучую смесь, позволив партии присвоить себе роль проводника исторического предопределения. Псевдонаука, на которую она опиралась, была способна представить любую оппозицию социально-экономически обусловленным голосом врагов народа, кулаков и контрреволюционеров, обреченных на уничтожение «передовыми силами истории». Хотя в своих последних работах Ленин предупреждал партию, что политика в отношении крестьянства должна быть осторожной – и нет причин не воспринимать его слова всерьез, – его наследие было полно противоречий и в дальнейшем обеспечило коллективизации теоретическую базу.

Насаждение социализма

Большинство коммунистов считали новую экономическую политику отступлением. Часто это время изображается как «золотой век» крестьянства, но в действительности НЭП стал выглядеть золотым веком только из-за крепостных стен колхозов 1930-х гг. В 1920-е гг.

крестьяне продолжали страдать от грабительских действий государства, централизующегося, модернизирующегося и лишь временно и частично умерившего свои аппетиты. Хотя государство вмешивалось в дела крестьян меньше, чем когда-либо ранее в их истории, оно по-прежнему вымогало у них дань, совершая частые и порой жестокие налеты на деревню, взимая налоги, отбирая хлеб и, как следует из крестьянских жалоб, подрывая моральные устои и веру деревенской молодежи. Сельское начальство нередко применяло к крестьянству крутые меры времен Гражданской войны, особенно в начале 1920-х гг., несмотря на видимость гармонии между классами. После смерти Ленина план кооперации лелеяли как единственное решение крестьянского вопроса. Однако мало что было сделано, чтобы поддержать крестьян, заинтересовавшихся кооперативами; более того, кооперативные предприятия столкнулись с угрозой быть заклеяемыми как кулацкие, если становились слишком эффективными. Союзнику партии бедняку в эти годы оказывалась лишь некоторая идеологическая поддержка. В основном НЭП, согласно Моше Левину, являлся политикой «дрейфа»²⁹. Партия была слишком поглощена фракционными столкновениями и борьбой за власть после смерти Ленина, чтобы уделять серьезное внимание сельскому хозяйству. Крестьянство попадало в поле зрения партии в те моменты, когда очередная левая оппозиция воскрешала призрак кулацкой угрозы, заявляя, что благодаря чрезмерному расширению НЭПа развивается сельский капитализм. Так как после широкомасштабного социального выравнивания времен революции и Гражданской войны социальная стратификация на селе в 1920-е гг. была весьма незначительной, вполне можно допустить, что реальную проблему представляли сила и дальнейшее существование крестьянской России.

Главным экономическим приоритетом партии во время НЭПа была индустриализация страны, для многих коммунистов равнозначная *строительству* социализма. В 1920 г. Ленин провозгласил: «*Коммунизм – это есть Советская власть плюс электрификация всей страны*»³⁰. В течение 1920-х гг. коммунизм отождествлялся со стремительной и широкомасштабной индустриализацией государства: понятие строительства социализма стало означать просто строительство, и чем более крупное и современное, тем лучше. Однако с индустриализацией приходилось подождать, пока не будет восстановлена экономика, сильно пострадавшая за годы войны. Предполагалось, что при НЭПе расширение торговли хлебом даст необходимую прибыль, которая, в свою очередь, позволит финансировать промышленное развитие страны и обеспечит крестьянству уровень доходов, достаточный для создания внутреннего рынка потребления товаров из промышленного сектора. Чтобы промышленность получала чис-

тую прибыль, необходимо было обратить условия торговли против крестьянства, назначив более высокие цены на промышленные товары и более низкие – на продукцию сельского хозяйства. В 1923–1924 гг. «ножницы цен» привели к кризису перепроизводства в промышленности и нежеланию крестьян продавать зерно. В результате партии пришлось снизить цены на промышленные товары, проведя серию реформ в сфере индустрии. Последовавшее за этим «закрытие ножниц», судя по всему, вызвало снижение темпов роста промышленности, и к 1927 г. страна начала испытывать недостаток фабричных товаров, ставший серьезным препятствием для торговли между городом и деревней.

Вставшая перед партией дилемма не была новой для экономического развития России. Существовали абсолютно противоположные варианты ее решения: либо разрешить крестьянству обогащаться, создать процветающее сельское хозяйство и благодаря сбалансированному росту и социальной стабильности постепенно получить необходимую для целей индустриализации прибыль, либо «прижать» крестьянство тяжелыми налогами, сохранять низкие цены на сельскохозяйственную продукцию и расширять экспорт зерна, что позволило бы в короткие сроки накопить капитал и быстро провести индустриализацию, а уж затем перенаправить средства в сельское хозяйство. В любом случае крестьянство рассматривалось главным образом как экономический ресурс, ко всему прочему еще и создававший проблемы; по сути, к нему относились почти как к внутренней колонии. В середине 1920-х гг. Е. А. Преображенский, представитель левой оппозиции, требовал установить условия торговли, невыгодные крестьянству, и взимать с него «дань» для ускорения накопления капитала и индустриализации. Без всякой иронии он окрестил этот процесс «первоначальным социалистическим накоплением» в интересах советской власти, по аналогии с ненавистным Марксу «первоначальным капиталистическим накоплением». Н. И. Бухарин, ведущий теоретик партии и во многом наследник Ленина в приверженности к умеренной крестьянской политике, предостерегал, что это первоначальное социалистическое накопление создаст угрозу для смычки, приведет к массовому недовольству крестьян и их уходу с рынка, как произошло во время Гражданской войны. Бухарин опасался, что, если пренебречь интересами крестьянства, под угрозой окажется сама стабильность государства³¹.

Экономические дилеммы отеснялись на второй план внеэкономическими факторами, во многом влиявшими на них. Как и раньше, баланс между двумя подходами определяла война или угроза войны, и именно вопросы политики и власти оказывали воздействие на принятие решений и выработку политического курса. В кон-

це 1920-х гг. тяжелейший кризис НЭПа затмил блестящие теоретические построения Преображенского и Бухарина. В 1927 г. страну охватила «военная тревога», страх перед вооруженной интервенцией; власти взяли курс на установление режима чрезвычайного положения³². Государство стало напоминать осажденную крепость, находящуюся в состоянии гражданской войны и конфронтации со всем остальным миром. Сформировавшаяся в результате ментальность стала первым из многих слагаемых политической культуры сталинизма. Перед лицом военной угрозы форсированная индустриализация оказывалась жизненно необходимой для обеспечения безопасности страны.

Несмотря на хороший урожай, в 1927 г. объемы торговли зерном резко упали по целому ряду причин. Частично дело было в том, что крестьяне реагировали на угрозу войны точно так же, как и городские жители: они начинали делать запасы. Однако накопительство составляло только часть гораздо более фундаментальной проблемы. За 1920-е гг. уровень потребления среди крестьян вырос – они предпочитали больше есть и меньше продавать. Пожалуй, впервые за всю свою историю они могли себе это позволить, к тому же налогов с них брали меньше, чем до революции, а продажа хлеба давала слишком маленький доход. К 1927 г. «товарный голод» уничтожил большую часть мотивов для вывоза хлеба на рынок. Вдобавок после семи лет обильных урожаев и после кризиса, вызванного «ножницами цен», партия в 1926 г. снизила цены на хлеб, желая подстегнуть развитие промышленности, и таким образом лишила крестьян еще одного стимула продавать его. Результатом стал катастрофический дефицит государственных хлебозаготовок.

В городах цены на продовольствие резко взлетели вверх, повсюду образовались очереди, снова были введены продовольственные карточки. Воспоминания о голоде, царившем в городе во время Гражданской войны, не давали людям покоя. Угроза войны привела к распространению паники. Сталинская группировка в партии расценила действия крестьян как «кулацкую хлебную забастовку», сознательный и намеренный саботаж индустриализации и, следовательно, подрыв обороноспособности страны. Большинство западных исследователей убеждены, что возникшие трудности с хлебозаготовками могли быть разрешены просто административным повышением цен на хлеб³³. Однако к тому времени проблема во многом перестала быть экономической. Кризис хлебозаготовок, обостряемый взрывоопасной «военной тревогой», спровоцировал появление настроений в духе Гражданской войны среди рядовых городских коммунистов и многих фабричных рабочих, приверженных к радикальным, максималистским решениям. Хотя помимо этого существовала масса других проб-

лем, угроз и врагов, главной проблемой и препятствием для стремительного и тотального «великого перелома» в глазах партии стало крестьянство.

В 1928 г. партия приняла ряд, по ее уклончивому выражению, «чрезвычайных мер» в области хлебозаготовок. Тысячи коммунистов и фабричных рабочих из городов повалили в деревни, забирая там хлеб и отстраняя от дел местное начальство, которое к тому времени если и не выступало за НЭП, то, по крайней мере, привыкло к нему. Они закрывали рынки, ставили посты на дорогах, чтобы задерживать частных торговцев, и повсеместно применяли статью 107 Уголовного кодекса, направленную против спекуляции и сокрытия хлебных излишков. Понятия «спекуляция» и «сокрытие излишков» интерпретировались в широчайшем смысле, хлебозаготовительные отряды забирали зачастую все до последнего зернышка. Для крестьян чрезвычайные меры представляли собой возврат к принудительной продразверстке времен Гражданской войны. Репрессии и насилие стали повседневными картинами сельской жизни, когда кампания хлебозаготовок поколебала установленное благодаря НЭПу шаткое перемирие с крестьянством. Сталин выступил в роли главного поборника чрезвычайных мер во время своей поездки в Сибирь в начале 1928 г., где он набросился на местных коммунистов, которые, по его словам, не были по-настоящему обеспокоены голодом, угрожавшим городу и Красной армии, и боялись применять статью 107³⁴. Новую жесткую линию приняла в штыки зарождавшаяся правая оппозиция во главе с Бухариным и Рыковым. Они доказывали, что чрезвычайные меры ведут к развалу смычки и угрожают самому существованию советской власти. Сталин, казалось, пошел на временный компромисс с правыми, отказавшись от чрезвычайных мер после апрельского пленума 1928 г., однако вернулся к ним в начале 1929 г., когда поток поставок хлеба из деревни снова прервался.

Хотя правая оппозиция яростно протестовала против возможной потери поддержки крестьянства в смычке, Сталин продолжал настаивать на том, что первостепенную роль в ней играет именно рабочий класс³⁵. Еще в 1926 г. на собрании коммунистов Ленинграда он заявил: «Мы защищаем не всякий союз рабочего класса и крестьянства. Мы стоим за такой союз, где руководящая роль принадлежит рабочему классу»³⁶. Для Сталина *размычка* (распад смычки) означала прежде всего срыв поставок зерна в город. Нарушение продовольственного снабжения и экспорта зерна грозило провалом индустриализации и утратой поддержки партии рабочим классом, что нанесло бы опасный удар по обороноспособности страны³⁷. Растущие цены на хлеб легли бы тяжким бременем на рабочий класс и привели бы

к смычке с богатыми и *размычке* с бедными рабочими и крестьянами³⁸. Сталин определил цели смычки как «усиление позиций рабочего класса», «обеспечение руководящей роли рабочего класса внутри этого союза» и «уничтожение классов и классового общества»³⁹. В другой раз он заявил, что цель смычки – «сблизить крестьянство с рабочим классом», переделать крестьянство и его психологию и «подготовить, таким образом, условия для разрушения классов»⁴⁰. В одной из последующих речей он доказывал, что смычка полезна, только если она направлена против капиталистических элементов и используется как средство усиления диктатуры пролетариата⁴¹. Для Сталина крестьянство играло роль союзника лишь постольку, поскольку служило интересам диктатуры пролетариата. Когда страна в середине 1920-х гг. начала испытывать острую нехватку хлеба, он пришел к выводу, что крестьянство перестало быть подходящим партнером по смычке и пора окончательно разрешить проклятый крестьянский вопрос.

Начиная с 1927 г. Сталин стал все чаще говорить о том, что единственное решение проблемы хлебозаготовок – создание колхозов. По его мнению, крестьянство было обязано платить дань для нужд индустриализации и снабжения продовольствием города и армии, а колхозы – лучший способ сбора этой дани в максимальном объеме. Дань, однако, следовало взимать не только с кулаков. На пленуме ЦК в апреле 1929 г., когда Сталин излагал свое представление об этом, голос из зала прервал его замечанием, что середняков трогать не надо. Сталин резко ответил: «Не думаете ли вы, что середняк ближе к партии, чем рабочий класс? Ну и марксист вы липовый»⁴². Сталинский марксизм обращал город против деревни, рабочих против крестьян.

Тем не менее, когда речь шла о крестьянстве, Сталин продолжал пользоваться марксистско-ленинским классовым языком. Например, он говорил о росте слоя кулаков, обострении классовой борьбы в деревне, о разделении крестьянства на бедняков, середняков и кулаков. С официальной точки зрения, именно кулак «вел подрывную деятельность» и занимался «тайными происками» против советской экономической политики. Сталин неизменно настаивал на том, что было бы «ошибкой» думать, будто смычка может существовать в любой форме. Он поддерживал только ту смычку, «которая обеспечивает победу социализма». Связывая НЭП со смычкой, он говорил: «И если мы придерживаемся нэп, то потому, что она служит делу социализма. А когда она перестанет служить делу социализма, мы ее отбросим к черту. Ленин говорил, что нэп введена всерьез и надолго. Но он никогда не говорил, что нэп введена навсегда»⁴³.

Сталин отвергал мысль, что деревня следует за городом в социализм «самотеком». «Социалистический город, – утверждал он, –

может вести за собой мелкокрестьянскую деревню не иначе, как... преобразуя деревню на новый, социалистический лад»⁴⁴. Согласно Сталину, это преобразование следовало осуществлять путем *насаждения* колхозов и совхозов в деревне. Позже он будет говорить о том, как большевики «повернули середняка на путь социализма»⁴⁵. Однако, хотя кулакам (подлежащим «ликвидации») не разрешалось вступать в колхозы, социально-политические противоречия там должны были остаться, включая индивидуализм и «кулацкие пережитки». Предполагалось, что «элементы классовой борьбы»⁴⁶ будут существовать в колхозах *даже в отсутствие кулаков*.

Хотя Сталин и утверждал, что предан марксистско-ленинским понятиям класса и классовой борьбы в деревне, он явно считал основными противниками в этой борьбе рабочих и крестьян, город и деревню. Как и Ленин, он полагал, что статус кулака определяется политическим поведением и ликвидация классов завершится полностью, только когда крестьянство прекратит свое существование. В представлении обоих лидеров смычка должна была обеспечить окончательное уничтожение классов. Однако теоретический подход Сталина, в сравнении с ленинским, меньше страдал софистикой и двусмысленностью. Наиболее четко официальные и тайные «протоколы» партии сходились воедино в рукописях и речах Сталина. В известной степени Сталин был ближе к реальности, чем Ленин и другие партийные лидеры. Там, где они приходили в затруднение, он полностью преуспел, сблизив понятия культуры и класса. Ему это удалось, поскольку он рассматривал крестьянство как единую сущность, как *класс*, неделимый на марксистские социальные категории. Сталин распространил ленинскую теорию колеблющегося середняка на все крестьянство, определяя его в целом просто как мелкого производителя. Подобный подход допускал, что крестьянство могло вступить в политический союз как с революцией и диктатурой пролетариата, так и с контрреволюцией и кулаком. Во время коллективизации крестьянство продемонстрирует единство интересов и целей в своем сопротивлении, которое послужит веским подтверждением необходимости сталинской революции на селе, поскольку позволит государству сконструировать определенный социальный облик крестьянства, по сути «окулачить» деревню, связывая любую оппозицию с кулацким социально-экономическим статусом. Для Сталина культура стала классом, а следовательно – и главным врагом. Его не испугают и неоднократные предостережения Ленина. Он вступит в войну против крестьянства, держа в памяти только ленинские слова о «последнем и решительном бое», «первобытной мужицкой темноте», «пиявках», «вампирах» и «беспощадной борьбе против кулаков».

Великий перелом

7 ноября 1929 г., в двенадцатую годовщину Великой Октябрьской социалистической революции, Сталин в статье «Год великого перелома» объявил, что середняки начали в массовом порядке вступать в колхозы⁴⁷. К тому моменту коллективизация резко ускорилась, значительно превысив те умеренные темпы, которые были запланированы для обобществления сельского хозяйства в декабре 1927 г. XV съездом партии, впервые поставившим коллективизацию во главу повестки дня⁴⁸. На XVI съезде партии в апреле 1929 г. ЦК принял план для сельского хозяйства на первую пятилетку, предполагавший, что за 1932–1933 гг. коллективизация охватит 9,6 % крестьян, а за 1933–1934 гг. – 13,6 % (примерно 3,7 млн дворов). Эти цифры были пересмотрены в сторону увеличения в конце 1929 г., когда Госплан впервые призвал к коллективизации 2,5 млн крестьянских дворов за 1929–1930 гг., а затем Колхозцентр с последующим подтверждением Совнаркома постановил, что к концу 1929 – началу 1930 г. в колхозы должны быть включены 3,1 млн крестьянских дворов⁴⁹.

На практике к 1 июня 1928 г. в колхозы вступили 1,7 % крестьянских хозяйств, а только за период с 1 июня по 1 октября 1929 г. это число увеличилось с 3,9 % до 7,5 %. Рост был особенно заметен в регионах – лидерах по производству зерна. Нижняя Волга и Северный Кавказ превзошли всех: к октябрю доля хозяйств, вступивших там в колхозы, достигла соответственно 18,1 % и 19,1 %⁵⁰. Именно высокие темпы коллективизации в отдельных регионах и лежали в основе слов Сталина о середняках, пошедших в колхозы; при этом он утверждал, что *большинство* крестьян *готовы* к коллективизации. На деле же в колхозы в основном вступали бедняки. И хотя «снизу», очевидно, наблюдался некоторый подлинный энтузиазм, при проведении кампаний на местах уже начали прибегать к силовым мерам в погоне за высокими показателями⁵¹.

Даже на этом этапе коллективизация в значительной степени насаждалась «сверху». Ее несли в деревню направляемые местными обкомами, с официального или неформального одобрения Москвы, районные должностные лица, городские коммунисты и рабочие. Продотряды, раньше охваченные стремлением собрать как можно больше хлеба, были полностью переброшены на проведение коллективизации⁵². В городах усилились антикрестьянские настроения, вызванные дефицитом хлеба, все новыми новостями о «кулацком саботаже» и уже давно тлеющей взаимной неприязнью города и села. Они охватывали прежде всего рядовых партийцев и заводских рабочих и находили все новых сторонников среди городского населения⁵³. Поддержка со стороны государства, инициатива на местах

и неконтролируемые действия чиновников нижнего звена слились в одну равнодействующую силу, обеспечившую коллективизации постоянно ускоряющийся темп. «Успех» кампаний в регионах придал Москве необходимый импульс, позволив еще больше ускорить коллективизацию, что привело к постоянному и ожесточенному состязанию между центром и периферией за лучшие результаты. Реальные достижения опережали запланированные, планы постоянно переписывались, дабы отразить темпы коллективизации и поднять планку еще выше.

Пленум ЦК в ноябре 1929 г. официально санкционировал сплошную коллективизацию, поручив разработку конкретных мер комиссии Политбюро, которая должна была собраться через месяц. В атмосфере всеобщего консенсуса и одобрения Пленум принял решение продвигаться вперед ускоренными темпами. Хотя некоторые влиятельные члены партии высказали свои опасения по поводу использования силы и недостаточной подготовленности к летне-осенней кампании (в особенности С. И. Сырцов, первый секретарь Сибирского крайкома ВКП(б), вдова Ленина Н. К. Крупская, которая говорила о потере «уверенности» в деревне, и делегаты с Украины С. В. Косиор и Г. И. Петровский), большинство секретарей крайкомов и обкомов горячо поддержали эту политику, заявили, что проблемы не столь серьезны, и пообещали провести коллективизацию за год-полтора. Г. Н. Каминский, глава Колхозцентра, и В. М. Молотов, правая рука Сталина, вместе с множеством сторонников неоднократно толкали делегатов пленума на крайности, призывая завершить коллективизацию к весне 1930 г. На призывы уделить больше внимания подготовке и планированию Сталин ответил: «Вы думаете, что все можно предварительно организовать?» Разговоры о «трудностях» он заклеймил как «оппортунизм»⁵⁴.

Пока коллективизация набирала обороты, нарком земледелия И. А. Яковлев подключил декабрьскую комиссию Политбюро и ее восемь подкомитетов к подготовке планов по созданию колхозов и разработке колхозного законодательства. Комиссия призвала завершить коллективизацию в главных житницах страны через год-два, в остальных зерновых областях через два-три года, а в местностях с наибольшим дефицитом зерна – через три-четыре. Было решено взять за основу артель – промежуточную форму коллективного хозяйства, где обобществлялись земля, труд, тягловый скот и основной инвентарь, и сохранить частную собственность на принадлежащий семьям домашний скот, выращиваемый для собственных нужд. Любое расширение масштабов обобществления имущества крестьян, выходящее за рамки артели, должно было зависеть от их конкретно-опыта и «роста в них убеждения в прочности, выгоды и пре-

имуществе» колхоза. Средства производства, принадлежавшие кулакам, следовало экспроприировать (и затем передавать колхозам), а самих кулаков переселять или ссылать. Подкомитет по раскулачиванию докладывал, что «безнадежно пытаться разрешить кулацкую проблему выселением всей массы кулацкого населения в отдаленные края». Вместо этого к «ликвидации кулака как класса» рекомендовался разносторонний подход. Самых опасных кулаков надлежало арестовывать или отправлять в ссылку. Менее опасными считались кулаки второй категории, также подлежащие ссылке, и третьей, которым предстояло работать на колхоз, будучи лишенными всяких прав, пока они не докажут, что «достойны» вступить в него. Под конец комиссия предостерегла от любых попыток тормозить коллективизацию или проводить ее «на бумаге»⁵⁵.

Комиссия Политбюро опубликовала 5 января 1930 г. ряд постановлений, предписывавших завершить коллективизацию еще быстрее: на Нижней и Средней Волге и Северном Кавказе к осени 1930 г. или самое позднее к весне 1931 г., во всех остальных зерновых регионах – к концу 1931 г. либо не позднее весны 1932 г. Об остальных областях ничего не говорилось. В постановлении также подчеркивалось, что артель будет основной формой колхоза, но не содержалось никаких подробностей о работе комиссии. Сталин ранее лично вмешался в этот вопрос, приказав убрать «детали» касательно артели, которые, по его мнению, следовало оставить в ведении Наркомата земледелия. Как он уже отмечал 27 декабря 1929 г. на конференции аграрников-марксистов, кулака необходимо было «ликвидировать как класс» и закрыть ему доступ в колхоз. Представляется, что инициатива по ужесточению требований к проведению коллективизации и пересмотру результатов работы комиссии в декабре принадлежала именно Сталину и некоторым радикально настроенным высокопоставленным членам партии. Их вмешательство привело к путанице в законах и почти полному игнорированию предостережений о том, что выбранный партией курс провоцирует насилие⁵⁶. Судя по всему, Сталин и его группа все еще верили в минимальное планирование, в «революционную инициативу» масс (по сути, рядовых членов партии), которые сами должны были завершить коллективизацию. К моменту публикации постановлений показатели коллективизации в СССР подскочили с 7,5 % в октябре 1929 г. до 18,1 % в начале января 1930 г., а в регионах, лидирующих по производству зерна, были еще выше (на Нижней Волге – 56–70 %, на Средней Волге – 41,7 %, на Северном Кавказе – 48,1 %). В течение января 1930 г. действительность продолжала опережать план. К 1 февраля 31,7 % всех дворов в СССР числились в составе колхозов, а в некоторых областях даже больше: в Московской – 37,1 %, в Централь-

Черноземной – 51 %, на Урале – 52,1 %, на Средней Волге – 51,8 %, на Нижней Волге – 61,1 %, на Северном Кавказе – 62,7 %⁵⁷.

Ликвидация кулака как класса (раскулачивание) шла по всей стране. Этому способствовал выпуск обкомами партии новых директив, опережавших московские и часто противоречивших им. Возглавляемая Молотовым комиссия Политбюро с 15 по 26 января 1930 г. пыталась привести в порядок законодательство по раскулачиванию. Как и в случае коллективизации, темпы раскулачивания к тому моменту намного превзошли первоначальные планы декабрьской комиссии Политбюро, а его методы сводились к насилию и грабежам. Комиссии Молотова пришлось реагировать на ускорение темпов кампании, попытаться взять ее под контроль центра, дабы избежать тотальной анархии и в то же время сохранить самый мощный импульс коллективизации⁵⁸. Следуя рекомендациям декабрьской комиссии, было решено разделить кулаков на три категории. 60 тыс. глав хозяйств, отнесенных к первой, самой опасной категории, ожидали смертная казнь или заключение в концентрационные лагеря, а их семьи – экспроприация всего имущества, кроме самого необходимого, и ссылка в отдаленные районы страны. Еще 150 тыс. семей, представлявших, как считалось, меньшую угрозу, также подлежали ссылке с конфискацией имущества. Местом поселения для них назначались в основном Север (70 тыс. семей), Сибирь (50 тыс.), Урал (20–25 тыс.) и Казахстан (также 20–25 тыс.). Более полумиллиона семей из третьей категории должны были быть подвергнуты частичной конфискации имущества и переселены из родных мест. Понятие «кулак» толковалось достаточно широко и включало не только кулаков (сам по себе термин весьма двусмысленный) но и, говоря языком того времени, «белогвардейцев», бывших белых офицеров, бывших бандитов, возвратившихся на родину крестьян, активных членов церковных приходов и сект, священнослужителей и всех, кто «проявляет контрреволюционную активность». Общее число раскулаченных не должно было превысить 3–5 % населения. ОГПУ (Объединенное государственное политическое управление, или политическая полиция) получило разрешение на проведение арестов и депортаций. Около 50 % следовало раскулачить к 15 апреля, а весь процесс завершить через четыре месяца. Районным и сельским советам, беднякам и колхозникам поручалось составить списки кулаков и проводить экспроприацию. В конце января – начале февраля в директивы комиссии были включены указания избегать «подмены работы по коллективизации голым раскулачиванием» и не раскулачивать крестьян, среди родственников которых есть рабочие или солдаты⁵⁹.

Коллективизация и раскулачивание уже давно вышли из-под контроля центра. Наделенные неограниченными полномочиями бри-

гады коллективизаторов разъезжали по деревням с оружием в руках и под угрозой раскулачивания принуждали крестьян ставить подписи под заявлениями о вступлении в колхоз. При этом они не гнушались угрозами, побоями и даже пытками. На протяжении февраля темпы коллективизации продолжали расти, и к 1 марта она достигла 57,2 %. В некоторых областях ее масштабы просто потрясали: в Московской – 74,2 %, в Центрально-Черноземной – 83,3 %, на Урале – 75,6 %, на Средней Волге – 60,3 %, на Нижней Волге – 70,1 %, на Северном Кавказе – 79,4 %⁶⁰. За высокими показателями скрывался тот факт, что большинство колхозов того времени были «бумажными» в результате «замены социалистического соревнования спортивным азартом», который охватил областные и районные партийные организации, заставляя их «гнаться за процентом». Коллективизация зачастую сводилась лишь к составлению устава колхоза, назначению его председателя, обобществлению имущества (которое могло оставаться у владельца вплоть до предоставления колхозу необходимой земли) и террору.

Раскулачивание представляло собой отнюдь не фикцию. Хотя крестьян, получивших ярлык «кулака», первое время и не отправляли в ссылку, их активно выселяли из домов или вынуждали обменяться домами с бедняками, отбирали у них имущество (в том числе зачастую и предметы домашнего обихода, утварь, одежду), выставляли их на посмешище и позор перед всей деревней, как было в Псковском районе в «неделю сундука»⁶¹. Иногда раскулачивание проводилось «конспиративно»: глухой ночью бригады по коллективизации стучали в окна, вынуждая полуодетых жителей выбегать на улицу⁶². Часто у них отбирали все до нитки, включая детское нижнее белье и женские серьги. Так, в Сосновском районе Козловского округа Центрально-Черноземной области окружной начальник приказал своим работникам «раскулачивать так, чтобы оставить в одних штанах»⁶³.

По словам самих крестьян, в деревне разразилась настоящая Варфоломеевская ночь⁶⁴. На ужесточение репрессий крестьяне ответили волной насилия, вызвавшей новые репрессии. С каждым витком этой, похожей, бесконечной спирали все больший размах приобретали аресты, грабежи, избиения и все сильнее разгоралась народная ненависть. Однако эта спираль внезапно оборвалась 2 марта 1930 г., когда Сталин опубликовал статью «Головокружение от успехов», осуждавшую «перегибы на местах» и неправильную трактовку генеральной линии партии⁶⁵. Воспользовавшись этим, крестьяне по всей стране стали повально выходить из колхозов: если в марте в них состояло 57,2 % дворов, то в апреле – 38,6 %, в мае – 28 %, а в сентябре уже 21,5 %. С 1 марта по 1 мая в Московской области показатели коллек-

тивизации упали с 74,2 % до 7,5 %; в Центрально-Черноземной – с 83,3 % до 18,2 %; на Урале – с 75,6 % до 31,9%; на Нижней Волге – с 75,6 % до 41,4 %; на Средней Волге – с 60,3 % до 30,1 %; на Северном Кавказе – с 79,4 % до 63,2 %⁶⁶.

После перерыва коллективизация продолжилась почти столь же высокими темпами. В областях, лидирующих по производству зерна, сплошная коллективизация завершилась к концу первой пятилетки в 1932 г.; прочие регионы шли к этой цели дольше, достигнув ее в конце 1930-х гг. В то же время более миллиона крестьянских семей (возможно, от 5 до 6 млн чел.) в годы сплошной коллективизации подверглись той или иной форме раскулачивания. 381 026 семей (примерно 1 803 392 чел.) были высланы в другие края в 1930–1931 гг.⁶⁷ Ссылки, возможно, – один из самых страшных эпизодов того ужасного времени. Подготовка к депортации – организация жилья, транспорта, снабжение одеждой, продуктами питания и медикаментами, – судя по всему, проводилась *одновременно* с самой депортацией. Результаты получились катастрофические. В спецпоселениях свирепствовали эпидемии, косившие в первую очередь детей и стариков. По данным на июль 1931 г., только в Северном крае в мае 1931 г. погибло более 20 тыс. чел.⁶⁸ Согласно статистике, собранной В. М. Земсковым, 281 367 спецпоселенцев нашли свою смерть в местах ссылки в период с 1932 по 1934 г.⁶⁹ «Кулак» должен был исчезнуть навсегда, а оставшиеся крестьяне – стать подчиненным населением.

Сталинская метафизика

Коллективизация превратила деревню во внутреннюю колонию, с которой можно было взимать дань в виде хлеба, налогов, рабочей силы и солдат для нужд индустриализации, модернизации и обороны страны. Советская крестьянская колония, как и большинство колоний, имела свою «внутреннюю культуру», которая служила средством идентичности, независимости и сопротивления и, тем самым, помехой абсолютной колонизации. Коллективизация являлась не только нападением на эту культуру, но и борьбой за ресурсы. Борьба культур началась с борьбы между городом и деревней и развилась в попытку создания новой *советской* культуры на селе. Партия ставила себе целью устранить различия между городом и деревней, рабочим и крестьянином и, по сути, уничтожить крестьянскую культуру. Эта оккупационная война нашла отражение в дискурсе коллективизации и сталинской культурной революции.

Культурная пропасть между городом и деревней – явление, которому способствовали обе враждующие стороны. Веками деревня

служила источником ресурсов; до первой половины XIX в. отношения государства с крестьянством в основном ограничивались сбором налогов и отправкой рекрутов в армию. Часто цитируемое высказывание дореволюционного российского историка В. О. Ключевского о том, что «государство пухло, а народ хирел», было близко большинству крестьян и укоренилось в их политическом и историческом сознании; не изменила его и революция 1917 г. Напротив, Гражданская война еще больше расширила разрыв между культурами. Жестокие разрушения и варварское разграбление, производившиеся как Красной, так и Белой армией, и разрыв связей между городом и деревней углубили культурный раскол и экономический упадок села⁷⁰.

Перемирие в виде НЭПа ненадолго ослабило враждебность крестьянства. Большую часть 1920-х гг. город дистанцировался от деревни, ограничив свое вмешательство в сельскую жизнь сбором налогов, участием в выборах и периодическими слабыми попытками землеустройства. Крестьяне с подозрением относились к городу, а некоторые видели в нем главного врага. Этнограф, посетивший Новгородскую область в середине 1920-х гг., вспоминал, что первой реакцией крестьян на приезд его исследовательской группы был страх: они решили, что приехали сборщики налогов. Ученые вызвали такие сильные подозрения, что, когда начали делать зарисовки деревни, поползли слухи, будто «ходят иностранные шпионы, планчики зарисовывают». Пока группа ездил от деревни к деревне, местные следили за каждым ее шагом⁷¹. Многие крестьяне считали настоящим эксплуататором не кулака, а город. Как отмечал ученый, исследовавший Московскую область, он часто слышал жалобы крестьян, что те живут хуже рабочих, хотя больше работают, платят больше налогов и несправедливо страдают от «ножниц цен»⁷². Схожие мнения неоднократно появлялись на страницах «Крестьянской газеты», когда жителям деревни предложили послать письма на всесоюзный съезд крестьян в честь десятой годовщины революции⁷³. Во время «военной тревоги» 1927 г. наблюдатели отмечали широкое распространение в деревне «антигородских» настроений. Звучали слова: «Мы согласны поддержать Советскую власть, если она установит одинаковые права для рабочих и крестьян»; «Мы, крестьяне, воевать не пойдем, пусть рабочие воюют»⁷⁴. С введением в конце 1920-х гг. «чрезвычайщины», в том числе продразверстки, крестьянский гнев придал этим голосам новую силу: повсюду на селе раздавались призывы сбросить коммунистов, избавиться от московских рабочих, а также восклицания, что «крестьяне плохо живут только потому, что на их шее сидят рабочие и служащие», которые отбирают у них все до последнего⁷⁵. С началом коллективизации в глазах крестьян город

и партия стали пособниками Антихриста, и это окончательно закрепило раскол культур⁷⁶.

Жители города не говорили так открыто, предпочитая маскировать свои истинные чувства классовыми штампами и покровительственным тоном. Однако бывали и исключения. В 1922 г. Максим Горький, впоследствии любимый литературный питомец революции и Сталина, облек взаимные предубеждения города и деревни в прямые и сильные выражения, свободные от софистики и апологетики. Горький рассматривал драматические события революции и ее последствия в свете конфликта города и деревни. Город представлял собой просвещение и прогресс, а деревня – «темное невежество», дикость, имевшую «ядовитое свойство опустошать человека, высасывать его желания»⁷⁷. По мнению писателя, крестьянство было паразитом, способным и желавшим взять город в заложники. Во время Гражданской войны «деревня хорошо поняла зависимость города от нее, до этого момента она чувствовала только свою зависимость от города»⁷⁸. В результате «в 1919 году милейший деревенский житель спокойно разул, раздел и вообще обобрал горожанина, выменивая у него на хлеб и картофель все, что нужно и не нужно в деревне»⁷⁹. Горький считал, что деревня победно злорадствовала: «Мужик теперь понял: в чьей руке хлеб, в той и власть, и сила»⁸⁰. Резюмируя свое отношение к крестьянству, Горький связывает его с жестокостью революции (точно так же, как следующее поколение возложит на крестьянство вину за зверства сталинизма): «Жестокость форм революции я объясняю исключительной жестокостью русского народа... Тех, кто взял на себя каторжную, геркулесову работу очистки авгиевых конюшен русской жизни, я не могу считать “мучителями народа”, – с моей точки зрения, они – скорее жертвы. Я говорю это, исходя из крепко сложившегося убеждения, что вся русская интеллигенция, мужественно пытавшаяся поднять на ноги тяжелый русский народ, лениво, нерадиво и бесталанно лежавший на своей земле, – вся интеллигенция является жертвой истории прозябания народа, который ухитрился жить изумительно нищенски на земле, сказочно богатой. Русский крестьянин, здравый смысл которого ныне пробужден революцией, мог бы сказать о своей интеллигенции: глупа, как солнце, работает так же бескорыстно»⁸¹.

Горький показывает враждебность крестьянства к городу, снимает всю ответственность и вину за революцию с интеллигенции и возлагает ее на крестьянство. Его позицию разделяли многие члены партии и городские жители, также считавшие, что крестьянство виновато во всем, что возмущало город: в отсталости России, в том, что не сбылась мечта компартии и всей радикальной интеллигенции о светлом будущем. Именно такие воззрения сформировали образ мыслей ком-

мунистов, позволивший партии объявить войну деревне и отказать крестьянам в своем милосердии.

Мало кто говорил об истинной природе конфликта между городом и деревней так откровенно, как Горький. Хотя он стал вполне очевиден, как только началась коллективизация, классовая и патерналистская лексика – даже при сталинском отождествлении класса с культурой – скрывали реальность. Сущность конфликта лежала в глубоко укоренившихся предрассудках и стереотипах в отношении крестьянства, которые в совокупности во многом и определили исход коллективизации.

Для многих горожан и представителей интеллигенции крестьянство было чем-то абстрактным. Задолго до революции в их сознании сложился стереотипный образ крестьянина, с которым они связывали свои чаяния или опасения. После 1917 г. эту традицию продолжили коммунисты, присовокупив к ней свою идеологию. Однако Гражданская война выжгла из образа крестьянства все позитивные и идеалистические черты, столь ценившиеся народническими теоретиками XIX в.⁸² Крестьянство приобрело статус «чужого», стало классовым врагом, стоящим на пути города, рабочего класса, социализма и современности. Враждебность к крестьянству глубоко укоренилась в массовой культуре, насаждавшейся партией. В период подготовки к коллективизации и особенно с ее началом к крестьянину стали относиться как к недочеловеку, чей статус оправдывал зверства, чинившиеся в деревне.

Этот процесс начался с инфантилизации крестьянина – пережитка прошлых веков, послужившего основой для коммунистической реконструкции его облика. И до, и после революции крестьян называли мужиками и бабами. Если так обращались друг к другу сами жители деревни, это говорило о непринужденной атмосфере и дружеском отношении к собеседнику, однако в устах чужаков эти термины приобретали уничижительный, оскорбительный оттенок. «Мужики» и «бабы» чаще всего были темными, некультурными, безграмотными простолюдинами; реже (после 1917 г.) их считали наивными и по-детски простодушными. В любом случае инфантилизация лишала их самостоятельности и ответственности. Они представляли интерес как объект цивилизаторской деятельности города, занимавшего позицию лидера. Именно это имел в виду Сталин, когда говорил, что колхозы должны «насаждаться» на селе передовыми силами города и партии⁸³. Кроме того, «мужики» и «бабы» не принадлежали ни к какому классу. Лишенные политической сущности, они не обладали достаточным сознанием, чтобы образовать классы в соответствии с коммунистическими понятиями, оставаясь в «аклассовом» или «доклассовом» состоянии. По мере коллективизации

эти термины приобрели эластичность – понятие «мужики» сужалось, понятие «бабы» расширялось. Партия стремилась возложить на крестьян-мужчин ответственность за организацию политической оппозиции: «мужики» часто превращались в «кулаков». В то же время «бабы» так будоражили село, что в интересах партии было лишить бабы бунты политического и классового подтекста, иначе она столкнулась бы с необходимостью открыто признать, что не только кулаки, но и все крестьянство поднялось на борьбу, к тому же под руководством женщин⁸⁴. Наконец, «мужики» и «бабы» служили воплощением русской отсталости – врага советской власти. Первое время эта ассоциация только делала крестьянство объектом миссионерского империализма города. После внедрения системы колхозов крестьянская «отсталость», если она проявлялась в случайном повреждении техники или другой небрежности по отношению к колхозной собственности, стала считаться *контрреволюционной*. В понимании коммунистов это означало попытку свержения революции, за что крестьянин мог быть оштрафован, сослан или брошен в тюрьму⁸⁵.

Марксистско-ленинские (а позже сталинские) классовые категории легко сочетались с представлением об инфантильности, «незрелости» крестьянства, сохраняя – а может быть, приобретая – эластичность в качестве политических определений. В 1920-е гг. складывались классовые стереотипы в сознании городских коммунистов, в особенности не знавших деревенской жизни или относящихся к ней с презрением. Свой отпечаток на эти стереотипы наложили и ожесточение Гражданской войны, и постоянно тиражировавшиеся ленинские теоретические выкладки. Бедняк был союзником рабочего класса, его партнером по диктатуре. Средняк же «колебался», то становясь на сторону революции, то склоняясь к контрреволюционной активности. Кулак представлял собой «жадного, обожравшегося, зверского» классового врага⁸⁶. В романе «Бруски» советский писатель Панферов описал стереотипное мышление партработника времен НЭПа, который приехал из города в деревню: «...И деревня всегда представлялась ему темным сгустком, причем этот сгусток делился на три части: бедняк, середняк, и кулак. Кулак – с большой головой, в лакированных сапогах; середняк – в поддевке и простых сапогах; бедняк – в лаптях»⁸⁷.

Советский диссидент генерал П. Г. Григоренко, вынужденный эмигрировать в США, вспоминал о сталинских временах: «До сих пор все было просто. Рабочий – идеал, носитель самой высокой морали. Кулак – зверь, злодей, уголовник»⁸⁸. Григоренко удачно передал махихейское мировоззрение, доминировавшее в коммунистической теории и позволявшее партии демонизировать и, следовательно, не

считать за людей отдельные социальные группы и целые классы, в которых она видела своих идейных врагов.

Хотя классовые стереотипы стали незыблемой догмой коммунистической теории, в действительности их трактовали весьма широко, особенно местные малообразованные руководители. Они использовали социальный детерминизм в обратном смысле. Классовые стереотипы переходили в разряд политических, а последние затем применялись к классам и социальным категориям. Если поведение бедняка или середняка выходило за рамки правил, установленных для его класса, он мог легко утратить свой статус. Уже в середине 1920-х гг. – как будто переключаясь с противоречием ленинских тезисов времен Гражданской войны – рабочие, приезжавшие в подшефную деревню, часто считали враждебность и оппозиционность ее жителей проявлением кулачества⁸⁹. Крестьяне, критиковавшие начальство – городское или местное, – становились «кулаками»⁹⁰. Во время коллективизации бедняки и середняки должны были либо вступить в колхоз, либо принять на себя клеймо кулака⁹¹.

Бедняков и середняков не всегда «окулачивали» за оппозиционность. В интересах государства иногда приходилось отойти от политических и социальных классовых стереотипов. Слишком масштабную оппозицию, слишком большие натяжки в официальной классовой теории нельзя было объяснить лишь деятельностью кулаков. Поэтому при необходимости власти вновь прибегали к инфантилизации крестьян (чаще всего крестьянок). Те якобы вели себя по-кулацки, присоединялись к кулацкой политике и принимали участие в антисоветских выступлениях просто по несознательности. Гнусный кулак легко мог одурачить темных, невежественных, истеричных и неразумных «баб». Таким образом, инфантилизация смогла оправдать социально-политические неудачи и несовершенство коммунистической доктрины, отказывая беднякам и середнякам в самостоятельности и ответственности.

Неспособность середняка вести себя политически корректно была заложена в самом определении этого слоя. Средняк мог поступать неправильно и не будучи кулаком. К счастью, Ленин предусмотрел выход, решивший проблему с этой категорией крестьян: они же колебались⁹². К. Я. Баумана, первого секретаря Московского обкома партии, обвиняли в том, что во время коллективизации он превратил теорию Ленина о колеблющемся середняке в абсолютную догму. По некоторым данным, после мартовского «отступления» 1930 г. московское областное руководство отказывалось признать свою ответственность за зверства коллективизации в области, так как, по его мнению, насилие было неизбежной мерой ввиду колеблющейся природы середняка⁹³. Сталин же считал, что эта тео-

рия размывает официальную идеологию и подрывает к ней доверие, поскольку служит для оправдания провалов политики партии и оппозиционного поведения крестьян в период временной приостановки коллективизации. Теория «колеблющегося середняка» преуменьшала опасность и вину кулака и подразумевала (совершенно правильно), что открыто бунтует большинство крестьян. Тем не менее она оставалась удобным объяснением возникновения очагов крестьянского сопротивления.

Партия также сумела найти еще одно объяснение протестам бедняков и середняков, создав абсолютно новую политическую категорию, не входившую в каноны марксизма. Она не была связана с бытием и социально-экономическими факторами, а относилась к области политического сознания. Крестьян, попавших под эту категорию, стали называть подкулачниками – наймитами кулаков, находившимися под их влиянием. Подкулачник мог быть родственником кулака, его бывшим работником, который остался верен старому хозяину, обманутым бедняком или середняком, незнакомым с идеалами коммунизма, или неизвестно по какой причине антисоветски настроенным крестьянином, не повинующимся социальному детерминизму⁹⁴. Категория подкулачника демонстрировала своего рода переселение души кулака. Такое переселение могло произойти и между живущими на данный момент крестьянами, и от одного поколения к другому: если крестьянин имел предка-кулака, то и его самого во время коллективизации могли назвать кулаком⁹⁵. Подкулачники вели «кулацкую» деятельность, побуждаемые своей «кулацкой сущностью». Ярлык подкулачника был весьма удобен для советской власти, поскольку позволял ей в случае необходимости возлагать на бедняков и середняков ответственность за кулацкие действия, признавая за ними частичную (поскольку они все-таки находились под влиянием кулака) самостоятельность, в которой им, как правило, отказывали. Создание категории подкулачников открыло для партии новый способ истолковать и замаскировать крестьянское сопротивление, в действительности объединявшее против государства всех крестьян как класс (в самом широком смысле). Перенеся сущность кулака на социально аморфную категорию подкулачника, партия способствовала дальнейшему развитию социальной метафизики сталинизма, которая рисовала мир разделенным на коммунистическую партию, авангард светлого будущего, и демонические силы зла, неустанно ведущие с ней борьбу.

В классификации крестьянства, выстроенной коммунистической партией, образ кулака – мнимого или настоящего – маячил повсеместно. Фигура кулака – один из самых искусно созданных классовых стереотипов в восприятии крестьянства: ее демонизация довела до

предела процесс обезчеловечивания облика крестьянства. Определение «кулака» было скользким и аморфным. Представление крестьян о кулаке в основном имело мало общего с благосостоянием или политикой; по их мнению, крестьянин становился кулаком, если нарушал правила моральной экономики деревни или идеалы коллективизма⁹⁶. Партия же пыталась определять кулака, по крайней мере официально, исходя из широкого набора экономических критериев, начиная с найма рабочей силы и владения различными сельскохозяйственными предприятиями и заканчивая накоплением нетрудового дохода⁹⁷. На деле статус кулака всегда зависел от мнения оценивающего, которому могло показаться, что тот или иной крестьянин слишком богат или настроен антисоветски, – а эти понятия допускали весьма произвольную и широкую трактовку. Согласно распространенному среди горожан стереотипу, кулак был мужчиной, обычно в теле (как типичный капиталист или империалист), чаще всего носил рубаху в горошек, добротные штаны, кожаные сапоги и жилетку⁹⁸. Он имел просторную избу с металлической крышей, всюю пользовался наемным трудом, жил в достатке и оказывал огромное влияние на деревенские дела. С другой стороны, он представлял собой отрицательную фигуру – эксплуататора, паразита, который манипулировал людьми. Во время коллективизации его часто уподобляли «зверю». Это был террорист, поджигатель. Он из-за угла стрелял по советским служащим из обрезка. Он распускал антисоветские слухи, часто действовал чужими руками – «отсталых» женщин и «несознательных» бедняков, неся смуту в новые колхозы⁹⁹. Он «проникал» в колхоз, чтобы разрушить его изнутри. Считалось, что кулак практически неисправим. Такой стереотипный образ кулака глубоко укоренился в массовой городской культуре.

Утвердившееся в массовом сознании представление о кулаке относилось скорее к сфере демонологии, а не классового анализа, поэтому довольно легко потерялась привязка к классу и кулак стал таковым «по природе»: даже после раскулачивания он не терял своей сущности. Если отбросить смысловые противоречия, такое постоянство признака, похожее на кастовое, означало, что социально-экономический статус кулака уже не имел значения. Крестьянин мог получить клеймо кулака на основании того, что кулаком был его предок – отец, дед, прадед¹⁰⁰. В таком случае его семья также признавалась кулацкой, ее имущество подвергалось конфискации, а ее саму зачастую могли отправить в ссылку в соответствии с планом ликвидации кулачества как класса. Даже те кулаки, кто вступили в колхозы на ранних этапах коллективизации, все равно оставались кулаками, несмотря на резкую смену своего социально-экономического статуса.

Такое искажение социального детерминизма означало, что кулаки по природе всегда опасны и враждебны. Как и в случае с бедняками и середняками, кулаку отказывали в свободе воли. Его действия не могли не быть контрреволюционными. Как таковой, он являлся не столько сведущим политическим оппонентом, сколько террористом или бандитом – термины, призванные низвести политическую активность до уровня криминальной деятельности. Кулаку было предназначено стать социальным злом. Смертоносное, демонизирующее сочетание ложного детерминизма и классовых стереотипов давало почти полную гарантию того, что кулак в глазах своих мучителей перестанет быть человеком и у них исчезнут любые сомнения в необходимости его ликвидации.

Самое трагичное заключалось в том, что кулаком мог оказаться любой крестьянин. Социальный детерминизм был обоюдоострым оружием. Хотя сознание кулака в узком смысле могло определяться бытием, для всех остальных крестьян именно сознание – враждебные настроенность или поведение по отношению к советской власти – определяло бытие. Один из современников отмечал: «Когда мы говорим “кулак”, мы имеем в виду носителя определенных политических тенденций, выразителем которых является чаще всего подкулачник или подкулачица»¹⁰¹. Кулак – «носитель» тенденций; бедняки и середняки – их выразители и исполнители. Здесь софистическая теория возвращается к своей исходной точке, и классовые определения становятся бессмысленными. Каждый крестьянин может быть кулаком; каждый крестьянин может быть врагом; все крестьяне могут быть «самыми зверскими, самыми грубыми, самыми дикими эксплуататорами», «пиявками» и «вампирами»¹⁰². Сталинская социальная метафизика совершила полный оборот и вернулась к ленинскому дискурсу времен Гражданской войны.

Массовое обезчеловечивание облика кулака, крестьянина позволило коллективизаторам, в основном горожанам, вести последний и решительный бой с врагом без всяких ограничений. Родившийся на Украине американский журналист Морис Хиндус удачно передал дух того времени в отрывке, где рассказывается о письме активистки, посвященном коллективизации: «В письме Нади не было ни слова по этому вопросу [о реакции крестьянства на коллективизацию]. Не было упоминаний о царивших среди крестьян смятении и панике, как будто имели место лишь случайные мелкие происшествия. Такой пылкий революционер, как она, не мог и не стал бы беспокоиться о потерях, которые несли люди. Не то чтобы она не заметила их, просто они не вызвали ее сочувствия. Похоже, она была обеспокоена растерянностью крестьянства не больше, чем хирург – болью пациента, над телом которого он занес свой скальпель. Ее разум и сердце

были устремлены к триумфу завтрашнего дня и не замечали горя, которое охватило крестьян сегодня. Она была слепа к страданиям, охваченная триумфом достижений»¹⁰³.

Столкновение не было бы таким жестоким, если бы кулака не превратили в зверя. Безусловно, были и другие факторы, способствовавшие углублению конфликта¹⁰⁴, но именно низведение врага до статуса недочеловека стало предпосылкой всех войн XX в. В романе «Поднятая целина» советский писатель Михаил Шолохов уловил сущность этого феномена, создав образ кровожадного коммуниста Нагульнова. Услышав слова местного партработника о сочувствии к кулакам, Нагульнов приходит в ярость: «– Гад! – выдохнул звенящим шепотом, стиснув кулаки. – Как служишь революции?! Жа-ле-е-ешь? Да я... тысячи станови заразы дедов, детишков, баб... да скажи мне, что надо их в распыл... для революции надо... я их из пулемета... всех порешу!!»¹⁰⁵

Один из реальных функционеров, член Московского окружкома партии, заявил, что в ответ на террор «мы будем высылать кулаков тысячами, и когда будет нужно – расстреливать это кулачье отродье»¹⁰⁶. Другой, отвечая на вопрос, что делать с кулаками, ответил: «Из кулаков сварим мыло». Селькор, которому крестьянин до этого нанес удар в горло ножом, утверждал: «Нашего классового врага надо стереть с лица земли»¹⁰⁷. Ссылки и конфискация имущества сотен тысяч незащитных крестьянских семей оправдывались революционной необходимостью. Процесс коллективизации явил подоплеку сталинского «официального протокола», оказавшегося только верхушкой айсберга коммунистической массовой культуры – предрассудков, подозрения и ненависти в отношении крестьянства.

Полон значимости был даже язык, которым говорили в то время о столкновении культур: он сигнализировал о противоречиях между официальными и тайными причинами социалистического преобразования деревни. Коллективизация должна была обеспечить «дань» с крестьянства, и это не имело ничего общего с социализмом или классовой борьбой, а могло быть понято только как налог, взимаемый с покоренного населения. Кулака надлежало «ликвидировать» – термин, который формально означал искоренение социально-экономических основ класса, однако во время Гражданской войны стал означать расстрелы¹⁰⁸. Такие понятия, как «чрезвычайные меры» и «добровольная коллективизация», были не чем иным, как эвфемизмами, скрывающими действительность. Точно так же зверства превращались в ошибки, отклонения или «перегибы», которые допускались коллективизаторами, охваченными «головокружением от успехов» (на деле – настоящими преступниками и варварами). Термин «перегиб» часто предвещало прилагательное «неправильный»,

делая явным, возможно непреднамеренно, официальное и неофициальное понимание задач коллективизации. Подвело черту под всем этим процессом, судя по всему, понятие «революционной законности». Основанная на искусно проработанной теории, революционная законность была не более чем тараном, направленным против непокорных крестьян. Варейкис, первый секретарь обкома Центрально-Черноземной области, резюмировал понятие словами: «Закон – это дело наживное»¹⁰⁹. Центрально-Черноземный обком выпустил директиву, в которой информировал местных руководителей, что «...было бы преступным бюрократизмом, если бы мы стали ожидать этих новых законов. Основной закон для каждого из нас – это политика нашей партии»¹¹⁰. Эвфемизмы, использовавшиеся в отношении коллективизации, искажали правду о столкновении государства с крестьянством, столь очевидную в рамках неофициального дискурса. Однако они не только скрывали факты, но и создавали легитимную основу для политики и действий коммунистической партии, а строители нового порядка получили систему убеждений, в которой так нуждались. Вряд ли мы когда-нибудь узнаем, что за смесь убеждений, цинизма и ненависти царил в умах партийных руководителей всех уровней, сражавшихся за сталинскую революцию.

В эпоху Сталина появился основанный на страхе и ненависти образ крестьянина, у которого отняли человеческий облик. Бессовестно искаженный социальный детерминизм и инфантилизация лишили крестьян самостоятельности: те не отвечали за свои действия и были обречены на роль вечных детей, просоветских автоматов – или же врагов. Идеология и городской массовый дискурс отказывали крестьянам в праве выбора и свободе воли, что позволило легко отобрать их и в реальности. Сталинистский взгляд на крестьянство был масштабной проекцией коллективной ненависти, ключевым звеном механизма обезчеловечивания врага¹¹¹. Крестьянина стали считать чужим в родной стране; его сделали причиной всего самого отвратительного для города и государства, виновником российской отсталости, голода и контрреволюции. Великий раскол сталинской революции был не классовым расколом в строго большевистском смысле, а культурным – не между рабочими и буржуями, а между городом и деревней. Раскол, безусловно, произошел еще до прихода к власти коммунистов, однако его еще больше усугубили порожденная Гражданской войной всепоглощающая ненависть, культурный империализм и модернизационный характер партийной концепции строительства социализма, а также темнота и невежество, приписываемые городом деревне, комиссаром «мужику». Такое уничтожение крестьянства породило политическую культуру, отводившую крестьянам роль врагов, не людей, и открыло путь наступлению партии на деревню.

Война с традицией

Коллективизация была жестоким столкновением культур, отчетливее и яснее всего это проявилось в оборотной стороне конфликта, принявшего форму массированной атаки на культурные традиции и институты деревни. Этот бой начался с первых дней революции, но только после запуска Сталиным процессов коллективизации приобрел решающее значение как часть более масштабной стратегии подчинения. Крестьянская культура – традиции, институты и образ жизни – была воплощением автономии деревни. Эти очаги автономии угрожали срывом планам государства по установлению доминирования, поскольку позволяли крестьянству сохранять, по словам Скотта, «социальное пространство», «в котором можно услышать закулисное мнение, отличное от официального протокола властных отношений. Это социальное пространство принимает особые формы (эвфемизмы, ритуальные правила и нормы, трактиры, рынки), содержит особые проявления инакомыслия (например, веру в возвращение пророка, колдовство, восхваление героев из среды бандитов и мучеников сопротивления), которые так же уникальны, как рассматриваемые особая культура и история акторов»¹¹².

На определенном уровне, будь то осознанные политические шаги или слепое отвращение к крестьянству и его образу жизни, государство осознавало, что крестьянская культура по своей природе или потенциалу содержит в себе элементы сопротивления. Для советской власти крестьянская культура была еще одним врагом, которого необходимо ликвидировать.

Кампания против религии и церкви – самая известная и яркая часть наступления на крестьянскую культуру. На протяжении 1920-х гг. активисты компартии, и в особенности комсомола, предприняли ряд попыток искоренить религию на селе, в основном через Союз воинствующих безбожников. В годы коллективизации эти усилия стали отражением тотальной войны против религиозных институтов и символов деревни. Со второй половины 1929 г. коммунисты закрывали церкви, снимали с них колокола и арестовывали священников. 30 января 1930 г. в постановлении о ликвидации кулацких хозяйств Политбюро взяло на себя руководство этой кампанией, приказав Оргбюро издать постановление о закрытии церквей и раскулачивании священников¹¹³. Запрещались религиозные праздники, многих крестьян вынуждали отдать свои иконы, которые зачастую подвергали масовому сожжению¹¹⁴. Работники Щелковского сельсовета Юхновского района Сухиничского округа в Западном крае выстроили иконы в ряд, написали на каждой, что изображенный на ней святой приговорен к смерти «за сопротивление колхозному строительству»¹¹⁵, и рас-

стреляли их. На Урале несколько окружных органов управления призвали своих коллег в других округах вступить в социалистическое соревнование на предмет того, кто закроет больше церквей¹¹⁶.

Эти репрессивные меры преследовали цель не только постепенно распространить в деревне атеизм, но и лишить крестьян ключевых культурных институтов. Начиная с 1920-х гг. многие доклады говорят о том, что православная вера на селе с приходом революции резко сдала свои позиции, оставшись популярной в основном среди женщин и стариков¹¹⁷. Церковь была частью общины, символизировала историю деревни, ее традиции и все важнейшие события в жизни крестьянина, начиная с его рождения, женитьбы и заканчивая смертью. Особую значимость имел церковный колокол. Как и церковь, колокол был воплощением прекрасного, неотъемлемым предметом гордости села. Но он нес в себе и более глубокий смысл. Колокол являлся символом сплоченности села. Набат собирал крестьян вместе в моменты особой важности, чрезвычайных происшествий. По выражению Ива-Мари Берса, он служил своего рода «эмблемой»¹¹⁸. В ходе восстаний в годы коллективизации удар колокола был «политическим действием», призванным пробудить и мобилизовать крестьянскую оппозицию на борьбу.

Глубинное значение церкви и колокола для деревни поразительно ярко проявилось во время коллективизации. Целые деревни восставали против закрытия церкви или снятия колокола. Часто церковь становилась непосредственно очагом мятежа. Там священники читали проповеди, осуждающие коллективизацию. Апокалиптические настроения широко распространялись, и их источником была если не сама церковь, то среда, в которой она существовала. Само место, где в селе располагалась церковь, служило пунктом сбора для восставших крестьян и проведения демонстраций против советской власти. Для многих крестьян создание нового колхозного порядка и наступление на веру означали одно и то же. Как сказал крестьянин из Западного края: «Смотри, Матрена, твой муж вчера вступил в колхоз, а сегодня у тебя забирают иконы, какой же это коммунизм, какая же это коллективизация?»¹¹⁹ Закрытие церкви или снятие колокола были мерами, направленными на ослабление крестьянской культуры и сопротивления, а также способом напомнить деревне о ее подчиненном статусе.

Кампания против церквей, по крайней мере формально, была в конце концов приостановлена в 1930 г. после провозглашенного Сталиным временного отступления коллективизации. Советской власти, обеспокоенной протестами за границей¹²⁰ и крестьянскими выступлениями, пришлось на время несколько ограничить свои действия в отношении церкви. Крестьянский протест против закрытия церквей привел к тому, что общины объединились и выступили против госу-

дарства. Так, в отчете, опубликованном весной 1930 г. в Тамбове, говорилось, что иметь дело с кулаком – это одно, а с церковью и священником, которых поддерживает вся деревня, – другое, и что атака на церковь не помогает коллективизации¹²¹. В некоторых районах выступления крестьян действительно приводили к тому, что церкви снова открывались. Например, в Сухиничском районе Западного края десять из шестнадцати закрытых властями церквей снова открылись после марта 1930 г.¹²² Тем не менее в культурном отношении церковь оставалась символом, антидетичным коммунизму, местом крестянской культуры и традиций, а следовательно, и автономии. Сельская церковь служила антиподом коммунистического атеизма, коммунистической культуры, и потому была обречена на уничтожение. К концу 1930 г. уже 80 % церквей были закрыты¹²³.

Церковь – не единственный институт культуры, который подлежал разрушению. Как выразился один из 25 тыс. рабочих, посланных участвовать в коллективизации (двадцатипяти тысячников): «Мы должны объявить войну старым традициям»¹²⁴. В число последних входили «социальные пространства», присущие крестьянскому образу жизни. Одним из таких пространств был рынок. Закрытие сельскохозяйственных рынков началось с введения чрезвычайных мер по хлебозаготовке. Оно позволяло не только облегчить внедрение централизованной командной экономики в сельском хозяйстве и лишить крестьянство экономической независимости, но и перекрыть главную культурную артерию, по которой осуществлялись контакты с другими крестьянами и жителями города. Кроме того, останавливалось воспроизводство крестьянской культуры, таинство которого разыгрывалось на рынках во время праздников, торговли продукцией народных промыслов, гуляний. Упразднение общины 30 июля 1930 г. в районах сплошной коллективизации и передача большинства властных полномочий в деревне сельсоветам и колхозным правлениям стали еще одним аспектом подчинения крестьянства¹²⁵. Отменив общину и сход (крестьянский совет), государство отняло у крестьян право даже на ограниченное самоуправление, лишило их административной и финансовой автономии и права на независимое выражение политических взглядов. Еще один эпизод войны с традицией – закрытие мельниц и лавок. Закрытие этих заведений, управляемых крестьянами, не просто усилило зависимость деревни от государства; вместе с ними исчезло еще одно важное место сбора, где обычно велись беседы, дискуссии, обсуждалась политика, и по крестьянской автономии был нанесен еще один удар. Конфискация имущества и ликвидация многих ремесленников и мастеровых как кулаков и нэпманов произвела на общину схожий эффект, поставив ее в еще большую зависимость от государства и превратив в потре-

бителя городских продуктов машинного производства. Seriously пострадало воспроизводство крестьянской материальной культуры¹²⁶. Все эти меры – неотъемлемая часть сталинской социализации крестьянской экономики. В то же время они были ключевым звеном проводившейся Сталиным культурной революции на селе и необходимой предпосылкой для установления коммунистами контроля над крестьянством.

Последнее направление разрушения крестьянской культуры – уничтожение деревенской элиты и авторитетных фигур. Кампания по ликвидации кулачества как класса выходила далеко за рамки репрессий в отношении кулаков. За выражение протеста против колхозов часто подвергались аресту лидеры крестьян (в том числе и не кулаки) и авторитетные члены общины. В деревне XIX в., «если власти считали поведение общины мятежным, то к ответу призывали именно доверенных лиц, в основном старост»¹²⁷. В годы коллективизации «доверенные лица» могли быть призваны к ответу в случае мятежа или в качестве предупредительной меры. В приказе ОГПУ о раскулачивании от 2 февраля 1930 г. предписывалась массовая ссылка «наиболее богатых кулаков, бывших помещиков, полупомещиков, местных кулацких авторитетов и всего кулацкого кадра»¹²⁸. Если убрать из этой фразы определение «кулацких», в любом случае неоднозначное и лишнее всякого смысла, остается только понятие «местные авторитеты». Именно на них и велось полномасштабное наступление. Священники, представители сельской интеллигенции, бывшие старосты и даже потомки когда-то зажиточных крестьянских семей попали под молот репрессий. В число жертв входили и мельники, торговцы, владельцы лавок, ремесленники – члены сельской экономической элиты, сохранявшие некоторую автономию по отношению к остальным селянам (иногда даже навлекавшие на себя их гнев), которые были вполне готовы и способны открыто высказать свои возражения по поводу коллективизации. Отходники часто также подвергались репрессиям, возможно, в связи с тем, что, работая за пределами села, они ошибочно полагали, будто имеют больше свободы и права на диалог с советской властью¹²⁹. Даже повивальные бабки и местные знахари – зачастую весьма уважаемые члены общины – могли быть репрессированы, хотя в основном им лишь выносили общественное порицание¹³⁰.

Раскручивание маховика репрессий против местных элитных слоев служило инструментом ликвидации на селе источников традиционного авторитета и ярко выраженной оппозиции. Самым важным было даже не только и не столько то, что у деревни отняли самых предприимчивых, удачливых и амбициозных крестьян; ее лишили лидеров, которые чаще всего представляли деревню в ее противосто-

янии с государством. Советская власть заменила их людьми из города, которые играли главную роль в колхозах и крестьянской политике вплоть до конца первой пятилетки.

Попытка разрушения старой культуры сопровождалась созданием новой, коммунистической культуры, которую советская власть стремилась перенести из города и насадить в деревне. На смену старым богам должны были прийти новые. Сталин стал для крестьян царем-батюшкой, Михаил Калинин, которого называли всесоюзным старостой, – их постоянным представителем в Москве; завершал пантеон Ленин. Изображения всех троих часто висели в углу избы, опустевшем после того, как оттуда вынесли иконы. Понятия добра и зла были в этой религии весьма относительными, на их место пришли понятия революции и контрреволюции. Техника стала объектом благоговения, а трактор – священным алтарем новых богов. Ни от крестьян, ни от государства не укрылась ироничность того факта, что церковные колокола переплавили на нужды промышленности. Это была своего рода коммунистическая алхимия, преобразование символов крестьянской культуры в проявления новой, механизированной культуры Советов¹³¹. В церквях разместились социалистические клубы и читальные избы или еще более приземленные объекты – товарные склады и амбары. Коммунизм стал новой религией, а овладение грамотностью, с введением обязательного начального образования и ускоренных курсов для взрослых, считалось первым шагом к спасению души. С учреждением новой религии появились и новые праздники, на которых полагалось ее восхвалять. Их привязали к русским православным праздникам, в свое время также наложившимся поверх языческих праздников. Покров Пресвятой Богородицы, отмечавшийся 14 октября, в 1929 г. и в 1930 г. назвали Днем коллективизации¹³². Троица стала Днем русской березки, Ильин день – Днем электрификации, а Пасху следовало отмечать как Праздник первой борозды¹³³. (Вопрос о том, как долго эти праздники отмечались, кем и насколько серьезно, остается открытым.)

К духовным эмблемам нового порядка присоединились более мирские нововведения, возвещавшие о новой культуре. На смену общине пришел колхоз, в некоторых случаях даже располагавшийся на той же территории, а на смену сходу – собрание колхозников. Предполагалось, что тракторы более чем успешно заменят лошадей, однако на деле объемы производства оказались меньше необходимых. В некоторых деревнях рабочие, занявшие посты председателей новообразованных колхозов, в попытке передать опыт пролетариата колхозу попытались ввести восьмичасовой рабочий день, посменную и сдельную работу, заработную плату, трудовую дисциплину и даже фабричные гудки¹³⁴. Праздник масленицы наполнили новыми, чуж-

дыми традициям культурными символами. Комсомольцы использовали масленицу, чтобы высмеять своих врагов – кулака, священника, жандарма¹³⁵. Незадолго до начала коллективизации в одной из сибирских деревень учителя и студенты провели сокращенную версию масленицы, целью которой было унижить односельчан, не выполнивших нормы по хлебозаготовкам. Они прошествовали через всю деревню с плакатами в руках, останавливаясь у домов провинившихся крестьян, где скандировали: «Вот живет враг советской власти», – и прибавляли на ворота изображение хозяев дома, одетых в некое подобие шаровар¹³⁶. Крестьянскую молодежь заставили ходить в новые школы, изучать новые предметы и новую религию взамен старой. Семьям крестьян заявили, что повивальные бабки и знахари – это старо и вредно, и дали им указания, как правильно соблюдать гигиену и убирать дома. В правилах общего распорядка Колхозсоюза в Ивановском промышленном районе содержалось положение о том, что колхозники обязаны поддерживать чистоту в своих избах¹³⁷. В других местах создавались комиссии по инспектированию санитарных условий в колхозных домах¹³⁸. Новый порядок, иногда насаждаемый по приказу или предложению центра, иногда придуманный на местах, призван был устранить различия между городом и деревней и искоренить отсталость, неграмотность и нечистоплотность русского мужика.

Новая культура нашла отражение в новом языке – языке коммунизма и городов. Деревню захлестнула лавина аббревиатур: «колхоз» (коллективное хозяйство), «совхоз» (советское коллективное хозяйство), «МТС» (машинно-тракторная станция), «трудодень» (трудовой рабочий день) и еще много других терминов пополнили революционный лексикон, начало формированию которого было положено в 1917 г. и который большинство крестьян так и не усвоило¹³⁹. Названия деревень хотя и не были утеряны, но ушли в тень новых названий, которые советская власть навешивала на колхозы как знаки своего культурного доминирования. Сдвиг в этом направлении стал очевидным еще до начала коллективизации, когда города и деревни по всей стране присваивали себе имена партийных деятелей и «советские» названия. А. М. Ларина, вдова Бухарина и дочь Юрия Ларина, вспоминала, как ее отец убеждал одного председателя сельсовета, что его деревне можно было бы подыскать название получше, чем Кобыля Лужа. Когда Ларины через некоторое время снова проезжали мимо этой деревни, они увидели, что крестьяне переименовали ее в Советскую Лужу¹⁴⁰. Ко времени коллективизации новые названия часто демонстрировали такого рода иронию, хотя удивляет наименование колхоза «Шесть лет без Ленина»¹⁴¹. Большинство названий давались колхозам городом или партией. Колхозы называли

в честь фабрик («Путилов», «АМО», «Серп и молот»), лидеров (чаще всего Ленина, Сталина, Маркса), иногда и более лирично – например, «Дорога к социализму», «Красный крестьянин», «Красная заря»¹⁴².

Новое политическое искусство – плакатное – отражало идеалы новой культуры. Как пишет Виктория Боннелл, «политическое искусство создавало картину деревенского мира, в котором бабе-крестьянке, как и традиционным крестьянским обычаям и взглядам, больше не было места»¹⁴³. В 1930-х гг. образы мужика и бабы практически исчезли из политического творчества. Им на смену пришла «пышущая юностью и полная энтузиазма молодая колхозница, строящая социализм», ставшая воплощением нового порядка¹⁴⁴. По всей деревне возвещалось о наступлении «зари коммунизма» (что созвучно одному из самых типичных названий колхоза) и смерти старого крестьянского уклада.

Коллективизация и попытки устранить различия между городом и деревней, переделать мужиков и баб в колхозников и колхозниц и с корнем уничтожить кулаков привели к созданию бездушной культуры, насаждавшейся сверху. Символы советизации и нового порядка были повсюду, однако они оставались поверхностными элементами, силой навязанными культуре, которую не так просто было уничтожить. «Коммунистическое окультуривание» деревни не приносило ожидаемых экономических результатов, предлагая очень немногое из тех преимуществ и привилегий (по общему мнению, и так скудных), которые оно дало городу. Новая культура была городским импортом, империалистическим инструментом, навязанным подчиненному народу. Исконная культура крестьянства сумела выжить, хотя и потеряла при этом некоторые свои черты и была вынуждена уйти в подполье, став культурой сопротивления.

Заключение

Коллективизация советского сельского хозяйства была кампанией по установлению доминирования и имела своей целью не что иное, как внутреннюю «колонизацию» крестьянства. Доминирование устанавливалось как в сфере экономики, так и в сфере культуры. Коллективизация обеспечила постоянный приток хлеба (дани) в казну государства. Она также позволила советской власти подчинить себе крестьянство с помощью мер жесткого и всепроникающего административного и политического контроля и насильственного включения в доминирующую культуру. Хотя коммунистическая партия публично объявила коллективизацию «социалистическим преобра-

зованием» деревни, «тайный протокол» и практика на местах явили ее истинную сущность как войну культур.

Крестьяне придерживались схожего взгляда на этот конфликт. Они так же делили мир на черное и белое, но не на антагонистические классы, а на деревню, с одной стороны, и город и коммунизм как вестников Апокалипсиса – с другой. Противостоять колхозу, инструменту Антихриста, считалось долгом всех верующих крестьян. Коллективизация представляла серьезную угрозу для образа жизни крестьянина и для всей его культуры. В ответ все слои крестьянства сплотились как особая культура, как класс в самом настоящем смысле, на защиту своих традиций, веры и средств к существованию. Корни сопротивления коллективизации уходили не в какие-то отдельные социальные слои, а в культуру крестьянства, и прибегало оно к тактике, присущей этой культуре. Крестьянское сопротивление питало крестьянскую культуру. Для крестьян, как и для государства, коллективизация была гражданской войной.

2

ЗНАК АНТИХРИСТА: СЛУХИ И ИДЕОЛОГИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ

Как с юга к северу трава
В кипучий срок весны,
От моря к морю шла молва
По всем краям страны.

Молва растет, что ночь, что день,
Катится в даль и глушь,
И ждут сто тысяч деревень.
Сто миллионов душ.

Нет, никогда, как в этот год,
В тревоге и борьбе,
Не ждал, не думал так народ
О жизни, о себе...

А. Твардовский. Страна Муравья

Крушение всех представлений – это тоже конец мира.

Н. Мандельштам. Воспоминания

Как гласит русская пословица, мирская молва – что морская волна¹: она захлестывает деревню, поглощая и переворачивая все на своем пути. В страшные годы коллективизации молва и тревожное ожидание держали советское село в страхе. Повсюду крестьяне ловили слухи о коллективизации и задавались вопросом, что же за участь их ждет. Кто-то говорил, что коммунисты собираются восстановить крепостное право, кто-то доказывал, что коллективное хозяйство – это знак того, что на Землю пришел Антихрист. Другие же считали коллективизацию простым грабежом и разорением. Слухи о коллективизации стали значимым аспектом сопротивления и отражением манихейского мировоззрения, подобного коммунистическому.

Слухи – неотъемлемая черта всех аграрных обществ. Особенно благоприятными условиями для их распространения являются времена глубоких кризисов и атмосфера страха. Они приобретают форму подпольного источника информации и рупора оппозиционного мнения в обществах, общинах и группах, вынужденных читать прессу, подвергаемую цензуре и содержащую искаженную информацию, или испытывающих трудности в доступе к новостям. Место последних в данном случае занимают слухи, которые заглушают пропаганду государства, зачастую полностью опровергая или меняя смысл официальных сообщений и озвучивая другую правду². В годы коллективизации слухи были не просто новостями или альтернативным взглядом на события, а оружием из арсенала крестьянского сопротивления. Они сеяли страх, сплачивая деревню перед лицом внешней угрозы³ и выступая гарантом единства общины в борьбе против государства⁴. Крестьяне перешептывались, что если они вступят в колхоз, то наступит новое крепостное право, пугали друг друга знаком Антихриста и аморальным принципом «общего одеяла», подразумевавшим в том числе договоренность о свободе в сексуальных контактах и обобществление жен. Угрозы и реалии того времени породили идеологию, основанную на прочной паутине слухов, объединивших крестьянство и позволивших преодолеть разногласия между выходцами из различных районов страны, о которых твердила научная литература, а также менее явную социальную напряженность и расколы внутри деревни.

Слухи о коллективизации были пронизаны апокалиптическими кошмарами. Образы Антихриста и четырех всадников Апокалипсиса предвещали конец традиционного образа жизни. Советская власть отождествлялась с Антихристом, начинающим устанавливать свое царство на земле с помощью колхозов. Коллективизацию приравнивали к крепостному праву, имея в виду те беды и несправедливость, которые она несла с собой, и предательство коммунистами идеалов революции 1917 г. Рассказы о том, что всех жен якобы сделают общими, а на ночлег всем придется ложиться под общим одеялом, символизировали безбожность и аморальность нового порядка, учреждаемого компартией-Антихристом. Слух был политической метафорой, переворачивающей мир вверх дном благодаря созданию альтернативной реальности, полной символических инверсий. Тем самым слухи подрывали легитимность колхоза, коллективизаторов и советской власти. Апокалиптические пророчества и верования были неотъемлемой частью крестьянского мышления⁵. Приняв форму протеста и языка крестьянской культуры сопротивления, они проявили свою подрывную силу, заставив крестьян выбирать между Богом и Антихристом.

Слухи – символическое выражение коллективного мировоззрения. Наряду с пророчествами, видениями и сказками они являются проекцией народной мысли, а в эпоху коллективизации стали отражением политического мира крестьянства⁶. Они показывают «уровень крестьянского политического сознания, часто наполненного религиозными и ритуальными верованиями, и служат средством его распространения среди подчиненных масс деревни»⁷. Поэтому для исследователя слухи – это ключ к пониманию крестьянства, его взглядов и верований, обычно скрытых от посторонних глаз. В годы коллективизации слухи были одной из важнейших составляющих идеологии крестьянского сопротивления.

Советская власть заклемила распространение слухов как «кулацкий агитпроп», контрреволюционное отражение агитации и пропаганды самой партии. Пренебрежительное отношение государства к слухам отрицало правду, состоявшую в том, что они представляли собой реальную угрозу и имели огромное значение как сила, способствующая мобилизации крестьян и формированию их контридеологии. Слухи о коллективизации окрасили мир в черно-белые тона, сокрушив официальные догматы классовой борьбы между богатыми и бедными крестьянами и заменив их битвой между силами добра и зла. Массовая форма этой контридеологии представляла собой *в теории* один из видов закулисного общественного пространства⁸, рожденного крестьянской культурой и по самой своей сути антитегичного коммунистической культуре и городской политике. Мир слухов, как ни один другой вид крестьянского сопротивления, придавал коллективизации дух и облик гражданской войны.

Мир перевернулся

Крестьянский апокалиптический кошмар возник в советской деревне отнюдь не с приходом коллективизации. Апокалиптическая традиция поселилась в умах российских крестьян за века до Октябрьской революции и долгое время была глубинной основой народного сопротивления. После 1917 г. она воспряла с новой силой и достигла пика популярности в 1920-е гг. – время перемен и неизвестности для большинства крестьян, став главным мифом, толкавшим их на сопротивление.

Эсхатологическое мышление не является уникальной чертой, присущей только России или крестьянскому обществу⁹. Оно было свойственно самым различным обществам в разные эпохи¹⁰, связанная с ним ментальность не присуща каким-то определенным народам, а представляет собой социальный феномен. Подобное мышление про-

цветает в эпохи перемен, социальных потрясений и кризисов¹¹. Оно становится метафоричным выражением протеста, который часто проявляется через веру в пророчества, чудеса, знамения и другие сверхъестественные явления. Предсказания грядущего Апокалипсиса предвещали наступление первого тысячелетия у христиан, вдохновляли участников крестовых походов в Средние века и продолжали играть свою роль на первых этапах истории современной Европы в периоды экономической и политической нестабильности. Во всех случаях апокалиптические страсти были вызваны серьезными переменами в общественной структуре и вызывали бурю в тех слоях населения, которые эти перемены затронули сильнее всего¹².

Похожий кризис, вызвавший всплеск апокалиптических настроений, испытало Московское государство XVII в. Раскол Русской православной церкви был, возможно, главным культурным водоразделом века, полного кровавых столкновений и народных восстаний, отделившим Смутное время от присвоения Петру I императорского титула. События XVII в. вызвали волну слухов о грядущем конце света: истово верившие в них называли Петра I Антихристом, а некоторые старообрядцы, считавшие реформы Петра и новые правила богослужения делом Сатаны¹³, совершали акты саможжения. Апокалиптические страсти толкали население на выступления против государства. Старообрядцам же такое мышление позволяло в привычных для себя терминах осмыслить глубокие социальные, политические и культурные перемены своего времени.

Апокалиптические верования пережили Средневековье и начало Нового времени, вновь распространились в Европе XIX в. и внесли свой вклад в полный блеска расцвет европейской науки и культуры эпохи Модерна¹⁴. Это время перемен и неизвестности было пропитано ожиданиями неминуемого конца истории, которые соперничали с более оптимистичными мечтами о грядущей революции. Россия в тот период проводила форсированную индустриализацию, которая легла тяжким бременем на население страны, вела кровопролитную и бессмысленную войну на Дальнем Востоке, а затем пережила революцию 1905 г. Эти события оказали значительное влияние на убеждения некоторых представителей российской интеллигенции. Былая самозабвенная вера в революцию для многих сменилась пессимизмом, ведущим и к разочарованию, и к надежде на духовное пробуждение¹⁵. Апокалиптическая тематика воплотилась в целом ряде интеллектуальных и художественных творений: от картин художников-модернистов Малевича и Кандинского до музыки Скрябина, от философских трудов Соловьева и Розанова до литературных произведений Белого, Мережковского и Блока¹⁶. Некоторые русские поэты Серебряного века с радостью ожидали наступления конца, соединив апокалипти-

ческую и революционную традиции в своей мечте о кровавом социальном и духовном обновлении России. Она воплотилась в образе скифов, символизировавших несущий обновление Восток и одновременно *народ*, крестьянские массы, которые были воплощением очистительной стихии и кары Божьей¹⁷.

Нестабильная ситуация начала XX в. в России создала благоприятный климат для распространения апокалиптических настроений среди широких слоев населения. Кульминацией бедствий, обрушившихся на Россию на рубеже столетий, стали начало мировой войны, затем революция и Гражданская война. Три из четырех всадников Апокалипсиса – война, голод и мор – преследовали Россию, сея смерть и разрушения. Только на полях сражений Первой мировой войны полегли почти пять миллионов человек. Еще более страшной стала Гражданская война, которая унесла жизни девяти миллионов, как солдат, так и мирных граждан, погибших в сражениях, умерших от голода и эпидемий¹⁸. Многим, особенно крестьянам, казалось, что нарисованные российскими символистами апокалиптические картины будущего воплощаются в реальность.

Если революция 1917 г. частично исполнила крестьянскую мечту о черном переделе всех земель¹⁹, то хаос, разрушения и человеческие потери семи лет Первой мировой и Гражданской войн оказались для крестьянства настоящим кошмаром. Огромные районы страны стали полями сражений и местом дислокации противоборствующих армий, которым было необходимо обеспечивать себя продовольствием. Именно в эти годы погибло больше всего крестьян. Конец Гражданской войны и введение НЭПа дали деревне небольшую передышку перед коллективизацией, но этот золотой век крестьянства всегда омрачался воспоминаниями о недавнем насилии и сохранившимся у многих коммунистов мировоззрением в духе Гражданской войны. Мир между государством и крестьянством был обманчивым и больше походил на временное прекращение огня, чем на последовательное сближение.

Настрой крестьянства в 1920-е гг. можно передать двумя словами – неуверенность и тревога. Крестьяне продолжали относиться к советской власти с недоверием, памятуя о недавней политике насильственной продразверстки²⁰. Сбор налогов и проведение выборов часто пугали жителей деревни и становились причиной конфликтов. В большинстве деревень и коммунистическая партия, и советский аппарат действовали так неумело и были столь малочисленны, что крестьяне имели с ними дело лишь во время подобных мероприятий и в основном по принуждению, что явно противоречило господствовавшему духу НЭПа²¹. Попытки коммунистов разделить деревню по классовому признаку путем создания в период Гражданской войны

печально известных комбедов лишили крестьян уверенности в том, кто такой кулак, что конкретно значит быть кулаком и, следовательно, какое общественное и (по определению) политическое положение занимают их соседи²². Более того, некоторые жители деревни – особенно обеспеченные крестьяне, священники, казаки – ветераны Белой армии и другие – продолжали таить злобу на режим. Для этих групп общества, как и для многих других крестьян, окончательный исход революции все еще не был ясен. Ощущение нестабильности отражено в распоряжениях председателя одного из уральских сельсоветов, решившего, что флюгер на крыше советского здания должен быть не в форме серпа и молота, а в форме глобуса. Он мотивировал это тем, что, «если сменится правительство, придется убрать серп и молот, а глобус подойдет в любом случае». В более угрожающей форме это мнение высказали кулаки из того же региона, угрожавшие местным коммунистам: «Скоро вас в колодцах будем топить, ни одного не останется!»²³ Для многих же советская власть попросту была «не наша»²⁴.

Коммунизм для большинства крестьян являлся чуждой культурой. С самых первых дней революции образ большевика в массовом сознании был связан с угрозой морали, семье и религии, чаще всего тому имела веская причина. Коммунистическая идеология в области морали и семьи, возможно, и была проникнута освободительным пафосом, но *практика* в этих сферах зачастую выходила за рамки благоразумия – когда, например, комсомольская молодежь стремилась превратить секс в чисто биологическую функцию, а женщин – в предмет общей собственности. Независимо от идеологии или практики враги советского государства сгущали краски инициатив, выдвинутых в данном вопросе коммунистами. Говорили даже, что власть выпустила директиву о «национализации женщин», и это положило начало мифу, отголоски которого звучали в деревнях годами²⁵. Коммунистическое наступление на религию и церковь было гораздо более серьезным и длительным. Во время Гражданской войны советское государство поставило задачу подорвать позиции православной церкви конфискациями имущества, репрессиями, и, в перспективе, – включением части православного духовенства в новую, реформированную «Живую церковь». Атака на церковь была настолько разрушительной по своим последствиям, что многие крестьяне считали, будто коммунисты – это просто-напросто безбожники и не более того. А. Селищев в своем исследовании языка революционного времени отметил следующее определение коммуниста: «Камунист, каменист – кто в Бога не верует»²⁶. В ходе исследовательской поездки по Московской губернии в начале 1920-х гг. один исследователь спросил в Серединской волости Волоколамского уезда деревенского парня, где местные коммунисты. Мальчик ответил, что в деревне нет

коммунистов, но есть один безбожник, добавив, что он все-таки хороший человек²⁷.

Воспоминания об ужасах Гражданской войны и постоянная неуверенность в прочности советской власти заставили многих крестьян отвернуться от государства и, зачастую, от города. Это отчуждение усугубилось развалом экономики в годы Гражданской войны, обескровившим сельское хозяйство, и нарушением связей между городом и деревней, которое, по мнению некоторых наблюдателей, привело к падению культурного уровня и изоляции деревни. Джеффри Брукс отмечал пагубность последствий прекращения распространения в деревне газет и других печатных материалов в 1920-е гг.²⁸ Некоторые наблюдатели того времени указывали на рост суеверий среди крестьян, другие обращали внимание на сохранявшуюся популярность знахарей, «белых колдуний» и гадалок²⁹. Культурная пропасть, веками разделявшая российские деревню и город, в послереволюционные годы оставалась такой же огромной и даже увеличилась.

Как и для любой другой группы общества в Советском Союзе, для крестьянства 1920-е гг. были переходным периодом. Тем не менее перемены совершались медленно, и большинство ценностей и обычаев остались где-то на полпути между традиционным крестьянским обществом и новым порядком. Разрушение традиций чаще вело к конфликтам и волнениям, чем к созданию нового общества. Разрыв устоев нигде не проявлялся так ярко, как в среде деревенской молодежи. Многие юноши и девушки с энтузиазмом встретили новый порядок. Сельский комсомол представлял активную и для многих взрослых ненавистную силу крестьянской политики, которую, как правило, было слышно и видно лучше, чем сельский актив компартии. Группы деревенских комсомольцев, особенно в начале 1920-х гг., периодически устраивали антирелигиозные шествия и представления, грубо высмеивая церковь и священников³⁰. Этот тип комсомольской антирелигиозной пропаганды часто оскорблял взрослых жителей деревни. Менее грубой, но столь же обидной была пропаганда молодых новообращенных атеистов, которые искали доказательств, что Бога не существует: «Нет бога... А если есть, так пускай меня убьет на этом самом месте!»³¹ Антирелигиозные частушки издевались над традициями, например, вот эта, извратившая слова известной песенки³²:

Все святые загуляли,
Видно, бога дома нет,
Самогонки напился,
За границу подался³³.

Другая частушка делает выпад в сторону старшего поколения, высмеивая страх и возмущение традиционно мыслящих крестьян:

Дед Никита богомол,
Часто в церкви молится,
Он боится, что его
Сын окомсомолится³⁴.

Есть еще версия этой частушки:

Как у тетки Акулины,
Старой богомолочки,
Внучки Панька, Танька, Санька,
Манька – комсомолочки.

Такие настроения испугали и возмутили многих крестьян, возненавидевших комсомольское и даже пионерское движения за то влияние, которые они оказывали на их детей. В Тверской области пионеров стали называть шпионами после того, как юный пионер донес, что его отец гнал самогон; некоторые крестьяне говорили: «Таких шпионеров-пионеров нам не надо»³⁵. В другом случае родители (в основном старообрядцы и несколько протестантов) забрали своих детей из советских школ в знак протеста против проведения уроков, посвященных Ленину, и студенческих шествий в честь социалистических праздников. Одного ученика родители заставили весь день сидеть в церкви и читать Деяния апостолов после участия в праздновании 17-й годовщины революции³⁶. Мальчик с Кубани вспоминал о реакции своего отца на новость о том, что он вступил в комсомол: «Я знал, что он не разрешит. А когда я принес домой книжку – устав комсомола, и отец это увидел, то начал меня ругать и хотел побить. Но я ему сказал, что буду жаловаться в ячейку (РКП), если он будет меня бить. А отец ячейки боялся. В тот же день отец порвал книгу и бросил ее в печку»³⁷.

Некоторые крестьяне винили безбожных и безнравственных коммунистов в распространении «хулиганства»³⁸. Многие наблюдатели действительно отмечали падение моральных норм крестьянской молодежи, отмечая рост беспорядочных половых связей, венерических заболеваний, хулиганства и проституции³⁹. Одни крестьяне объясняли наступивший в общественной морали хаос тем, что советская власть – от Сатаны («комиссары – черти»⁴⁰); другие предпочитали разговорам о безбожности и дьявольском промысле крепкие ругательства.

Переходность 1920-х гг. выразилась также в новом типе двоеверия⁴¹ – непростой попытке совместить крестьянские традиции и новые коммунистические установки. Например, в некоторых докладах

отмечалось, что крестьяне ставят портреты Ленина и Калинина в угол, где раньше стояли иконы, и крестятся на них⁴². В глухой деревне на северо-западе России одним из первых молодых людей, вступивших в комсомол в начале 1920-х гг., был Дмитрий Соловьев, внук местной ведьмы. Дмитрий, и сам колдун, имел на деревне репутацию донжуана, частично из-за членства в комсомоле, частично благодаря мистическим силам, которыми, как считалось, обладала его семья⁴³. В Пензе в середине 1920-х гг. инспекционная комиссия обкома партии докладывала о случае одержимости дьяволом в татарском селе. Попытки местного муллы и знахарки изгнать демона из одержимой семьи потерпели неудачу. Местные служащие обратились за помощью к комиссии, однако, по насмешливому выражению ее членов, дьявол отказался иметь что-либо общее с коммунистами и «упрямо молчал» во время их визита в избу одержимых⁴⁴. Известен случай, когда в одной из деревень местный священник благословил коммунистов перед выборами⁴⁵. Некоторые крестьяне делали неуверенные шаги по пути от старых ритуалов в направлении новоиспеченного «октябризма», однако в целом продолжали соблюдать обряды отпевания и погребения. В одном селе смерть ребенка-«октябриста» посчитали дурным знаменем, повелевающим вернуться к старым обычаям⁴⁶. Хрупкое и противоречивое двоеверие, сочетавшее элементы городской атеистической культуры и глубоко религиозной крестьянской, было еще одним выражением неопределенности и неоднозначности, характерных для культуры в годы перемен.

Замешательство и тревога, охватившие деревню в этот период, отразились и в других сферах крестьянской жизни и веры. Многие исследователи-современники отмечали всплеск религиозности среди крестьян. Согласно А. Ангарову, число религиозных объединений в деревне в течение 1920-х гг. возросло в два или три раза⁴⁷. Этот рост был особенно заметен среди групп, не принадлежавших к основному течению православной церкви. Многие наблюдатели говорили об ослаблении православной веры, о том, что на службу стали ходить в основном женщины и старики⁴⁸. После революции начался приток крестьян в секты, например молокан и скопцов⁴⁹. Однако существеннее всего во время и после Гражданской войны росло число членов протестантских сект, в особенности евангелистских протестантов⁵⁰. Возможно, в некоторых районах популярность евангелистского протестантизма была вызвана упором, который его приверженцы делали на грамотность, умеренность и братство в противоположность коммунистической пропаганде классовой войны⁵¹. В других местах определяющим фактором оказались проповеди евангелистов и особенно баптистов об адском пламени и сере, в те сложные времена они нашли отклик в сердцах многих жителей деревни. Популяр-

ность баптистского учения о скором конце света и втором пришествии Христа отражала нестабильность и неизвестность, царившие как в повседневной, так и в духовной жизни большинства российских крестьян⁵².

Некоторые евангелистские группы выступали за полное обособление от государства, считали советскую власть безбожной, воплощением зла, и отказывались отдавать своих детей в советские школы⁵³. Но яростнее всех государство как Антихриста клеймили старообрядцы, многие из них никогда не признавали государство в принципе, будь оно царским или советским. В 1917 г. старовер архиепископ Мелентий отождествил советскую власть с Антихристом, в результате чего многие старообрядцы на протяжении 1920-х гг. отказывались иметь дело с государством⁵⁴. Сложно оценить, насколько широко была распространена такая позиция в отношении государства в годы НЭПа, поскольку неизвестно точное число крестьян-старообрядцев. Некоторые из них отказывались заполнять бумаги и получать от государства какие-либо официальные документы; многие старообрядческие семьи также отказались иметь дело с переписчиками населения в 1926 г., поскольку опасались, что они несли с собой знак Антихриста⁵⁵. В период коллективизации отношение староверов к государству нашло широкий отклик среди крестьян.

Еще одним проявлением страха и неуверенности в завтрашнем дне, характерным для длительных периодов нестабильности, является антисемитизм⁵⁶. Народный антисемитизм всегда был присущ деревенской жизни, особенно на Украине. Неясно, усилился ли он во время революции и Гражданской войны, хотя некоторые современники говорят о такой тенденции. В одном из докладов начала 1920-х гг. отмечается, что староверы называли сторонников коммунистов евреями и говорили об обслуживании коммунистами «еврейских интересов»⁵⁷. На Украине в середине 1920-х гг. был случай, когда верующие кричали «бей жидов», когда комсомольцы распевали антирелигиозные песни в православный праздник⁵⁸. К концу 1920-х гг. для священников, судя по всему, стало обычным делом в своих проповедях проклинать евреев, а для некоторых крестьян – винить их во всех проблемах. Были даже отмечены случаи чтения антисемитского трактата «Протоколы Сионских мудрецов» в некоторых селах Новгородской области⁵⁹. Необходимо подчеркнуть, что распространение ярко выраженных форм антисемитизма изучено мало. Однако не удивительно, если подтвердится, что в 1920-х гг., и особенно в годы коллективизации, наблюдался всплеск антисемитизма, который часто активизируется в атмосфере страха и нестабильности. Более того, как и апокалиптическое мышление, антисемитизм создает упрощенную картину мира, где «силы добра» (христиане) сражаются против

«сил зла» (евреев). Проецирование такого мировоззрения на советские реалии того времени привело к тому, что коммунистов стали считать евреями – одним из воплощений Антихриста, и это стало еще одной метафоричной формой отрицания советской власти⁶⁰.

Самым ярким проявлением духа того времени были божественные предзнаменования и знаки, о которых говорили во всех деревнях страны. Эти потусторонние явления служили не столько выражением крестьянского суеверия, сколько еще одним признаком, свидетельствующим о взбудораженном внутреннем мире крестьян. Наряду с апокалиптическими верованиями, они помогали крестьянам осмыслить стремительные перемены с помощью привнесения в повседневную жизнь элементов божественного промысла⁶¹. То тут, то там в деревни приходили известия о чудесах, явлениях святых и обновлении икон. Случаи обновления икон (когда старые иконы внезапно становились очищенными и новыми) отмечались в 1920-х гг. в Воронеже, Курске, Саратове, Самаре, на Дону, в Киеве и в других местах. Крестьяне трактовали эти явления как знаки свыше и часто организовывали паломничества в деревни, где находили обновленные иконы⁶². В начале 1920-х гг. в Воронежской области появились сообщения о внезапно «обновившихся» яблонях и кленах (видимо, расцветших не по сезону). И в этом случае в область на молитву приехали тысячи паломников⁶³. Часто говорили, что обновленные иконы и другие явления обладают целительной силой. Так, чудотворная икона на Урале якобы излечила пастуха от паралича руки⁶⁴. По слухам, где-то на склоне холма росла яблоня высотой больше 120 метров, прикосновение к которой могло излечить от болезней⁶⁵. Во многих местах рождались слухи о внезапном появлении крестов, священного огня и святых источников⁶⁶. В 1924 г. в Барнаульском округе пожилая крестьянка остановилась у источника попить воды и увидела «святые фигуры». Эта новость передавалась из уст в уста, и крестьяне толпами повалили к источнику в поисках исцеления; есть данные о том, что паломники посещали его и в 1928 г.⁶⁷ Еще об одном чуде сообщали жители села в Кузнецком округе. Там три женщины пошли к источнику, чтобы помолиться о ниспослании дождя. В первый день молитвы они заметили рядом кусок бумаги размером со спичечный коробок. На следующий день нашли икону в медном окладе того же размера. Четыре дня спустя одна из женщин взяла икону домой, однако та исчезла и снова появилась у источника. Жители села установили возле него крест, и вскоре крестьяне начали совершать паломничества в это святое место. Прошел даже слух, что крестьянин, посмеявшийся над этой историей, упал с лошади и заболел⁶⁸. Чудесные источники, кресты и изображения святых во многих культурах предстают как «символы исцеления и обновле-

ния»⁶⁹. В России в рассматриваемый период они стали проекцией тревоги и болезненного восприятия реальности, характерных для деревни в годы после революции и Гражданской войны.

Другие чудеса несли более конкретные послания свыше о Боге и политике. 5 декабря 1922 г. неподалеку от одной из деревень упал метеорит. Некоторые называли его «небесной скалой», кто-то говорил, что он из золота, но большинство приняло его за предзнаменование конца света. По Раненбургскому уезду прошел слух (возможно, вызванный этим метеоритом), что Юпитер падает на Землю и скоро миру придет конец. Эта новость спровоцировала массовый убой скота, так как крестьяне решили по крайней мере наесться вволю, раз уж им все равно суждено умереть⁷⁰. В начале 1920-х гг. в Винницкой области ходили слухи об обновленном кресте, о приближении Страшного суда и даже о воскрешении умерших⁷¹. В Таштыпском районе в июне 1926 г. с местным крестьянином якобы заговорил сам Бог. Крестьянин заявил, что 19 июня он расскажет миру о том, что Бог поведал ему. Почти три тысячи человек собрались в этот день и услышали, что конец света наступит через 47 лет, если люди будут веровать в Бога, а если не будут – то уже через 27 лет. На том месте, где Бог заговорил с крестьянином, воздвигли крест, и каждый год его посещали около двух тысяч человек. В одном из сел Бийского округа летом 1927 г. пожилая крестьянка заявила, что ей явился Христос, который открыл ей место святого соковища. Местные сельчане и священники начали копать в указанном месте, но ничего не нашли. Тем не менее место стало считаться святым и, возможно, обладающим чудодейственной целительной силой, и к нему стали стекаться паломники⁷².

Многочисленные сообщения о сверхъестественных явлениях были характерны для 1920-х гг. и служили подтверждением апокалиптического восприятия крестьянами действительности. Впрочем, эти настроения нельзя свести только к крестьянской «темноте» или суевериям. Тема апокалипсиса в крестьянском сознании и дискурсе по своей сути несет подрывной импульс, поскольку делит мир на две противоположности – добро и зло. Она формирует альтернативную символическую реальность, которую можно отчетливо наблюдать во многих крестьянских обществах в периоды напряженности или кардинальных перемен, и являет собой ключевой аспект крестьянской культуры сопротивления⁷³. Согласно Эрику Вульффу, «хаос в настоящем слишком часто воспринимается крестьянами как переворот миропорядка, а значит, как зло»⁷⁴. Во время НЭПа одни крестьяне считали советскую власть Антихристом, а другие прислушивались к рассказам о сверхъестественных явлениях и искали в них апокалиптический смысл. Рука Провидения вмешивалась в повседневный

мир крестьянства и в его политические отношения с коммунистами. Чужая городская культура противопоставлялась крестьянской культуре, коммунистический Антихрист – крестьянскому Христу, при этом первый в народном сознании был воплощением безбожия, аморальности и насилия. Учитывая центральную роль коммунистического наступления на крестьянскую культуру и религию, неудивительно, что крестьяне создали свой символический мир, не только дающий им возможность с привычной точки зрения оценивать мирскую власть, но и выражающий чувство глубокой тревоги, которым были проникнуты культура и настроения крестьян после революции.

НЭП предоставил крестьянам временную передышку, но она скорее напоминала затишье перед бурей, чем золотой век крестьянства. Хотя в ретроспективе НЭП, скорее всего, действительно можно назвать раем для деревни, поскольку он пришелся на период между Гражданской войной и коллективизацией, это было тревожное время для большинства крестьян. В 1920-е гг. апокалиптическая традиция служила лишь одной из глубинных причин крестьянского протеста и тревожного мироощущения и одной из многих форм языка сопротивления. При этом она не столько толкала деревню на активную борьбу, сколько отражала тревожную атмосферу и нестабильность той поры. Тем не менее апокалиптические веяния 1920-х гг. внесли свой вклад в формирование соответствующего мировоззрения, которое впоследствии оказало значительное влияние на крестьянское сопротивление в годы коллективизации. Кроме того, они еще больше обострили противоречия между урбанизированным коммунистическим и аграрным крестьянским мирами, подготовив площадку для столкновения культур – коллективизации.

Ночной кошмар крестьян

Коллективизация нарушила повседневную жизнь деревни, спровоцировав гигантскую волну апокалиптических страхов и слухов. Апокалиптическая тематика легла в основу языка и дискурса крестьянского восстания, отразив весь накал жестокого столкновения двух противоположных миров. Апокалиптическая традиция, направленная против колхозов и насаждавшего их государства, стала средством выражения крестьянского протеста.

Очень многие слухи были связаны со сверхъестественными событиями, однако встречались и более приземленные, касавшиеся экономических и политических вопросов. Среди экономических тем можно отметить налоги, цены на зерно и хлебозаготовки. Разговоры о налогах и ценах на зерновые были привычными: крестьяне обсуж-

дали, стоит ли ожидать весной повышения цен на зерно, какие новые налоги собирается ввести власть⁷⁵. Иные слухи были связаны с конкретными событиями, такими, как появление статьи Сталина «Головокружение от успехов» в начале марта 1930 г.⁷⁶, или с историями о партийном руководстве. Так, по некоторым слухам, ходившим перед началом коллективизации и в ее первые годы, Троцкий и Бухарин выступали защитниками крестьян в Москве. В начале 1930 г. в Ивановской области говорили: «Хороши Бухарин и Троцкий... Сталин хочет оставить всех голодными»⁷⁷. В Центрально-Черноземной области в тот же период ходил слух, будто Троцкий находится в Китае, где готовит нападение на Советский Союз⁷⁸. Если симпатию крестьян к Бухарину можно понять, то в отношении Троцкого, видимо, действовало правило «враг моего врага – мой друг». Некоторые утверждали, что и Сталин друг крестьян: так, в начале 1930 г. в Курганском округе прошел слух, будто Сталин и вдова Ленина Крупская собирались ездить по деревням и арестовывать коллективизаторов⁷⁹. Наконец, многие слухи отражали страхи жителей различных регионов, например молва о «рассказывании» на Кубани и в других местах или ходившие в Молдавии разговоры о том, что скоро придут румынские войска и начнут вырезать коллективизаторов⁸⁰. Однако наиболее распространенные слухи того времени представляли проекцию апокалиптических настроений и мировоззрения крестьян. Среди них можно выделить пять основных типов: о приходе Антихриста, о Божьей каре, о неизбежности войны и вторжения, о безбожности и аморальности коммунистов и о том, что введение колхозов – это начало нового крепостного права⁸¹.

Слухи о коллективизации первого и самого распространенного типа гласили, что советская власть и колхозы несут на себе знак Антихриста, началось его царство и близок конец света⁸². В 1929 г. на Средней Волге был широко распространен слух, что «Советская власть не от бога, а от Антихриста»⁸³. Самое близкое и очевидное проявление его власти – колхоз, хотя «сатанинскими силами» или «слугами Антихриста» могли стать агрономы, рабочие бригады или даже трактор⁸⁴. Крестьян предостерегали не вступать в колхозы, иначе их клеймят (в буквальном смысле, на лбу) печатью Антихриста, чтобы проклясть во время второго пришествия или опознать в случае восстания⁸⁵. В Сталинградском округе на Нижней Волге один казак говорил всем о неизбежном пришествии Христа и предупреждал: «Колхоз – это дьявольское клеймение, от которого нужно спастись с тем, чтобы попасть в царствие Божье»⁸⁶. В некоторых деревнях говорили, что в домах недавно вступивших в колхоз поселилась «нечистая сила» и что колхоз послан людям как кара за грехи⁸⁷. По словам работника ОГПУ, на Нижней Волге в 1930-х гг. «религиоз-

ные предлоги» были основой «кулацкой пропаганды» и слухов о колхозах. Там говорили, например: «Колхоз несовместим с религией. Там вас заставят работать в воскресенье, закроют церкви и не дадут молиться»; «Вступая в колхоз, вы подписываетесь под лист антихриста, бегите от колхоза, спасайте свою душу!» В Аткарском округе Саратовского района женщина-староверка предвещала: «Вас заставят работать в воскресенье, если вы пойдете в колхоз, вам приложат ко лбу и на руках печать Антихриста. Сейчас уже началось царство Антихриста, и вступать в колхоз большой грех, об этом написано в Библии»⁸⁸.

Многие слухи говорили о неизбежно надвигающемся дне возмездия и Божьей кары. Нацеленные на коммунистов и крестьян, которые вступили или собирались вступить в колхоз, они пророчили гибель всем, кто перешел на сторону советской власти. В одной казачьей станице на Кубани ходил слух, что 1 августа 1929 г. настанет «черная ночь», когда казацкие части учинят расправу над бедняками и крестьянами не из числа казаков. Ночью 1 августа многие крестьяне ушли в степь, а остальные собрались по двадцать человек в одной избе с оружием в руках⁸⁹. В других местах слухи предвещали схожий судный день, называя его резней Варфоломеевской ночи. Так, в конце лета 1929 г. по деревням Чапаевского района ходили слухи о Варфоломеевской ночи, в которую убьют всех, кто вступил в колхоз⁹⁰. Во Владимирском округе в Ивановском промышленном районе в конце января 1930 г. появились слухи о надвигающейся резне Варфоломеевской ночи и уничтожении мира по повелению Бога⁹¹. Схожие слухи сопровождали кампании по коллективизации на Урале и в Чувашии⁹². В селе Бочарко в Харьковской области распространился слух, будто из недавно закрытой местной церкви сиял чудесный свет, а на одном из куполов появилась надпись: «Не ходите в колхозы и коммуны потому, что я вас поражу за это»⁹³. В других местах слухи были более земными. Например, в Московской области тех, кто намеревался вступить в колхоз, предупреждали, что их выгонят из своих домов, которые пустят на дрова. Там же ходили упорные слухи, что в колхозе крестьянам придется есть крыс, и зловещий слух о том, что в соседней деревне одну из женщин нашли повешенной вскоре после того, как она вступила в колхоз⁹⁴. Во многих селах шла молва, будто скоро будет восстание. Летом 1930 г. в селе Сорошинском Оренбургского района Оренбургского округа на Средней Волге крестьянин Воронин уверял соседей: «Теперь мужики везде готовы, и, если начнется восстание, все как один примут в нем участие»⁹⁵. В середине 1931 г. в Центрально-Черноземной области новую волну коллективизации сопровождали слухи о восстаниях в других регионах страны и о стачке донбасских шахтеров. В тот же период в Цент-

рально-Черноземной области и в Западной Сибири ходили слухи о скорой войне и неизбежном падении советской власти⁹⁶.

Слухи о войне и вторжении были естественным продолжением слухов об Антихристе и божественном возмездии. Страх перед войной витал в деревне на протяжении всех 1920-х гг., особенно усилившись во время паники 1927 г. и хлебозаготовительных кампаний⁹⁷. Он остался и в эпоху коллективизации, приняв форму молвы о грядущем вторжении. Среди потенциальных захватчиков в основном называли англичан, поляков, китайцев и японцев, хотя иногда говорили только о вторжении «банд» или «всадников», обращаясь к апокалиптическим образам. При этом часто добавляли, что вступившие в колхоз либо будут убиты этими войсками, либо станут первыми, кого призовут на военную службу⁹⁸. Частично эти слухи были вызваны постоянным военным психозом в Москве, и это свидетельствует, что крестьяне следили за политическими событиями. Однако в данном случае официальная пропаганда подливала масла в огонь апокалиптических настроений деревни, позволяя крестьянам по-своему толковать ситуацию. В результате слухи о войне и вторжении стали предвещать конец света и ужасную судьбу тем, кто, вступив в колхоз или оказав другую услугу советской власти, отдал свою душу Антихристу.

Еще одним видом слухов, не столь тесно связанных с апокалиптической тематикой, были рассказы о безбожной природе коммунизма и об отвратительных нравах колхоза, чаще всего связанные с семьей. В деревне говорили, что всех жен сделают общими, а спать придется всем под одним одеялом⁹⁹. Как отмечает сотрудник Института научных исследований коллективных хозяйств, эти слухи гуляли буквально по всему СССР¹⁰⁰. Слухи об «общем одеяле» вернули к жизни миф времен Гражданской войны о намерении коммунистов национализировать женщин¹⁰¹. Судя по всему, помимо этого пищевой для них стали один или два случая, когда местные активисты действительно внедрили нечто очень схожее с «общим одеялом». Так, один уполномоченный Рабкрин (Рабоче-крестьянской инспекции) сообщил женщинам, что им всем придется спать под одним одеялом со всеми мужчинами. А на Северном Кавказе местные активисты одной из деревень действительно конфисковали все одеяла и сказали крестьянам, что отныне все будут спать на семисотметровой кровати под семисотметровым одеялом¹⁰². Слухи об общем одеяле часто сопровождались разговорами о том, что женщинам остригут волосы, а детей увезут в другие страны или сделают общими¹⁰³. На митинге женщин в Шадринском округе на Урале в мае 1930 г. коллективизаторы на самом деле сообщили женщинам, что им придется остричь волосы, поскольку они нужны правительству в каче-

стве утильсырья¹⁰⁴. В 1930 г. на Северном Кавказе говорили, будто детей вывезут в Китай «для улучшения породы» (видимо, китайской)¹⁰⁵. На Урале ходили слухи, что детей отправят в специальную детскую колонию¹⁰⁶. В Ленинградской области женщины и девушки были напуганы слухами о том, что с приходом колхозов «детей отберут», «волосы остригут» и конфискуют все приданое¹⁰⁷. В других деревнях говорили, что девушек и женщин вывезут в Китай в качестве платы за КВЖД¹⁰⁸. Женщины деревни Старые Челны в Старочелнинской волости Ставропольского кантона Татарии страшились, что в колхозе их волосы остригут как конские хвосты, заберут детей, им всем придется есть собачье мясо и будут «мужьев выдавать таких, каких нам не надо»¹⁰⁹. На Средней Волге в деревне Покровка Чапаевского района ходил слух, что в колхозе «все будет общее, и мужа и жены... Волосы остригут... Детей отберут, и вы их не будете видеть, будут воспитывать их в сатанинском духе... Церкви сожгут»¹¹⁰. В Майкопском округе на Северном Кавказе зимой 1929 г. бытовало представление о жизни в колхозе, в котором соединились страхи, связанные с представлениями об упадке нравов и об Апокалипсисе: «В колхозах будут класть специальные печати, закроют все церкви, не разрешат молиться, умерших людей будут сжигать, воспретят крестить детей, инвалидов и стариков будут убивать, мужей и жен не будет, будут спать под одним стометровым одеялом. Красивых мужчин и женщин будут отбирать и загонять в одно место для того, чтобы производить красивых людей. Детей от родителей будут отбирать, будет полное кровосмешение: брат будет жить с сестрой, сын – с матерью, отец – с дочерью, и т. д. Колхоз – это скотину в один сарай, людей в один барак...»¹¹¹

Истории об отвратительных нравах колхоза служили метафорами аморальности, безбожия и зла, присущих коммунизму. Эти рассказы ложились на почву апокалиптических настроений, принимая форму системы убеждений, в которой мир коммунизма-Антихриста был непосредственно связан с сексуальной аморальностью и другими извращениями.

Слухи, сравнивающие коллективизацию с крепостным правом, были еще одной метафорой такого рода. Крепостное право стало символом предательства коммунистами идеалов революции, самой ужасной аналогией, которую могло вообразить крестьянство, в чем историческом сознании крепостное право продолжало играть центральную роль. Во всех деревнях крестьяне проклинали революцию и коммунистическую партию. Осенью 1931 г. в Центрально-Черноземной области следователи ОГПУ отметили такие высказывания крестьян: «Нас коммунисты в революцию обманули, всю землю, выходит, им обрабатываем бесплатно, а теперь последних коров бе-

рут»; «Не дают крестьянам никакой свободы, нам нами издеваются и последних коров отбирают»; «Так делают только бандиты, раз отбирают у середняка последнюю корову»¹¹². Один крестьянин со Средней Волги говорил: «Я 30 лет работал рабочим, мне все говорили – “революция”, я не понимал, но теперь понял, что такое революция, оказывается, она отбирает все у крестьян и оставляет их голодными и раздетыми»¹¹³. Другой житель того же региона возмущался: «Вот вам власть, последнюю корову отбирает у бедняка, это не советская власть, а власть воров и грабителей»¹¹⁴. В Ленинградской области крестьяне сравнивали колхоз со «старой барщиной»¹¹⁵. Похожие аналогии появлялись в слухах, ходивших в Центральном промышленном районе, Западном районе, на Нижней и Средней Волге, на Кубани и во многих других местах¹¹⁶. Жители деревни Ильино Кузнецкого района Кимрского округа Московской области в начале 1930 г. предупреждали: «Колхозы это барщина, второе крепостное право»¹¹⁷. Согласно донесению ОГПУ того же периода, на Украине крестьяне говорили: «Нас тянут в коллектив, чтобы мы были вечными рабами»¹¹⁸. Слухи несли весть о том, что коллективизация означает хаос, голод, гибель посевов и скота¹¹⁹. Некоторые шли еще дальше, предвещая возвращение помещиков и белых. Они усиливали страх крестьян перед закрепощением, взывая к образам вторжения и всадников Апокалипсиса¹²⁰. Смысл таких слухов был ясен каждому жителю деревни. Вряд ли крестьяне действительно думали, что колхоз – это возвращение к настоящему крепостному праву¹²¹. Последнее скорее служило метафорой для отражения всего того зла и несправедливости, которые обрушились на деревню. Как и тема апокалипсиса, восприятие колхоза как крепостного права было одной из форм инверсии советской власти и революции.

В годы коллективизации по советской деревне ходили слухи всех этих видов. Каждый из них был прямо или косвенно основан на апокалиптических страхах и верованиях. Слухи об Антихристе были чисто апокалиптическими; разговоры о возмездии, войне и вторжении вызывали в сознании крестьян образы четырех адских всадников¹²². Слухи о нравственных извращениях в колхозе произошли от представления о порочной триаде «коммунизм – Антихрист – разврат», где в российских реалиях к традиционной связи между всем дьявольским и развращенным добавился компонент коммунизма¹²³. Слухи, в которых коллективизация ассоциировалась с закрепощением, не всегда носили апокалиптический оттенок; крепостное право служило в них метафорой зла, земного, социального конца света, который, будучи связан с коммунистической политикой коллективизации, превращал коммунистов в помещиков, а революцию 1917 г. – в фарс. Каждый из слухов по-своему указывал на приближение кон-

ца. В крестьянском апокалиптическом сознании не было образов тысячелетнего царствия Христа после его второго пришествия, золотого века, который последует за падением власти Антихриста. Крестьянский апокалипсис представлял собой исключительно отрицательное явление. Упор на то, что близится окончательный конец света и царство Антихриста, отражал безнадежность и отчаяние, охватившие деревню в годы сплошной коллективизации. Однако уже самим фактом отрицания эти слухи перевернули коммунистический мир. Восприятие коллективизации крестьянством было не просто реакционным; «его ключевой характеристикой был переворот мира... сознание выражало себя в отрицании существующего порядка, а не в поиске нового»¹²⁴. Коммунизм стал воплощением Антихриста. Все, что в коммунистическом мире было правильным и логичным, стало для крестьянского мира прямо противоположным. Именно в этом смысле слухи об Апокалипсисе толкали крестьян на борьбу и создали идеологию крестьянского сопротивления¹²⁵.

Акцент на царстве Антихриста служил показателем протестной природы апокалиптического мировоззрения эпохи коллективизации. Он исключал для каждой из сторон возможность придерживаться нейтралитета в противоборстве, ставшем войной между силами добра и зла. Всем стремившимся к спасению приходилось выбирать между Богом, с одной стороны, и советской властью, колхозом и Антихристом, с другой. Миры политики и религии слились в один, и все политические события стали рассматриваться крестьянами через призму Апокалипсиса. Последний, таким образом, оказался не просто способом осмысления кардинальных перемен эпохи первой пятилетки, но и руководством к действию. Перед выбором между спасением и проклятием верующему человеку не оставалось ничего другого, как сопротивляться политическому курсу и действиям государства. Ввиду этого апокалиптические предостережения адресовались тем, кто вступил в колхоз или еще колебался. Апокалиптические слухи способствовали упрочению единства крестьянства, стали призывом к оружию и мотивацией для более активных форм крестьянского протеста и сопротивления коллективизации.

«От Господа Бога»

Подогреваемые страхом и нарушением прав крестьянства, слухи распространялись по деревне, как гигантский пожар. Крестьяне собирались небольшими группами и обменивались последними новостями у колодца или на рынке; молодежь устраивала посиделки,

сосед обсуждал вести с соседом¹²⁶. Считалось, что в основном слухи распускают женщины и маргинальные группы крестьян, которые, как следовало из советских источников, находились под влиянием кулаков, священников и прочих «контрреволюционных элементов». Женщины казались по своей природе жадными до слухов, особенно апокалиптических, поскольку были религиознее мужчин и шире вовлечены в дела деревни, что способствовало тесному общению друг с другом¹²⁷. Аналогично естественными разносчиками слухов представлялись такие маргинальные фигуры, как странствующие паломники, нищие и юродивые, постоянно переходившие от деревни к деревне¹²⁸. Однако, учитывая масштабность слухов, непонятно, были ли именно эти люди действительно главными распространителями, или же их таковыми хотела видеть партия. Возлагая вину за распространение слухов на «баб» (в основном пожилых), советская власть, осознанно или нет, пыталась умалить значимость этих устных рассказов, сведя их до чисто «женского дела». Обвиняя же в этом странников и прочих бродяг, можно было маргинализировать слух и связать его с довольно архаичным, а потому политически не значимым слоем крестьянского общества. Независимо от того, были ли эти категории крестьян главными распространителями слухов, необходимо отметить, что советская власть могла *деполитизировать* веру в слухи, поскольку считала крестьянок, странников, нищих и тому подобных отсталыми и политически безграмотными. Таким образом, государство пыталось политическими мерами умалить значимость слухов как контридеологии и разрядить вызванную ими взрывоопасную обстановку.

Советская власть стремилась локализовать слухи в границах источника их распространения и тем самым минимизировать их угрозу. Поскольку власть считала женщин и других маргинальных персонажей доверчивыми и примитивными, источником слухов должен был быть кто-то еще. Вполне предсказуемо ответственность за распространение слухов легла на кулака и сельского священника. Остается открытым вопрос, были ли кулаки инициаторами слухов или же крестьянам приписывали статус кулака за то, что они их распространяли. Однако, исходя из логики советской власти, только кулак мог высказывать столь опасные, контрреволюционные политические идеи, поэтому распространяющий их крестьянин оказывался кулаком в силу самого этого факта. Несколько десятков лет спустя Солженицын в книге «Архипелаг ГУЛаг» писал об отголоске той эпохи: слухи, ходившие в ГУЛаге, всегда назывались «кулацкими слухами»¹²⁹. Наряду с кулаком статус подстрекателя получил и сельский священник. Логично предположить, что священник действительно играл некоторую роль в распространении апокалиптических слухов, по-

скольку и для крестьян, и для служителей церкви коллективизация являлась апокалипсисом. Более того, священники были носителями апокалиптического языка и дискурса. Один активист из Пензенской области на Средней Волге докладывал: «Везде попы пустили легенду, что в Пензе на Девичьем монастыре на кресте горит свеча день и ночь, и надо сказать, что народа идет туда черт знает сколько смотреть эти чудеса. Мало этого, говорят, что скоро придет папа римский, власть падет и всех коммунистов и колхозников будут давить»¹³⁰.

В Ростове-на-Дону местный дьякон заявил: «Я вам глаголил, что приходит конец миру, нужно с помощью Бога вести борьбу против Антихриста и его сынов»¹³¹. Священники Гельмязовского района Шевченковского округа на Украине предсказывали, что самые простые формы коллективного хозяйства «будут существовать 28 дней, артель 21 день и, начиная с 1 февраля, если перейдем в коммуны, то еще 42 дня будем жить, а потом наступит конец мира»¹³². В других местах священники говорили пастве, что колхоз послан им в наказание за грехи¹³³.

Таким образом, распространение контрреволюционных слухов вменялось в вину официальным врагам государства. Теперь, установив источник этих слухов, советская власть могла обрушить на виновников весь механизм репрессий, не опасаясь нарушить свои собственные критерии, кого считать врагом. Граждане, распространяющие слухи, которые могли быть истолкованы как пропаганда или антигосударственная агитация, преследовались по зловещей 58-й (п. 10) статье Уголовного кодекса – контрреволюционные преступления. Их ожидали тюремное заключение на срок не менее шести месяцев, а в случае тех же действий при массовых волнениях или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс – расстрел. Обвиненных в распространении слухов, не связанных с контрреволюционной деятельностью, судили по статье 123 Уголовного кодекса – совершение обманных действий с целью возбуждения суеверия в массах населения для извлечения таким путем каких-либо выгод, предполагавшей наказание в виде принудительных работ на срок до одного года с конфискацией части имущества или штрафа до пятисот рублей¹³⁴. В любом случае советская власть могла выбирать, когда судить по этим статьям тех, кто якобы стремился использовать аполитичную и доверчивую «бабу» и ее друзей, и есть подозрение, что большинство распространителей слухов в отсутствие других нарушений избегали наказания. Более того, похоже, «бабы» и бродяги даже извлекли выгоду из того факта, что, по мнению партии, были недостаточно политически самостоятельны – благодаря этому они не несли и никакой ответственности за свои действия.

То, что отношение к слухам имели не только кулаки и священники или «бабы» и прочие маргиналы (даже если они и сыграли в их распространении центральную роль), становится очевидным, если посмотреть, какие разнообразные формы могли принимать слухи, извещающие о близком конце света. Часто это были частушки или божественные письма; иногда темы апокалиптических слухов затрагивались в выступлениях крестьян на собраниях. Частушки, основной элемент дореволюционной крестьянской народной культуры, постоянно отражали текущие события. Многие из частушек того периода посвящены голоду в колхозе и призывают крестьян не вступать в него. Вот одна из них:

Трактор пашет глубоко,
Земли сохнут.
Скоро все колхозники
С голоду подохнут¹³⁵.

Другие народные стихи предостерегали, что карой за вступление в колхоз будет печать Антихриста:

О братья и сестры, не ходите в колхозы...
Антихриста трижды вам будет печать
Наложена. На руку будет одна,
Вторая на лбу, чтоб была видна,
И третья наложится вам на груди.
Кто верует в бога, в колхоз не входит...¹³⁶

Апокалиптические настроения также нашли отражение в божественных письмах – строках, якобы написанных Богородицей или Христом. В одной деревне в Ойротии Бог написал: «Люди не стали верить в меня. Если так пойдет, то через два года будет светопреставление. Дальше я терпеть не могу»¹³⁷. В начале 1930 г. в одном из районов Астраханской области ходил слух, будто Богородица послала письмо, написанное золотыми буквами, в котором предостерегала, что на колхозы обрушатся болезни и наказания и они будут уничтожены отрядами всадников¹³⁸. В конце 1929 г. на Северном Кавказе странствующий паломник, утверждавший, что он – Христос, предрекал скорый Страшный суд и показывал письмо, посланное пресвятой Богородицей, в котором она призывала всех верующих покидать колхозы¹³⁹. На одном из писем, ходивших по рукам в Каменском округе Сибири, стоял штамп немецкого предпринимателя; как сообщали, он наделял письмо авторитетом в глазах крестьян¹⁴⁰. Божественные письма были популярной формой распространения слухов и в крестьянских обществах других стран¹⁴¹.

Божественное происхождение слухов придавало им, и в частности содержащимся в них апокалиптическим верованиям и протесту, легитимность, подобно тому как претенденты на трон в дореволюционной России придавали легитимность восстаниям крестьян¹⁴². У меня нет данных хотя бы об одном случае появления харизматичного пророка, предсказывавшего конец света, как это часто бывало в периоды накала апокалиптических настроений в других странах в прошлом, по всей видимости, в России в это время действовало множество мелких и скромных предсказателей, которые оглашали свои идеи и быстро перемещались на другое место, осознавая их опасность.

Слухи передавались также на крестьянских собраниях и в тайно распространяемых листовках. В 1929 г. на заре сплошной коллективизации вся деревня гудела, обсуждая свою дальнейшую судьбу. В эти тревожные времена крестьянские собрания по вопросу коллективизации проходили в каждой деревне, и власти всегда считали их «тайными встречами кулаков»¹⁴³. С началом сплошной коллективизации в деревнях также появились антиколхозные листовки¹⁴⁴. Даже в таких отдаленных друг от друга уголках страны, как Ленинградская область и Западная Сибирь, распространялись листовки схожего содержания, угрожавшие смертью членам коммунистической партии и крестьянам, вступившим в колхозы¹⁴⁵. В одном из районов Сибири появились письма «от Господа Бога», запрещавшие вступать в колхозы¹⁴⁶. В других местах крестьяне получали письма от своих товарищей, покинувших деревню, где говорилось, что близится конец света и единственное спасение – выйти из колхоза¹⁴⁷.

Хотя очевидно, что в годы коллективизации апокалиптические слухи принимали самые разнообразные формы и находили широкое распространение в деревне, невозможно точно оценить, кто полностью принимал их на веру. Имеющиеся в распоряжении источники не позволяют провести анализ реакции крестьян, учитывая их пол и возраст. Кроме того, политизация определения класса, характерная для того времени, не дает возможности определить их социальную принадлежность. Представляется, что различные группы крестьян по-разному реагировали на известия об Апокалипсисе. О том, чтобы в него поверила вся деревня как монолитное крестьянское сообщество, речи не идет. Вопрос о доле поверивших неизбежно влечет за собой вопрос, не играли ли некоторые крестьяне на апокалиптических настроениях, дабы мобилизовать сотоварищей против государства. Для крестьян отнюдь не является необычным использование различного рода уловок в протестных действиях. Так, Дэниэл Филд предположил, что российские крестьяне в 1860-х гг. манипулировали в своих собственных интересах мифа-

ми и представлениями государства о деревне¹⁴⁸. Крестьянки постоянно прикрывались представлением о них как об отсталых и нерациональных существах, чтобы им сошел с рук в высшей степени рациональный политический протест против коллективизации¹⁴⁹. Возможно, некоторые крестьяне использовали апокалиптическую традицию как средство мобилизации деревни в оппозицию против государства, поскольку эта традиция, очевидно, служила крестьянам готовым религиозным и моральным мотивом для протеста и незаконной деятельности¹⁵⁰. Тем не менее, рассматривая тему веры и уловок, необходимо подчеркнуть, что, независимо от того, рождались ли апокалиптические слухи искренними убеждениями или использовались в качестве средства мобилизации, на практике они *сплотили* крестьян на борьбу с коллективизацией. Это произошло благодаря формированию крестьянского языка протеста, пропущенного через призму метафор, – «основного механизма народного дискурса», по словам Ле Руа Ладюри¹⁵¹, который был политически релевантен и популярен. Отрицание и инверсии, присущие апокалиптическим прогнозам, повышали сознательность крестьянских масс, создавая альтернативную правду и реальность, с точки зрения которой сельчане могли рассматривать и оценивать советскую власть. Масса слухов содержала скрытые или явные предостережения в адрес тех, кто мог выпасть из лона общины и перейти на сторону советской власти и колхоза, еще больше подстегивая формирование этой сознательности. Подчас слухи становились принудительным инструментом убеждения, служащим для укрепления общественных норм и идеалов сплоченности и единства перед лицом внешней угрозы. В такой перспективе вопрос о вере в них становится вторичным, а то и вовсе теряет актуальность.

Мир слухов, передававшихся устно, в традиционной или письменной форме, представлял собой вид закулисного общественного пространства, где артикулировалось собственное мнение крестьянства. Слух *теоретически* был общедоступным социальным пространством, в рамках которого крестьяне могли начать и поддерживать политический диалог с советской властью, коммунизмом и колхозом. Он также служил формой культурного дискурса, существовавшего несмотря на коммунистическое наступление на крестьянскую культуру, противоречившего государству так же, как церковь и община. Содержание и опасный потенциал этого дискурса обусловили его подрывную природу и форму. Он предоставил крестьянам необходимое пространство для формирования идеологии протеста, которая стала силой, объединившей и мобилизовавшей их против государства посредством отрицания легитимности советской власти.

Заключение

Подспудные апокалиптические настроения 1920-х гг. вышли на первый план в годы сплошной коллективизации, став мощным символом крестьянской оппозиции государству. Крестьяне пытались защитить и сохранить свой образ жизни, на который велось политическое и идеологическое наступление. Коллективизация стала в их глазах кульминацией этой атаки. Она означала победу Октябрьской революции – по крайней мере ее сталинской версии – и города над деревней. В сущности, коллективизация была отнюдь не просто попыткой отобрать зерно или создать колхозы, а символом битвы двух различных миров и двух различных культур. Это столкновение культур отчетливо отразилось в апокалиптическом мировоззрении крестьянства, проявившем себя после 1927 г. и особенно в годы коллективизации. Большинство крестьян видели в государстве «чужую» силу – «они» противостояли крестьянскому «мы». Дихотомия государства и общества (по крайней мере, крестьянского) прочно закрепились в сознании низов и в глазах крестьянина являлась также дихотомией сил зла и сил добра. Это столкновение культур и политик символизировал Апокалипсис; кампания по коллективизации стала Армагеддоном.

Массовый протест крестьян распространился по всей стране, приняв в годы коллективизации множество различных форм. Апокалиптические слухи были не единственной из них, и далеко не всегда крестьянский протест выражался через призму Апокалипсиса. Многие противостояли представителям советской власти напрямую, используя более современный политический язык. Тем не менее представляется, что главным языком протеста стал апокалиптический – в том числе, возможно, благодаря тому, что сопротивление крестьян в тот период было в основном только их собственным делом. В отличие от многих восстаний прошлого, население города не приняло участия в этом протесте, и вообще «чужаки» не оказали значительного влияния на крестьянские волнения того времени. Единственное возможное исключение составляли священники, которые, судя по всему, лишь укрепили уже существовавший апокалиптический подход к политике. Недостаток современных форм политического дискурса и других институционализированных каналов протеста, как и помощи сторонников извне, привел к тому, что для выражения своего оппозиционного мнения крестьяне обратились к старой традиции¹⁵².

Широкий отклик, который апокалиптический дискурс встретил во время коллективизации, также следует понимать в контексте специфики того времени. В представлении крестьянина Апокалипсис

максимально точно описывал текущее положение дел. Учитывая реалии той эпохи, в том, что крестьяне размышляли о своей судьбе в апокалиптических терминах, не было ничего иррационального или странного. Страна стонала от насилия и разрухи. Судя по всему, старому миру, похоже, пришел ужасный конец, и крестьяне стали жертвами неподвластных им сил. В результате многие обратились к старым религиозным идеям и образу мыслей, приспособив их под свои нужды и сформировав из них мощную доктрину бунта. Идея Апокалипсиса вернула крестьянству некоторый контроль над ситуацией, позволив осмыслить трагическую войну против него, которая иначе представлялась совершенно бессмысленной.

3

«У НАС КУЛАКОВ НЕТ»: КРЕСТЬЯНСКИЙ ЛУДДИЗМ, УЛОВКИ И САМОЗАЩИТА

С легкой руки Якова Лукича каждую ночь стали резать в Гремячем скот. Чуть стемнеет, и уже слышно, как где-нибудь приглушенно и коротко заблеет овца, предсмертным визгом просверлит тишину свинья или мыкнет телка. Резали и вступившие в колхоз, и единоличники. Резали быков, овец, свиней, даже коров; резали то, что оставлялось на завод... В две ночи было ополовинено поголовье рогатого скота в Гремячем. По хутору собаки начали таскать кишки и требушки, мясом наполнились погреба и амбары. За два дня еповский [ЕПО – Единое потребительское общество] ларек распродал около двухсот пудов соли, полтора года лежавшей на складе. «Режь, теперь оно не наше!», «Режьте, все одно заберут на мясозаготовку!», «Режь, а то в колхозе мясца не придется кусануть!» – полз черный слухок. И резали. Ели невпроворот. Животами болели все, от мала до велика. В обеденное время столы в куренях ломились от вареного и жареного мяса. В обеденное время у каждого – масляный рот, всяк отрыгивает, как на поминках; и от пьяной сытости у всех посоловелые глаза.

М. Шолохов. Поднятая целина

Идеология крестьянского сопротивления распространялась среди сельского населения через многочисленные слухи, кого-то убеждая в том, что конец близок, других – что мир перевернулся и пришла пора свергнуть советского Антихриста. Апокалиптические настроения крестьянства наряду с грабительскими и жестокими действиями государства свидетельствовали о приближающемся упадке крестьянской жизни и культуры. Гражданская война между городом и деревней была не за горами, и, когда она началась, крестьяне восстали, чтобы встретиться с врагом в кровавой битве. Однако насилие они применяли только в крайнем случае. Прежде чем вступить в войну

с советской властью, чьи силы намного превосходили их собственные, крестьяне пытались уклониться от попыток коллективизации и раскулачивания посредством как коллективных, так и индивидуальных способов самозащиты. Апокалиптический дискурс крестьянского сопротивления проявлялся и на практике. Крестьяне боролись за то, чтобы подорвать понятия класса и власти в коллективизируемой деревне посредством луддизма, различного рода уловок и самозащиты.

Самозащита крестьянства могла принимать множество различных форм. В данной книге у меня не было цели представить все их многообразие, поэтому речь пойдет о наиболее распространенных, лучше всего отражающих суть культуры сопротивления. Самозащиту крестьянства можно рассматривать как особую форму латентного сопротивления. Несмотря на то что зачастую она ограничивалась мужицкими выступлениями, это не были иррациональные поступки или выходки отсталого крестьянства. Напротив, это была логично структурированная, политически организованная, человеческая форма самозащиты. Это мог быть и однозначный прямой протест, однако чаще всего действия крестьян напоминали «оружие слабых»¹: использование в своих целях образа неразумного мужика, сложившегося в представлении государства, переход на язык врага либо защитные акты сопротивления, такие, как укрывательство или уничтожение источников дохода с целью изменения своего социально-экономического статуса.

Самой наглядной и опасной формой самозащиты являлось то, что советские власти называли «разбазариванием», – уничтожение или продажа скота, инвентаря и даже урожая. Как форма протеста, саботажа или просто способ уничтожения имущества разбазаривание позволяло крестьянам защитить себя от риска, связанного с внедрением системы колхозов. Для крестьян, попадавших под категорию кулаков, разбазаривание служило лишь одним из способов смены своего социально-экономического статуса, или самораскулачивания. Последнее включало в себя и другие уловки вплоть до ухода из деревни вообще, в связи с чем в итоге самораскулачивание превратилось в самораскрестьянивание. Как разбазаривание, так и самораскулачивание представляли собой инверсионные формы протеста: крестьяне пытались кардинальным образом изменить понятие «класс» в деревне, которое насаждали коммунисты.

Крестьяне также предпринимали попытки защищать друг друга. Многие деревни объединялись для поддержки своих соседей, друзей или родственников, которых обвиняли в кулачестве. Фраза «У нас кулаков нет» зазвучала по всей сельской местности, когда крестьяне осознали, что термин «кулак» не разделял их, а, наоборот, являлся

важным уравнивающим инструментом, поскольку на карту были поставлены интересы *всего крестьянства*, ведь практически любой мог быть объявлен кулаком. Более того, поддержка или защита кулаков представляла собой скрытую и опасную форму протеста, которая интерпретировалась государством как контрреволюционная деятельность или происки «подкулачников». Когда все другие методы были испробованы и не дали должных результатов, крестьяне обратились к наиболее традиционным формам защиты: написанию писем и петиций в вышестоящие властные органы. Они писали как за себя, так и за других, как коллективно, так и индивидуально. Таким образом крестьяне выражали свой протест, пытались адаптироваться к новым условиям, в том числе путем притворства и обмана, однако в письмах слышались также мольба и надежда на справедливость.

Государство одержало в ходе коллективизации абсолютную победу. Тем не менее крестьянские акты самозащиты не прошли бесследно. Разбазаривание скота приобрело настолько массовый и деструктивный характер, что оказало непосредственное влияние на формирование государственной политики в краткосрочной перспективе и подорвало потенциал коллективного сельского хозяйства в долгосрочной. Ценой исчезновения целой культуры самораскулачивание спасло сотни тысяч крестьян от экспроприации имущества, ссылки и гораздо более тяжелых последствий. В то же время наряду с разбазариванием самораскулачивание оказало значительное влияние на формирование политического и экономического курса государства. Другие формы самозащиты, возможно, и помогли отдельным крестьянам, но, что более важно, как и разбазаривание в деревне, они продемонстрировали государству сплоченность крестьянства и его способность выступать единым классом в защиту своих интересов.

«Уничтожается лошадь как класс»

Период безрассудного забоя скота и обжорства в вымышленном селе Гремячем (описанный в эпиграфе к этой главе) долгое время господствовал в представлениях о крестьянском сопротивлении коллективизации. Говорили, что подстегиваемые слухами и рассказами действия крестьян по всей стране переросли в настоящую вакханалию: забой скота, разрушение имущества и прочие спонтанные и иррациональные поступки, свидетельствующие о массовой панике. По всей видимости, реакция крестьян на политику коллективизации служила примером их взрывного характера, бунтарской природы и стихийности сопротивления: они слепо разрушали, убивали и резали, ни на секунду не задумываясь о своих экономических интере-

сах и собственной судьбе. Ущерб, нанесенный домашнему животноводству и стадам, имел катастрофические последствия. Государство обвиняло в этой бойне кулаков и их агитацию, вследствие которой «темные» и «вспыльчивые» мужики и бабы приходили в неистовое буйство.

Позднейший британский историк марксистского толка Исаак Дойчер, который всегда был рупором независимых идей в литературе, обычно склоняющейся к консенсусу, предложил альтернативный взгляд на массовое уничтожение скота, инвентаря и другого имущества крестьян, происходившее на пике сплошной коллективизации. Он назвал его «величайшим мужицким восстанием луддистского характера»². Тем самым Дойчер попал в самую точку, так как накануне и во время коллективизации сельского хозяйства действительно имел место особый тип крестьянского луддизма. Разбазаривание, или массовый саботаж нового коллективного хозяйствования, было его ключевым компонентом. Крестьяне выражали свой протест против несправедливости «обобществления», которое они считали грабежом, продавая или забивая животных и уничтожая другое имущество. Это была попытка сохранить хоть какие-то результаты тяжелого труда (например, в виде денег, вырученных от продажи), запастись продуктами на время приближающегося голода или, по крайней мере, не допустить, чтобы они попали в руки советской власти. Крестьянский луддизм не был буйной и саморазрушительной вспышкой темных инстинктов озлобленного инфантильного крестьянства; скорее, он представлял собой вполне рациональную реакцию, оправданную с политической, экономической и моральной точек зрения.

Однако официальная концепция разбазаривания была полезна для государства как инструмент создания желаемой политической репутации. Буквальный перевод «разбазаривания» – расточение, и этот термин государство считало самым подходящим для определения крестьянского луддизма. Будучи окрещены «разбазариванием», действия крестьян теряли политический смысл, благодаря чему эта сторона крестьянского сопротивления лишалась своей в высшей степени подрывной политической природы и становилась менее опасной. По мнению властей, крестьяне впали в коллективное безумие, ведущее к саморазрушению, находясь, вне всякого сомнения, под влиянием кулаков и других контрреволюционных элементов. Таким образом, «разбазаривание» являлось одним из тех терминов политического языка советской власти, которые превращали крестьян в «мужиков» и «баб», а их сопротивление – в безрассудную, иррациональную, спонтанную, темную стихийную силу.

Главная причина, по которой власти отказывались признать истинную суть крестьянского луддизма, кроется в политическом про-

тивостоянии государства практически со всеми крестьянами, следовавшими «кулацкой» политике и представлявшими наиболее серьезную угрозу коллективному строю сельского хозяйства, государству и нации. Разбазаривание нанесло сокрушительный и почти смертельный удар по коллективистской системе хозяйства. Прежде всего оно привело к катастрофическому уменьшению поголовья скота.

Таблица 3.1. Падение поголовья скота в СССР, 1928–1935 гг. (млн голов)

Скот	1928	1929	1930	1931	1932	1933	1934	1935
Лошади	–	34	30,2	26,2	19,6	16,6	–	–
Крупный рогатый скот	70,5	67,1	52,5	47,9	40,7	38,4	42,4	49,3
Свиньи	26	20,4	13,6	14,4	11,6	12,1	17,4	22,6
Овцы и козы	146,7	147	108,8	77,7	52,1	50,2	51,9	61,1

Источники: Nove A. An Economic History of the USSR. New York, 1990. P. 176; XVII съезд ВКП(б): Стеногр. отчет. М., 1934. С. 20.

Массовое падение поголовья продолжалось с 1928 г., когда были приняты «чрезвычайные меры» по хлебозаготовкам, до голодного 1933 г., при этом 1930 и 1932 гг. отмечены периодами наиболее резкого уменьшения числа сельскохозяйственных животных, первый из этих двух годов и станет предметом обсуждения в данной главе. На XVI съезде партии в 1930 г. нарком земледелия Яковлев сообщил, что за год с марта 1929 по март 1930 г. поголовье крупного рогатого скота сократилось на 1/5, дойных коров – на 1/8, овец – на 1/3 и свиней – на 2/5³. На том же съезде С. М. Буденный, герой Гражданской войны и один из командующих Красной армии, заявил, что за тот же период только в РСФСР поголовье лошадей сократилось на 14 %⁴.

Буденный также привел шокирующие статистические данные по регионам: в Сибири количество лошадей уменьшилось на 24,1 %, на Северном Кавказе – на 9,6 %, на Средней Волге – на 29,7 %, на Урале – на 24,1 %, в Центрально-Черноземной области – на 10 %, в Западной области – на 8,9 %. В общей сложности, по данным Буденного, за 1929–1930 гг. СССР потерял около *четырёх миллионов* лошадей⁵. Несмотря на небольшие расхождения, другие источники приводят схожую статистику по регионам. В Сибири за год с марта 1929 по март 1930 г. поголовье лошадей уменьшилось на 26 %, крупного рогатого скота – на 42 %, овец – на 43 % и свиней – на 72 %⁶. В Западной области с марта 1929 по март 1930 г. число лошадей упало на 10,8 %, крупного рогатого скота – 46,9 %, овец – на 23,9 %⁷. В Белоруссии в первом квартале хозяйственного 1929/1930 г. наряду с 38 тыс. го-

лов крупного рогатого скота крестьяне уничтожили 52 тыс. лошадей, из которых только в декабре были забиты или проданы 35 тыс.⁸ Уже к поздней осени 1929 г. на Нижней Волге, где коллективизация началась раньше, чем в большинстве других областей, поголовье лошадей и крупного рогатого скота сократилось, начиная с весны 1929 г., на 783 тыс., а овец и коз – на 2 233 тыс.⁹ По данным ОГПУ, в Центрально-Черноземной области было забито столько скота, что крестьяне кормили свиней мясом¹⁰. Потери по всей стране имели беспрецедентный характер. Самостоятельное избавление от скота стало одержимостью, охватившей всю страну: в деревнях исчезали целые виды домашних животных. Один крестьянин призывал соседей: «Скорее надо резать, а то все отберут». Другой обосновывал свои действия так: «Сегодня жив, а завтра не знаю, что будет»¹¹.

Разбазаривание стало непосредственным ответом на хлебозаготовку и коллективизацию, и этот процесс усилился во многих районах страны с лета 1929 г., практически одновременно с попытками региональных и местных властей насильственным путем ускорить темпы коллективизации. После того как крестьяне отреагировали на коллективизацию разбазариванием, региональное и местное руководство ответило на него первой волной раскулачивания. Ее инициаторами выступили отдельные регионы, не координировавшие свои действия, которые, однако, не встретили возражений наверху. Согласно Уголовному кодексу СССР, местные власти имели право арестовывать крестьян, заключать их в тюрьму, конфисковывать имущество и даже отправлять в ссылку тех, кто обвинялся в намеренном уничтожении скота и порче сельскохозяйственного инвентаря (статья 79). Более того, им разрешалось применять статью 58, пункт 10 о контрреволюционных преступлениях, если кулаки распространяли слухи, подстрекавшие других крестьян к разбазариванию¹². Первая волна была лишь началом, предпосылкой официальной кампании по раскулачиванию крестьянства, проводившейся параллельно с коллективизацией зимой 1929–1930 гг. Поскольку власти пытались помешать дальнейшему разбазариванию, оно также способствовало ускорению коллективизации на местах, особенно обобществления скота и другого крестьянского имущества. Шла вторая половина 1929 г., когда региональные и местные власти наконец поняли, как бороться с разбазариванием. Политика раскулачивания опиралась на местные, неоднозначно прописанные нормы, что позволяло распространить этот процесс на обычных крестьян, которые отнюдь не были кулаками.

Ответ центральных властей на разбазаривание прозвучал несколько позже. 10 декабря 1929 г. Колхозцентр разослал на места директиву, в которой потребовал добиться обобществления в районах

сплошной коллективизации 100 % рабочего скота, 80 % свиней и 60 % овец¹³. Эта директива, так и не получившая прямой поддержки Политбюро, была крайне радикальной реакцией на разбазаривание. Достаточно любопытно, что она издана *до того*, как декабрьская комиссия Политбюро по коллективизации закончила свою работу. Однако оказалось, что некоторые региональные власти приняли директиву как руководство к действию и с лета 1929 г. для борьбы с разбазариванием начали проводить политику массового обобществления. Положения директивы Колхозцентра появились и в резолюции Западного обкома ВКП(б) от 7 января 1930 г., и, возможно, были продублированы в других резолюциях региональных властей¹⁴. Сталин вычеркнул указания о степени обобществления внутри колхозов из проекта постановления о проведении коллективизации, представленного ему декабрьской комиссией Политбюро¹⁵. Постановление ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. «О темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству»¹⁶ предоставляло местным властям самим определять степень обобществления, а значит, и решать проблему разбазаривания.

По мере того как процессы коллективизации и раскулачивания ускорялись в конце 1929 и начале 1930 г., усиливалось и разбазаривание. Ужесточение государственной политики и ответных мер со стороны крестьян слились в порочный круг. Уже с января кампания по коллективизации вышла из-под контроля Москвы. На первых этапах ее ход скорее удовлетворял центр, однако по мере появления новых и новых сообщений о разбазаривании и других беспорядках все более очевидными становились последствия того хаоса, в который она вылилась в итоге. Начиная с середины января центральные власти предприняли ряд попыток вернуть под свой контроль коллективизацию и раскулачивание, причем без снижения их темпов. Неудачу они признали лишь в начале марта 1930 г., когда Сталин призвал к временному отступлению¹⁷. 15 января 1930 г. была создана новая комиссия под председательством В. М. Молотова для выработки конкретных мер по ликвидации кулачества¹⁸. В конце января – начале февраля этой комиссией были изданы *единственные* директивы и инструкции центральной власти, которые публично узаконили процесс коллективизации. Таким образом, центр впервые издал директивы о процедуре проведения раскулачивания, а также официально провозгласил данную кампанию, описанную во всех деталях, *политическим курсом государства*¹⁹. Одновременно с созданием комиссии для выработки общих мер по раскулачиванию были приняты несколько важнейших законов, посвященных разбазариванию. Очень маловероятно, что такое совпадение сроков было случайным. 16 января 1930 г. ЦИК и СНК СССР издали постановление «О мерах

борьбы с хищническим убоем скота», а правительство РСФСР в тот же день опубликовало схожее постановление, распространив закон на борьбу с разбазариванием как скота, так и хозяйственного имущества. В обоих документах в разбазаривании обвинялся кулак и его агитация, которая, как с сожалением отмечалось, в этом направлении опережала государственную. В отношении кулаков, виновных в разбазаривании, постановлениями предусматривалось применение жестких мер: от лишения права землепользования до конфискации имущества или даже ссылки на срок до двух лет. Хозяйства, уничтожившие скот до вступления в колхоз, лишались права на прием в него, а уже состоявшие в колхозе подлежали исключению. Постановление по РСФСР было более мягким, поскольку предоставляло таким хозяйствам шанс остаться в колхозе при условии выплаты наличными суммы, равнозначной стоимости забитого скота. Наконец, общим постановлением запрещался забой молодняка²⁰. 27 января 1930 г. этот пункт был обобщен в выпущенном сибирскими властями запрете на уничтожение любого скота в сельской местности, который ужесточил букву указа 1929 г., нацеленного на предотвращение вывоза продуктов животноводства из области²¹. 21 февраля 1930 г. центр издал постановление, запрещающее введение подобных самовольных ограничений на торговлю между регионами, но к 1 ноября 1930 г. расширил свой собственный запрет на забой молодняка, включив в него запрет на забой взрослых особей скота нескольких видов²².

Реакцией местных властей на разбазаривание стало ускорение темпов коллективизации, обобществления и раскулачивания. Так было всегда, но после официального провозглашения государством в январе политического курса на коллективизацию и раскулачивание ставки возросли. Многие региональные партийные органы отрицательно отнеслись к постановлениям центра о проведении коллективизации и в особенности раскулачивания, утверждая, что на реализацию этих кампаний отведено *слишком много* времени. Уже с середины декабря, до появления указов центральных органов власти, Варейкис, первый секретарь обкома партии Центрально-Черноземной области, призывал к сокращению «переходного периода», дабы уменьшить ущерб, наносимый поголовью скота и крестьянской собственности²³. В своей речи 9 января 1930 г. А. А. Андреев, первый секретарь Северокавказского обкома, также призывал к ускорению коллективизации скота с целью остановить разбазаривание, однако предупреждал при этом, что на данном этапе обобществление домов, огородов и птицы было бы неправильным²⁴. В конце января на собраниях Нижневолжского обкома местные руководители партии снова высказались против «достаточно длительного срока», установленно-го для раскулачивания, так как, по их мнению, за это время кулаки

успеют разбазарить свое имущество и исчезнуть²⁵. Корреспонденту газеты «Правда» удалось передать настрой высокопоставленных чиновников Ялтинского района в Крыму начала 1930-х гг. в следующей фразе: «Зачем нам дожидаться постановления собраний батрачества, бедноты и середняков – надо спешить, иначе опоздаем, лучше отбирать добро посредством маузера»²⁶. Как отмечалось в начале января в отчете ЦИК, борьба с разбазариванием скота на местах шла «главным образом по линии обобществления его»²⁷.

Тем не менее постоянное ускорение этих процессов не смогло остановить разбазаривания и других актов крестьянского сопротивления. Напротив, кампания пошла наперекосяк, поскольку, по мере того как государственные репрессии и крестьянское сопротивление подпитывали друг друга, конфликт, по мнению Москвы, принимал форму весьма опасного противостояния. В начале марта 1930 г. Сталин был вынужден объявить о приостановлении кампании, при этом центр снял с себя ответственность за все жестокости и полностью переложил вину на местные органы. Во второй половине 1929 г. и январе–феврале 1930 г. процессы коллективизации и раскулачивания развивались в контексте взаимодействия крестьянского сопротивления, реакции на него региональных и местных властей, инициатив и шагов центральных органов власти. Разбазаривание неожиданно стало играть основную роль в продвижении коллективизации, хотя необходимо учитывать, что на эти процессы накладывал отпечаток варварский характер сталинской «революции».

У крестьянского луддизма свои корни. Он возник как отклик на государственную политику в области сельского хозяйства, и отправной точкой его появления можно считать хлебозаготовительный кризис конца 1920-х гг. Сталин охарактеризовал этот кризис как «саботаж», и в каком-то смысле он был прав²⁸. Крестьяне сократили количество зерна на продажу и, в итоге, собственные посевные площади, что было экономически рациональным ответом на крайне невыгодные для них закупочные цены государства и ситуацию на рынке. Некоторые крестьяне приспособились к изменившимся экономическим условиям, начав гнать из зерна самогон или переключившись на животноводческие продукты, что было наиболее прибыльным в то время²⁹. В ответ государство вернулось к методам времен Гражданской войны, введя принудительные хлебозаготовки. Претворение в жизнь этих «чрезвычайных мер» все больше разжигало конфликт и в результате привело к исчезновению рынка из советской системы сельского хозяйства и его замене на централизованную и основанную на силовых методах командно-административную экономику.

Главным объектом разбазаривания стал скот – живой актив, от которого большинству крестьянских хозяйств было легче всего изба-

виться. Неурожаи, жестокие меры по конфискации зерна и нанесенный ими ущерб кормовым запасам по всей сельской местности привели к сокращению поголовья скота уже к началу коллективизации. В этот момент крестьяне обнаружили, что им больше нечем кормить животных, и попытались сохранить хоть какие-то запасы зерна, чтобы спасти свои хозяйства от разорения, а семьи от голода³⁰. По данным Яковлева, в 1929 г. сильнее всего пострадали такие области, как Крым, Урал, некоторые районы Северного Кавказа, а также Поволжье³¹. Несмотря на то что нехватка зерна и корма для скота продолжала играть важную роль в процессе разбазаривания на протяжении всего периода коллективизации, особенно начиная с 1931 г., когда появились серьезные признаки наступающего голода, главной движущей силой разбазаривания оставалась коллективизация как таковая³². Крестьяне сопротивлялись коллективизации и новому порядку, перед вступлением в колхозы забывая или продавая скот, а иногда и другое имущество³³. В некоторых случаях они пытались оправдать это неоднократными обещаниями скорой механизации села со стороны властей. Не то всерьез, не то лукавя по-мужицки, крестьяне говорили, что с появлением трактора лошади и другой рабочий скот больше не понадобятся. Один крестьянин из Ростова написал Буденному, будто он был убежден, что, если бы у его колхоза были лошади, ему бы не выдали трактора, а «если лошади не будет – дадут трактор»³⁴. По данным ОГПУ, некоторые местные работники косвенным образом способствовали разбазариванию, давая ложные обещания о появлении тракторов, в связи с чем крестьяне предполагали: «На что мне лошадь, получим трактор, все равно сена не хватает»³⁵. Украинские крестьяне высказались еще более прямо: «В СОЗ'ах скот не нужен. Там Соввласть обрабатывает землю тракторами. Если не продать скот теперь, то в коллективе его конфискуют»³⁶. В районах Северного Кавказа, которые обслуживались машинно-тракторными станциями (МТС), действительно наблюдалось наиболее резкое сокращение поголовья – почти 50 % скота было разбазарено³⁷. Возможно, именно в ответ на это мнимое непонимание государство окружило особой секретностью планы по направлению 20 тыс. тракторов в районы сплошной коллективизации. В протоколе комиссии Политбюро по коллективизации, которая рассматривала все самые щекотливые вопросы, обсуждение проблемы обеспечения колхозов тракторами было помещено в отдельную графу с пометкой «совершенно секретно»³⁸. Буденный, со своей стороны, делал вид, что понимает причины, по которым мужик участвует в разбазаривании. На XVI съезде партии он заявил: «А у нас исчисляют, к сожалению, наши хозяйственники так: если он получил, скажем, 120 лошадиных сил в тракторах, то 120 лошадей нужно уничтожить с лица земли».

Тут голос из зала добавил: «Как класс!» Под смех в зале Буденный ответил: «Да, уничтожается лошадь как класс»³⁹. Этот эпизод дает представление о чувстве юмора коммунистов, атмосфере XVI съезда, а также о бытовавшем (по крайней мере, в официальных кругах) представлении о глупых мужиках, которые забывают скот в надежде получить трактор. Был ли этот ответ искренним проявлением патернализма или просто отговоркой одного из партийных руководителей, скрывавшей его неприязнь к крестьянам, – вопрос отдельный и спорный. Очевидно, что независимо от того, верили ли в эти причины государство и крестьяне, и те и другие приняли их как одно из наиболее политически приемлемых объяснений массового сопротивления, или разбазаривания.

Суть дела в том, что крестьяне были готовы скорее зарезать или продать свой скот, чем отдать его колхозу. Как сказал один крестьянин летом 1930 г., «по крайней мере, мы поняли одно... что не нужно держать больше, чем одну корову или лошадь, и максимум 2 свиньи и несколько овец»⁴⁰. Такой же настрой ощущается и в словах другого крестьянина: «Все равно скоро у нас все обобществят, так лучше сейчас будем резать и продавать скот, а то останемся ни с чем»⁴¹. О более конкретных мотивах, двигавших крестьянами, можно только догадываться. Несомненно, для многих это был вопрос собственности, гордости и справедливости: что мое, то мое. Как говорил один крестьянин, «надо спешить продать скот, а то все равно в коллективе пропадет и нашим больше не будет»⁴². Украинские крестьяне из Харьковского округа заявили: «Мы не вступаем в коллектив потому, что знаем – нашим имуществом будет пользоваться беднота. Лучше мы организовано истребим своих лошадей, сожжем имущество, чем отдадим этим лентяям»⁴³. Некоторые боялись еще худшей участи, чем коллективизация, – раскулачивания. Все зависело от решения какого-то городского чиновника, который мог посчитать, что у крестьянина слишком много скота, а значит, он – кулак. Другие знали или предполагали, в зависимости от ситуации, что новое коллективное хозяйство не сможет обеспечить необходимого ухода за скотом. Власти Центрально-Черноземной области предвидели появление подобной проблемы, но запоздали с ее решением: только 14 февраля 1930 г. ими было выпущено постановление о том, что обобществленный скот должен оставаться под присмотром его бывших владельцев в тех случаях, когда колхоз не может обеспечить должного ухода⁴⁴. Такая реакция, между прочим, один из множества примеров того, как региональные и местные власти адаптировались к нуждам крестьян или пытались играть по правилам. В некоторых случаях, в особенности когда речь шла о семейной корове или лошади, нежелание крестьян отдавать свой скот в колхоз объяснялось не только экономиче-

ским расчетом, но прежде всего любовью к животному, о котором они заботились столько времени. Такую ситуацию описывает в своих мемуарах Петр Пирогов, выехавший из страны во время войны. Зорька была любимой лошадей его семьи. Дядя Пети воспитывал и тренировал лошадь с особой заботой. Все Пироговы души в ней не чаяли и обращались с ней, по словам Пирогова, как с членом семьи. Когда Зорьку обобществили, за ней никто не ухаживал, представители власти обращались с ней очень жестоко, и, по мнению Пирогова, делали это специально, осознавая, какую боль причиняют бывшим хозяевам. Вскоре лошадь умерла, и, когда это произошло, Пироговы вернули ее в свою собственность, несмотря на возражения администрации колхоза. Семья настояла на похоронах лошади. Друзья помогли не допустить повторной экспроприации Зорьки работниками колхоза и даже пришли на ее похороны, что было в равной степени доказательством любви к животному и проявлением семейного достоинства⁴⁵.

Крестьяне участвовали в разбазаривании также по чисто материальным причинам. Скот – актив, легко переводящийся в деньги, и многие говорили, что если они все равно все потеряют, то по крайней мере при вступлении в колхоз у них будут деньги на руках. Подобная реакция крестьян была способом застраховаться от потерь и сохранить то, что принадлежало им по праву⁴⁶. Более того, по данным ряда официальных отчетов конца 1930 г., некоторые продавали свой скот, особенно рабочий, стремясь избежать возложенной на них государством транспортно-гужевой повинности⁴⁷. При этом господствующий в общем сознании образ массового забоя и поедания скота оттесняет на второй план не менее широко распространенное явление его продажи. В 1929–1930 гг. советская деревня превратилась в один огромный рынок, где крестьяне торговали скотом, мясом и шкурами. После поездки по стране Татаев, член комиссии Политбюро по продаже крестьянских лошадей, заявил: «Во всех районах, где я был, в столовых подаются все блюда мясные, причем порции очень большие»⁴⁸. Цены на скот резко упали из-за перенасыщения рынка. На Кубани, где лошади обычно стоили 80–100 руб., к началу января 1930 г. цены снизились до 20 руб.⁴⁹ На Кубани и в Ставропольском крае цены на коров в среднем уменьшились в 5 раз⁵⁰. По данным ОГПУ, в конце декабря 1929 г. в Терском округе на Северном Кавказе базары были переполнены скотом; здесь цена рабочей лошади составляла 10–15 руб., коровы – 10–20 руб.⁵¹ На Воскресенском базаре в Московской области в октябре 1929 г. коров продавали по 200–250 руб., лошадей по 175–200 руб., а в начале января цены на коров упали до 125–150 руб., на лошадей – до 25–30 руб.⁵² На Кимрском базаре в Московской области в начале 1930 г. на продажу были выставлены

400–500 голов крупного рогатого скота по сравнению с обычными 40–50⁵³. К началу 1931 г. в некоторых районах Нижегородского края рыночные цены на скот упали до довоенного уровня, не учитывая обесценение рубля⁵⁴. Падение цен привело к тому, что репрессивные налоги и штрафы стали практически бесполезными. Пятикраткой, или налогом, в 5 раз превышающим рыночную стоимость определенной части имущества, облагались хозяйства, которые задерживали уплату налогов, обвинялись в разбазаривании собственности или утаивании зерна. Такое наказание было стандартным для крестьянских хозяйств, обвиненных в нарушении статьи 61 Уголовного кодекса – отказе от выполнения требований государства (таких, как хлебозаготовки). В середине января 1930 г. в Сибири власти заявили, что пятикратка утратила свою эффективность из-за падения рыночных цен, в связи с чем они вводят более жесткие меры: принудительный труд и депортации⁵⁵. Разбазаривание, опять же, напрямую способствовало усилению репрессий со стороны государства.

Падение цен негативно сказалось и на крестьянах. В некоторых случаях разбазаривание проявлялось не в продаже скота, а в использовании различных уловок и хитростей. В отчетах отдельных регионов страны указывается, что крестьяне морили скот голодом до смерти, чтобы затем получить страховые премии. Из-за того что эти премии не были полностью адаптированы к существовавшим тогда крайне неустойчивым рыночным ценам, крестьяне оставались в выигрыше. В Чапаевском районе на Средней Волге насчитывалось около 360 случаев, когда крестьяне пытались получить страховые премии, превышающие рыночные цены в 4–5 раз⁵⁶. Похожие отчеты о мошенничестве со страховками приходили с Северного Кавказа⁵⁷. Это были классические примеры того, как крестьяне извлекали из системы максимально возможную выгоду, противясь судьбе, ожидавшей их в колхозе.

Скот – не единственная крестьянская собственность, подвергавшаяся разбазариванию. По всей стране отмечались случаи разрушения машинной техники. В одной из деревень Краматорского района Артемовского округа на Украине крестьяне сломали машинное оборудование, которое было незадолго до того получено для использования в «лжеколхозе» (как его называли власти) и подлежало экспроприации⁵⁸. Сообщения о разрушении техники поступали в 1929–1930 гг. из Сибири, со Средней Волги, Кубани и Северного Кавказа⁵⁹. В докладе Совхозцентра (ведомства, управлявшего совхозами) от февраля 1930 г. описывались случаи, когда кулаки кидали в совхозную технику камни и железки⁶⁰. Власти расценивали подобные действия не как результат ошибки, небрежности или технической неграмотности, а скорее как сознательную порчу оборудования и саботаж. Представляется вероятным, что большая часть поломок

техники была вызвана все же первым рядом причин. В конце концов, властям повсюду мерещились саботаж и вездесущие враги, на чей счет они списывали текущие затруднения. Тем не менее часть поломок техники в период первой пятилетки однозначно была результатом намеренного вандализма. Скорее всего, он имел место в тех случаях, когда крестьяне предпочитали сломать собственную технику, чем позволить государству ее экспроприировать для использования в колхозах. Хотя политическая мотивация крестьян редко проявляется отчетливо, результаты деревенского луддизма слишком очевидны, чтобы отрицать наличие определенной доли политических мотивов в истреблении техники. Более того, машинное оборудование стало воплощением нового порядка, а потому протест против техники был протестом против советской власти.

Помимо скота и сельскохозяйственного оборудования разбазариванию подверглись и другие виды собственности. В одной из деревень Урала наблюдалась характерная и для многих других деревень ситуация: перед тем как вступить в колхоз, крестьяне продавали зерно, одежду и даже кухонную утварь⁶¹. В конце 1929 г. в Кузнецком округе в Сибири крестьяне разорили 148 тыс. ульев, только чтобы они не достались колхозу. На Кубани уничтожали фруктовые сады⁶². Другие крестьяне после введения чрезвычайных мер в 1928 г. начали сокращать свои посевные площади. Так, на Средней Волге к осени 1929 г. «кулаки» сократили наделы в среднем на 10–20 %, а в некоторых хозяйствах эти цифры достигали 30–35 %⁶³. В середине января 1930 г. Трактороцентр (ведомство, управляющее машинно-тракторными станциями) отправил Наркомату земледелия и другим структурам, ответственным за развитие сельского хозяйства, срочную телеграмму о том, что во многих районах сплошной коллективизации крестьяне, перед тем как вступить в колхоз, уничтожают (продают или потребляют) семена, предназначенные для весеннего сева, предположительно с целью получить новые от правительства. В телеграмме ситуация названа тревожной⁶⁴. В некоторых районах зерно стали использовать для производства самогона. Уже в феврале 1928 г. около 16 тыс. сибирских производителей самогона выплачивали крупные штрафы государству⁶⁵. Несмотря на то что это считалось незаконным, крестьяне продолжали гнать самогон в самый разгар коллективизации. Морис Хиндус поинтересовался причиной такой популярности самогона летом 1930 г.: «В ответ на мой вопрос о том, как они осмеливаются делать самогон при наличии государственного запрета, крестьяне посмеялись и заверили меня, что, пока поля и болота простираются бесконечно, советские власти не могут уследить за всем»⁶⁶.

Действительно – власти не могли или не хотели видеть всего. Сам термин «разбазаривание» говорит о том, что они не намерева-

лись официально признать факт политического противодействия. Несмотря на все их попытки обвинить в разбазаривании кулака, было ясно, что оно представляло собой общекрестьянское народное сопротивление. Разбазаривание было основной и широко распространенной формой протеста против коллективизации, но оно не закончилось в 1929–1930 гг. В 1931 г. в 7,4 % колхозов наблюдались акты разбазаривания, совершенные то ли намеренно, то ли по небрежности, а в 35,1 % колхозов были зафиксированы случаи поломок машинного оборудования, опять же, то ли специально, то ли по халатности⁶⁷. В 1932 г. по деревне прокатилась вторая волна разбазаривания, вызванная голодом, новой кампанией по обобществлению скота и временной оттепелью в политике центральных властей, которая привела к открытию ограниченного числа колхозных рынков⁶⁸. Однако процесс разбазаривания 1929–1930 гг. имел свою специфику: крестьяне вступали в колхоз, но при этом превращали его в руины.

Всенародный масштаб и основательность разбазаривания свидетельствовали о его политическом подтексте и эффекте. Его влияние на дальнейшее развитие коллективного сельского хозяйства как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе оказалось сильнее, чем воздействие любых других актов крестьянского сопротивления за годы сплошной коллективизации. В краткосрочной перспективе разбазаривание привело к тому, что государство столкнулось с опасным и в итоге саморазрушительным ускорением темпов коллективизации и раскулачивания. В долгосрочной – государство справились с задачей массовой коллективизации и раскулачивания, заплатив за это высокую цену. Массовый забой скота в 1929–1930 гг. резко ускорил развитие коллективного полевого и животноводческого хозяйства и имел тяжкие последствия и для государства, и для крестьян. Однако, несмотря на уплаченную цену, в этом столкновении культур крестьянство выступило как единый класс в защиту своих интересов. Серьезные политические последствия такой сплоченности крестьян и разрушительного характера их сопротивления позволяют сделать вывод, почему государство предпочло охарактеризовать крестьянский луддизм как разгул диких шолоховских мужиков.

«Теперь и середняку нужно быть настороже и вовремя ликвидировать свое хозяйство»

Самораскулачивание – термин, который власть применяла к крестьянам, пытавшимся изменить свой социально-экономический статус, дабы избежать репрессий государства, направленных против кулаков. Чаще всего этот процесс включал в себя разбазаривание и побег

из деревни. Использование властями термина «самораскулачивание» отражало садистскую иронию в отношении отчаянного положения целых групп крестьян, чья культура умирала. Государство преподнесило самораскулачивание как форму добровольного раскулачивания, в то время как в действительности оно было актом отчаянного сопротивления. Более того, этот термин подразумевал, что речь идет о типичной безрассудной реакции дикого мужика, использующего обман, уловки и разбазаривание. Однако самораскулачивание приняло такие массовые масштабы, что о нем никак нельзя говорить как о диких или спонтанных действиях. Напротив, самораскулачивание было обдуманым экономическим, социальным и политическим ответом крестьян, к которому они прибегли уже в 1927–1928 гг., когда государство впервые стало оказывать давление на кулаков и требовать от крестьян уплаты дани. Крестьянские семьи, столкнувшиеся с непосильными налогами, самораскулачивались с целью либо заплатить налоги на деньги, вырученные от продажи имущества, либо изменить свой социально-экономический и, как следствие, налоговый статус. По мере того как давление государства усиливалось, а экономические репрессии заменялись политическими, крестьянские семьи, заклеянные как кулацкие, стояли перед выбором: подвергнуться государственным репрессиям либо спастись посредством самораскулачивания. Поскольку по сути самораскулачивание зачастую было «самораскрестьяниванием», эти семьи шли на крайние меры сопротивления.

Процесс самораскулачивания развивался стремительными темпами, и его направленность была ясна. Он значительно изменил число хозяйств, обозначившихся государством как кулацкие. По данным официальной статистики, в РСФСР доля кулацких хозяйств уменьшилась с 3,9 % крестьянского населения в 1927 г. до 2,2 % в 1929 г.; на Украине – с 3,8 % до 1,4 %⁶⁹. По мнению Левина, кулаки в период с 1927 по 1929 г. сократили свои посевные площади по меньшей мере на 40 %⁷⁰. В РСФСР за эти годы средства производства (сельскохозяйственный инвентарь и машинное оборудование), находившиеся в собственности кулаков, сократились примерно на 30–40 %⁷¹. К концу 1929 – началу 1930 г. в большинстве районов страны кулацкие хозяйства продали от 60 до 70 % своего поголовья скота и до 50 % машинного оборудования⁷². Доля валовой продукции кулацких хозяйств в зерновых районах снизилась с 10,2 % в 1927 г. до 5,8 % в 1929 г.⁷³ Эти опасные тенденции подтверждает и статистика по регионам. Так, на Средней Волге количество кулацких хозяйств уменьшилось с 5,9 % в 1927 г. до 4,8 % в 1929 г.⁷⁴ В Сибири в период между 1927 и 1929 гг. кулацкие хозяйства сократили свои посевные площади на 12,2 %. За то же время количество тяглого и крупного рога-

того скота в кулацких хозяйствах Сибири сократилось на 24,2 % и 27,9 % соответственно⁷⁵. Эти статистические данные особенно показательны, если учесть, что все вышеописанные меры были предприняты до проведения кампаний по коллективизации и раскулачиванию зимой 1929–1930 г. Получившие клеймо кулака крестьяне самораскулачивались в ответ на непосильное налоговое бремя (целью которого де-факто была коллективизация), хлебозаготовки, а также штрафы и другие наказания за неуплату налогов или невыполнение обязательств по хлебозаготовкам.

В результате самораскулачивания к 1929–1930 гг., началу сплошной коллективизации, на селе осталось относительно мало действительно кулацких хозяйств. Этот факт сам по себе говорит о том, что раскулачивание ударило далеко не только по кулакам. Судя по всему, самораскулачивались различные слои крестьян. Самораскулачивание крестьян продолжалось бешеными темпами во время коллективизации, принимая форму самораскрестьянивания. По российским данным, в те годы самораскулачивались от 200 до 250 тыс. семей. Другими словами, около миллиона людей изменили свой статус крестьянина, чтобы избежать государственных репрессий. Большинство из них переселилось в города и промышленные центры, навсегда оставив сельское хозяйство⁷⁶. Помимо четверти миллиона семей, которые самораскулачивались, в города переехало бесчисленное количество крестьян, подвергшихся раскулачиванию со стороны государства, но избежавших депортации. В Сибири, согласно данным по 12 округам, в 1929–1930 гг. самораскулачивались не менее 4 тыс. хозяйств⁷⁷. Чаще всего самораскулачивание затрагивало одну или несколько семей, но иногда оно принимало более радикальную форму опустошения практически целой деревни, как, например, в деревне Бугрия в Новосибирском округе в Сибири, где в январе 1930 г. 300 из 400 хозяйств ликвидировали свое имущество и покинули деревню⁷⁸. Повсюду крестьяне жили в страхе перед раскулачиванием. Слова одного крестьянина из Одесской области, наверное, отражают настроение во всех деревнях: «Сначала считали кулаками тех, кто имел 4–5 лошадей и 5–6 коров, а теперь считают кулаками тех, кто имеет 2 лошадей и 2 коров. Теперь и середняку нужно быть настороже и вовремя ликвидировать свое хозяйство»⁷⁹.

Различные виды разбазаривания были обычными способами самораскулачивания. Опасаясь, что их причислят к кулакам, крестьяне уничтожали или распродавали свою собственность. Посевные площади сокращали, а сельскохозяйственный инвентарь выставляли на продажу. В Астрахани окружная комиссия по вопросам раскулачивания сообщала, что крестьяне в целях самораскулачивания использовали даже почту, в массовом порядке пересылая наличные деньги

и различные товары своим друзьям и родственникам в другие районы страны⁸⁰. Иногда кулаки пытались продать свои хозяйства целиком, хотя продажа земли считалась незаконной и была прямым нарушением закона о национализации земли. Поэтому обычная уловка состояла в том, чтобы продать (легально) дом и другие строения на земельном участке, что на самом деле означало продажу всего хозяйства. Иногда продажа земли осуществлялась под предлогом долгосрочной сдачи в аренду⁸¹. Несмотря на то что в действительности в то время сложно было найти покупателя, в советских юридических журналах можно обнаружить некоторые доказательства того, что в 1920-е гг. количество нелегальных сделок по продаже земли возросло⁸². В исследовании 633 случаев нелегальной продажи, сдачи в аренду и обмена земли в 1929 г. сообщалось, что 12,5 % этих сделок напрямую связаны с попытками ослабить налоговое бремя кулацких хозяйств⁸³. Так, в конце 1929 г. в Ржаксинском районе Тамбовского округа Центрально-Черноземной области несколько кулаков продали свои дома с разрешения райисполкома; одна семья продала дом за 7 500 руб., другая за 4 500, из них 1 000 руб. была изъята исполкомом в качестве «штрафа». В Б. Инисольском районе Сталинского округа на Нижней Волге райисполком сам выплатил 4 500 руб. одной из кулацких семей за ее дом. По официальным данным, в других районах также были зафиксированы случаи покупки колхозами у кулаков домов и других строений⁸⁴. Представляется практически невозможным оценить точное число сделок по продаже земли, так как они обычно совершались под видом продажи собственности (домов и т. д.) и в основном являлись нелегальными. Без сомнения, многие крестьяне пытались таким образом покинуть деревню, пока это еще можно было сделать, не разорившись полностью.

Другая форма самораскулачивания, или самораскулачивания «наполовину», – разделение семейного хозяйства. Разделы хозяйства были уловкой, направленной на уменьшение его экономической значимости или, по крайней мере, на сохранение какой-то его части или семьи путем распределения имущества между сыновьями. Случаи таких разделов зарегистрированы уже в 1928–1929 гг. во время проведения налоговых кампаний; многие из них совершались лишь на бумаге, дабы избежать уплаты налогов⁸⁵. Информацию о разделах очень сложно найти, но можно предположить, что многие семьи пытались произвести их, однако получали отказ со стороны местных властей. Так, в конце января 1930 г. суд Центрально-Черноземной области постановил немедленно прекратить регистрацию крестьянских разделов⁸⁶. Тем не менее в это время были зарегистрированы случаи разделов в Ленинградской области и на Северном Кавказе⁸⁷. История раздела семьи Анухиных в какой-то степени показательна

в качестве примера использования раздела как уловки. В 1930 г. эта семья была раскулачена и депортирована. Однако до этого ей удалось разделить хозяйство и сохранить его небольшую часть для одного из сыновей и его семьи. На какое-то время сын был спасен от участи родителей, и ему даже удалось к 1931 г. вступить в колхоз, где он получил должность завхоза. Сын никогда не переставал самоотверженно бороться за возвращение своих родных, в результате чего в 1934 г. был обвинен в саботаже и получил 20 лет тюремного заключения⁸⁸. В начале 1931 г. ОГПУ сообщало, что во многих районах страны продолжается практика фиктивных разделов, когда кулаки разделяют свое хозяйство между родственниками и друзьями «на время»⁸⁹.

К тому времени самым распространенным способом самораскулачивания стал побег – способ, к которому издревле прибегали крестьяне, сталкиваясь с угрозой репрессий. Крестьяне, признанные кулаками, бежали до, во время и после государственной кампании по раскулачиванию. Большинство покинуло деревню в самом ее начале⁹⁰. Некоторые сбежали после экспроприации имущества, но до того, как их успевали депортировать. В тех же случаях, когда кулаки не подлежали депортации, они бежали, чтобы спастись от разорения из-за непомерных налогов. Самораскулачившиеся, которых насчитывалось около миллиона, обычно сливались с массой крестьян, мигрировавших в города в период первой пятилетки. Только в период сплошной коллективизации около 9,5 млн крестьян переехали на постоянное жительство в город, большинство из них (83 %) составляли молодые трудоспособные мужчины⁹¹. На Средней Волге примерно 1/5 (или почти 6 тыс.) кулаков сбежали во время раскулачивания⁹². В Западной области сообщалось, что кулаки бегут на восток (в Москву, на Урал, в Сибирь), продавая свое имущество, оставляя его друзьям или родственникам либо просто бросая. В Великолукском округе сбежали 50 кулаков, стоявших в списках ОГПУ на раскулачивание⁹³. Согласно данным по 17 округам Сибири, в конце 1929 – начале 1930 г. бежали 3 600 кулацких семей и 4 600 кулаков-одиночек. В одном только Омском округе за январь–март 1930 г. сбежали 1 000 кулаков. По данным по 13 сибирским округам, за первые 3 месяца 1930 г. в города перебрались 4 900 кулаков⁹⁴. ОГПУ сообщало о постоянном оттоке кулаков из сельской местности на Северном Кавказе, особенно с Кубани⁹⁵. В отчете Наркомата земледелия в апреле 1930 г. сообщалось, что в Затабольском районе Кустанайского округа Казахстана наблюдается массовое бегство крестьян, причем некоторые деревни покинуло до 40 % жителей⁹⁶. В период с мая 1929 по февраль 1930 г. 127 из 548 крестьянских семей оставили деревню Солонька Волчихинского района Славгородского округа в Сибири из страха перед государственными репрессиями⁹⁷. В начале 1930 г.

в отчете по Московской области содержались тревожные сообщения об исчезновении глав кулацких хозяйств. По словам автора отчета, члены семей скрывшихся крестьян на расспросы о главе хозяйства отвечали просто и непринужденно: «Куда-то вышел»⁹⁸.

Эти кулаки из Московской области, как сообщалось, сбежали к родственникам в других деревнях или ушли в отход в поисках работы в городе. В том же отчете отмечалось: «Огромные родственные связи у подмосковных кулаков»⁹⁹. Уход большинства крестьян из деревни во время коллективизации был не спонтанным и неорганизованным бегством, а, скорее, традиционным отходом¹⁰⁰. Уже с 1927 г. в отход начало уходить намного больше кулаков, чем раньше¹⁰¹. Отход стал способом самораскулачивания, с помощью которого крестьяне могли превратить часть своего дохода в наличные деньги и в какой-то степени избавиться от статуса крестьянина. В Воронежской области кулаки деревни Моховатка ушли в отход сразу после того, как узнали о депортации крестьян в соседних деревнях¹⁰². Из Иркутского округа в Сибири, по донесениям, кулаки уходили на золотые рудники, где многим из них в итоге пришлось работать принудительно¹⁰³. В Центрально-Черноземной и Ивановской областях, а также на Северном Кавказе множество крестьян-отходников стало отказываться от своих земельных наделов. ОГПУ докладывало, что такая практика приняла массовый размах в Ивановской области, важном центре эмиграции крестьян, а Варейкис назвал ее массовым феноменом, присущим всей Центрально-Черноземной области¹⁰⁴.

Многие крестьяне пытались скрыться как на новом месте в Советском Союзе, так и за его пределами. Кулаки Борисовского района Омского округа на Дальнем Востоке бежали в Казахстан¹⁰⁵. Многие антисоветские элементы (по выражению ОГПУ) в начале 1930 г. бежали из Самарского, Ульяновского, Оренбургского, Сызранского и Бугурусланского округов Средней Волги в Сибирь, Среднюю Азию и промышленные центры. Только из Иленского района Оренбургского округа целых 200 кулацких семей ушли, продав свое имущество за гроши. По сообщениям, в этом районе кулаки уговаривали многих середняков уходить с ними, «рисую перед ними перспективу предстоящей хорошей жизни там, на зеленом клину»¹⁰⁶. Крестьяне, оставшиеся родные края, чаще всего направлялись в Сибирь или Среднюю Азию¹⁰⁷. Иные стремились покинуть страну. Кулаки из Закавказья пытались пересечь границу с Персией, а татарские крестьяне из Судакского и Карасубазарского районов Крыма подавали петиции Калинин, прося разрешения эмигрировать в Турцию¹⁰⁸. Огромное число немецких, чешских и польских крестьян было арестовано за попытки сбежать на Запад, множество добивалось разрешения на

эмиграцию¹⁰⁹. В других районах крестьяне, которых причислили к кулакам, просто уходили в леса или на холмы, надеясь дождаться там момента, когда можно будет вернуться домой¹¹⁰. Пирогов вспоминал, что один из его раскулаченных соседей, который скрывался от властей, приходил в деревню только по ночам¹¹¹. В документах с Северного Кавказа также отмечаются случаи, когда кулаки прятались неподалеку от своих деревень и сел¹¹². Без сомнения, в этих случаях жители деревни в той или иной форме договаривались друг с другом о помощи сбежавшим и укрытии их от властей.

Бегство кулаков было лишь одной из форм реакции крестьян на коллективизацию. В это время деревню оставили миллионы крестьян, одни в надежде найти работу в промышленном секторе, другие из страха или в знак протеста. Бегство представляло одну из старейших и простейших и, возможно, самую болезненную форму сопротивления российского крестьянства принудительным методам государственной власти. Миллионы крестьян «голосовали ногами» против коллективизации и режима. В подавляющем большинстве это были молодые мужчины¹¹³. Возраст и пол бежавших крестьян не столько уменьшали вероятность активного сопротивления¹¹⁴, сколько меняли его природу, заставляя возвращаться к устаревшим, даже архаичным формам протеста, как, например, слухи об Апокалипсисе. Главенствующую роль деревенских женщин во всех формах протеста во время и после коллективизации также можно объяснить бегством молодых крестьян-мужчин. Это бегство являлось скрытым, а то и явным актом сопротивления, принявшим массовые масштабы.

Не все крестьяне, официально признанные кулаками, принимали отчаянное решение навсегда покинуть деревню. Некоторые пытались остаться, скрывая свой статус, или уходили временно. В ряде районов Центрально-Черноземной области кулаки, по донесениям, покупали профсоюзные билеты у крестьянских членов профсоюза по цене до 2 000 руб. Получив билет, они уходили искать работу в соседние округа¹¹⁵. Другие крестьяне пытались достать справки, свидетельствующие о том, что они являются середняками или бедняками. В Гжатском районе Вяземского округа Западной области некоторые сельсоветы выдавали крестьянам поддельные справки¹¹⁶. Такая практика наблюдалась, например, в Березовском районе Хоперского округа на Нижней Волге, где у районной железнодорожной станции были остановлены и арестованы несколько крестьян с фальшивыми документами¹¹⁷. Судя по всему, при наличии необходимых связей и определенной денежной суммы крестьяне могли приобрести документы, по которым они получали новый социально-экономический статус¹¹⁸. Иван Твардовский, брат Александра Твардовского, поэта и впоследствии редактора журнала «Новый мир», происходил из крестьян-

ской семьи, пострадавшей от экспроприации имущества и депортации. Иван не только ухитрился избежать ссылки (причем несколько раз), но и сумел подделать, а позже приобрести фальшивые бумаги и даже настоящий советский паспорт¹¹⁹.

Некоторые, получив клеймо кулака, выбирали более радикальный путь, который можно назвать эмиграцией души. В начале 1990-х гг. журналистка Белла Улановская из Санкт-Петербурга навестила пожилую женщину – бабу Ньюшу, – жившую в глухих лесах Центральной России. Баба Ньюша и ее семья потеряли землю в 1930-х гг. Ее ответом на тяжелую участь и государственные репрессии стало уединение и уход от всего мирского через отшельничество. «И выпала на мою долю печаль, уйти от людей», – объясняла она¹²⁰. Баба Ньюша многие десятки лет прожила в изоляции, но, несмотря на одиночество, хранила ненависть к советскому государству¹²¹. В «Архипелаге ГУЛаг» Александр Солженицын приводил пример такого же отшельнического мужества, как у бабы Ньюши. Он писал, что в 1950 г. правительство случайно обнаружило целую деревню старообрядцев, которые спрятались в лесной глуши. Старообрядцы сбежали туда в период коллективизации¹²². Невозможно точно узнать, сколько крестьян просто исчезло в те годы, ушло «в себя» либо в леса. Однако существовала еще более радикальная форма эмиграции души – самоубийство. Неизвестно, сколько крестьян свели счеты с жизнью в те годы, однако несколько таких случаев зарегистрированы. В одной из деревень Тагильского округа на Урале один крестьянин, перед тем как его должны были раскулачить, убил свою жену и детей а затем сжег себя заживо. Другой кулак из этой же местности утопился в реке¹²³. В Ленинском районе Кимрского округа Московской области середняк покончил с собой, после того как один местный коммунист, с которым он поспорил до этого, заставил деревенских бедняков под угрозой ссылки конфисковать его имущество. Когда его дом начали обыскивать, крестьянин наложил на себя руки¹²⁴. Мерл Фейнсод писал, что по Западному району прокатилась волна самоубийств среди владельцев зажиточных крестьянских хозяйств¹²⁵. Самоубийство было самым радикальным и трагичным актом протеста против государства, которое твердо решило уничтожить целые категории крестьян, их культуру и образ жизни.

Самораскулачивание не только нанесло тяжелый удар по отдельным крестьянам и их семьям; оно резко негативно сказалось на экономике государства. Как и разбазаривание, самораскулачивание угрожало существованию новообразованной системы колхозов, зависевшей от получения собственности раскулаченных хозяйств. Акты самораскулачивания также ставили под сомнение власть государства и бросали ей вызов. Как и в случае разбазаривания,

реакцией государства на них было применение силовых мер и дальнейшее раскулачивание. Уже к декабрю 1929 г. Н. Анцелович, член комиссии Политбюро по вопросам коллективизации, советовал продумать план по раскулачиванию тех районов, где еще не осуществлена сплошная коллективизация, что шло вразрез с официальным обоснованием раскулачивания, согласно которому оно было естественным следствием сплошной коллективизации. Он говорил: «Нужно учесть, что кулак уже практически реагирует во всех районах на нашу политику разбазариванием инвентаря, имущества, сокращением площади посева»¹²⁶. К середине января 1930 г. в основе работы комиссии под руководством Молотова в немалой степени лежала необходимость централизовать и скоординировать кампанию по раскулачиванию, чтобы предотвратить дальнейший ущерб, наносимый экономике разбазариванием и самораскулачиванием. 1 февраля 1930 г. правительство издало второе постановление о мерах борьбы с разбазариванием и бегством, на этот раз направленное конкретно против кулацких хозяйств¹²⁷. 4 февраля 1930 г. была также выпущена директива, предписывающая Наркомату финансов отдать приказ банкам прекратить любые операции с кулаками, чтобы избежать массового снятия средств со счетов¹²⁸. Во многих районах страны региональные власти приняли решение об ускорении темпов раскулачивания, дабы предотвратить новую волну самораскулачивания. В Гжатском районе Вяземского округа Западной области местные власти пришли к выводу, что самораскулачивание происходит из-за *слишком медленных* темпов раскулачивания: к тому времени, когда государство приступило к арестам, здесь оставались только 83 из 156 кулаков, которых планировалось раскулачить¹²⁹. На Нижней Волге районные власти утверждали, что постановления центра предусматривают слишком долгий срок для раскулачивания и это позволяет кулакам продавать собственность и сбежать¹³⁰. В конце января 1930 г. Р. И. Эйхе, первый секретарь Западно-Сибирского крайкома ВКП(б), также призывал к ускорению темпов коллективизации и раскулачивания, ссылаясь на вышеуказанные причины¹³¹. В указе властей Северного края от 5 февраля 1930 г. о мерах по раскулачиванию особо подчеркивалась необходимость ускоренного проведения кампании во избежание разбазаривания и бегства¹³². По указу Астраханского окружкома партии от 4 февраля 1930 г. районным властям надлежало проводить раскулачивание во всех районах одновременно в минимально возможные сроки, чтобы не допускать самораскулачивания¹³³. В Микушкинском районе Бугурусланского округа на Средней Волге депортации начались ровно в 4 утра¹³⁴. Ко второму этапу коллективизации в 1931 г. власти извлекли урок из произошедшего, это ясно из по-

становления Западного обкома партии о раскулачивании, согласно которому экспроприация имущества и депортация должны были осуществляться по всему региону в один день, дабы не допустить разбазаривания и самораскулачивания, как в прошлом году¹³⁵.

Если разрушения, порожденные самораскулачиванием, вызывали у государства все большую ожесточенность, то для крестьянства они были настоящей катастрофой. Сотни тысяч важнейших хозяйств страны были разорены. Можно только предполагать, с какой болью принималось решение уничтожить свое хозяйство в семье, посвятившей ему всю жизнь и гордившейся своими достижениями. Некоторые из этих семей в конце концов осваивались на новых местах, а их дети и внуки даже добивались процветания в сравнительно более благоприятных городских условиях. Мы никогда не узнаем, сколько людей получили психологические травмы, хотя их судьба все-таки была намного лучше, чем у тех, кого насильно раскулачило государство. Самораскулачивание в каком-то смысле представляло собой процесс культурного саморазрушения или самоуничтожения и с этой точки зрения может рассматриваться как ретроспективная метафора итогов пагубной революции сверху, проведенной государством в деревне.

«У нас кулаков нет»

Не всем кулакам удалось вовремя сбежать или самораскулачиться; большинство не смогли это сделать. Более миллиона крестьянских семей – по меньшей мере 5 млн чел. – были раскулачены во время коллективизации. Из них, по самым скромным подсчетам, около 381 026 семей были в 1930–1931 гг. депортированы из родных мест¹³⁶. Расхищение имущества и депортации оставили глубокий след в жизни деревни. Крестьяне, объявленные кулаками, отчаянно пытались добиться разрешения остаться или даже вступить в колхоз. Их родственники, соседи, а иногда и местные власти пытались отрицать наличие кулаков в своей деревне. Когда все способы оказывались исчерпаны, многие крестьяне просто проявляли человеческую доброту и оказывали поддержку своим обреченным соседям, что было, пожалуй, самым достойным из всех методов сопротивления и говорило о влиятельности общины в крестьянской культуре¹³⁷.

Экспроприация имущества фактически означала его уничтожение, а депортация для многих крестьян, не выезжавших за пределы ближайшего рынка, была хуже смерти. Хиндус описывал крестьянскую пожилую пару, депортированную в период раскулачивания. Впоследствии супругам удалось вернуться к нормальной жизни благода-

ря вмешательству их сына, члена профсоюза, но они так полностью и не оправались от пережитого. Иван Булатов, уже в летах, рассказывал Хиндусу: «Я никогда не выезжал из своей деревни, разве что до города П., где я бывал на ярмарках. Я никогда не жил среди других людей, только среди своих... и вдруг, ни с того ни с сего, я должен был отделиться от всего и всех, что я знал. С пустыми руками, так сказать, имея лишь 5 пудов ржи и небольшое количество другой еды, я должен был переехать в этот проклятый Котлас, на север. Ох, многоуважаемый, это надо было видеть». В этот момент супруги расплакались, вспоминая тяжелейшее для обоих испытание¹³⁸. Крестьяне отчаянно пытались избежать участи Булатовых.

Когда стало очевидно, что раскулачивание – политическая линия текущего момента, некоторые крестьяне, признанные кулаками, старались продемонстрировать свою лояльность советскому режиму. Уже летом и осенью 1929 г. в ходе пробного этапа сплошной коллективизации в Чапаевском районе на Средней Волге был зафиксирован ряд случаев, когда кулаки обещали передать все свое имущество в обмен на право вступить в колхоз¹³⁹. В другом отчете за лето 1929 г., на этот раз из Кубани, также говорится о крестьянах, которые пытались вступить в колхоз, при этом один из них обещал отдать свои мельницу, дом и двух лошадей¹⁴⁰. Во многих частях страны крестьяне, которых впоследствии объявили кулаками, уже были приняты в колхозы. После ноября 1929 г. в таких колхозах были проведены чистки. В Кунгурском округе на Урале, к примеру, местные власти вычистили из колхозов всех, кто считался кулаками. В этом округе один из кулаков, как сообщается, когда-то работал на белых и сначала был против колхозов, а в конце концов возглавил процесс организации своего местного колхоза. В докладе говорится, что он «вышел и заплакал», когда его впоследствии исключили из колхоза, который он сам помогал создавать¹⁴¹. Один из крымских крестьян, подлежащих раскулачиванию, умолял: «Я кулак советский и потому законы читаю и знаю о раскулачивании и этому делу сочувствую – придите и берите все мое имущество, все мое добро, только оставьте меня жить в моем селе»¹⁴². В начале 1930 г. бригада по раскулачиванию заехала на некий кулацкий хутор на Средней Волге. Бригада обнаружила, по ее описаниям, дом, построенный в городском стиле: с отдельными комнатами, кухней, коридором и столовой. Владелец грустно и обреченно ответил, что не ждал их так скоро. Он надеялся предотвратить уничтожение своего хозяйства, отдав все имущество колхозу, а сам стал бы помогать ему своими обширными знаниями в области агрономии. По данным отчета, он управлял своим хозяйством «по журналам». В итоге он потерял все; его имущество было экспроприровано¹⁴³. Официально признанные кулаками крестьяне, которые не

успели ни дать взятку, ни самораскулачиться, вскоре поняли, что других способов взаимодействия с советской властью у них нет. Переговоры и компромисс были невозможны.

Крестьяне, как те, кого власти официально признали кулаками, так и остальные, пытались затормозить процесс раскулачивания, утверждая, что в их деревнях нет кулаков. Подобные утверждения были характерны для конца 1920-х гг. и периода коллективизации, когда крестьяне отчаянно сопротивлялись проведению классовой политики¹⁴⁴ и использовали их в качестве защиты от действий властей, направленных против кулаков. Заявления «У нас кулаков нет»¹⁴⁵ можно было иногда слышать от работников сельсоветов и даже от членов местных партийных ячеек. В одном отчете за июль 1929 г. говорится: «Мы здесь все работники». Жители деревни отрицали наличие признаков какой-либо социальной стратификации: «У нас нет ни бедняков, ни кулаков»¹⁴⁶. В конце марта 1930 г. в деревне Екатериновка на Дону крестьяне провели массовое собрание, возможно, воодушевившись сталинской статьёй «Головокружение от успехов», в ходе которого 6 крестьян-подкулачников, как описано в отчете, призывали положить конец искусственному разделению крестьян на классы¹⁴⁷. Неприятие стратификации и выступление за равенство наглядно демонстрируют отношение крестьян к навязыванию социально-классовых категорий по городскому типу. Такая реакция ни в коей мере не была спонтанной, а являлась результатом долгих и мучительных споров среди крестьян, которые, собравшись в поле (или, реже, за столом), обсуждали несправедливость тех, кто делил их на бедняков или кулаков.

Отрицание наличия кулаков было скрытой формой сопротивления крестьян, скрытым актом защиты от лица всей деревни. Оказание поддержки соседу или соседям, объявленным кулаками, – еще более поразительное явление, требовавшее таких качеств, как смелость и самоотверженность. В отличие от форм сопротивления, которые можно было списать на типичное для мужиков поведение, или же от тайных подрывных актов, мирный способ – оказание поддержки кулакам – заключался в том, что крестьянин сам вызывался выступить, называл свое имя и говорил только по существу, рискуя как минимум быть объявленным подкулачником. Суть высказываний крестьян сводилась к требованиям справедливости, а крестьянская справедливость в контексте коллективизации приобрела антисоветский характер и потому всегда была потенциально контрреволюционной. Однако эта опасность не останавливала крестьян. Например, в одной из деревень Опочецкого района Ленинградской области крестьяне фактически проголосовали против исключения кулаков из колхоза¹⁴⁸. Сообщалось, что в эти годы подобные случаи

имели место и в других частях страны¹⁴⁹. В отчете ОГПУ за февраль 1930 г. говорится, что 4 деревенских схода в Грузии отказались поддержать решение об отправке кулаков в ссылку¹⁵⁰. На Средней Волге в деревнях Булаево и Ново-Никитино Каширинского района Оренбургского округа в ходе собрания бедняки категорически отказались отправлять в ссылку кулаков третьей категории, заявив: «Мы их раскулачили, а теперь пусть остаются и работают с нами»¹⁵¹. После того как в деревне Караджи Евпаторийского района в Крыму прошел обыск кулацких домов, бедняки собрались и заявили: «Ежели вы производите раскулачивание и выселение кулаков, то вместе с ними уходим и мы»¹⁵². Однажды на колхозном собрании на Кубани одна женщина набралась храбрости вступить за кулацких детей, утверждая, что они могут быть хорошо воспитаны и заслуживают милосердия, когда начнутся депортации¹⁵³. Четыре тысячи жителей деревни Стежинской Сосновского района Козловского округа Центрально-Черноземной области, после того как раскулачили их соседей, причастились в церкви, при этом у трех тысяч были надеты траурные черные нарукавные повязки¹⁵⁴. Утром 3 марта 1930 г. в городе Запнярка Тульчинского округа на Украине плачущие родственники арестованных кулаков, которых должны были отправить в ссылку, собрались у входа в тюрьму, чтобы передать осужденным продукты, воду и деньги. Когда их перевозили на железнодорожную станцию для депортации, главы хозяйств молили пощадить их семьи. В ответ на это власти разрешили остаться некоторым старикам, остальных же начали запихивать в вагоны¹⁵⁵. Бывали случаи, когда крестьяне обращались с петициями к высшим властям от имени своих соседей. Например, в селе Красноярск Омского района в Западной Сибири колхозница Сидорова организовала сбор подписей под петицией, где заступалась, как утверждало ОГПУ, за своего родственника кулака Палецкого, чья жена была батрачкой. Сидоровой удалось собрать 25 подписей¹⁵⁶.

В некоторых случаях крестьяне на раскулачивание своих друзей и в особенности родственников отвечали насилием. После того как в деревне Слободские Дубровки Красно-Слободского района Мордовской области кулаков выгнали из их домов и заселили туда бедняцкие семьи, около 200 крестьян собрались в толпу и потребовали убрать этих бедняков из кулацких домов¹⁵⁷. В деревне Павловка в Кучко-Еланском районе Пензенской области 70 крестьян, вооруженных граблями и вилами, разместили в своих домах раскулаченных крестьян, требуя ликвидации колхоза¹⁵⁸. Бесчисленные восстания и акты насилия стали результатом раскулачивания и других видов репрессий, направленных против крестьян, официально признанных кулаками¹⁵⁹.

Большинство крестьян было неспособно открыто защитить своих злополучных соседей, так как ночью они в страхе наблюдали кошмарные действия мародеров. Иван Твардовский хорошо помнил, как экспроприировали имущество его семьи. Он вспоминал, что сосед попросил быть свидетелем. Сосед, как бы испытывая невыносимую боль, сел, заламывая руки от отчаяния, и сообщил семье Твардовского, что у него не было другого выбора. Другие соседи принесли им продукты, чтобы было чем питаться во время вынужденного путешествия¹⁶⁰. Когда в Аткарском районе на Нижней Волге кулаков выкинули из их домов, соседи пустили их к себе¹⁶¹. В Угодско-Заводском районе Московской области, где даже по официальным данным властей допускались ужасающие «перегибы», крестьяне, а иногда и колхозы предоставляли пищу и укрытие сельчанам, подвергшимся экспроприации. В одной из деревень этого района репрессии были, очевидно, настолько страшными, что колхоз отказался принимать собственность раскулаченных¹⁶². Послевоенный эмигрант Федор Белов вспоминал, как крестьяне бойкотировали продажу экспроприированного имущества во время мирной демонстрации, безмолвно выражая свое единство в протесте против несправедливости¹⁶³. Позже, летом 1932 г., крестьяне-толстовцы, которым было приказано разрушить дом экспроприированного кулака, просто исчезли. Борис Мазурин описывал это так: «В тайге нашей бригаде приказали разобрать два дома в шорском селе Абашево. Пришли, а оказалось, что это дом раскулаченного, в доме живет вся его семья и выходить из дома не хотят.

- Как же разбирать? – спросили мы.
- Разбирайте, да и все.
- Да ведь там живут!
- Разбирайте!

Наши посмотрели, постояли, повернулись и пошли. Разбирать не стали»¹⁶⁴.

По всей стране в отчетах были зафиксированы случаи, когда крестьяне оказывали помощь раскулаченным семьям, которые неожиданно оказались без крыши над головой, хотя в официальных отчетах это описывалось как «жалость» и постоянно утверждалось, что кулак был политически изолирован¹⁶⁵.

У советской власти, столкнувшейся с необходимостью действовать, причем в русле собственной порочной логики, не было другого выбора, кроме как максимально ослабить сплоченность деревни. Признание правды могло опровергнуть коммунистические догматы классовой борьбы и проявить истинную суть коллективизации как гражданской войны между городом и крестьянством. Те редкие сведения, которые позволяли судить о степени сплоченности деревни в ее сопро-

тивлении государству, были отфильтрованы и оставались неизвестными народу¹⁶⁶. Официальные же отчеты, напротив, делали акцент на широких связях между семьями различных деревень для объяснения поддержки кулаков извне¹⁶⁷. Кроме того, они утверждали, что родственники депортированных кулаков вели активную переписку со ссыльными, используя их описания ужасов ссыльной жизни, для того чтобы добиться сочувствия и получить поддержку¹⁶⁸. Нет сомнения, что семейные связи на самом деле были важны в деревнях советской России, но этот факт не умаляет значения единства деревни; напротив, он его усиливает. Официальные источники также часто характеризовали поддержку кулаков как результат «отсталости», это в основном касалось деревенских женщин, по определению отсталых и аполитичных. Такими объяснениями советская власть попросту деполитизировала подобную поддержку, позволяя гендерному разделению превалировать над классовым или, с другой стороны, демонстрируя бесклассовую природу созданного в СССР образа «бабы». Наконец, главная ирония состояла в том, что в оказании поддержки кулакам обвинялись сами кулаки, в частности в тех случаях, когда они были экспропрированы, но при этом не депортированы. По мнению наркома юстиции Н. М. Янсона, разрешение кулакам остаться в деревне позволяло им становиться антисоветскими агитаторами¹⁶⁹. Аргумент Янсона, несомненно, внес свой вклад в пересмотр логики второго этапа раскулачивания конца 1930 – начала 1931 г., когда во многих регионах больше не применялось разделение кулаков на три категории и все кулаки без исключения подлежали депортации¹⁷⁰.

Поддержка крестьянами соседей, объявленных кулаками, не означала отсутствия социальной стратификации или конфликтов в доколхозной деревне и не говорила о том, что все крестьяне были на самом деле равны, что в деревне не было кулаков, социальных или политических трений или что некоторое меньшинство крестьян не вставало на сторону советской власти. Оказание поддержки соседям и утверждения, что «мы все равны», были частью того образа, который крестьянское сообщество явило внешнему миру. Во время коллективизации большинство крестьян были едины в своем протесте против советской власти, чужаков и навязываемой культуры, совершенно им чуждой. Они понимали, что коллективизация и раскулачивание скорее являлись основными орудиями в войне государства против крестьянства и крестьянской культуры в целом, чем результатом классовой борьбы или создания смычки с бедняками. В то время в деревне были распространены слухи о том, что репрессии против кулаков – это только начало: первыми заберут кулаков, потом придут за середняками, а затем та же участь постигнет и бедняков¹⁷¹. В начале 1930 г. на крестьянском собрании в одной украин-

ской деревне коллективизацию назвали «окончательным уничтожением крестьянского хозяйства». Один из крестьян предупреждал своих соседей: «Вы думаете... что они, разрушив 2–3 кулацких хозяйства, этим ограничатся... вы ошибаетесь. Все крестьяне – маленькие капиталисты, придет очередь – и ваши хозяйства будут уничтожены»¹⁷². Мало кто из крестьян разделял иллюзии интеллигенции, которая до последнего не подозревала, что ее воспринимают как врага, пока не становилось слишком поздно. Большинство осознавало, что все кулаки – крестьяне, а значит, и любого крестьянина можно назвать кулаком. В деревне образ врага никогда не был абстрактным. Какими бы жестокими и нерешительными ни были отдельные крестьяне, они не стали жертвой разобщенности, вызванной политическими убеждениями, ненавистью, страхом или чувством вины, как это случалось с некоторыми представителями советской интеллигенции, которые в 1937 г. обрушились друг на друга с критикой и закрылись от общества. В этом отношении кулачество представляло главную силу, с которой нужно было бороться.

«Если мы кулаки, то у нас вся Сибирь кулаки»

Традиционные жалобы в форме писем и ходатайств в вышестоящие органы власти оставались распространенным явлением во время коллективизации. Крестьяне писали Сталину и Калинину, в газеты, в партийные и правительственные структуры, пытаясь добиться компенсации нанесенного им ущерба. Письма были как индивидуальными, так и коллективными. Их авторы смело высказывали свое недовольство, смиренно молили о помощи и отстаивали права советского гражданина. При этом они обратились – осознанно или нет – к традиционному методу петиций. Когда все другие средства, за исключением насилия, были исчерпаны, крестьяне прибегали к жалобам. Они не ограничивались местными органами власти, а писали в центр или по меньшей мере в газету регионального уровня. Это было попыткой использовать центр в борьбе против незаконной деятельности и наплевательского отношения местного чиновничества. Более того, традиция написания жалоб укоренилась не только среди крестьян и других советских граждан, но и в самих органах власти. В конце сталинского периода жалобы стали неотъемлемой частью политической культуры, в рамках которой гражданское право и судебный процесс зачастую ничего не значили. В концлагерях ГУЛага были даже специальные почтовые ящики с названиями «В Верховный Совет», «В Совет Министров», «В Министерство внутренних дел», «Генеральному прокурору»¹⁷³.

Даже в относительно мирное время крестьяне писали тонны жалоб. В середине 1920-х гг. «Крестьянская газета», например, ежемесячно получала 35 тыс. писем. В то время большинство жалоб касалось налоговых вопросов, земельной реформы, действий местных чиновников, бытовых проблем¹⁷⁴. С началом процесса коллективизации в своих письмах крестьяне молили о защите от беззакония и несправедливости. В период с конца 1929 до лета 1930 г. на имя Сталина пришло 50 тыс. крестьянских писем с жалобами. За это же время председатель ВЦИК Калинин, прозванный «всесоюзным старостой», получил около 85 тыс. писем¹⁷⁵. Крестьяне также обращались за юридическими консультациями в различные Дома крестьянина, полагая, что эти структуры заинтересованы в решении их проблем. В период со 2 февраля по 3 марта 1930 г. в Московский дом крестьянина поступило 2 113 жалоб, с 16 по 22 февраля – 1 838, а с 11 по 17 марта – еще 1 535. Помимо письменных жалоб, ежедневно более 200 крестьян являлись лично, в основном с просьбами о помощи в связи с раскулачиванием¹⁷⁶. Прокурора РСФСР тоже завалили письмами: в феврале 1930 г. он получил 2 862, а в марте еще 5 287 жалоб. Прокурор заявил, что большинство жалоб касалось «перегибов и неправильностей». Он добавил с недовольством: «Трудно считать нормальным такие явления, когда крестьянин-средняк за много тысяч километров ездит в Москву с жалобой, которая с наименьшим успехом может и должна быть разрешена на месте и которую в большинстве случаев все равно, как указывалось, приходится отсылать местному прокурору». Но загвоздка состояла в том, что многие суды местного уровня отказывались рассматривать эти дела и бороться с «перегибами и неправильностями»¹⁷⁷.

Крестьяне также искали защиты у региональных властей от злоупотребления полномочиями со стороны местного чиновничества. Так, в первой половине 1930 г. в Сибири крестьяне послали 35 400 писем с жалобами на «несправедливое раскулачивание» в региональные партийные комитеты (из 28 700 проверенных писем 13 100 были признаны «обоснованными»¹⁷⁸). В период с января по июнь 1930 г. в Ивановской области к прокурору в день приходили в среднем 70 крестьян с петициями и поступало от 70 до 80 писем по почте¹⁷⁹. Нетрудно предположить, что то же самое происходило и в других регионах. Ясно также, что многие региональные и местные чиновники либо просто отказывали в рассмотрении жалоб, либо не могли ничего сделать из-за постоянных колебаний в радикальной политике центра весной 1930 г. В результате 5 апреля 1930 г. нарком юстиции Янсон издал указ о создании «специальных групп прокуроров и членов суда, уполномоченных принимать решения в наиболее неблагоприятных регионах» по жалобам крестьян касательно раскулачивания¹⁸⁰.

Таким образом, некоторым подателям петиций повезло: их дела были пересмотрены и прекращены. Из 46 261 семьи, депортированных на север, 35 000 подали петиции в комиссии по рассмотрению жалоб; 10 % из 23 000 семей, чьи дела действительно были рассмотрены, были признаны «раскулаченными неверно», а 12,3 % случаев получили характеристику «сомнительных». Эти немногие счастливицы приходили домой порой с неизлечимой психологической травмой, как уже упоминавшийся Иван Булатов, и обычно не могли добиться возвращения экспроприированной у них собственности. Многие не смогли пережить следующего этапа раскулачивания¹⁸¹.

Некоторые представители местной власти, а иногда и центра, когда крестьянские жалобы приходились совсем «некстати», видели в них серьезную опасность. В Иркутском округе в Сибири крестьянские лишенцы (лишенные права голоса) были арестованы по статье 58, пункт 11 с предъявлением серьезного обвинения в контрреволюционной деятельности за сбор подписей под петицией, адресованной Калинину. Впоследствии верховные судебные органы пересмотрели это обвинение, придя к выводу, что «кулацкая сущность этих крестьян также сомнительна»¹⁸². Один крестьянин, составивший петицию Калинину и собравший под ней сотни подписей односельчан, был изгнан из колхоза. Этот крестьянин пытался спасти своего отца, арестованного ОГПУ за преступления против революции, которые он предположительно совершил в 1918 или 1919 г.¹⁸³ Летом 1929 г. в одном из своих писем советский писатель Михаил Шолохов жаловался, что местные власти Хоперского округа на Нижней Волге не выдают необходимые документы крестьянам, которые хотят ехать подавать жалобы в региональные органы. Он также указал, что почтамту запрещается принимать письма, адресованные ВЦИК, председателем которого и был «всесоюзный староста»¹⁸⁴. Учитывая данные обстоятельства, само решение подать жалобу являлось актом крестьянского сопротивления. К тому моменту, когда Сталин в начале марта 1930 г. призвал к временному отступлению коллективизации, местным властям было чего бояться. В попытке успокоить крестьянство центр цинично обвинил местные власти в «ошибках» и «перегибах» зимней кампании по коллективизации. После решения центра о снижении темпов коллективизации и раскулачивания крестьяне осознали свои новые возможности: некоторые даже извлекли пользу из сложившейся ситуации, разыгрывая из себя верных подданных, которые жаловались «хорошему царю» в Москве на «плохих чиновников» на местах.

Письма крестьян принимали самые разные формы. В большинстве из них содержался прямой и демонстративный протест. Речь шла о насилии во время коллективизации, угрозах и запугиваниях

со стороны должностных лиц и панике среди крестьян. Крестьяне одной из деревень Елецкого округа Центрально-Черноземной области в своем письме Калинину жаловались, что вступили в колхоз по принуждению. Местные власти пригрозили им ссылкой в Соловки, в ужасные тюрьмы на северных островах, тем самым дав понять, что не допустят какой-либо критики. Один крестьянин написал Калинину: «Коллективизация у нас проводится не путем разъяснения, а путем запугивания. Не вступающему в колхоз крестьянину заявляют, что все, кто не пойдет в новое хозяйство, будут вместе с кулаками отправлены на Амурские берега, лишены земельного надела... а также арестованы»¹⁸⁵. В апреле 1930 г. жители деревни Кисель Островского округа Ленинградской области отправили Калинину письмо следующего содержания: «У нас предсельсовета коллективизацию проводил насильно. Кто не давал согласия вступить в колхоз, на того он покрикивал, как бывший жандарм... Кто не давал своей подписи, того подводили к столу, взявши под руки, и заставляли записываться. А кто вовсе не пожелал записываться, то он тем говорил, что мы у вас зубы вырвем и шкуру сдерем»¹⁸⁶. Еще один крестьянин жаловался, что его арестовали за чтение вслух своим товарищам сталинской статьи «Головокружение от успехов»¹⁸⁷. Группа крестьян в коллективном письме Калинину указала, что в случае отказа от вступления в колхоз им угрожали ссылкой на Соловки, а если бы они стали сопротивляться, их бы назвали контрреволюционерами. Письмо заканчивалось вопросом, законно лисылать середняков¹⁸⁸. Самые трогательные письма приходили от детей. Один крестьянский мальчик написал в «Правду», главную газету КПСС, следующее письмо (опубликовано не было): «У нас семьи 7 человек. Имели один дом, крытый железом, одну лошадь и жеребенка полтора года, теленка двух лет, пять овец и посею 3 десятины. Сел. хоз. налогу платили 7 рублей. Пришли и взяли все: жеребенка, теленка, самовар, сепаратор, овец 3 головы, картофель, свеклу, кормовое сено, солому и хотели выгнать из дома... Мы 5, остались в своем селе, мне 15 лет, братишке 7 лет, 2 сестренки: первой – 5 лет, второй 9 месяцев и матери 48 лет. Сестренка живет в людях, чтобы не сдохнуть с голода, братишка бегает, где его приютят, там его и кормят. Прошу у советской власти защиты. Нашу корову дали одному активисту за 15 рублей, а он ее через неделю продал за 75 рублей к нам»¹⁸⁹. Другой пятнадцатилетний мальчик начал свое письмо Калинину со слов: «Здравствуйте, Михаил Иванович, как Вы живете и как Ваше здоровье?» Далее он жаловался, что его исключили из школы по той причине, что он сын бывшего старшины: «Михаил Иванович, мой отец был старшиной только 3 месяца». Более того, его отец служил старшиной 25 лет назад и умер в 1924 г. Мать тоже умерла, и он

живет с двумя старшими братьями. Их семье не дали вступить в колхоз. Мальчик спрашивал: «Да разве мы виноваты, мы молодые опытные хозяева». Он также указал, что они середняки и всегда выполняли нормы по хлебозаготовкам¹⁹⁰.

Некоторые крестьяне не показывали в письмах своих истинных эмоций, выбирая нейтральный тон и выражая должное почтение «властям предержажим». Примечательно, что писем, где авторы прибегают к традиционному образу «мужика», немного. Тем не менее сам факт, что крестьяне писали Калинин, можно истолковать как знак формального признания его роли «всесоюзного старосты», особенно если допустить, что крестьяне относились к этой роли Калинина менее серьезно, чем он сам. Образ Калинина-«старосты» был на руку и советскому руководству, которое могло им манипулировать и при необходимости с его помощью смягчать гнев крестьян. Марк Александров, бодрый старичок из деревни в Псковской области, адресовал свое письмо «всероссийскому старосте». После целого ряда расшаркиваний в начале письма он пожаловался на поведение местного председателя, сравнил его с царским жандармом, и закончил следующими словами: «Я старик, 73 года от роду, маломощный середняк... Я живу 13 год при Советской Власти и того насилia я не видел, как этот раз»¹⁹¹. В селе Льгов Брянского округа 252 крестьянина также подготовили письмо Калинин. Оно было написано в резко самоуничижительном ключе и в основном посвящено тем сложностям, с которыми столкнулись сельчане, особенно в вопросе о добровольности вступления в колхоз. Авторы просили Калинина положить конец угрозам и страданиям, которые они терпят от местных властей. Затем добавили, чтобы до конца развеять сомнения Калинина, если таковые у него имелись: «Мы... зная план и задания пятилетнего плана, утверждаем его полностью», – тем самым демонстрируя свою политическую осведомленность (или хитрость). Далее они писали: «От коллективного хозяйства и его строительства в категорической форме не отказываемся». Проблема же заключалась в следующем: «Но как мы темные, нам нужен показательный путь темной массы, какие имеются права в колхозах». Они повторили вопрос о добровольности вступления в колхоз и затем спросили, имели ли местные власти право отбирать «у наших жен холсты, пряжу, свиты, полушубки...»¹⁹². Читая эти строки, так и слышишь голоса тех жен, которые требовали включить эти вопросы в текст письма. Это можно интерпретировать и по-другому: мужики нарочно переключали внимание с собственных проблем на жалобы своих жен, чтобы вызвать сочувствие или же придать письму бытовой характер, подчеркивая аполитичный, по определению, образ «бабы».

Письма Сталину в неменьшей степени демонстрировали наивный монархизм крестьян, будь он искренний или же навязанный сверху. Всегда чувствовалась надежда, что где-то еще сохранилась справедливость, хотя крестьянам, разбиравшимся в ситуации, было ясно, что за коллективизацию отвечал сам Сталин. Тем не менее у этих писем, написанных обычным языком с должной долей робости, была своя цель. Возможно, это не что иное, как просто письмо крестьянина-«мужика» с соблюдением всех правил, в том числе стилистики, для общения с советской властью, – форма, которую крестьяне использовали задолго до появления органов по рассмотрению петиций. Даже если дело обстояло именно так, крестьяне осознавали не только пользу от такой формы письма, но и тот факт, что это относительно безопасный и исключительно бытовой, далекий от политики способ вести диалог с советской властью. То, что на первый взгляд кажется раболепством, можно рассматривать как защитный механизм, основанный на крестьянской традиции притворяться и лукавить перед властью имущими. Гораздо больше крестьян писали свои жалобы в новой манере, в так называемом стиле советского крестьянина-бедняка. Типичное письмо такого рода в основном состояло из биографии, за которой следовали некие условные фразы, соответствующие социально-политическим стандартам. Такие биографии совершенно не обязательно были неправдивыми – во многих случаях это жизнеописания, типичные для того времени. Следует подчеркнуть, что крестьянам удавалось манипулировать ситуацией, используя правильные классовый и биографический дискурсы в отношениях с властью. Жалобы крестьян неизбежно были связаны с бедностью: чаще всего они писали, что в молодости работали батраками, во время Гражданской войны служили в Красной армии и при этом *всегда* хранили непоколебимую верность советскому режиму. Крестьяне понимали важность незапятнанного прошлого (как отдаленного, так и не очень), которое местные власти имели обыкновение тщательно проверять на предмет подозрительных фактов. Скорее всего, они знали, что семьи, члены которых служили в Красной армии или были заняты на производстве, освобождались от раскулачивания. Например, после того как крестьянина И. М. Ванюкова официально объявили кулаком, он написал в «Крестьянскую газету» из своей сибирской деревушки. Подробно описав все свое имущество, он ясно дал понять, что до 1917 г. его семья была бедной и что он служил в Красной армии. Он утверждал, что «если мы кулаки, то у нас вся Сибирь кулаки»¹⁹³, и это, видимо, больше соответствовало действительности, нежели вся официальная риторика. Крестьянин М. И. Нефедов из Хоперского округа на Нижней Волге тоже отправил в «Крестьянскую газету» письмо, в котором описал свою бедную семью и службу в Красной армии.

янскую газету» жалобу на то, что его причислили к кулакам. Было это правдой или нет, но, как и Ванюков, и бесчисленное множество других крестьян, Нефедов написал, что он выходец из бедноты и с 9 до 22 лет работал батраком. В 1915 г. он стал калекой по вине несчастного случая, из-за чего во время Гражданской войны они с сыном (об этом он упоминает очень осторожно) не служили в Красной армии, но принимали активное участие в деятельности коммунистической ячейки у себя в деревне. В период НЭПа ему «благодаря советской власти» наконец удалось добиться кое-каких экономических успехов – еще одна распространенная тема в такого рода письмах. Учитывая свое прошлое и статус инвалида, Нефедов чувствовал, что несет теперь наказание за свои достижения¹⁹⁴. Еще один крестьянин подал Калинину петицию с просьбой о пересмотре своего кулацкого статуса. Письмо писала его невестка, так как сам он был неграмотен. В нем он рассказывал, как рос в бедности, затем смог выбиться в люди и в 1920-е гг. наконец добился некоторых успехов. Потом случилось несчастье – пали все 3 лошади, – и ему пришлось нанимать работников, чтобы собрать урожай. Предположительно именно из-за этого его и посчитали кулаком. Однако смерть тяглогового скота стала настоящей катастрофой, и у него не было другого выбора, кроме как нанять кого-то, иначе пришлось бы потерять все, над чем он трудился целый год. В заключение крестьянин отметил, что он всегда платил налоги, исполнял свои обязанности перед государством и – по традиции – что его сын Иван служил три года в Красной армии¹⁹⁵. Наконец, 31 бедняк из Балашовского округа на Нижней Волге написали Калинину, что местные власти отказались принять в колхоз их товарища, тоже из бедняков. По их словам, это был «честный труженик, произошел из семьи батрака», до революции работал, а точнее, находился в эксплуатации у одного торговца, а затем участвовал в революции 1905 года¹⁹⁶.

Некоторые авторы писем апеллировали к классовой справедливости, якобы имеющей первостепенное значение для советской власти, хотя, скорее всего, сами в это не верили. Анна Семеновна Стрельникова из своей деревни в Козловском округе Центрально-Черноземной области написала жалобу Калинину: местные чиновники не разрешили ей и ее маленьким детям вступить в колхоз из-за того, что ее мужа обвинили в хулиганстве за участие в пьяной драке в 1926 г. По словам Стрельниковой, драка не имела никакого отношения ни к контрреволюционной, ни к антисоветской деятельности. Она надеялась, что Калинин поможет ее семье, потому что советская власть «не является мстительницей трудящимся из-за отдельных личностей в семье, а функционирует только в интересах

трудового крестьянства СССР»¹⁹⁷. Один крестьянин из Ленинградской области отказался вступить в колхоз, за что впоследствии был экспроприирован и арестован. Он писал Калинину дважды. Первое письмо начал стандартно: «Я бедняк», сообщил, что служил в Красной армии, но затем написал: «В колхоз пойти не желаю, потому что хочу быть вольным, как говорят и говорили, когда мы шли в бой против белой Петлюровской банды... Но интересно, куда дели лозунг наши партийные организации вождя Ленина». Во втором письме, составленном неделей позже, он смело утверждал, что «запугивания крестьян со стороны партийных и советских работников быть не должно. Страна Советов, а не страна старого отгнившего строя»¹⁹⁸. Письма этих двух авторов являются примерами того, как крестьяне обращались к обещаниям и риторике советской власти, дабы оправдать свои жалобы, хотя, как видно особенно по второму письму, слабо верили в эффективность советского правосудия.

Существовал еще один способ воззвать к советской власти: обвинения и доносы на местное чиновничество, что в 1930-е гг. действовало безотказно. В основном крестьянские обвинения касались представителей местной власти и председателей колхозов. Жалобщики часто заявляли, что их колхоз находится в руках «чужаков», под обширную (и «удобную») категорию которых обычно попадали кулаки, торговцы, старосты, священники и различные контрреволюционные элементы¹⁹⁹. Несмотря на то что этот тип писем получил наибольшее распространение после 1931 г.²⁰⁰, начали они появляться уже во время коллективизации. Крестьяне, как и власти, понимали субъективность таких понятий, как чужак, кулак или контрреволюционер, и с легкостью использовали это в своих собственных целях. К тому же кто сказал бы, что коллективизатор не был для них чужаком?

Жалобы исходили от разных людей. Некоторые писались собственноручно. Интересно отметить, что значительное число жалоб поступало от женщин, и это на первый взгляд удивительно: ведь не столь многие из них были обучены грамоте. Однако если учесть, что государство считало крестьянок невежественными и аполитичными «бабами», способными разве что устроить скандал, но никогда по-настоящему не участвовавшими в политической деятельности, то можно предположить, что эти крестьянки руководствовались определенной логикой, когда ставили на письмах свои подписи. Возможно, «баба» могла говорить вслух о вещах, заговорить о которых для ее мужа, отца или сына было слишком опасно. Или же просто после депортации главы «кулацкой» семьи женщины от отчаяния и нужды брались за написание подобных петиций. Значительная часть писем являлась коллективным творчеством,

что было продолжением традиции, существовавшей еще до Советов и являющейся неотъемлемой характеристикой общинного крестьянства. Возможно, коллективное письмо представляло собой еще один типичный вид крестьянского письма. С другой стороны, здесь тоже присутствовала своя логика. Должно быть, крестьяне осознали смысл коллективных действий, который заключался не столько в получении большей власти, какой у них в общем-то и не было, а в разделении ответственности. Коллективное написание жалоб предполагало, что среди участников нельзя выявить ни лидера, ни зачинщика. В данном случае крестьяне исходили из простой логики, что всю деревню все равно не накажут. Было бы любопытно посмотреть, сохранялась ли традиция написания коллективных писем во время голода, когда целые деревни подвергались массовым репрессиям, включая и депортацию²⁰¹. Так или иначе, до конца десятилетия крестьяне продолжали писать петиции, жалобы, доносы и доказывать свое право считаться советскими гражданами²⁰².

Традиция написания писем оставалась сильна в советский период по ряду причин. Российские крестьяне – народ подчиненный и угнетенный – долгое время практически не имели доступа к, мягко говоря, не идеальной правовой системе. Кроме того, как цари, так и комиссары распространяли миф о наличии прямой связи между народом и главой государства, будь то царь или вождь. Независимо от того, верили ли крестьяне когда-нибудь в этот миф, это был единственный (не считая насилия) способ самозащиты от произвола со стороны тех самых властей, к которым они обращались за помощью. Должно быть, они надеялись, что помощь придет сверху, и она приходила – ровно столько раз, сколько было необходимо для поддержания мифа. Кроме того, крестьяне писали эти письма не просто от отчаяния, а в качестве выражения протеста, способа высказать свое мнение. Некоторые делали это открыто, другие напускали на себя вид послушного «мужика», который казался им подходящим для общения с московскими «господами». Были и те, кто использовал советский дискурс и чувствительные для советской власти вопросы в своих целях. Написание писем в период коллективизации стало формой протеста, адаптации и притворства. Крестьяне пытались сделать так, чтобы их голоса были услышаны в политической системе, в которой у них, за исключением «всесоюзного старосты», не было никакого представительства. Во время коллективизации для сотен тысяч крестьян письма стали единственным способом добиться судебного разбирательства и в течение всего советского периода оставались привычной и распространенной формой самозащиты.

Заключение

Крестьянский луддизм, самораскулачивание, написание писем и другие формы самозащиты были последними способами защиты крестьян от коллективизации и раскулачивания. Миллионы сельских жителей пытались изменить или скрыть свой социально-экономический статус посредством разбазаривания и самораскулачивания, доводя до абсурда тактику утаивания фактического положения вещей, уклонения от нежелательных действий и стратегию выживания. По большей части эти действия схожи с реакцией крестьян на перепись населения, сбор налогов и другие превратности судьбы, которая оставалась одинаковой на протяжении веков; в то же время они сумели изменить свои методы, адаптируя их к беспрецедентному вызову коллективизации. Миллионы крестьян выбрали в качестве единственно возможного способа защиты бегство, пойдя по стопам своих предков, которые, пытаясь избежать последствий политики центральных властей, мигрировали или скрывались в степи. Когда все другие средства были исчерпаны, крестьяне обращались за помощью в высшие инстанции, выражали протест, руководствуясь мифом о великодушной центральной власти, или же пытались говорить на языке своих угнетателей, взывая к справедливости.

Самозащита крестьян была скрытой, а иногда и открытой формой протеста. Разбазаривание, самораскулачивание, оказание поддержки кулакам и написание писем – все это формы политического участия. Каждый акт протеста в большей или меньшей степени мог повлечь за собой угрозу государственных репрессий. По возможности крестьяне старались смягчить политические последствия своих действий, разыгрывая из себя бесхитростных «мужиков» и «баб», утаивая неприятные факты или же подстраиваясь под доминирующий политический дискурс. В этом смысле как форма, так и содержание крестьянского протеста берут свое начало в общей культуре сопротивления, характерной для российских – и для многих других – крестьян и существующей с незапамятных времен.

Используемые крестьянами тактики самозащиты зачастую носили коллективный характер. Разбазаривание, самораскулачивание (временами) и написание писем часто принимали форму коллективных усилий, которые объединяли деревню против государства и его представителей. Сочувствие и поддержка, оказываемая крестьянам, признанным кулаками, также являются показателем сплоченности деревни. Крестьяне и «кулаки» жили или верили, что жили, в одном мире – как в политическом, так и в культурном смысле, – в котором судьба всех зависела от судьбы одного и наоборот. Такая демонстративная сплоченность выявляла истинные намерения государства.

Наличие у крестьян общей цели в чем-то мешало, а в чем-то способствовало сталинской «революции» в деревне. Ее подрывали как огромные разрушения, постоянное сопротивление, так и подгоняющие друг друга процессы разбазаривания и самораскулачивания, с одной стороны, и проходившие непомерно форсированными темпами коллективизация и раскулачивание, с другой. В то же время своими действиями крестьяне позволяли государству изменить социальный облик деревни в соответствии с навязываемой им порочной политической логикой, согласно которой протестовать – значило быть кулаком. Таким образом, государство «окулачило» деревню, после чего могло начать войну против *всего* крестьянства, что не противоречило бы «железным законам» истории. Эта тенденция усугублялась по мере нарастания крестьянского сопротивления.

4

ОБРЕЗЫ И «КРАСНЫЙ ПЕТУХ»: КРЕСТЬЯНСКИЙ ТЕРРОР И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Кто вступит в колхозы, тот будет убит.

С одного из плакатов в деревне Дубровичи

Здесь бы неизбежно вспыхнул пожар!

Слова одной крестьянки

Бросай коммунистов в огонь...

Мы отобьем им охоту организовывать колхозы.

Угроза крестьянина из толпы

Культура гражданской войны была неотъемлемой частью революции в период первой пятилетки. Благодаря ей в стране воцарилась атмосфера всеобщей мобилизации и осадного положения, столь необходимая большевикам, чтобы взять противника штурмом. Эта культура обесчеловечила врага и позволила людям совершать поступки, которые в нормальной обстановке считались бы незаконными и аморальными. Проводимая Сталиным революционная политика усилила эту культуру, загнав врага в угол и доведя его до такого состояния, когда насилие зачастую оказывалось единственным возможным выходом. Насилие влекло за собой новое насилие, репрессии со стороны властей провоцировали антигосударственный крестьянский террор, а умы людей полностью захватила ментальность гражданской войны¹.

Крестьянский террор был зеркальным отражением и одновременно катализатором культуры гражданской войны. Термин «террор» государство использовало для характеристики разнообразных проявлений крестьянской «политики». Террор обычно ассоциировался с убийством, покушением на убийство, нападением, обстрелом, а иногда и с поджогом и угрозами. В основном террор представлял собой индивидуальные и анонимные акты насилия, чаще всего со стороны

«мужиков», направленные против активистов или местных должностных лиц. Это было последнее средство, к которому крестьяне прибегали лишь тогда, когда все другие способы сопротивления терпели неудачу. В памяти горожан, и особенно коммунистов, террор вызывал образ вооруженного обрезом кулака, что еще больше нагнетало атмосферу осадного положения. Государство преуменьшало масштаб крестьянского протеста, выливавшегося в акты насилия против активистов и местных властей, называя террор кулацким, демонизируя его зачинщиков и превознося его жертв. Как и другие «громкие слова» революции, термин «террор» был удобен властям. При необходимости, особенно после 1930 г., когда единоличные акты насилия не были столь распространены, террор мог означать все, что власти сочтут антисоветским или контрреволюционным. После 1930 г. этот термин, так же как понятия «саботаж», «вредительство» и «контрреволюция», стал играть для советского режима более важную роль, чем слово «кулак», хотя прилагательное «кулацкий» продолжало широко применяться.

Несмотря на происхождение и оттенок термина «террор», он является значимой категорией крестьянской «политики» коллективизации и частью народной культуры сопротивления. Наряду с крестьянскими апокалиптическим дискурсом, луддизмом и тактикой обмана, террор использовался, чтобы перевернуть существующий порядок вещей, подорвать и сменить власть в деревне. Главными его объектами стали местные активисты и партработники, служившие советскому режиму. В основном крестьяне использовали традиционные формы террора, такие, как убийство или нападение – типичные проявления человеческой жестокости. Самосуд (самоуправство), поджог и угрозы были особыми формами протеста. На подобные действия крестьян толкали чувства справедливости и солидарности². Хотя в этой связи, на первый взгляд, было бы уместно проанализировать крестьянскую мораль и то, насколько она была нарушена, в отношении того времени такой подход представляется негодным. Скорее всего, для описания внутренней логики крестьянского террора лучше подойдут понятия «угроза» и «возмездие». Во-первых, террор представлял угрозу для любого, кто вышел или порывался выйти из деревенской общины, и для любого местного партработника, который думал, что насилие и несправедливость в отношении жителей деревни сойдут ему с рук. Во-вторых, террор являлся способом отомстить тем, кто помогал властям проводить репрессии против деревни, и играл важную роль как форма активного сопротивления крестьян и инструмент их «политики».

Крестьянский или «кулацкий» террор, как его называли власти, с одной стороны, был мифом, с другой – реальностью. Несомненно, те

действия, которые государство окрестило террористическими, имели место на самом деле. Крестьяне вымещали злость и отчаяние на своих врагах, чтобы предупредить возможные нападки с их стороны в будущем или же отомстить за прошлые обиды, и это противостояние шло с переменным успехом. Термин «кулацкий террор» использовался режимом для поддержания мифа о том, что революция, классовая борьба и построение социализма оправдывают репрессии, жестокость и применение насилия. Риторика властей имела не меньшее значение, чем реальность. Крестьянский террор служил основной опорой культуры гражданской войны в эпоху сталинской революции.

Масштабы террора

Описывая сельскую местность в Смоленске в конце 1929 г., Мерл Фейнсод рассказывал: «Пелена террора опустилась на деревни. Как только резко увеличилось число убийств и поджогов, членов партии предупредили, чтобы они на рабочем месте не подходили близко к окнам и не ходили по деревне, когда стемнеет»³. Это предупреждение вызвало волнение среди городских уполномоченных, например у двадцатипятилетнего Саблина с Северного Кавказа, который писал, что не осмеливался по ночам выйти на улицу, так как «из-за угла можно было ожидать пулю»⁴. Когда бригада рабочих в конце 1929 г. приехала в деревню Александровка на Нижней Волге, она ощутила царивший в ней страх, обнаружив почти пустые дома: взрослые ушли, чтобы спрятаться, оставив детей и нескольких батраков⁵. Угроза насилия, внезапного нападения или «пули из-за угла» пронизывала всю сельскую местность в период коллективизации.

Эта атмосфера страха, насилия и террора подпитывалась из многочисленных источников. Газеты того периода пестрели сообщениями о кулацком терроре и коммунистах, преданных мученической смерти; на партийных и заводских собраниях регулярно обсуждались новости с хлебного фронта. Многие из них завершались торжественными похоронными церемониями в честь товарищей, погибших во имя революции. Ответом советской власти на террор стали репрессии в отношении деревни. Партийное руководство поощряло и пыталось сохранить атмосферу напряженности, которая служила отличным прикрытием для проведения кампании против крестьянства и одновременно удобным инструментом мобилизации и воодушевления ударных войск коллективизации, позволявшим свалить вину за жестокость этой кампании на мнимого врага.

Поддержание атмосферы террора было выгодно и крестьянству. В относительно спокойное время она помогала избегать новых атак

со стороны государства. В худшие же времена (случавшиеся гораздо чаще) накопившаяся в деревне злость выливалась в террор и жестокую расправу с обидчиками. Атмосфера страха подпитывалась гневом, чувством справедливости и жадной мести, которые приняли форму традиционных крестьянских методов борьбы, включая угрозы и запугивание.

Общенациональные статистические данные по террору доступны за 1928–1930 гг. Количество актов террора резко увеличилось: с 1 027 в 1928 г. до 9 903 в 1929 г. и 13 794 в 1930 г. В табл. 4.1 отражена сезонная динамика террора, которая демонстрирует взаимосвязь между государственным и крестьянским террором⁶.

Таблица 4.1. Общенациональная статистика актов террора, 1928–1930 гг.

Месяц	1928 г.	1929 г.	1930 г.
Январь	21	642	808
Февраль	48	329	1 368
Март	23	351	1 895
Апрель	31	247	2 013
Май	51	546	1 219
Июнь	43	851	796
Июль	77	474	762
Август	76	757	928
Сентябрь	103	1 167	946
Октябрь	135	1 864	1 440
Ноябрь	216	1 295	954
Декабрь	203	570	665
Итого	1 027	9 093	13 794

Источник: Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 40 (The Tragedy of the Soviet Countryside. 5 vols. / ed. by V. P. Danilov, R. T. Manning, L. Viola [см. рус. изд.: Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы / под ред. В. П. Данилова, Р. Т. Маннинг, Л. Виолы. М., 2000. Т. 2. – Прим. ред.]).

В 1928–1929 гг. крестьянский террор в основном был спровоцирован кампанией по хлебозаготовкам; в 1930 г. он резко набрал обороты в ответ на осеннюю заготовительную кампанию, и главным образом коллективизацию. По данным ОГПУ, в 1929 г. 43,9 % актов террора были напрямую связаны с хлебозаготовками. В 1930 г. их

Таблица 4.2. Причины актов террора в 1930 г.

Месяц	Хлебозаготовки	Налог и самообложение	Коллективизация	Землеустройство	Предвыборная борьба	Раскулачивание	Религиозная	Посевная кампания	Продзаготовки	Активная общественная работа
Янв.	86	18	384	1	2	51	13	11	—	232
Февр.	25	14	768	1	3	222	5	49	—	272
Март	5	6	1 234	4	1	154	12	52	—	420
Апр.	6	4	1 243	18	1	168	4	28	—	531
Май	3	—	667	8	—	107	1	10	1	420
Июнь	3	8	442	9	1	99	1	6	1	225
Июль	15	8	362	4	—	63	2	1	3	291
Авг.	124	6	420	7	—	52	—	—	—	309
Сент.	248	15	341	6	—	61	—	—	2	272
Окт.	422	22	450	4	1	60	—	—	1	480
Нояб.	301	13	296	1	12	48	—	—	—	283
Дек.	164	10	175	3	86	19	—	—	—	208
Итого	1 402	124	6 782	66	107	1 104	38	157	8	3 943

Источник: Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 71. Некоторые столбцы из исходной таблицы опущены (включая 63 акта террора): 10 из них связаны с контракцией и 53 относятся к «бытовому террору» на Востоке.

количество снизилось до 10,2 %, тогда как доля актов террора, вызванных процессами коллективизации и раскулачивания, увеличилась до 57,2 %⁷. Данные таблицы 4.2 отчетливо свидетельствуют о несовпадении официальной версии причин крестьянского террора 1930 г. с реальностью.

Несмотря на то что, по официальным данным, коллективизация оставалась главной причиной крестьянского террора в 1930 г., выявить его истинные причины на тот год весьма сложно. Скорее всего, террор, порожденный политикой раскулачивания, закрытием церквей и другими процессами, также объяснялся проводившейся сплошной коллективизацией. Кроме того, категория «активная общественная работа», которая, судя по всему, означает «перегибы» и насилие, несомненно, прямо или косвенно связана с той или иной государственной кампанией. Тем не менее даже внутри каждой категории взаимосвязь между крестьянским и государственным террором в сезонной динамике очевидна: число актов террора как реакции на коллективизацию и раскулачивание достигает своего пика в первой трети 1930 г., тогда как количество террористических инцидентов в ответ на хлебозаготовки резко увеличивается осенью во время проведения государством заготовительной кампании.

Таблица 4.3. Типы террористических актов в 1930 г. по месяцам

Месяц	Всего	Убийства	Покушения на убийство, избияния, ранения	Поджоги	Прочее
Январь	808	95	439	251	23
Февраль	1 368	112	740	462	54
Март	1 895	131	869	841	54
Апрель	2 013	127	773	1 055	58
Май	1 219	105	369	705	40
Июнь	796	87	322	370	17
Июль	762	80	275	362	45
Август	928	113	282	471	62
Сентябрь	946	85	349	444	68
Октябрь	1 440	114	540	709	77
Ноябрь	954	90	445	384	35
Декабрь	665	59	317	271	19
Итого	13 794	1 198	5 720	6 324	552

Источник: Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 71.

В общей базе данных по террору можно выделить и другие категории. В 1928 г. были зафиксированы 122 убийства, а за первые 10 месяцев 1929 г. их число увеличилось до 353⁸. В таблице 4.3 приведены данные по различным видам террора. В зависимости от месяца число актов террора менялось; в 1930 г. резко возросло число убийств.

С распространением террора в конце 1920-х гг. и в 1930 г. возрастала и степень его жестокости. Более 1 100 убийств, в основном местных партработников и активистов, и более 5 000 случаев нападения на должностных лиц свидетельствуют о чрезвычайной и даже критической ситуации в стране. Подобная обстановка могла вызывать страх и тревогу у любого правительства, тем более у того, которое воспринимало (и, возможно, определяло) себя как находящееся на осадном положении и ведущее борьбу не на жизнь, а на смерть и с внутренними, и с внешними врагами.

Статистические данные по регионам свидетельствуют о масштабе распространения террора. В таблице 4.4 приведены данные ОГПУ об актах террора в регионах за 1930 год.

Таблица 4.4. Акты террора в регионах в 1930 г.

Регион	Инциденты	Регион	Инциденты
Украина	2 779	Белоруссия	533
Центрально-Черноземная область	1 088	Кавказ	508
Урал	977	Татария	421
Сибирь	904	Дальний Восток	343
Северный Кавказ	842	Казахстан	332
Нижняя Волга	711	Средняя Азия	302
Московская область	707	Башкирия	291
Западная область	679	Ивановская область	285
Нижегородский край	643	Северная область	119
Средняя Волга	636	Крым	85
Ленинградская область	609	Итого	13 794

Источник: Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 67.

Наибольшее количество террористических актов совершалось в основных хлеботорговых районах страны, например в Московской и Центрально-Черноземной областях, где проведение коллективизации сопровождалось особенно жестоким насилием, а также в регио-

Таблица 4.5. Причины террора по регионам в 1930 г.

Регион	Хлебо- мясо- заго- товки	Налог и само- обло- жение	Коллек- тивиза- ция	Земле- устрой- ство	Пред- выбор- ная борьба	Раску- лачива- ние	Рели- гиоз- ная	Посев- кампа- ния	Прод- за- труд- нения	Активная общест- венная работа
Украина	167	14	1 695	-	4	265	12	36	-	579
Сев. Кавказ	95	1	285	2	9	57	1	15	-	148
Центр.-Черн. обл.	225	2	577	1	3	66	3	5	-	206
Средняя Волга	102	1	192	2	2	68	3	7	-	259
Нижняя Волга	69	1	261	-	1	120	-	7	1	251
Сибирь	3	-	125	2	-	78	1	7	-	226
Зап. Сибирь	53	2	1	1	8	5	-	-	-	235
Вост. Сибирь	27	1	2	-	2	4	-	-	-	121
Урал	88	6	426	-	1	145	1	20	1	289
Моск. обл.	97	5	445	3	23	3	4	-	1	126
Ленингр. обл.	44	21	419	-	10	28	-	-	2	82
Западн. обл.	63	14	379	12	9	43	-	2	-	157
Иванов. обл.	24	7	132	3	2	16	1	-	-	100
Белоруссия	10	-	391	3	-	29	3	-	-	97
Нижекрай	67	14	326	9	12	35	1	1	-	178
Дальн. Восток	44	2	209	3	-	23	8	-	2	52
Север	9	1	60	1	-	2	-	1	1	44
Башкирия	25	5	132	-	-	29	-	4	-	96
Татария	57	4	209	1	1	31	-	-	-	118
Казахстан	65	3	113	-	3	27	-	27	-	94
Крым	14	-	31	-	2	16	-	5	-	17
Средняя Азия	25	8	70	5	-	-	-	10	-	131
Закавказье	2	4	227	13	3	7	-	5	-	247
Сев. Кавказ	27	8	75	5	12	7	-	5	-	90
Итого	1 402	124	6 782	66	107	1 104	38	157	8	3 943

Источник: Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 73. Сибирь была разделена на Западную и Восточную в июне 1930 г. Это разделение отражено в этой и в последующих таблицах.

нах, где крестьянский протест был традиционно ярко выражен. Таким образом, наряду с сезонными колебаниями имели место и региональные различия. В вышеупомянутых областях крестьянские волнения в годы коллективизации приняли наибольший размах.

Большинство террористических актов были напрямую связаны с коллективизацией и раскулачиванием, независимо от региона (см. табл. 4.5).

Таблица 4.6. Типы террора по регионам, 1930 г.

Регион	Всего	Убийства	Покушения на убийство, избиения, ранения	Поджоги	Прочее
Украина	2 779	176	708	1 884	11
Северный Кавказ	613	50	329	223	11
Центр.-Черн. область	1 088	93	287	700	8
Средняя Волга	636	32	265	305	33
Нижняя Волга	711	30	288	383	10
Сибирь	442	43	223	138	38
Западная Сибирь	305	21	147	109	28
Восточная Сибирь	157	12	43	92	10
Урал	977	58	488	343	88
Московская область	707	26	315	311	55
Ленинградская область	609	29	404	141	35
Западная область	679	53	280	325	21
Ивановская область	285	13	144	120	8
Белоруссия	533	29	140	358	6
Нижегородский край	643	54	266	317	6
Дальний Восток	343	18	166	97	62
Север	119	20	57	37	5
Башкирия	291	44	157	80	10
Татария	421	32	231	113	45
Казахстан	332	45	217	46	24
Крым	85	2	61	18	4
Средняя Азия	302	155	125	18	4
Кавказ	508	134	231	126	17
Северный Кавказ	229	28	148	40	13
Итого	13 794	1 197	5 720	6 325	552

Источник: Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 73.

Как и в целом по стране, большинство актов террора в регионах были вызваны «активной общественной работой», то есть действиями активистов и агентов Советской власти, которые спровоцировали насилие со стороны крестьян. В таблице 4.6 представлены данные по различным типам террора.

К статистике по террору следует относиться с разумной долей скептицизма, учитывая постоянно проводившиеся репрессии и атмосферу хаоса, фанатизма и революционной ожесточенности того времени. Более того, понятие «террор» могло толковаться различными наблюдателями по-разному. Самая полная и подробная база данных была составлена ОГПУ, однако и у нее есть свои недостатки. ОГПУ, специализировавшееся на терроре, имело к нему особый интерес, поскольку борьба с ним позволяла этому органу укреплять свои позиции, повышать престиж, расширять аппарат и привлекать дополнительные средства⁹. Потому даже этим, казалось бы, тщательно собранным и точным данным не следует доверять полностью.

Статистические данные, представленные в этой главе, в лучшем случае информируют о количестве инцидентов насильственного характера, которые можно расценить как террористические. Необходимо еще раз подчеркнуть, что рассмотренные акты террора были направлены против местных партработников и сельских активистов. Для государства такой выбор жертв означал, что преступления имели особую подоплеку. С этим, однако, можно поспорить, так как неизвестно, были ли мотивы, стоящие за актами террора против представителей власти, действительно – если использовать советскую терминологию – террористическими, контрреволюционными и классовыми. Если нет, то встает вопрос, можно ли трактовать имеющуюся статистику так же широко, как и само понятие террора. Так, обком партии в Карелии особо подчеркивал, что «имевшие место случаи квалификации кулацких выступлений как уголовных должны быть изжиты и квалифицироваться только как политические»¹⁰; логично предположить, что подобные резолюции принимались и в других регионах. Центральные органы судебной власти СССР время от времени издавали директивы о широкой и даже произвольной интерпретации контрреволюционных преступлений. По данным журнала Наркомата юстиции «Советская юстиция», зачастую обычная пьяная драка расценивалась как контрреволюционная, если в ней участвовали местные партработники или активисты. В «Советской юстиции» также писали, что акты насилия часто совершались во время религиозных и прочих праздников, когда возрастало потребление алкоголя. В некоторых районах практически половина решений о том, что тот или иной случай следует

считать актом террора, были отменены вышестоящими судебными инстанциями¹¹. Этот факт заставляет усомниться в достоверности данных даже по тем случаям, по которым решения местных судов не опровергались, и еще раз доказывает необходимость крайне осторожного обращения с советской статистикой. С другой стороны, важно отметить, что власти озадачивались проблемой интерпретации и категоризации насильственных преступлений, совершенных жителями села, только после проведения крупных кампаний, когда суды и тюрьмы оказывались переполнены крестьянами. В такие моменты государство иногда заменяло «кнут» на «пряник». Слишком значительное количество актов террора и замешанных в них крестьян выводило «кулацкий террор» далеко за рамки марксистско-ленинской концепции классовой борьбы бедных с богатыми, которой придерживалось сталинское руководство, и грозило придать ему не столько контрреволюционный, сколько политический характер «крестьянского сопротивления». Для государства было намного проще время от времени отступить от репрессивной политики и обвинять нижестоящие власти в навешивании контрреволюционных ярлыков.

Крестьянам же всегда было привычнее и выгоднее иметь дело с местными властями, совершая преступления под предлогом несчастного случая, пьяной драки и прочих бытовых происшествий. Типичный способ – заманить местного парторботника или ненавистного активиста на хорошую попойку, которая плавно переходила в драку и поножовщину. По данным ОГПУ, именно это произошло в июле 1930 г. в селе Московское Талицкого района Тюменского округа в Сибири. Бывший торговец Глазков и его сообщники предложили бедняку-активисту Поскотину выпить с ними, на что тот согласился. В ходе попойки Глазков спровоцировал ссору, которая закончилась ударом ножа в сердце Поскотина. На следующий день брата Поскотина избили, а остальных активистов предупредили: «Ни один [из вас] в живых не останется»¹². Независимо от того, было ли это событие актом террора, замаскированным самими крестьянами под пьяную драку, или же проявлением одержимости ОГПУ и его неспособности отличить контрреволюционные преступления от обычных, оно демонстрирует двойственный характер крестьянского насилия. При этом факт остается фактом: крестьянский обычай выпивать был как одной из составляющих общения, так и формой крестьянской «политики», а именно традиционным средством сглаживания конфликтов и ведения переговоров, что ставит под сомнение политическую подоплеку перерастания попок в насилие¹³. То, что многие акты террора совершались во время религиозных праздников, совершенно не удивительно: крестьяне пытались возродить деревню

и во главу угла ставили традицию. В такой обстановке социальная несправедливость и репрессии чувствовались еще острее, и особо отчаянные крестьяне, воодушевленные иллюзией своего единства и силы, возникающей на фоне праздничного настроения (а то и благодаря хорошей кружке самогона), вполне могли пойти на крайности. По крайней мере, именно этим можно объяснить большинство случаев насилия.

Реалии крестьянского сопротивления характеризуются, помимо государственной статистики и типологии, которые далеки от совершенства, и другими важными факторами. Во-первых, имеет значение время совершения актов террора. Здесь четко прослеживается корреляция с проведением государственных кампаний: количество инцидентов то увеличивалось, то уменьшалось в зависимости от степени вмешательства властей в дела деревни, достигнув своего апофеоза в 1930 г.¹⁴ Во-вторых, масштаб террора разнился в зависимости от области. Наибольшее распространение он получил в основных хлебородных районах, областях с устоявшимися традициями культуры крестьянского сопротивления, а также в районах, где центральные или региональные власти проводили политику форсированного обобществления. Это подтверждает тезис о том, что все действия, которые официальные власти окрестили «актами террора» и приписали кулакам, на самом деле происходили в определенном месте и в свое время, являясь рациональной и крайне жесткой реакцией крестьян на политику коллективизации.

Гражданская «война внутри войны»

В ноябре 1929 г. советское руководство призвало обратить внимание на «сильнейшее сопротивление кулачества» и опубликовало постановление, в котором обещало оказать помощь жертвам «кулацкого насилия»¹⁵. Советские люди – в основном местные парторботники и активисты – страдали от происков классового врага. «Жертв кулаков» обычно изображали верными солдатами революции, благородными, сознательными и передовыми товарищами, обычно имевшими солидный опыт партийной работы. Коммунисты видели в этом подтверждение наличия классовой борьбы в деревне.

Независимо от того, существовала ли эта борьба на самом деле, имеются доказательства определенной логики, которой крестьяне руководствовались в выборе жертв – чаще всего парторботников и активистов, а иногда и членов их семей¹⁶. Нельзя утверждать, что все они стояли по другую сторону баррикад, однако очевидно, что все они поддерживали советскую власть и политику коллективиза-

ции и расплачивались за свои действия. Они составляли то меньшинство крестьян, которое участвовало в проведении политики коллективизации и выступало против остальной деревни в гражданской войне между крестьянами – внутри гражданской войны деревни и города.

Данные по регионам подтверждают тот факт, что жертвами в основном становились местные партработники, главным образом представители сельсоветов и активисты. Мерл Фейнсод собрал сведения по 47 актам террора в Западной области в октябре 1929 г. Среди жертв – 10 председателей сельсоветов, 8 секретарей сельсоветов, 8 членов хлебозаготовительной комиссии, 21 активист¹⁷. По данным прокуратуры, в Западной области за 1929 г. 63 % актов террора были направлены против работников НСА (низового советского аппарата) и 37 % – против активистов (50 % из них были колхозниками)¹⁸. Аналогичную картину дают данные по Центрально-Черноземной области за август–декабрь 1928 г., где 80 % жертв составляли сельские активисты (включая членов сельсоветов)¹⁹. В период с 1 мая по 10 июня 1929 г. в той же области от актов террора пострадали уже 55 работников НСА, 2 милиционера, 1 служащий колхоза, 12 колхозников, 1 селькор, 21 активист-бедняк, 8 коммунистов и комсомольцев, 8 представителей культурно-общественных организаций²⁰. Несмотря на скудость сведений за период до 1930 г., в прессе появились сообщения о том, что с 15 августа по 15 октября 1928 г. были убиты 24 представителя сельсоветов, 15 коммунистов, 6 комсомольцев, 14 селькоров²¹.

Данные за 1930 г. также подтверждают, что в основном жертвами крестьян становились работники НСА и сельские активисты. В таблице 4.7 приведена информация о жертвах террора по регионам.

В этих статистических данных ОГПУ, в которых учтены дополнительные случаи помимо указанных ранее 13 794, также содержится раздел «объекты» террора. Так, колхозы (2 836 случая, или 21 %) и правительственные здания (753, или 6 %) становились объектами нападения (обычно поджогов и вандализма) почти в четверти случаев. Хотя после 1930 г. количество политических убийств сократилось, из имеющихся данных можно сделать вывод, что жертвами всех типов террора продолжали оставаться сельские активисты-колхозники. По данным Верховного суда РСФСР, террор в основном был направлен против колхозных должностных лиц (после 1930 г. в их число входило все больше и больше крестьян) и сельских активистов²². Несмотря на то что эти данные вряд ли можно проверить эмпирически, они весьма логичны: авторитет сельсовета был ниже, чем колхоза, который часто возглавляли сильные руководители.

Таблица 4.7. Жертвы террора по регионам, 1930 г.

Регион	Работники НСА	Колхозники	Активисты
Украина	313 (11 %)	599 (22 %)	952 (34 %)
Северный Кавказ	57 (9 %)	152 (25 %)	268 (44 %)
Центр.-Черн. область	226 (21 %)	233 (21 %)	273 (25 %)
Средняя Волга	163 (26 %)	111 (17 %)	196 (31 %)
Нижняя Волга	109 (15 %)	125 (18 %)	262 (37 %)
Сибирь	91 (21 %)	113 (26 %)	101 (23 %)
Западная Сибирь	57 (19 %)	34 (11 %)	145 (48 %)
Восточная Сибирь	14 (9 %)	9 (6 %)	66 (42 %)
Урал	154 (16 %)	235 (24 %)	314 (32 %)
Московская область	102 (14 %)	192 (27 %)	242 (34 %)
Ленинградская область	160 (26 %)	253 (42 %)	121 (20 %)
Западная область	137 (20 %)	214 (32 %)	162 (24 %)
Ивановская область	57 (20 %)	81 (28 %)	89 (31 %)
Белоруссия	37 (7 %)	200 (38 %)	129 (24 %)
Нижегородский край	100 (16 %)	229 (36 %)	198 (31 %)
Дальний Восток	46 (13 %)	106 (31 %)	59 (17 %)
Север	20 (17 %)	30 (25 %)	38 (32 %)
Башкирия	52 (18 %)	78 (27 %)	108 (37 %)
Татария	88 (21 %)	113 (27 %)	136 (32 %)
Казахстан	52 (16 %)	75 (23 %)	160 (48 %)
Крым	13 (15 %)	16 (19 %)	39 (46 %)
Средняя Азия	36 (12 %)	45 (15 %)	210 (70 %)
Кавказ	82 (16 %)	123 (24 %)	217 (43 %)
Северный Кавказ	48 (21 %)	22 (10 %)	118 (52 %)
Итого	2 114 (15 %)	3 388 (25 %)	4 603 (33 %)

Источник: Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 72. (Проценты округлены до целых чисел. Прочие «жертвы» не учитывались, поэтому общий процент по регионам меньше 100.)

В основном крестьяне выплескивали свой гнев на жителей деревни, тесно связанных с советской властью. Большинство из этих активистов и работников сельсоветов происходили из крестьянских семей. Среди неместных жертвами становились либо представители центра, например двадцатипятидесятники, постоянно проживающие по месту работы, либо пришлые горожане, входившие в советский аппарат, или же обучающий персонал²³. К людям с такими должностями было легче подступиться, чем к уполномоченным или же к вышестоящим государственным лицам: те заезжали в деревню ненадолго и постоянно находились в движении, а потому застигнуть их было

практически невозможно, разве что во время очередного мятежа или бабьего бунта, которые редко заканчивались серьезными жертвами. Два неожиданных инцидента в начале 1930-х гг., в результате которых так называемые крестьянские банды в опасной горной местности расправились с секретарем Ингушского обкома партии, партийным инструктором Северокавказского крайкома партии и двумя членами обкома Кабардино-Балкарии, являются скорее исключением из правила²⁴. Хотя убийства этих высокопоставленных лиц и подлили масла в огонь гражданской войны, ее главный фронт пролегал в деревне, а основными жертвами были местные активисты – немногие крестьяне, решившие связать свою судьбу с советской властью.

Участовавшие в актах террора крестьяне, которых было намного больше, чем жертв, в официальных документах всегда обозначались как «кулацкие бандиты», независимо от того, являлись ли они таковыми на самом деле. Прилагательное «кулацкий» оказалось гораздо удобнее существительного «кулак», так как его можно было распространить на всех, чье поведение (временами или же постоянно) отклонялось от установленной нормы: на кулаков, подкулачников, торговцев, лавочников и всех «бывших людей». Кулак (практически всегда мужчина) преследовал свою добропорядочную жертву, вооружившись обрезом, высматривал ее из-за угла. Мишенью ему служили советские учреждения и семьи активистов. Если верить политическим карикатурам, он носил рубашку в горошек, высокие кожаные сапоги, был довольно тучен, частенько усат²⁵. По своей природе он был «темный» (несознательный). Он сам или его предки (так как в 1920–1930-х гг. считалось, что классовая принадлежность передается по наследству) в прошлом эксплуатировали труд бедняков. По сути, «кулацкий бандит» являлся олицетворением всего того зла, от которого коммунисты стремились освободить общество, чтобы оно смогло двигаться к светлomu будущему.

Совершенно другой вопрос, если отойти от логики «научного» классового анализа, – кем были эти «бандиты» на самом деле. Хотя кулак так или иначе оставался главным преступником, он определенно оказывал «пагубное» влияние и на другие группы крестьян, даже по данным советских источников. Согласно официальной статистике, в Сибири кулаки составляли львиную долю «бандитов»: во второй половине 1920-х гг. – от 60 до 70 % в зависимости от года, тогда как середняки – примерно одну треть, а бедняки менее одной десятой²⁶. По данным судебных органов, осенью 1929 г. в Западной области примерно половину бандитов составляли середняки, служащие и зажиточные крестьяне, создававшие политически неправильное (с точки зрения советской власти) впечатление социального волюнтаризма, идущее вразрез с официальной идеологией²⁷. Схожая кар-

тина предстает в статистике ОГПУ за 1930 г., где рассматривается классовый состав бандитов: согласно этим данным, кулаки были ответственны за большинство, но не за все преступления – только за 54 %. Второе место занимали середняки (20 %), оставшуюся же четверть составляли бедняки, расплывчатая категория «бывшие люди и антисоветские элементы», «уголовные элементы» и прочие²⁸. Из статистики видно, что классовый состав «бандитов» весьма разнороден: так, в некоторых областях, например на Украине, Северном Кавказе, в Московской области, в Западной области, в Белоруссии, бедняки и середняки составляли до половины (а иногда и больше) общего числа «кулацких бандитов» (см. табл. 4.8).

Таблица 4.8. Участники актов террора по регионам за 1930 г.

Регион	Кулаки	Сред- няки	Бед- няки	Б. люди и а/с	Уголовн. элемент	Прочие
Украина	1 833	636	251	42	190	557
Северный Кавказ	224	112	20	18	29	86
Центр.-Черн. область	733	156	43	26	56	63
Средняя Волга	361	92	27	7	9	51
Нижняя Волга	241	53	27	9	7	73
Сибирь	215	67	22	2	8	37
Западная Сибирь	73	50	9	10	11	32
Восточная Сибирь	46	15	3	–	1	4
Урал	460	160	72	20	32	68
Московская область	142	100	15	4	10	135
Ленинградская область	446	159	48	14	26	104
Западная область	387	226	45	41	23	24
Ивановская область	110	35	16	27	13	33
Белоруссия	299	291	45	15	27	13
Нижегородский край	316	102	20	16	12	6
Дальний Восток	198	88	14	1	–	13
Север	43	39	7	3	6	16
Башкирия	239	45	30	14	10	17
Татария	182	134	34	18	21	23
Казахстан	273	36	23	12	43	48
Крым	47	21	7	–	–	1
Средняя Азия	184	48	21	43	70	87
Кавказ	186	34	14	12	138	5
Северный Кавказ	132	35	4	6	20	5
Итого	7 370	2 734	817	360	762	1 501

Источник: Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 72.

К статистике по социальному составу необходимо относиться с осторожностью, учитывая ее источники, а также крайне политизированное понятие «класса». Скорее всего, данные ОГПУ тем более были скорректированы в угоду тем, кому они ложились на стол. Кроме того, в статистике за 1930 г. рассмотрена лишь половина произошедших инцидентов, тогда как об остальных ничего не сказано²⁹. Тем не менее примечателен относительно высокий процент «бандитов» некулацкого происхождения. Подобная кажущаяся социальной аномалия часто объяснялась тесными связями между «бандитами» и кулаками, то есть в основу классовой принадлежности ложился факт родства³⁰. Иногда говорилось, что кулаки остаются организаторами и инициаторами актов террора, перетягивая на свою сторону и без того колебавшихся середняков и одурачивая бедняков. Так или иначе, в официальных источниках число участников террора некулацкого происхождения занижалось, поскольку государственная идеология пыталась объяснить все проявления протеста социально-экономическими мотивами.

Несмотря на ненадежность статистических данных, социальный состав участвовавших в терроре не подтверждает наличия классовой борьбы в деревне. Хотя кулаки (по официальной версии) обычно составляли около половины всех бандитов, остальную часть представляли выходцы из других социальных групп. Скорее всего «бандитами» становились любые крестьяне, независимо от их социального положения, однако, если вообще верить советским данным, несколько больше их насчитывалось среди зажиточных хозяев. Это были обиженные и пострадавшие (или их друзья и родственники), которых можно причислить к классовым врагам, только руководствуясь крайне тенденциозными политическими суждениями. Они выступали на стороне крестьянства в гражданской войне, в которой главным фронтом была деревня, а ударными войсками противника – костяк меньшинства, полностью лишившегося доверия, – местных партийных работников и сельских активистов, переметнувшихся на сторону врага. Их противостояние вполне отражал рефрен «кто – кого» (победит). При этом воюющие стороны представляли скорее государство, город и советские анклав в деревне, с одной стороны, и крестьянское сообщество – с другой, нежели представители социалистических и капиталистических взглядов, или пролетариат и кулачество. В конце концов, судить о том, кто с кем воевал, могли только очевидцы.

Гендерный состав «бандитов» намного прозрачнее. Большинство из них были мужчинами. В отличие от женщин, менее уязвимых перед советской властью, учитывая ее отношение к «бабам» как к аполитичному слою общества, мужчины, участвовавшие в актах протес-

та, рисковали намного сильнее. В то время как женщины обычно преобладали в открытых коллективных формах протеста, мужчины чаще всего шли по пути анонимных актов террора. Кроме того, в их руках террор превратился в политический инструмент, будь то обрез или письмо с угрозами, сочиненное наиболее образованными сельчанами мужского пола. В силу доминирующего положения мужчин во властных структурах деревни они стали главными защитниками ее единства и проводниками зрелшей в ней жажды мести.

«Помните, собачьи души, мы с вами расправимся в два счета»

Угрозы в форме анонимных писем, так называемых анонимок, и письменных воззваний (листовок) являлись основным инструментом запугивания, который крестьяне применяли в попытке защитить свои собственные интересы и сохранить сплоченность деревни в период коллективизации. Угрозы направлялись в адрес отдельных людей, собственности, конкретных институтов и даже коммунистической партии. Письма и листовки были «анонимными преступлениями», относительно безопасными для тех, кто не мог позволить себе выступить в открытое противостояние с властью (в особенности это касалось крестьян-«мужиков»), не располагав другими способами защиты, а потому балансировал на грани применения насилия³¹.

В 1930 г., сообщало ОГПУ, было обнаружено 3 512 листовок и 1 644 анонимных письма. Ясно, что эти данные далеко не полные; кроме того, в них зафиксированы только письменные угрозы. По данным ОГПУ, 20 % этих документов могут быть расценены как «повстанческие», так как в них содержались открытые угрозы центральному правительству. Около четверти угроз имели прямое отношение к коллективизации и раскулачиванию, остальные же касались самых различных проблем, в том числе гонений на религию, хлебозаготовок и общего недовольства. В 1930 г. пик распространения анонимок и листовок пришелся на период с января по апрель, после чего их количество стало постепенно снижаться вплоть до начала осенних хлебозаготовок³².

Иногда в советских документах сообщения об угрозах размещались под общим заголовком «акты террора». Однако угрозы были настолько распространены, особенно в устной форме, что власти никогда не могли с точностью сказать, какие из них могли быть реализованы (чего крестьяне и добивались). Когда, например, Уральский краевой суд вынес обвинительный приговор крестьянам, выкрикивавшим угрозы, по драконовской статье 58 (8) Уголовного кодекса

о контрреволюционных преступлениях, Верховный суд пересмотрел это решение, приказав рассматривать угрозы в соответствии с не столь политически окрашенной и в целом более мягкой статьей 73 (1), касавшейся угроз активистам и общественным работникам³³. По данным ОГПУ, в общей сложности удавалось задержать всего от 3 до 10 % подозреваемых в угрозах, что неудивительно, учитывая их цели и анонимный характер³⁴. На селе угрозы являлись обычным делом, это понимали и власти, и крестьяне. Высказывались ли они всерьез или просто в качестве инстинктивной реакции на несправедливость и выражения протеста, от которого можно позже отказаться или просто сохранить в тайне, угрозы заставляли сельских активистов и партийных работников постоянно быть настороже и чувствовать себя на осадном положении³⁵.

Обычно крестьянские угрозы считались личным делом каждого, направлялись в письменном виде и анонимно. Исключения имели место, когда крестьяне пытались переубедить и настроить других крестьян против колхозов. Например, весной 1929 г. в Вятской губернии кулаки пригрозили группе комсомольцев, которые собирались официально зарегистрировать колхоз, что если те продолжат свои действия, то будут изгнаны из деревни без права возвращения и неизбежно умрут с голоду³⁶. В Острогорском округе Центрально-Черноземной области «кулаки» угрожали застрелить любого, кто вступит в колхоз³⁷. Чаше письма, содержащие угрозы, просовывались под дверь или развешивались на деревьях. Активисты, местные партийные работники, представители властей (например, двадцатипятидесятники) и рабочие бригады постоянно получали угрозы в свой адрес. В начале 1930 г. крестьяне на Украине угрожали активистам и колхозникам: «Всех вас колхозников – вырежем в одну ночь»; «Будем сжигать их хаты и хлеб»; «Кто возьмется за организацию колхоза – убьем как собаку»³⁸. В деревне Дубровичи Ленинградской области были вывешены надписи: «Кто вступит в колхозы, тот будет убит»³⁹. Один из двадцатипятидесятников получил записку: «Если хочешь жить, береги на плечах голову, а то спустим в реку»⁴⁰. В Крыму одному активисту во время собрания по проблемам раскулачивания, когда аудитория начала задавать вопросы, также подсунули записку, где ему угрожали смертью⁴¹. Члены рабочего отряда на Северном Кавказе получили анонимку следующего содержания: «Помните, собачьи души, мы с вами расправимся в два счета... Товарищи – вы думаете, что мы не знаем, кто поднимает руку на кулака... Смерть Шафарану Михаилу, Труше Степану, Денисенко Ульяну. Вы довели нас до того состояния, товарищи, когда невозможно более оставаться терпимыми... Не думайте, что это всего лишь пустяк... Ваши имена уже занесены в черный список. Вы не заслужили поми-

лования. Товарищ Бабенко с завода “Красный Аксай”, до нас дошли слухи, что Вас убьют»⁴². Местному активисту в Горьковской области, который в 1932 г. донес на свой колхоз властям как на «кулацкий», после чего ему посчастливилось быть избранным руководителем реорганизованного и «очищенного» от лишних элементов колхоза, пригрозили, что за эти происки его «раздавят как таракана»⁴³.

Такого рода личные угрозы, как и другие формы террора, были попыткой выявить своих и чужих и прогнать последних. В основном крестьяне красноречиво угрожали убийством или поджогом, говоря о своем намерении отомстить местным активистам и партийным работникам за их предательство и измену. По своей сути это были предупреждения, но для самих крестьян – еще и инструмент сохранения единства деревни. Иногда они срабатывали, однако мистические угрозы, в которых упоминались Антихрист и всадники Апокалипсиса, не действовали на более рационально мыслящих активистов. У крестьян хватало смелости на обещания «раздавить как таракана», но обычно они оставались просто словами. Личные угрозы являлись зачаточной формой протеста, попыткой отпугнуть врага, которая, как правило, не приводила к таким серьезным последствиям, как в случае активного сопротивления.

Листовки представляли собой более смелый способ устрашения. Они служили двум целям. Во-первых, с их помощью крестьяне пытались мобилизовать односельчан на протестные действия и запугать сомневающихся. Во-вторых, они являлись предупреждением (голословным или обоснованным) представителям советской власти, как местным, так и всем прочим, что их жизнь и судьба всего государства в опасности. Во многих листовках содержался открытый призыв к свержению правительства. Например, листовка, обнаруженная в июле 1930 г. в деревне Мощное Белгородского округа Центрально-Черноземной области, прямо призывала к восстанию:

«Дорогие братья и сестры, в настоящий момент для нас готовится неизбежная гибель от руки палачей коммунистов и комиссаров. Вы погибнете на почве голода. Дабы не допустить эту подлую гибель, нам необходимо и нужно сплотиться в единый фронт против палачей и предателей трудового крестьянства и рабочего мира. Дорогие братья и сестры, давайте раз и навсегда скажем: “Долой царство коммунизма и палачей комиссаров, ибо таковые завели нас в неизбежную гибель”. Да здравствует социал-демократическая партия, которая даст нам возможность существовать свободно на земле, ибо и Бог создал человека свободным на земле, а зверство коммунизма наложило на всех трудящихся ярмо, от которого стонет весь мир. Дабы избежать этого, нам необходимо уничтожить партию коммунистов, кооперацию, СОЗы и колхозы. Долой безбожие, да торжествует свободное

вероисповедание. Долой кооперацию, да здравствует вольная торговля! Дорогие братья и сестры, окажите нам помощь, когда мы сделаем налет на Коммунистическую партию, дабы уничтожить советскую власть. Время нам проснуться! Довольно нам платить за пуд хлеба 15 руб. или же за сапоги по 100 руб., мы должны все выступить на защиту себя и сказать безбожным коммунистам: «Пришел конец вашему царству, пусть еще восторжествует крестьянство и православие»⁴⁴.

Другая листовка, подписанная «Отрядом зеленых партизан» и найденная ОГПУ 9 июня 1930 г. в деревне Ивановка Канского округа в Сибири, призывала крестьян восстать и убить своих угнетателей и активистов, которые предали идеалы деревни:

«Граждане, 12 лет стонет русский народ в тисках насилия и произвола, 12 лет прavitельство воров и убийц угнетает трудовой народ и хочет из него сделать рабов, 12 лет терпел народ, но всякому терпению приходит конец. Пришел конец и народному терпению. Пора, больше терпеть невозможно, час возмездия настал, в Сибири обездоленное и задавленное крестьянство тысячами идет в тайгу. Этот гонимый и притесненный народ составит великую мощную партизанскую зеленую армию, которая сметет с лица земли своих угнетателей, и мы уже здесь есть. Так действуйте, расправляйтесь на местах со всеми «общественниками», сосущими из народа кровь. По первому зову все крестьянство должно восстать против своих угнетателей.

Да здравствует зеленая партизанская армия»⁴⁵.

Листовкам всегда были присущи особые стиль и риторика, пронизанные жаждой крови. Подобно прокламации «Отряда зеленых партизан», листовка, написанная на оборванном клочке бумаги, в конце которого стоит подпись «Союз освобождения», обнаруженная 26 июня 1930 г. в деревне Борисовка в Белгородском округе Центрально-Черноземной области, грозит агентам советской власти жестокой смертью. В ее составлении участвовали помимо прочих местные бедняки, задыхавшиеся под «игом» коммунистов. В стиле текста традиционная лексика (например, «мироеды», как обычно называли эксплуататоров на деревне, а затем коммунистов) интересным образом сочетается с революционной риторикой («поднимись весь люд»):

«Граждане. Проснитесь, готовьте казнь мироедам. Мы голодны и холодны, гибнем постепенно. Покуда это будет, мы по-хорошему не дождемся, нам остается поднять восстание, перебить всех злодеев, тогда нам получше... идите требовать – дайте работу, хлеба, мы голодны. Поднимись весь люд, потребуй правды, весь люд одинаковый, где свобода. Нет, это иго – петля нашего бедняка. Восстань, громи, бей, пощады нет, страху нет, ведь за вами вспыхнет та же буря, что была в 17-м году. Граждане, не ждите с моря погоды, восстаньте и накажите неправду»⁴⁶.

В некоторых листовках жесткость стиля усиливалась призывами сформировать повстанческие отряды и дружины и предупреждениями, что «нас тут не один и не два», что крестьяне идут в тайгу «тысячами» или что существует подпольная оппозиция. Типичным примером является листовка, найденная 11 июня 1930 г. в деревне Б. Яр Ачинского округа в Сибири:

«Крестьяне, рабочие, служащие и красноармейцы. Хищническая политика нашего правительства довела народ до открытого возмущения, мы вынуждены взяться за оружие для защиты своего хозяйства от полного разорения.

Уже наступает час, когда мы выйдем с оружием в руках и уничтожим власть насильников.

Наша боевая задача сейчас: организовать сильные боевые крестьянские отряды. Победить мы сумеем тогда, когда сплотимся в стальные вооруженные отряды.

В каждой деревне, селе и поселке организуйте вооруженные отряды.

Чтобы по первому зову могли все встать на защиту своих прав свободного труда и разрозненных хозяйств.

Красноармеец, рабочий, служащий, не слушай красивой лжи своих руководителей!

Прислушайся к массам, стону братьев, жен и детей, доведенных до нищеты и полуголодного существования. Долой насилие, да здравствует свободный труд, да здравствует истинное выборное право!»⁴⁷

Некоторые листовки ссылались на политические партии и организации, существовавшие в дореволюционный период или же во время Гражданской войны, как, например, «Социал-демократическая партия», «Народная демократическая партия», «Партия зеленых партизан» и «Союз освобождения», взывая к ранним традициям политического сопротивления. Эти и другие листовки свидетельствовали о наличии у крестьян знаний в области политики и истории страны. Они довольно часто упоминали «свободу слова, печати, вероисповедания, религии», «право на свободный труд», «свободу ведения крестьянского хозяйства». Отличным примером является листовка из Сталинградского округа Нижневолжского края:

«Граждане великой России! Народно-демократическая партия призывает вас сбросить иго небывалого красного террора. Граждане, вспомните лозунги в годы революции – свобода слова, печати, совести, вероисповедания, фабрики рабочим, земля крестьянам и т. д. И что ж народ получил от этих лозунгов? Диктатура грабительской коммунистической партии дала вместо указанных лозунгов беспримерные в истории человечества грабежи всего трудового населения. Вместо свободы совести и религии – массовое закрытие церквей против желания народа. Вместо свободы слова и печати – жестокие

угнетающие мысли и слова человека – террор рабочих, вместо хлеба – голод, крестьянству вместо земли – налоги, в конечном счете привели страну к небывалому обнищанию.

Народная демократическая партия призывает тебя, великий народ, сбросить иго красного террора, подавляющее всякую мораль и свободу жизни человека. Долой грабительскую диктатуру партии коммунистов, долой красный террор! Долой произвол над человеком, долой вечную собственность на землю, долой коллективизацию, каковая несет скрытую форму рабского труда!

Да здравствует свободный народ, свободная народно-демократическая республика, свободный труд, свободная жизнь, свобода слова и печати, свобода совести и религии, все фабрики и заводы под контроль государства, земля всему народу!

Н. Демократическая партия»⁴⁸.

Тот факт, что крестьяне постоянно говорили о политике коллективизации, хлебозаготовках и экспорте зерна, внешней политике и ситуации в других сферах, доказывает, что они были в курсе политической жизни страны, а также знали свои права⁴⁹. Листовки украинских крестьян отличаются от российских обеспокоенностью национальным вопросом, призывами к борьбе за «свободную Украину», «независимую Украину» или просто к борьбе с «коммунистами жидами»⁵⁰. Нижеприведенная листовка была найдена в июле 1930 г. в деревне Стримбах Крутянского района Украины:

«Граждане, долой бандитскую свору, долой коммунаров злодеев Да здравствует свободная Украина!

Уничтожить коммунизм – обязанность каждого. Дорогие граждане, обращаемся к вам с просьбой распространять эти листовки по селу, селяне, будьте готовы к борьбе с большевизмом. Украина отпадает от России. Придет время вместе с вами бить врага.

Уничтожить коммунизм – обязанность каждого. Большевики знают, что эту власть украинское население не любит, и боятся, чтоб украинцы не связались с украинскими демократическими партиями. Не забывайте этот лозунг: “Уничтожить коммунизм – обязанность каждого”. Это надо запомнить и быть готовым, чтобы в каждую минуту уничтожить это, все вперед за лучшее будущее!»⁵¹

Листовка, обнаруженная в украинской деревне Рогачи Бердичевского округа, также отражает озабоченность крестьян национальным вопросом:

«Братья крестьяне, все мы мучились под гнетом панов-коммунистов, нас грабят, мы голы, не дают нам ни праздника, ни воскресенья, ни воли святой, такого нет во всем свете. Вставайте, братья и сестры, берите ножи, косу, дрючки, спасайте себя, за нами будет сила. Бей коммуниста жида. Не выпускай его из рук, не верь ему, он на твоей

спине сидит, тобой погоняет, твоим хлебом кормится. Собирайтесь все к восстанию. Пишите этот листок в чужие села. Каждый, получивший лист, должен написать три и подсунуть своему брату тайно, у нас большая сила. Организуйте спасать себя, свою волю и Христову веру. Вставай, просыпайся, не спи. Да здравствует свободная самостийная Украина»⁵².

Вряд ли когда-нибудь удастся установить точное происхождение этих листовок. Некоторые из них были напечатаны, а потому, вероятно, составлены не в деревне, а группами из других мест, имевшими некоторую степень организованности. Более того, дошедшие до нас листовки обычно разнятся по уровню грамотности; по некоторым ясно, что их писали крестьяне, другие же выдают перо интеллектуала. Однако их объединяло осознание того, что коллективизация была войной против крестьянства, посягательством на его права и свободы и не имела ничего общего с революцией 1917 г.⁵³ В этом смысле, независимо от того, кем они написаны, листовки выражали мнение крестьянства в целом, призывая к справедливости и возмездию и вновь нагнетая атмосферу террора в советской деревне.

«Пожар!»

Организация поджогов – еще один способ поддержания атмосферы страха – была одной из основных форм крестьянского террора. Как в буквальном, так и в переносном смысле поджог представлял собой яркий акт сопротивления, заметный далеко за пределами деревни, в которой осуществлялся. Он являлся неотъемлемой частью крестьянской народной культуры сопротивления, как в России, так и в других странах, традиционным и чаще всего анонимным средством сведения счетов и мезтью за нанесенные обиды⁵⁴. Поджог по всей стране носил название «красный петух», при его упоминании на лице крестьян появлялась язвительная ухмылка, не сулящая ничего хорошего, а представителей власти охватывал страх. Выпущенный на волю «красный петух» означал, что крестьянский гнев вырвался наружу и начинается бунт.

Иногда поджог мог быть достаточно разумным способом выражения протеста, так как судить о том, было это намеренное действие или же случайность, мог только очевидец. Когда в доме крестьян-толстовцев, как раз перед тем как государство собиралось выгнать их из сельскохозяйственной общины, случился пожар, власти сразу же окрестили инцидент поджогом, а крестьянка-соседка со знанием дела заявила, что «здесь бы неизбежно вспыхнул пожар»⁵⁵. В истории любой деревни, большинство из которых состояли из одних дере-

вянных домов, где имелись лишь самые примитивные средства для борьбы с огнем, пожар был достаточно частым явлением, но считался трагедией. Учитывая эти обстоятельства, поджог всегда мог оказаться простым пожаром, и наоборот. Крестьяне смотрели на поджог как на пожар или, по крайней мере, могли выдать его за обычный пожар, тем самым маскируя протестные действия. Для властей, которым требовались козел отпущения и предлог для вмешательства в дела деревни и которые попросту привыкли любые действия, не отвечавшие интересам государства, считать кулацким саботажем, всякий пожар мог оказаться поджогом. Так произошло и в случае с крестьянином Беловым – его обвинили в поджоге бани, принадлежащей колхозу, и чуть не расстреляли за это. Главными свидетелями по делу проходили дети, игравшие со спичками, которые, судя по всему, были способны наравне со взрослыми манипулировать политическими ярлыками и обвинениями в целях самозащиты⁵⁶. В качестве уловки или предлога поджог служил полезным тактическим инструментом, в разгар политической борьбы вселявшим страх в сердца сторонников политики коллективизации и провоцировавшим новые государственные репрессии.

Учитывая растяжимость понятия «поджог» и отрывочность имеющих данных, к ним следует относиться с определенной долей скепсиса. Государственная статистика по поджогам, связанным с хлебозаготовками и жаркой предвыборной кампанией в период с ноября 1928 по январь 1929 г., показывает, что наибольшее их число отмечалось в Центрально-Черноземной области (42 случая), на Средней Волге (23), в Тверской губернии (12), в Московской губернии (11) и на Нижней Волге (11)⁵⁷. В 1930 г. количество поджогов резко увеличилось. По данным ОГПУ, в 1930 г. было зафиксировано 6 324 поджога, из них 1 884 на Украине, 700 в Центрально-Черноземной области, 383 на Нижней Волге, 343 на Урале, 358 в Белоруссии⁵⁸. Зимой 1930 г., по данным из Еланского района в Сибири, «колхозные скирды горели днем и ночью», а два других источника указывают, что за 1930 г. в Сибири было организовано 358 поджогов, т. е. практически по одному в день⁵⁹. По данным Колхозцентра, в 1931 г. 15 % (30 тыс.) государственных колхозов подверглись различным формам террора, причем в 6 000 случаев, т. е. в каждом пятом, применялись поджоги. Вполне ожидаемо наибольшее их число отмечено в Центрально-Черноземной области, на Средней и Нижней Волге⁶⁰.

Прежде всего поджоги были нацелены против активистов и местных работников. Поджог служил предупреждением тем крестьянам, которые подумывали пойти против интересов деревни, и мстью за отступничество и за участие в антикрестьянской политике властей. В 1928–1929 гг. поджоги часто устраивались против тех, кто пытался

организовать колхозы или же вступил в них⁶¹. В конце 1929 г. в Калужском округе Центрального промышленного района распространились слухи о том, что все дома активистов будут сожжены дотла⁶². Во второй половине 1929 г. череда поджогов прошла по деревням Ирбитского округа Урала, где находился знаменитый колхоз «Гигант», в который заставляли вступать крестьян. Так, в результате поджогов в колхозной деревне Ларино сгорели 33 дома. В деревне Игнатьево 20 домов были сожжены после того, как там прошло антирелигиозное шествие в честь празднования Международного дня молодежи, в ходе которого разыгрывались пародии на священников и кулаков⁶³. В других местах крестьяне сжигали собственность только что созданных колхозов или же совмещали поджоги с расправой с ненавистными активистами и местными работниками и с самосудами над ними⁶⁴.

В случае с комсомольцем Федором Житковым, чей дом в Бронницком уезде Московской губернии был сожжен, ясно, что основным мотивом поджога стала месть за предательство деревенских ценностей. В 7 часов вечера 20 августа 1928 г., когда все жители деревни собрались на выборы, небо вдруг заволочло дымом и зазвучала сирена: огонь охватил дом Житкова. Виновники, которых впоследствии расстреляли, описываются как мужики «кулацкого типа»: один был торговцем, другой участвовал в контрреволюционных преступлениях в период Гражданской войны. Благодаря усилиям «честного, сознательного и энергичного» Житкова еще раньше этих самых «кулаков» лишили избирательных прав. Перед тем как спалить дом Житкова, они принимали участие в антисоветской (антижитковской) пропаганде, утверждая, что какой-то мальчишка взял в руки управление деревней и лишает права голоса солидных и зажиточных крестьян. Поджог дома Житкова был недвусмысленным предупреждением тем, кто не исключал для себя возможности перейти на сторону властей⁶⁵.

Мсть также послужила главным мотивом убийства местного работника одной из деревень Средней Волги летом 1929 г. В этом были замешаны родственники Ивана Мещеринова, бывшего землевладельца, которого в 1927 г. отправили в ссылку. Они стали заклятыми врагами колхоза, считая, что его члены несут печать Антихриста, из-за чего впоследствии эти «кулаки» подверглись экспроприации. Через несколько дней родственники Мещеринова подожгли дом председателя кресткома. Сам председатель, его жена, ребенок и четверо односельчан сгорели заживо в пламени, которое охватило 20 домов. Виновников поджога приговорили к смерти⁶⁶.

С началом сплошной коллективизации в деревне крестьяне стали поджигать собственность колхозов и тех, кто принимал участие в коллективизации и раскулачивании⁶⁷. Во многих уголках страны они перед тем, как поджечь дома активистов, посылали им анонимные

угрозы, предупреждая о скорой мести⁶⁸. В некоторых районах поджог использовался в качестве отвлекающего маневра. Собрания по вопросам коллективизации прерывали криками «Пожар!», и в ряде случаев имели место настоящие поджоги⁶⁹. Крики о пожаре были верным способом положить конец любому деревенскому собранию. В таких случаях всегда начиналась паника, а когда дело доходило до разбирательств, у крестьян уже было наготове объяснение, почему собрание сорвалось.

Как в период сплошной коллективизации, так и по ее окончании поджоги продолжали оставаться традиционным и радикальным методом выяснения отношений в деревне. Главными подозреваемыми оказывались крестьяне, с которыми обошлись несправедливо, в особенности те из них, кто подвергся раскулачиванию или был изгнан из колхоза, но остался жить в своей деревне. Основным мотивом была месть. В августе 1930 г. в деревне Алешкино Бугурусланского округа на Средней Волге раскулаченные крестьяне (в большинстве своем сбежавшие из ссылки) и «уголовные элементы» подожгли собственность колхоза и 12 крестьянских изб, 5 из которых ранее принадлежали кулакам, а потом в них заселились бедняцкие семьи. Во время пожара организаторы мешали колхозникам его тушить и избивали председателя сельсовета и нескольких активистов⁷⁰. В 1930 г. раскулачили 51-летнего Фому Ледеркина, и тому пришлось переехать к тетке. В отместку он поджег колхозный клуб, за что был сослан на принудительную работу на Беломорканале⁷¹. В 1932 г. 23-летнего крестьянина Мартынова заставили платить налог в размере, обычно требуемом только от кулаков. Когда он не смог заплатить налог, власти экспроприировали его имущество, заставив отправиться в Москву на заработки. Вернувшись в родную деревню, он обнаружил, что бывший дом его передан в собственность местному колхозу. В материалах дела говорится, что во время пьянки со своим давним соседом Мартынов уговорил его поджечь бывший мартыновский дом. Случаи такого рода были типичными для того времени⁷².

Хотя по окончании сплошной коллективизации количество поджогов уменьшилось, они продолжали оставаться распространенной формой террора и запугивания. На вопрос о том, организовывались ли поджоги крестьянами из чувства мести или же это было удобно властям, пытавшимся найти козла отпущения в лице оставшихся кулаков и непослушных крестьян, чтобы обвинить их в уклонении от вступления в колхозы, однозначного ответа не существует. Ясно только, что пожары, интерпретированные как поджоги, вселяли страх и служили способом наказать крестьян, переметнувшихся на сторону властей. «Красный петух» красовался на знамени крестьянского сопротивления, которое поднималось в тысячах деревень страны.

«По колено в крови станем, но землю не отдадим»

Угрозы, запугивания и поджоги являлись тактикой крестьян, направленной на оказание влияния на политику в селе и устрашение противостоявших им сил⁷³. Нападение с применением насилия – убийство или избивание агентов советской власти – было последним доводом крестьян. Насилие представляло собой высшую форму террора, которой боялась Советская власть и которая сделала возможным существование культуры гражданской войны в период первой пятилетки. Насилие стало важнейшим механизмом восстановления крестьянами нарушенной справедливости в эпоху санкционированного беззакония, или, если использовать советскую терминологию, «перегибов». В основном насилие было направлено против местных работников, пришлых горожан и крестьянских активистов и служило мстью и наказанием за нанесение ущерба как отдельным людям, так и всей деревне. Насилие, как и угрозы и поджоги, было актом террора и способом предупреждения тех, кто, как местные партработники, намеревался по-прежнему подавлять волю крестьянского сообщества или, как некоторые крестьяне, подумывал предать деревню и переметнуться на сторону советской власти.

Насилие принимало множество различных форм. Иногда инциденты происходили сразу после хлебозаготовок или собраний по вопросам коллективизации, как в случае с партработниками одной из деревень Северного Кавказа, на которых напали из засады на выезде из деревни⁷⁴. Бывало, крестьяне на какое-то время откладывали нападение, чтобы успеть все тщательно подготовить и спланировать. Городских и сельских уполномоченных, местных партработников и активистов поджидали засады у дорог, в лесу, они могли получить пулю как в самой деревне, так и за ее пределами или внезапно столкнуться с разъяренной толпой⁷⁵. Обычно насилие вершилось под покровом темноты, чтобы нападавшие могли сохранить анонимность и терроризировать жертву. И им это вполне удавалось. Обрезы и пули из-за угла были мифами периода первой пятилетки, когда газеты интриговали читателей описаниями перестрелок с кулаками и картин революционной классовой борьбы в темных и диких деревнях крестьянской России. В действительности же чинившееся насилие было не таким захватывающим и куда более жестоким. Оно представляло собой не происки темных и диких крестьян, а, скорее, действия рациональные, просчитанные и глубоко укоренившиеся в крестьянской «политике» эпохи коллективизации.

Кампания по выборам в советы 1928–1929 гг., проходившая на фоне введения чрезвычайных мер, подготовила почву для роста крестьянского недовольства, вызванного ужесточением государственной

политики хлебозаготовок. По всей сельской местности были слышны призывы выбирать советы без коммунистов, требования тайного голосования, бойкота выборов, создания крестьянских союзов⁷⁶. Накопившаяся злость звучит в словах крестьян одной из смоленских деревень: «Лучше Ленин, чем ленинизм. Лучшие коммунисты убиты и умерли. Остались сволочи»⁷⁷. В некоторых местах крестьяне организовывали тайные собрания, на которых готовили списки собственных кандидатов в советы и вели кампанию против коммунистов. Официальные предвыборные собрания часто срывались уже не раз проверенными способами: крестьяне поднимали такой шум, что невозможно было ничего услышать, приходили пьяными или угрожали кандидатам⁷⁸. На Урале двух бедняков застрелили вскоре после их избрания в сельсовет, а шестерых комсомольцев зверски избили за участие в предвыборной кампании⁷⁹. По данным правительственного отчета, в период между 3-м и 4-м кварталами 1928 г. количество актов террора в Сибири возросло со 127 до 371. На общенациональном уровне наряду с угрозами и поджогами самыми распространенными формами террора были избиения, наибольшее количество их зафиксировано в Центрально-Черноземной области, а также на Средней и Нижней Волге⁸⁰.

Масштабы насилия несколько уменьшились весной и летом 1929 г., тогда как количество бандитских нападений и убийств резко увеличилось именно осенью 1929 г., когда были возобновлены хлебозаготовки и началась сплошная коллективизация. В октябре 1929 г. Политбюро, встревоженное этой тенденцией, обязало ОГПУ и Наркомат юстиции принять «решительные и быстрые меры» вплоть до расстрела против кулаков, совершавших акты террора⁸¹. По всей стране сообщалось о новых и новых нападениях и убийствах. Несмотря на то что мятежи и особенно бабьи бунты в начале сплошной коллективизации были самой распространенной формой выражения протеста, акты террора достигли своего пика в первой половине 1930 года⁸².

Процесс коллективизации послужил главным импульсом для распространения бандитизма. Ценой за участие в коллективизации могли стать жестокие побои или пуля в лоб. Главной причиной, по которой крестьяне прибегали к террору, была кампания против кулаков. Выдача крестьянина как кулака или добровольное участие в раскулачивании крестьянской семьи считались наиболее вопиющим нарушением общественных норм деревни. В конце 1929 г. Веру Карасеву из деревни Белая Глина на Северном Кавказе убили после того, как на одном из комсомольских мероприятий она спела частушки, обличавшие местных кулаков⁸³. Другого комсомольца из села на Средней Волге постигла та же участь за то, что он называл дома кулаков, где припрятано зерно⁸⁴. В деревне Зори Лиозненского района Витебского

округа в Белоруссии крестьяне в масках избили местного активиста-бедняка. С одной стороны, маски скрывали их лица, а с другой – намекали на то, что крестьяне бьют предателя, который эти маски привык срывать⁸⁵. В деревне Апшеронская Апшеронского района на Северном Кавказе крестьяне жестоко избили двух женщин-активисток, которые участвовали в хлебозаготовительной кампании – и тем самым нарушали единство и сплоченность деревни. На предательство своих норм женщинами деревня реагировала особенно остро. Так, 15 августа 1930 г. крестьяне напали на одну из односельчанок, отрезали у нее волосы, затолкали их ей в рот, подожгли жертву и избили до потери сознания. Через несколько дней крестьяне избили еще одну женщину, запихали ей в рот шарф и сожгли живот⁸⁶. В этих случаях крестьяне выплескивали свою злость на тех, кто порвал с общиной и перешел на сторону врага. Вся серьезность подобного нарушения этики деревни становится очевидной из данных ОГПУ по одному из секретных кулацких собраний на Средней Волге, на котором крестьяне издали указ о «физическом уничтожении изменников»⁸⁷.

Акты террора были также направлены против чужаков и представителей власти, проживавших в деревне, с целью заставить их замолчать и продемонстрировать остальным опасность работы на советскую власть. Елизавета Павловна Разгуляева из Сибири была одной из многих советских учительниц, которых настигла крестьянская расправа. Она принимала активное участие в хлебозаготовках и советских предвыборных кампаниях и, по слухам, выдавала кулаков. Прежде чем Разгуляеву убили выстрелом в окно, ей постоянно угрожали, и вся деревня объявила ей бойкот⁸⁸. На Урале член сельсовета М. П. Рогачев был убит кулаками, приговоренными к ссылке. Его судьбу разделил один из работников колхоза из этого же региона, убитый жаждавшими мести раскулаченными крестьянами⁸⁹. В деревне Анфалово в Московской области один крестьянин, в источнике названный подкулачником, устроил стрельбу, убив председателя сельсовета, одного комсомольца и еще троих работников, прежде чем его самого застрелили на улице⁹⁰.

Возмездие не всегда приходило в виде пули. В период коллективизации это мог быть и крестьянский самосуд, чаще всего над местными активистами⁹¹. Одним из первых подобных инцидентов был самосуд в 1928 г. в деревне Аппак-Джанкой в Крыму. Эта деревня раскололась на два враждебных лагеря. По данным донесения, «кулаки» решили отпраздновать новогодний вечер «по-старому», имея в виду, что толпа примерно из тридцати пьяных мужиков пойдет по деревне, распевая песни. Конечно же, не случайно все закончилось тем, что толпа остановилась у здания сельсовета, где проходило антирелигиозное молодежное собрание. Когда появился организатор со-

брания, крестьяне набросились на него, гнались за ним, пока тот не выбился из сил, а потом избили. Затем толпа ворвалась в здание сельсовета, стала избивать всех, кто попадался под руку, в том числе председателя⁹². В начале 1930 г. в Тюменском округе Сибири жители деревни, вооруженные вилами и кольями, вломились в избу бедняка Поступинского, который был членом местных налоговой и хлебозаготовительной комиссий. Сначала его топтали ногами, потом вытащили на улицу и утопили в проруби⁹³. В деревне Новопокровка Быстроистокского района Сибири крестьяне подожгли дом секретаря партийной ячейки – уполномоченного по хлебозаготовкам. Когда он попытался выбежать из горящего дома, его поймали, избили и бросили обратно в огонь, чтобы он сгорел заживо⁹⁴. В одной из деревень Рубцовского округа Сибири крестьянина, принимавшего активное участие в коллективизации, выследили и убили, после чего убийцы вломились в его дом, лишили жизни жену и детей, а потом сожгли избу⁹⁵. В Горьковской области председателю колхоза едва удалось избежать участи быть заживо брошенным разгневанной толпой в пламя, когда та подожгла колхозные строения⁹⁶. Другие случаи самосуда зафиксированы в Брянске, Ленинграде, Перми, на Средней Волге и в Подмосковье⁹⁷.

Самосуд был традиционным и в то же время самым исключительным и жестоким наказанием за преступления против общины в крестьянской России⁹⁸. Со стороны самосуд – расправа толпы со своими жертвами – мог показаться спонтанным всплеском безрассудного и жестокого насилия. На самом деле он никогда не совершался спонтанно, а всегда с конкретной целью. Его жертвы были не без греха и уже не раз получали угрозы и предупреждения. Судя по всему, самосуд не был случайностью и всегда подготавливался заранее, учитывая, что в качестве жертв крестьяне выбирали и преследовали вполне определенных людей. Коллективное участие в убийстве или нападении обеспечивало анонимность преступления и связывало организаторов общей ответственностью и виной за совершенное деяние. Наконец, крестьяне представляли самосуд так, чтобы в глазах властей он выглядел как помешательство обезумевшей толпы, а не спланированная акция. Самосуд, одна из давних традиций народной культуры сопротивления крестьянской России, отнюдь не являлся примитивной реакцией темных мужиков на происходящее, а служил одним из средств выражения протеста⁹⁹.

Самосуды составляли лишь малую часть актов террора, совершенных в годы коллективизации. Несмотря на привычность такой формы сопротивления, ее коллективный и анонимный характер, крестьяне предпочитали устроить засаду в лесу или выстрелить в предателя. Совершая эти действия вдаль от деревни или под покровом

темноты, они обеспечивали анонимность самой жестокой формы своего протеста, к которой они обращались как к самому последнему средству из тех, что были им доступны.

После 1930 г., когда государственные кампании и вмешательство в дела деревни стали менее радикальными, террор продолжился, но уже в меньших масштабах, и его жертвами становились исключительно местные активисты и работники колхозов. Так, по данным Колхозцентра, каждый третий колхоз или более 10 000 хозяйств (из 30 000 колхозов, участвовавших в классовой борьбе 1931 г.) стали жертвами крестьянского террора, нацеленного против их работников и местных активистов. Неудивительно, что основной центр крестьянского бандитизма переместился из главных житниц страны в области, в основном потреблявшие зерно, а также в районы проживания этнических меньшинств, на которые теперь пришелся главный удар коллективизации¹⁰⁰. В подавляющем большинстве случаев в актах террора были замешаны крестьяне или их родственники, жаждавшие отомстить признанному местному активисту, который в какой-то мере нес ответственность за репрессии против них. Исключения из общего правила составляли лишь нападения на ударников, стахановцев, нарушителей норм крестьянского общества (в особенности женщин), которые не обязательно участвовали в проведении репрессий, но явно порывали связи с тем, что оставалось от бывлой общины¹⁰¹. Убийства и нападения, совершенные из жажды мести, были частым явлением в 1930-е гг., что можно объяснить участием активистов в хлебозаготовках, чистках колхозов и составлении донесений о краже зерна – делах, которые для всех колхозных крестьянских семей стали вопросом жизни и смерти¹⁰². Однако чаще всего крестьяне хотели отомстить местным активистам и колхозным работникам за их деяния в 1930–1931 гг. и репрессии против кулаков. Копя злость день ото дня, они выжидали подходящего момента. С ухудшением ситуации, охваченные отчаянием, они набрасывались на давних врагов, которые в свое время предали общину, а теперь находились у власти. Террор стал одним из инструментов деревенской политики и повседневным явлением на селе.

Хорошим тому примером служит убийство героя Гражданской войны Стригунова в апреле 1933 г. в Прохоровском районе Центрально-Черноземной области. Стригунов был прирожденным активистом: ветеран Красной армии, селькор, он работал в сельсовете и в райсовете, а также был председателем колхоза. Во время раскулачивания Стригунов нес ответственность за депортацию нескольких кулаков, часть их родственников осталась в колхозе и, по некоторым данным, даже вступила в партию. Начиная с 1930 г. между ними и Стригуновым тянулся постоянный конфликт. Они обвиняли Стри-

гунова в том, что тот чернит их имя, без всяких оснований приклеивая к нему кулацкий ярлык. В итоге они выиграли дело в районном суде, по решению которого Стригунов получал 6-месячный тюремный срок, однако вскоре областной суд оспорил и отменил данный приговор. История повторялась еще дважды с тем же результатом. В какой-то момент Стригунов начал писать доносы в Москву, призывая принять меры по избавлению от контрреволюционеров в деревне и в колхозах. После того как были исчерпаны все законные методы, а противоречия продолжали нарастать и принимали опасный оборот, двое родственников сосланных кулаков взяли дело в свои руки и застрелили Стригунова через окно¹⁰³. Неясно, в какой степени этот случай стал чем-то большим, нежели просто вражда между обвинителями и обвиняемым, и превратился в борьбу за власть между местными коммунистами, – если учитывать партийность вышеупомянутых кулацких родственников. Ясно только, что ярлык кулака стал одним из инструментов деревенской политики и крестьяне всех социально-политических категорий умели использовать политическую демагогию в своих целях, отвечая угнетателям на их же языке.

В 1935 г. в Воронеже за доносы убили селькора Сапрыкина. Он, как сообщается, информировал власти о классовых врагах и о коррупции в колхозе. За это его изгнали и оштрафовали, скорее всего незаконно. В итоге его восстановили в прежней должности, и он постарался, чтобы руководители колхоза были уволены. Вскоре после этого Сапрыкин был убит своими врагами¹⁰⁴. Активиста Сонины убили в 1932 г. Он принимал участие в процессе раскулачивания в деревне. По окончании коллективизации Сонин оставался начеку, докладывал о кулаках и воровстве. В итоге его до смерти забили несколько крестьян из числа его бывших жертв, один из которых с каждым ударом повторял: «Вот тебе, активист, за раскулачивание!»¹⁰⁵

Еще один инцидент является весьма ярким примером превращения террора в инструмент крестьянской политики. Он произошел в 1934 г. в одной из деревень на Нижней Волге. Селькорка местной газеты «Красный Хопер» Майнина сидела за столом с соседями, как вдруг в окно, разбив стекло, влетела пуля; никто не пострадал. Прошлым летом Майнина сдала властям нескольких местных руководящих работников, объявив их подкулачниками. Власти приняли обычное для них в такой ситуации решение: подкулачников немедленно арестовали. Однако очень скоро история начала раскручиваться. Оказывается, Майнина имела любовника, некоего Переседова, который был сыном одного сбежавшего кулака. Сам Переседов вернулся в деревню после восстановления в гражданских правах, однако обнаружил, что не может получить назад свою собственность. Как раз те

подкулачники, которых сдала Майнина, и были виновны в трудностях Переседова. Более того – и здесь история становится очень запутанной, в лучших традициях советской риторики – выяснилось, что отца и брата Майниной исключили из колхоза за кражу, что ее отец воевал на стороне белых, а дядя жил за границей. Далее, когда история уже начинает расходиться с реальностью, в центре внимания оказываются сами любовники: они якобы подделывают письма с угрозами Майниной и планируют выстрел, чтобы таким образом подставить местных работников. Были найдены свидетели, которые подтвердили, что Переседов околачивался около дома Майниной как раз незадолго до выстрела. В конце концов местных работников причислили к активистам колхоза, а селькорка и ее любовник стали классовыми врагами и подкулачниками. Если эта история хотя бы частично правдива, она говорит о попытке Майниной бить врага (в данном случае – местных должностных лиц) его же оружием, используя его методы, политику и уязвимые места. Хитрый план Майниной, хотя и провалился, представляет собой впечатляющий маневр, характерный для давней крестьянской традиции притворства и обмана, которую мастерски приспособили под советские реалии¹⁰⁶.

Заключение

Крестьянский террор был вызван и обусловлен террором государственным. Динамика распространения террора тесно связана с проведением государственных кампаний в деревне. Насильственное сопротивление чаще всего оказывалось крестьянами из регионов – житниц страны и из областей, подвергавшихся необычайно жестоким репрессиям. Ярким примером такой тенденции является Центрально-Черноземная область, где крестьянский террор принял угрожающий размах, а государственные репрессии настолько вышли из-под контроля, что на XVI партийном съезде в июне 1930 г. ее назвали «областью перегибов»¹⁰⁷. В качестве инструмента крестьянской политики террор начинал применяться лишь в крайних случаях и только после того, как все обращения в административные и судебные органы не приносили результата.

Крестьянам приходилось самим разрешать свои конфликты, а потому они обратились к традиционным средствам восстановления справедливости в деревне, подразумевавшим применение насилия. Несмотря на политизацию и советизацию, крестьянский террор опирался на нормы справедливости, возмездия и сплоченности общины, будучи гибкой стратегией крестьянского сопротивления, способной адаптироваться к новым условиям. Поджоги, угрозы, самосуды

и другие акты насилия были частью народной культуры сопротивления. Крестьянские тактики террора маскировались различного рода предложениями, притворством и уловками, анонимностью и возможностью двойко интерпретировать происходящее. Крестьяне манипулировали сложившимся у государства представлением о психологии «мужика», лукавя перед властями и «советизируя» свои действия, чтобы те соотвествовали представлениям о преступлениях, характерным для идеологического языка власти. Крестьянский «тайный протокол»¹⁰⁸ вышел на поверхность, однако сохранил при этом большинство уловок народной культуры сопротивления.

Крестьянский террор – это прежде всего угрозы, запугивание и стремление к справедливости. Он не был ни спонтанным, ни безрассудным. Методы террора и выбор жертв демонстрируют основные линии раскола советской деревни эпохи коллективизации. Во-первых, ясно, что террор был вызван скорее гражданской войной против советской власти, нежели классовой борьбой. Во-вторых, что наиболее важно, крестьяне совершали насильственные акты террора в основном против активистов, живших с ними в одной деревне, и это говорит об ожесточенности борьбы внутри деревни и, по сути, об еще одной гражданской войне, которая осталась незамеченной и неисследованной в западной литературе. Эта война шла не из-за классовых или статусных противоречий, а из-за нарушения традиционных норм сплоченности общины, которые, наряду с автономией деревни, и пытались сохранить крестьяне. Противодействие, принуждение и давление со стороны властей приводили лишь к росту насилия в деревне¹⁰⁹.

С точки зрения государства, крестьянский террор был одновременно опасным и выгодным явлением. Опасность очевидно демонстрировали его последствия; выгода же заключалась в возможности манипулировать оценкой действий крестьян таким образом, чтобы оправдать собственное насилие и продолжать его применение во время государственных кампаний и репрессий против крестьян. В какой-то момент государство даже планировало устроить широкоштабный показательный суд, дабы подчеркнуть предательскую природу кулачества и его союзников во власти. Если бы состоялся суд над «Трудовой крестьянской партией», там рассматривались бы дела выдающихся аграрных специалистов Чаянова, Кондратьева, Макарова, но по каким-то таинственным причинам этого не произошло. Основными обвинениями были бы подстрекательство к совершению постоянных актов террора против деревенских коммунистов и ответственность за пролитую кровь¹¹⁰. Как и у крестьянства, у государства имелся свой собственный «тайный протокол», на основе которого строились его отношения с деревней.

В итоге террор отвечал в большей степени интересам государства, нежели крестьянства. С точки зрения крестьян, в качестве инструмента сопротивления он оказался неэффективен. Выгоды от террора были краткосрочными, и единственное, к чему он мог привести, пока государство имело в своем распоряжении репрессивный аппарат, – это эскалация насилия. В отличие от пассивных форм сопротивления, которые через какое-то время могли дать свои плоды, террор питал и усиливал репрессивную и централизующую природу государства. И все же он служил эффективным «закулисным» символом крестьянского разрешения конфликтов, игравшим свою роль «на периферии» крестьянского бунта, который выйдет на первый план в 1930 году.

«МАРТОВСКАЯ ЛИХОРАДКА»: КРЕСТЬЯНСКИЙ БУНТ И КУЛАЦКИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ

Товарищи! Призываю вас на защиту своего имущества и блага народного. Будьте готовы все к первому и последнему зову, ибо высохнут реки и моря, и выступит вода на высоком кургане, и потечет кровь большими ручьями, и подымется земля высоким черным вихрем... Вы видите, как курится дым, но скоро вспыхнет пламя. Я говорю вам: защищайте друг друга, не ходите в колхоз, не верьте болтунам... Товарищи, вспомним прошлое время, когда вы жили вольно и было всем хорошо, бедному и богатому. Теперь плохо всем. Дерут всех, обманывают везде... Будьте готовы к первому зову.

Анонимная листовка

Эпидемия «мартовской лихорадки» охватила советскую деревню на ранних стадиях сплошной коллективизации. Само название «мартовская лихорадка» пошло от одного чиновника-коммуниста, который использовал его для обозначения волны беспорядков, прокатившейся в то время по деревням¹. Слово «мартовская» относится к марту 1930 г. – пику крестьянского восстания против властей, начавшегося в период проведения кампаний по хлебозаготовкам конца 1920-х гг. Во многих областях бунты продолжались и после марта 1930 г. «Лихорадка» – это волна массовых беспорядков на селе, грозившая свергнуть страну в пучину крестьянской войны. Движущей силой восстания стала крестьянская солидарность, которую власти называли «заразой» по мере того, как она захватывала все новые деревни². Выражение «мартовская лихорадка» многое говорит о презрительном отношении коммунистов к крестьянской оппозиции, которую они таким образом деполитизировали и делегитимизировали, изображая некой патологией. Они считали ее помешательством, болезнью, которую принесли кулаки и подкулачники или действия фанатичных чиновников, опьяненных кажущимися достижениями коллективизации.

Эти события, однако, не имели ничего общего с лихорадкой. То, что власти так называли, в сущности было массовым крестьянским бунтом, имевшим свои причины и суть. Деревня за деревней крестьяне поднимались в едином порыве негодования, выражавшемся сначала в демонстрациях, протестах и срывах бесчисленных собраний, которые созывались с целью убедить, подкупить крестьян или заставить их «добровольно» присоединиться к «социалистическому преобразованию», а затем в неуправляемых массовых бунтах, ставших прямым и отчаянным ответом на принудительную коллективизацию, конфискацию зерна, раскулачивание и гонения на религию. Разбои, совершаемые преимущественно молодыми крестьянскими парнями, выходцами из групп, оттесненных с приходом советской власти на периферию общества, были менее распространены, однако происходили, когда открытое восстание было невозможно. Подобно террору, массовые выступления стали последним методом, доступным крестьянам, задыхавшимся под страшным гнетом коммунистических репрессий. Однако, в отличие от актов террора, большинство массовых восстаний вдохновлялись силой и сплоченностью общины, требуя коллективной воли и общественного участия.

«Мартовская лихорадка» была самой эффективной непосредственной политической реакцией крестьянства на коллективизацию. Она поставила власть на колени и оказала весьма многоплановое и неоднозначное влияние на политику в отношении деревни в эпоху сталинской революции. В то же время государственная идеология, риторика и паранойя превратили восстания этого периода в «крестьянскую лихорадку», вызванную «кулацкими восстаниями» и «головокружением от успехов», но официально не имеющую ничего общего с крестьянской «политикой» и с гражданской войной, которая составляла подлинную суть коллективизации.

Размах бунта

Крестьянские бунты осенью 1929 г. достигли устрашающих масштабов. На невыгодные условия торговли, которые давали промышленности преимущество перед сельскохозяйственным сектором, крестьянство отреагировало изъятием хлеба с рынков. Однако правительство, вместо того чтобы поднять цены на хлеб, приступило к его конфискации. Это заставило крестьян перейти от экономического бойкота к активному сопротивлению, поскольку теперь они боролись за плоды своего труда и за собственное существование, оказавшись на грани голода. Волнения достигли столь тревожного размаха, что в сентябре 1929 г. в докладе ЦК отмечалось: «Здесь

действительно не на шутку идет классовая борьба. Просто как на фронте»³. В то же время в директиве Политбюро от 3 октября 1929 г. звучали призывы к «решительным и быстрым мерам» вплоть до расстрела кулаков, участвовавших в контрреволюционных выступлениях⁴. По мнению Ольги Наркевич, именно устрашающие масштабы крестьянских волнений, вызванных принудительными хлебо- и мясозаготовками, стали побудительным мотивом к ускорению коллективизации⁵.

Не сумев выполнить задачу сдерживания волны массовых беспорядков, зверские перегибы кампании по коллективизации зимой 1929–1930 гг. привели к самому разрушительному бунту крестьян. Внутри и вне правящей верхушки, как в преддверии, так и во время ноябрьского пленума компартии, раздавались одиночные призывы обратить внимание на возможные последствия принудительной коллективизации⁶. В конце 1929 г., в самый разгар коллективизации, в инстанции всех уровней лавиной посыпались предупреждения и сообщения об актах насилия с обеих сторон⁷. Во многих частях страны обкомы и крайкомы, следуя примеру Нижневолжского крайкома, информировали местные власти о высокой вероятности оказания крестьянами насильственного сопротивления в ходе кампании⁸. Даже в рядах Красной армии начались волнения, поскольку солдаты получали из дома тревожные письма о грядущих несчастьях и творящемся произволе⁹.

Крестьянские бунты, подтолкнувшие власти перейти к принудительной коллективизации, стали также причиной решения, принятого в марте 1930 г., о временном «отступлении» перед лицом массовых беспорядков. Свои соображения по этому поводу ЦК изложил в секретном меморандуме от 2 апреля 1930 г.:

«Поступившие в феврале месяце в Центральный Комитет сведения о массовых выступлениях крестьян в ЦЧО, на Украине, в Казахстане, в Сибири, в Московской области вскрыли положение, которое нельзя назвать иначе как угрожающим. Если бы не были тогда немедленно приняты меры против искривлений партлинии, мы имели бы теперь широкую волну повстанческих крестьянских выступлений, добрая половина наших “низовых” работников была бы перебита крестьянами, был бы сорван сев, было бы подорвано колхозное строительство и было бы поставлено под угрозу наше внутреннее и внешнее положение»¹⁰.

Первый сигнал к отступлению прозвучал в начале марта, когда появилась статья Сталина «Головокружение от успехов»¹¹. Однако, вместо того чтобы усмирить массовые волнения, статья возымела совершенно неожиданный эффект: крестьяне приняли слова вождя как руководство к действию и начали выходить из колхозов. Попыт-

ки местного начальства воспрепятствовать этому только подлили масла в огонь. В первые же дни после выхода статьи в Центрально-Черноземной области произошло сразу 11 бунтов, в которых приняли участие около 1 000 крестьян. Место, где происходили эти события, находилось всего в 12 км от Воронежа – областного центра. Сообщения о схожих происшествиях стали поступать в Москву, осложняя обстановку в центральном аппарате. Именно поэтому ЦК был вынужден 2 апреля выпустить меморандум, в котором содержались объективная оценка степени надвигающейся угрозы, а также конкретные инструкции о дальнейших действиях для деморализованных местных партработников. По мнению российских историков, к моменту выхода меморандума ситуация приняла столь угрожающий оборот, что дело шло ко всеобщему восстанию крестьянства¹².

«Мартовская лихорадка» нашла свое отражение в разных формах, однако все они были вызваны одной причиной – политикой центра, жестокостью и запугиваниями со стороны советских должностных лиц. Многообразие форм сопротивления и необходимость всецело полагаться на официальные данные затрудняют подсчет точных масштабов восстаний. Для классификации действий крестьян властью и ее агентами использовался целый ряд терминов, часть которых имела точное значение, в то время как некоторые были весьма условными. Однако все они в значительной степени несли печать того, как власть воспринимала те или иные социальные феномены, иногда в чем-то заблуждаясь, иногда намеренно расширяя объем понятия. Чаще всего использовался термин «выступление», обозначающий любой акт общественного неповиновения, за исключением тех случаев, когда перед ним стояло определение «массовое». В таком случае речь шла о разгневанных толпах, вышедших на демонстрации, или о бунте. Само слово «выступление» происходит от глагола «выступить», означающего «выходить вперед» и имеющего также значение «выйти из строя», продемонстрировать свое возмущение. Этим термином стали обозначать любые беспорядки среди крестьян; точно так же многие репрессивные режимы придерживались терминов «инциденты» и «волнения» для обозначения и деполитизации общественных актов протеста.

Словосочетание «массовые выступления» чаще всего встречалось в документальных свидетельствах, особенно в архивах ОГПУ, и, аналогично термину «выступление», являлось характерным понятием для обозначения любых массовых беспорядков. Еще один термин, часто использовавшийся для характеристики тех же явлений, – «волнение». Литературное значение этого слова – «беспокойство, тревога, возбужденное состояние», вследствие чего оно использовалось в качестве более «уклончивого» обозначения бунтов. Здесь присутство-

вало недвусмысленное указание на снисходительное отношение политической элиты к «темным массам», вовлеченным в бессмысленный хаос протестов. Как и предыдущий термин, «волнение» – без эпитета «массовое» – могло использоваться применительно к любому типу проявлений общественного недовольства. «Бунты», «волынки» (небольшие мятежи) и «свалки» (рукопашные схватки) были куда более точными определениями происходивших беспорядков; каждое из них относится к традиционным и спонтанным выражениям недовольства безрассудных и примитивных «мужиков». Помимо вышеприведенных, существовали и такие понятия, как «восстания» и «мятежи», они являлись более точными и не столь «уклончивыми» определениями крестьянских массовых бунтов. Иногда они дополнялись прилагательным «повстанческий», обозначающим масштабные и серьезные выступления, охватывавшие обширные районы. Их участники были хорошо организованы и вооружены, а их замыслы носили явно изменнический характер¹³. На бунты, свалки или волынки, несмотря на четкость этих понятий, власти иногда закрывали глаза, в то время как мятежи, восстания и повстанческие выступления однозначно считались контрреволюционными действиями, в которых непременно подразумевались участие кулаков и неизменный тайный заговор с целью свержения власти. Поэтому полагаться в исследовании приходится на доклады местных партработников и на их интерпретацию высокопоставленными лицами с точки зрения избранной терминологии для описания событий. Выбор названия мог быть обусловлен как действительным размахом, развитием событий или степенью опасности рассматриваемого явления, так и стремлением наблюдателя или рассказчика произвести определенный эффект на слушателей или высшее руководство. Иногда противоречивое сочетание официальных опровержений, объяснения причин возникновения политической оппозиции и параноидального преувеличения значимости событий оказывали не меньшее влияние на характер отчетов. При изучении статистики тех лет важно помнить об этих деталях и осмысленно подходить к анализу отчетов.

В целом в статистических отчетах по массовым выступлениям отражены данные с 1928 по 1930 г. Общее их число за тот период резко возросло – с 709 в 1928 г. до 1 307 в 1929 г. и 13 754 в 1930 г. В таблице 5.1 показана месячная динамика, отражающая сезонную корреляцию между террором властей и крестьянскими бунтами. Так, в 1928 и 1929 гг. весенняя и осенняя кампании по хлебозаготовкам были главными причинами массовых беспорядков, а в 1930 г. восстания вспыхнули в результате форсирования процессов коллективизации. В 1929 г. около 30 % народных волнений были связаны с хлебозаготовками, 23,5 % – с «религиозными мотивами» (к ним относились

притеснения верующих и духовенства, а также закрытие церквей в некоторых областях) и лишь 6,5 % возникли из-за коллективизации. В 1930 г. коллективизация и раскулачивание стали причиной уже 70,6 % от общего количества бунтов; 10,8 % обуславливались гонениями на религию (закрытием церквей, снятием колоколов и арестами священников); 8,9 % – нехваткой продовольствия и лишь 3,3 % – заготовками¹⁴.

Таблица 5.1. Национальная статистика по количеству массовых выступлений (1928–1930 гг.)

Месяц	1928	1929	1930
Январь	10	42	402
Февраль	10	22	1 048
Март	11	55	6 528
Апрель	36	159	1 992
Май	185	179	1 375
Июнь	225	242	886
Июль	93	95	618
Август	31	69	256
Сентябрь	25	72	159
Октябрь	25	139	270
Ноябрь	33	108	129
Декабрь	25	125	91
Всего	709	1 307	13 754

Источник: Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 40.

В таблице 5.2 помесечно отображены все официальные причины массовых выступлений. Их пик пришелся на 1930 г.¹⁵ В первой половине года преобладали восстания, вспыхивавшие в ответ на проведение коллективизации, раскулачивания и гонения на церковь. Кульминация выступлений приходится на март, когда бунтовщики сумели воспользоваться замешательством властей и передышкой, которую дала политика «временного отступления» коллективизации. Весной и в начале лета главными причинами выступлений были голодные бунты и требования возврата собственности реабилитированным «кулакам» и крестьянам, вышедшим в марте из колхозов. В последние пять месяцев этого года восстания вспыхивали в основном из-за насильственных хлебозаготовок¹⁶. После 1930 г. массовые выступления сошли на нет, поскольку крестьяне пошли по пути более безопасного, незаметно-

Таблица 5.2. Официальные причины массовых выступлений в 1930 г.

Месяц	Коллективизация	Раскулачивание*	Закрытие церквей**	Посевная и уборочная кампания	Хлеб- и мясо-заготовки	Налоговая кампания	Прод-загрузки	Недостаток промтоваров	Прочие***
Январь	158	68	159	7	2	—	4	—	4
Февраль	723	178	103	19	2	1	9	—	13
Март	5 010	749	514	160	2	5	65	—	23
Апрель	789	457	391	147	—	2	172	—	34
Май	284	338	126	154	3	1	433	—	36
Июнь	175	214	69	37	4	1	348	3	35
Июль	170	177	38	9	29	2	141	5	47
Август	50	61	25	7	73	1	17	3	19
Сентябрь	12	40	10	2	65	3	9	7	11
Октябрь	6	33	23	1	173	11	9	2	12
Ноябрь	3	17	12	1	67	3	10	6	10
Декабрь	2	7	17	—	36	11	3	1	14
Всего	7 382	2 339	1 487	544	456	41	1 220	27	258

Источник: Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 68.

* Дословно: «Изъятие и ущемление АСЭ [антисоветского элемента]».

** Данная графа объединяет закрытие церквей и снятие колоколов.

*** Данная графа содержит 4 графы оригинала: 1) иные экономические и политические кампании; 2) перевыборы в советы; 3) заготовка хлопка; 4) иные причины.

го и в целом пассивного сопротивления, а если они и случались, то обычно заканчивались поспешным и безмолвным отступлением¹⁷.

Статистические данные по регионам позволяют более детально оценить характер массовых выступлений 1930 г. Наибольшее их количество наблюдалось в черноземных регионах и главных житницах страны – густонаселенных областях, в которых предполагалось провести сплошную коллективизацию. В этих районах «перегибы» были самыми жесткими, и там постоянно вспыхивали крестьянские бунты. В таблице 5.3 отражена региональная динамика народных волнений по месяцам.

В большинстве регионов пик бунтов пришелся на март, реже – на апрель. В последующие месяцы массовые выступления резко сократились в регионах, потребляющих зерно; менее стремительным был спад в тех районах, где оно выращивалось, за исключением Сибири и Нижней Волги, где снижение количества выступлений началось только после мая.

Также удалось получить данные по количеству участников восстаний. Так, в 1929 г. в выступлениях приняли участие 244 000 крестьян. А по данным 1930 г., собранным только по 10 071 случаю, их количество составило 2 468 625 чел.¹⁸ Причем их число росло пропорционально количеству волнений в целом, составив в январе – 109 486 чел., в феврале – 214 196, а в марте – 1 434 588¹⁹. В таблице 5.4 отражены данные о масштабах волнений и количеству их участников по регионам.

Как видно, самые масштабные по числу участников восстания были характерны для регионов – производителей зерна, в частности для черноземных районов. В отдельных случаях сложно дать точную оценку масштабам волнений, однако в среднем в большинстве деревень этих областей выступления были весьма крупными²⁰. За ними следуют национальные республики и области проживания большого количества этнических меньшинств, где также зафиксированы масштабные бунты.

Большинство выступлений имели локальный характер, будучи явлением, характерным либо для отдельной деревни, либо для нескольких соседних селений. Кроме того, несмотря на неспонтанный (в прямом значении слова) характер, большинство бунтов сводилось к более-менее знакомому упрощенному сценарию, который практически не требовал планирования и предварительной организации. Тем не менее советские источники достаточно долго твердили о существовании определенных «групп» или «организаций», имевших «кулацкую» или «контрреволюционную» направленность, которые якобы стояли за выступлениями. Согласно данным ОГПУ, 176 из 13 754 бунтов, зафиксированных в 1930 г., имели повстанческий характер. Это означало, что они были весьма крупными и хорошо организованными восстаниями, выходящими за рамки отдельных деревень и даже целых районов и включавшими временный захват

Таблица 5.3. Массовые выступления в 1930 г.

Регион	Месяц												
	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Всего
Украина	45	200	2 945	169	208	186	83	55	46	129	23	9	4 098
Северный Кавказ	36	56	335	159	133	99	137	42	22	21	17	4	1 061
Центрально-Черноземная область	57	130	737	181	99	54	40	18	13	13	11	20	1 373
Верхняя Волга	38	54	263	135	70	71	52	31	14	21	14	14	777
Нижняя Волга	27	37	203	208	254	157	70	9	4	13	15	6	1 003
Сибирь	8	18	127	128	169	63	30	4	1	7	5	5	565
Урал	2	12	111	114	79	29	10	6	2	1	1	—	367
Москва	10	114	284	136	30	18	35	14	8	14	7	6	676
Ленинград	4	12	56	38	6	4	—	2	—	1	1	1	125
Западная область	53	60	95	139	32	30	13	3	5	4	3	1	438
Ивановская область	12	13	83	30	19	11	6	1	2	6	3	4	190
Белоруссия	4	77	208	150	16	22	22	3	2	1	1	2	508
Нижкрай	17	24	83	86	50	26	15	5	4	5	7	4	326
Дальний Восток	—	2	10	14	9	8	7	—	—	1	—	—	51
Северный край	1	—	2	7	6	1	5	—	—	—	—	—	22
Башкирия	13	12	109	36	10	3	5	3	—	1	4	—	196
Татария	28	33	254	97	39	31	44	11	2	3	1	5	548
Казахстан	3	20	43	64	61	26	16	20	7	6	—	—	266
Крым	7	11	46	10	16	10	3	4	—	—	3	1	111
Средняя Азия	1	29	219	16	28	13	—	4	8	10	3	5	336
Закавказье	19	95	139	20	15	5	5	1	4	4	5	1	313
Этнические территории Северного Кавказа	15	39	176	55	29	19	20	20	15	10	5	8	411
Всего	402*	1 048	6 528	1 992	1 375*	886	618	256	159	270*	129	96	13 761*

Источники: Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 69.

* Верные значения — 400, 1 378, 271 и 13 755. По-видимому, в подсчете количества случаев по графам допущены некоторые незначительные погрешности, поскольку общие показатели, являющиеся ошибочными, приводятся далее в документе.

власти на местах²¹. Кроме того, ОГПУ утверждало, что контрреволюционные группы в Сибири, на Украине, Средней Волге и Северном Кавказе, а также в других областях, предпринимали попытки установить контакт с единомышленниками в городах и в рядах Красной армии (это было уже чем-то большим, нежели простое письмо с жалобой, посланное крестьянином сыну, проходившему службу в армии или трудившемуся на заводе)²².

Таблица 5.4. Статистика массовых выступлений в 1930 г. по регионам

Регион	Общее количество выступлений	Количество выступлений с установленным количеством участников	Количество участников	Средний показатель
Украина	4 098	3 208	956 587	298
Северный Кавказ	1 061	926	227 000	245
Центрально-Черноземная область	1 373	998	315 035	316
Нижняя Волга	1 003	732	119 175	163
Средняя Волга	777	661	140 383	212
Московская область	676	516	117 502	228
Сибирь	565	340	49 995	147
Татария	548	224	55 290	247
Белоруссия	508	230	35 985	156
Западная область	438	381	64 047	168
Урал	367	288	34 777	121
Средняя Азия	336	290	115 950	400
Нижкрай	326	181	44 373	245
Закавказье	313	163	48 620	298
Казахстан	266	162	19 455	120
Башкирия	195	72	17 225	239
Ивановская область	190	137	21 797	159
Ленинградская область	125	87	10 655	122
Крым	111	101	12 420	123
Дальний Восток	50	39	3 474	89
Северный край	22	16	3 230	202
Национальные районы Северного Кавказа	406	319	55 650	174
Всего	13 754	10 071	2 468 625	245

Источник: Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 67, 69.

Многие данные, касающиеся контрреволюционных групп и организаций, получены из источников ОГПУ, которые основывались на результатах карательных операций против этих самых организаций. Так, в 1929 г. было объявлено, что на Средней Волге действовали 65 кулацких подпольных группировок. А в Мордовской автономной области на Средней Волге за 1929–1930 гг. было ликвидировано более 300 таких организаций²³. В начале осени 1930 г. ОГПУ объявило об уничтожении контрреволюционной группировки, деятельность которой охватывала 23 деревни в Илецком, Покровском и Сорочинском районах Средней Волги. Группа состояла из 59 чел., которые планировали восстания с целью реабилитации кулаков, сворачивания коллективизации и возврата к налоговой политике 1927–1928 гг.²⁴ В 1930 г. сообщалось о ликвидации 200 подпольных формирований в Московской области, а также о попытке созыва в подмосковном Егорьевском уезде собрания антисоветски настроенных крестьян из четырех волостей²⁵. На территории Северного Кавказа в 1929 г. было выявлено и уничтожено около 4 000 кулацких организаций, а в 1930 г. – по разным данным, от 283 до 441 группировок и 78 контрреволюционных организаций, объединявших более 6 000 участников²⁶. Казацкая организация «Спасем Хопер и Дон», как утверждалось, имела отделения в 180 деревнях в 7 районах, в основном на Нижней Волге. Кроме того, по заявлениям ОГПУ, только в феврале 1930 г. в этом же регионе было ликвидировано 32 контрреволюционных формирования и 191 кулацкая группировка, насчитывавшие более 3 000 членов²⁷. В том же году на территории Урала свое существование прекратили 350 группировок²⁸.

В Сибири во второй половине 1929 г. репрессиям подверглись 15 кулацких организаций (145 членов) и 140 контрреволюционных групп (1 089 членов). А за период с 1 февраля по 10 марта 1930 г. власти репрессировали еще 19 повстанческих формирований и 465 кулацких объединений, участниками которых были более 4 000 кулаков²⁹. Тогда же в середине февраля «контрреволюционная повстанческая организация» была ликвидирована в деревне Умыган Иркутского округа. Предположительно восстание планировалось на 17 февраля, однако с арестом 26 крестьян (22 кулаков и 4 середняков) реализация плана стала невозможной. Когда члены организации были арестованы, вокруг сельсовета собралась толпа из 150 женщин, которые «подняли истерический плач» в попытке освободить друзей и родных³⁰.

Доклад из архива, основанный на неопубликованных заметках корреспондента газеты «Правда», раскрывает интересные подробности касательно одного из случаев так называемой подготовки контрреволюционной организацией восстания в Крыму. В Судакском и Ка-

расуазарском районах в деревнях, где жили татары-мусульмане, предположительно под влиянием местных мулл, кулаков и криминальных элементов, возникло «общественное движение», участники которого выступали за эмиграцию в Турцию в знак протеста против коллективизации. Центром деятельности организации стала деревня Ускиут, где в 1928 г. уже были зафиксированы несколько серьезных выступлений. Лидеры движения, согласно сообщениям, запасались оружием, регулярно созывали «тайные собрания», организовали конные отряды, а также вели переговоры с местными судовладельцами насчет путей бегства в Турцию в случае необходимости. Кроме того, руководители организации поддерживали контакты с прилежащими селениями и даже имели союзников в Симферополе, где два нэпмана якобы передали в распоряжение участников движения 200 винтовок. В конце 1929 – начале 1930 гг. проводились сходы, на которых решался вопрос о персональном участии в поддержке движения. Одновременно в мечетях шел сбор подписей под письмом Калинин, в котором содержалась просьба дать разрешение на отъезд в Турцию, собирались средства для посылки гонца с письмом в Москву. Независимо от того, имело ли повстанческое движение целью только сбор подписей в мечетях в поддержку эмиграции или тайная организация действительно планировала восстание, – возможные проблемы были устранены своевременным вмешательством местных властей, которые отправили в деревню подразделение Красной армии, арестовавшее более 200 чел. Несмотря на то что журналист ни словом не обмолвился о подавлении движения в регионе, он записал, что местные жители оскорбляли солдат и даже закидывали их камнями. Более показательным событием стало самоубийство одного из солдат, который, согласно заметкам журналиста, тем самым «проявил свою социальную позицию». С другой стороны, его поступок, вероятно, мог означать, что он был морально подавлен теми действиями, свидетелем которых стал, и не мог больше выполнять свои обязанности³¹.

Различия между понятиями «группа» и «организация», «кулацкий» и «контрреволюционный» далеко не очевидны, хотя в сознании коммунистов-бюрократов, организовывавших и проводивших репрессии, они, несомненно, были. Так же вызывает сомнение, существовали ли в действительности эти формирования как организованные группы. То, что проходило в милицейских отчетах как ликвидированные контрреволюционные или кулацкие организации, могло в реальности быть всего лишь мятежными или причиняющими беспокойство крестьянами, которых сделали виновными в назидание другим либо для того, чтобы выслужиться перед вышестоящими чиновниками, имеющими параноидальную склонность видеть тайный заговор на каждом шагу.

В основном в массовых выступлениях участвовали крестьяне всей общиной. Во главе демонстраций во время собраний и деревенских бунтов часто шли женщины, иногда вместе с детьми. В тех же бунтах, что выходили далеко за пределы одной деревни, руководителями являлись мужчины. Данные по социальному составу участников выступлений попадаются нечасто, да и на те по большей части нельзя полагаться, поскольку в их основе лежат субъективное определение классов в деревне и неизбежное стремление обвинить кулаков и подкулачников во всех волнениях. Возможно, в ряды массового сопротивления вливалась вся деревня, независимо от социального статуса ее жителей. Скорее всего, подобная ситуация была характерна для деревень с населением, в целом однородным в социально-экономическом плане. Там масштаб выступлений примерно совпадал с размерами деревни, как это происходило в Московской и Центрально-Черноземной областях. Один из немногих примеров отчета о классовом составе участников восстания содержит данные по Лужскому округу Ленинградской области за период конца 1929 – начала 1930 гг. Среди участников 274 «антиколхозных массовых выступлений» 29,2 % составляли кулаки, 51,1 % – середняки и бедняки, 7 % – священники и 5,1 % – местные советские работники³². Высокий процент участия бедноты и середнячества вкупе с тем, что доля кулаков, скорее всего, завышена, отражает тот факт, что жители деревни выступали во время массовых волнений единым фронтом. Даже ОГПУ пришлось признать, что повсеместные жестокие притеснения народа привели к поддержке кулаков «со стороны более или менее значительных масс бедноты и середнячества»³³.

Иногда поступали донесения, что в массовых выступлениях участвовали либо играли руководящую роль народники и эсеры, хотя в целом оставалось неясным, были они людьми сторонними или же местными жителями. По сведениям ОГПУ, в деревнях Лопатино и Козловка Лопатинского района Нижневолжского края была ликвидирована контрреволюционная повстанческая группа, которой руководили эсеры. Предположительно члены группы, среди которых было 6 эсеров и 47 кулаков, действовали в 6 деревнях³⁴. Согласно другому официальному источнику, восстание в Турковском районе Нижневолжского края также возглавлялось членами этой партии³⁵. В августе 1930 г. в Сибири была уничтожена группировка, называвшая себя «Черные». По документам ОГПУ, в эту организацию, которая действовала в 50 деревнях и более чем в четырех округах, входили и бывшие эсеры³⁶. В это же время в отчетах из России, опубликованных в газете народников-эмигрантов «Вестник крестьянской России», говорилось, что члены их партии приняли участие в выступлениях против коллективизации и были тут же арестованы.

На страницах «Вестника» народники также заявляли, что в России более 200 населенных пунктов, где жители действовали под их руководством³⁷. Народники действительно принимали участие в выдвижении требований по формированию крестьянских союзов³⁸ и советов без коммунистов³⁹ и подстрекали к восстанию. Однако опыт и реалии послереволюционного периода привели к тому, что крестьянская масса и так была достаточно политизирована, и особых указаний ей не требовалось. Несмотря на существовавшую точку зрения, согласно которой внешнее политическое воздействие на деревню было ограничено, понимание коммунистами причин массовых волнений сводилось к переложению официальных обвинений с крестьянства на оппозиционные политические организации. В результате можно говорить скорее о преувеличении значимости фактов, нежели о сокрытии сведений.

Кроме того, в подстрекательстве к протестам против коллективизации зачастую обвиняли духовенство, в основном православных священников и членов церковных советов из мирян. В частности, их обвиняли в распространении идеи о том, будто советская власть – это следствие происков Антихриста⁴⁰. Так, окружной комитет партии в Твери полагал: «Контрреволюционным штабом является церковный совет, вокруг которого группируются все контрреволюционные силы против коллективизации»⁴¹. В феврале 1930 г. ОГПУ сообщало: на Средней Волге незаконные собрания часто проводились «под видом заседаний церковных советов», что, по всей видимости, говорило о руководящей роли церкви в борьбе против коллективизации⁴². Церковь действительно сыграла значительную роль в организации сопротивления⁴³. В начале 1930-х гг. в деревне Славкино Аткарского округа Нижней Волги местный глава церковного совета подговорил женщин освободить недавно арестованного священника. Три сотни крестьянок собрались возле сельсовета, скандируя: «Дайте нам батюшку!»⁴⁴ В деревнях Островка, Сыса и Телятники Рязанского округа Московской области члены церковного совета во время массовых демонстраций заняли здания сельсоветов⁴⁵. По донесениям, поступавшим из Московской области, женщин назначали на ответственные должности в церковных советах, причиной чему, вероятно, стала их открытая оппозиция советской власти. В Последовском сельсовете Пронского района Рязанского округа женщину даже выбрали церковным старостой⁴⁶. Члены церковного совета занимали достаточно высокое положение, чтобы руководить жизнью деревни, и были весьма подвержены политическим перипетиям, что делало их крайне заинтересованными участниками бунтов.

Немалая роль в крестьянских восстаниях принадлежала священникам. Утверждалось, что они прежде всего пытались подтолкнуть

к восстанию женщин, однако это сложно проверить, поскольку власти обычно отрицали участие женщин в политических акциях протеста, перекладывая ответственность на любую подвернувшуюся «контрреволюционную» группировку в деревне⁴⁷. Так или иначе, во многих деревнях священники и крестьяне выступали единым фронтом. Когда отец Покровский, который совершал богослужения в нескольких церквях Ромашковского района Тверского округа Московской области, объявил перед тысячей женщин, что ему запрещено продолжать службы, женщины направились к сельсовету с требованием: «Долой советскую власть и коммунистов, да здравствуют батюшка и церковь... [Мы] в колхозы не пойдем»⁴⁸. В одной из церквей на Северном Кавказе священник сказал своей пастве: «Колхозы – наша гибель. Идите на общегражданские собрания и заявляйте там открыто, что колхозы – это гибель для всего народа»⁴⁹. В Кимрском округе Московской области прозвучала проповедь: «Настал конец света, пришел Антихрист на землю. Идите в церковь. Завтра будет моя последняя проповедь». На следующий день огромная толпа стала свидетелем того, как, невзирая на шум и протесты, священника арестовали⁵⁰. Так, с помощью проповедей, советов или прямых действий, духовные наставники участвовали в крестьянских волнениях, на что имели свои причины. Апокалиптическое мышление, ставшее одной из главных составляющих идеологии крестьянского сопротивления, несомненно, было атавизмом. Однако в его формировании важную роль сыграла церковь, служители которой отчаянно искали поддержки, предчувствуя свою неминуемую гибель. Коллективизация была общим врагом, и защита общих культурных устоев намного сильнее, чем когда-либо ранее, сплотила крестьянство и духовенство, которые пережили череду периодов как взаимного недоверия, так и взаимозависимости.

Крестьянские выступления в годы коллективизации достигали всеобщего и угрожающего масштаба, затмевая более ранние случаи народных волнений в современной истории России⁵¹. Массовые протесты на собраниях и локальные беспорядки – наиболее распространенные виды волнений – по своей форме и традиционному характеру были в основном внутренним делом деревни. Они очень редко планировались и организовывались заранее. Еще больше сомнений вызывают утверждения насчет реального существования обширной сети организаций кулаков и тайных контрреволюционеров, так же как и идея о внешнем подстрекательстве (имевшем место в действительности разве что со стороны местных священников). Очевидно, что все это имело отношение только к риторике советских чиновников. Хотя не исключается вероятность участия в волнениях и в подстрекательстве против советской власти определенных социальных

групп – например, бывших коммунистов, недовольных режимом, ветеранов, отходников, зажиточных крестьян, вдов (кроме того, сюда могут быть включены случаи деятельности эсеров, священников и членов церковных советов⁵², которые могли возглавлять восстания). Скорее, такое участие лишь подчеркивает тот факт, что все коллективные протесты являлись неотъемлемой частью культуры крестьянства, коренящейся в традиции сопротивления.

«Долой Антихриста»

«Мартовская лихорадка» до и после марта 1930 г. сопровождалась волной слухов, побегов, уничтожением собственности. Одной из главных арен борьбы стали собрания – по поводу коллективизации, раскулачивания и вообще любого вопроса, касавшегося политики коммунистов в отношении деревни. Такого их количества не было со времен революции 1917 г. Большинство подобных собраний инициировались и проводились «чужаками»: районными уполномоченными, партработниками, женскими союзами, двадцатипяти тысячниками. Часто целью этих мероприятий было расколоть деревню на отдельные группы (бедняков, женщин, молодежь, комсомольцев, партийных и т. д.) в соответствии с представлениями власти о том, каковы должны быть политические взгляды и поведение крестьянства. В моменты, свободные от собраний или бесед с агитаторами, ходившими по избам и расписывавшими преимущества нового порядка, крестьяне устраивали собственные сходы (дома, у мельницы или на рынке), где обсуждалась все та же коллективизация. Такие сходы крестьян власти расценивали как кулацкие и антиправительственные (коиными, по сути, они и являлись). Они давали жителям села некое подобие автономии и возможность обсудить свои нужды и проблемы и постепенно становились все более враждебными по отношению к советской власти.

Эти собрания демонстрировали весьма любопытную структуру отношений крестьянства и коммунистической партии, которые играли на уязвимых местах друг друга. Это была площадка для обсуждения и выражения политических взглядов, однако не на государственной, а на крестьянской «почве»⁵³. Часто страх перед советской властью не позволял крестьянам участвовать в актах протеста (особенно открытых), тем более когда во время беседы с ними партработник клал на стол свой наган или угрожал ссылкой на Соловки или «в болота» (что случалось довольно часто)⁵⁴. Иногда (но намного чаще, чем обычно предполагают) крестьяне находили способ оказать сопротивление или, по крайней мере, выразить свой гнев, вызванный поправками их

прав, нарушением справедливости, грабежами и всеми действиями властей, которые нарушали их привычный образ жизни. Протест мог выражаться как в прямой, так и в скрытой форме, когда крестьяне использовали привычное им «оружие слабых».

Какую бы форму ни принимал протест, он всегда представлял опасность. Будь то гневные и открытые или более завуалированные вопросы и сомнения – это был прилюдный вызов, брошенный советской власти. Уполномоченные коммунисты и администраторы всех уровней, перед тем как провести голосование по тому или иному вопросу, всегда задавали простой главный вопрос: «Кто выступает против советской власти?» К антисоветскому выступлению мог быть приравнен протест против коллективизации, раскулачивания, закрытия церкви, открытия детского сада, против приписывания крестьянину статуса бедняка или даже против самого организатора собрания. «Советская власть» была своеобразным идолом для государственных и партийных работников, которые строили социализм во имя новых «богов», новой веры, зачастую питая слепую ненависть или пренебрежение к крестьянству. Эта же идея становилась орудием личной власти для каждого чиновника, делая его олицетворением воли правительства. Она же служила законной ширмой, прикрываясь которой официальные лица вели борьбу с оппонентами, когда были исчерпаны все методы убеждения. А. И. Солженицын стал свидетелем подобной «персонификации» власти, когда после войны отбывал заключение в ГУЛАГе. Он приводил слова лагерного охранника, который в ответ на незначительный ропот гаркнул: «Кто тут выступал против советской власти?» В своей обычной язвительной манере Солженицын объяснял: «Возрают, что это – общий прием, что это и на воле любой начальник заявляет себя советской властью и пойдти с ним поспорь. Но для пуганных, для только что осужденных за антисоветскую деятельность – страшней»⁵⁵. Впрочем, в тех обстоятельствах, которые раскололи нацию, любая мелкая сошка и была олицетворением советской власти. В период коллективизации крестьянам пришлось столкнуться с этой абсурдной чертой советского порядка. Он основывался на силовых методах, и крестьяне молчали, напуганные и буквально обезоруженные угрозами, что открытое выражение недовольства советским режимом – как властью в целом, так и отдельными ее представителями – расценивается не иначе как измена.

Персонификация власти была эффективным орудием сталинского порядка на всех уровнях. Однако она была не единственным способом заставить крестьян голосовать за нужные решения. Некоторые организаторы собраний запрещали обсуждать повестку дня и вносить в нее поправки и независимо от ее сути ставили вопрос ребром: «Кто за?», «Кто против?»⁵⁶. У других был свой, более оригинальный

подход к крестьянам. В изощренной наставнической манере один уполномоченный из Центрально-Черноземной области на любое возражение в ходе собрания кричал: «Кто это? Фамилия!», а затем нарочито записывал что-то в своем блокноте⁵⁷. На хуторе в Урюпинском районе Нижней Волги уполномоченный РИК (районного исполкома) при голосовании по вопросу о закрытии церкви провел его в два этапа: за временное закрытие и за постоянное. В обоих случаях 26 чел. проголосовали «за» и 48 – «против». Путем хитрых математических вычислений он сложил все «за», получив в результате 52 против 48, и закрыл церковь в соответствии со своими представлениями о революционной законности⁵⁸. Кроме того, должностные лица повсеместно прибегали к грубой силе, запугивая крестьян или демонстрируя личное оружие.

В действительности же, несмотря на обладание значительными силовыми ресурсами, власти боялись идти на открытую конфронтацию с населением. Это было обусловлено, в первую очередь, постоянной угрозой насилия или, по меньшей мере, подрыва существующего строя недовольными, поскольку чаще всего сравнительно малому числу коммунистов и местных ответственных работников, на которых далеко не всегда можно было полностью положиться, противостояли целые деревни. К такому выводу пришел уполномоченный Наркомата земледелия после посещения деревни Стежка в нестабильном Козловском округе Центрально-Черноземной области, где уже были зафиксированы два случая массовых выступлений и ситуация оставалась весьма напряженной. Сразу по прибытии он созвал собрание, длившееся около 8 часов (обычное явление в тот период), на котором присутствовали 2 000 чел. Крестьяне потребовали возвращения кулаков и раздела земель без учета классовой принадлежности. По словам самого чиновника, «нам пришлось терпеливо выслушивать их крики и недовольства», а также признать, что были допущены определенные промахи. Он сделал вывод, что местные власти «боятся массы». Они даже пытались отговорить его от идеи проведения общего собрания с крестьянами. Уполномоченный, однако, посчитал, что в той ситуации необходим лишь справедливый и трезвый подход: «Когда я перед крестьянами просил извинения за ошибки и извращения нашей партийной линии местными работниками... крестьяне в свою очередь также признавали свои ошибки»⁵⁹. Данный пример, с одной стороны, подтверждает, что чиновники испытывали страх перед народными массами. Но с другой стороны, он свидетельствует о том, что если отношение к словам крестьян было достаточно справедливым, то они, в свою очередь, тоже вели себя разумно. Однако в то время такое отношение было слишком большой редкостью: большинство партработников, движимые стра-

хом или презрением к «мужику», предпочитали грубость или неограниченное применение силы.

Возможности для применения властями насилия во время собраний и реальные его масштабы были просто поразительны. За малейшую критику крестьяне часто подвергались арестам и обвинениям в кулачестве. Всесилие советской власти побуждало крестьян действовать не напрямую, а исподтишка, изобретая все более хитроумные и осторожные методы, позволяющие им срывать собрания. Громкий шум или, наоборот, полная тишина на собраниях были одними из самых распространенных способов, которые, на первый взгляд, не носили политического характера. Так, в ответ на требование одного из организаторов собрания в Центрально-Черноземной области назвать имена недовольных крестьяне отказались говорить вообще, объявив представителям власти бойкот: на протяжении всего собрания стояла полная тишина. Женщины, осознав бессмысленность мероприятия, еще в начале покинули его⁶⁰. В одной из украинских деревень организаторы собрания, столкнувшись с самого начала с абсолютным молчанием, запретили кому-либо покидать собрание, пока не будет принято решение о вступлении в колхоз (а значит, и нарушено молчание). Все сидели в полной тишине, пока один из крестьян не попросил разрешения выйти по нужде. Ему разрешили отлучиться только под присмотром охраны, после чего остальные стали просить выпустить их по той же причине. Собрание зашло в тупик⁶¹. В отчете, присланном с Северного Кавказа в голодном марте 1933 г., говорилось, что кулаки, используя «продовольственные затруднения» (так чиновники называли голод), организуют на собраниях «заговор молчания» – не бывает ни вопросов, ни обсуждения, ни реакции на доклад⁶². Несмотря на то что официальные источники считали этот «принцип молчания» заговором, он показал свою эффективность, поскольку позволял крестьянам временно озадачить и сбить с толку немногочисленных партработников и одновременно не рисковать, высказывая свое недовольство вслух. И, даже принимая во внимание робость крестьян, кто может утверждать, что тактика молчания не была тем самым заговором, который инстинктивно возникал как достойный ответ на бесконтрольное насилие?

С той же целью применялся громкий шум, который зачастую и нельзя было считать выражением протеста как такового. Партработники часто сообщали о собраниях, проходивших в ужасном беспорядке. Некоторые двадцатипятидесятники гордо заявляли, что им удалось приручить мужиков и изменить ход собраний, – если ранее там царил суета и все говорили одновременно, то теперь встречи носили более организованный характер, стали походять на собрания рабочих⁶³. Единственное, что ускользало от их внимания, это то,

какую очевидную выгоду несли крестьянам подобные беспорядки в условиях коллективизации, как сельчане умело играли на стереотипном восприятии «мужика» как существа, не способного к рациональному и упорядоченному диалогу. Например, на Кубани этот метод довольно часто использовался для срыва выступлений докладчиков⁶⁴. В Центрально-Черноземной области крестьяне поднимали неутихающий гомон, когда дело доходило до голосования⁶⁵. В поселке Черемышево Мордовской области женщины все время кричали «ура!», не давая выступающему слова сказать, пока не вынудили его закрыть собрание⁶⁶. В деревне Ханьковец Могилев-Подольского округа Украины четырехкратные попытки властей провести общее собрание по вопросам коллективизации не увенчались успехом. Каждый раз женское население деревни скандировало «Долой коллективизацию!» и «Долой бригады!»⁶⁷.

Пьянство было еще одним способом срыва собраний. Крестьяне напивались – чтобы набраться храбрости, в пику коммунистической пропаганде трезвости или просто по привычке – и в таком виде заявлялись на собрания, устраивая такой беспорядок, что их приходилось немедленно закрывать⁶⁸. Нетрезвое состояние было хорошим прикрытием актов протеста. Коммунисты полагали, что население деревни не может не пить. Тем не менее алкоголизм, хотя и не имел политической подоплеки, представлял угрозу для организаторов колхоза, что осознавали некоторые партработники. Так, уполномоченный, проводивший раскулачивание в Микушинском и Бугурусланском округах на Средней Волге, запретил продажу алкогольной продукции, после того как увидел, что крестьяне, выступавшие против депортации, пьют. Он пришел в ярость, когда впоследствии узнал, что этому пагубному пристрастию был подвержен и председатель райисполкома, который немедленно отдал распоряжение возобновить работу винно-водочного магазина⁶⁹.

В книге «Красный хлеб» Морис Хиндус дает подробное описание одного из собраний с участием женщин. Этот пример прекрасно иллюстрирует практику использования молчания и шума. Летом 1929 г. прибывшая в деревню агитационная группа должна была на собрании рассказать женщинам о том, какая безоблачная жизнь их ждет, когда будут общие кухни, детские сады, электричество, клубы, равенство и многое другое – все то, что ожидало их с организацией колхоза. В конце этого монолога представители партии призвали к дискуссии и вопросам. В ответ не последовало ни единого слова. Казалось, сказать людям просто нечего. Агитаторы снова потребовали от слушателей выразить свое мнение – результат был тот же... Наконец, одна из присутствующих набралась смелости ответить – тут же поднялся ужасный гвалт, заговорили все разом. Партийцы призвали

к порядку, требуя, чтобы говорили по очереди. Снова воцарилась тишина. Затем кто-то еще попытался что-то сказать, но и его голос утонул в поднявшемся снова шуме. Коммунист пришел в ярость. Резким движением руки он опять восстановил порядок и с мрачной серьезностью попросил вести себя прилично. Однако, как он ни пытался этого добиться, женщины были настолько нетерпеливы, что не могли не перекрикивать друг друга. Стоило только одной из них открыть рот – все остальные тут же принимались высказываться, до тех пор пока воздух не начинал дрожать от оглушительного гама. После нескольких минут этого безобразия одна сторбленная старушка с грязным платком на голове злобно сплюнула в сторону всего этого сборища, как делают мужики, когда чем-то недовольны, и воскликнула: «Тут собрались одни свиньи! Здесь мне делать нечего».

В этот момент один из сельских партийцев овладел ситуацией, во весь голос выкрикнув: «Неужели мы уподобимся свиньям?» Как пишет Хиндус, «собрание продолжилось, но полный порядок так и не установился»⁷⁰. Стоит отметить, что те же самые женщины, участвовавшие в собрании, в отсутствие представителей власти по отдельности и вместе спокойно и без лишней суеты рассказывали Хиндусу о своих переживаниях⁷¹.

Кроме этих способов и тактик скрытого сопротивления, существовала масса других методов скрытого протеста. Так, в деревне Истомино Московской области крестьяне пришли к решению «коллективизацию приветствовать, но в колхоз не вступать», представив сбитым с толку городским агитаторам прямое доказательство склонности середнячества к колебаниям⁷². Во время собрания женщин на Кубани в 1930 г. только 76 из 300 присутствовавших приняли участие в поименном голосовании. В ответ на требование объяснить такое поведение они сослались на то, что ранее уже согласились на вступление в колхоз. Женщины заявили, что не имели представления о том, что значат их подписи, и теперь сомневаются, стоит ли вообще давать согласие на что-либо. Позже один из партийных активистов, скорее подавленный, нежели разозленный, сообщил, что он объяснял значение голосования «сотни раз»⁷³. После публикации статьи Сталина «Головокружение от успехов» в одной из деревень на собрании, которое длилось пять часов, крестьяне заставили председателя колхоза шесть раз прочитать резолюцию по этой статье, прежде чем согласились на голосование⁷⁴. Иной раз крестьяне препятствовали проведению официальных мероприятий, участвуя во время, отведенное для собрания, в религиозных обрядах или разнообразных торжествах⁷⁵.

Все эти примеры показывают, что крестьяне, играя на стереотипе темных и необразованных «мужиков», могли сорвать то или иное

собрание, демонстрируя свою мнимую неспособность понять задачи, поставленные советской властью, равно как и следовать им. Эта уловка срабатывала сразу же, а возложить ответственность на кого-либо лишь за то, что крестьяне – такие, какие есть, было достаточно сложно. Представляли ли эти шумные и пьяные беспорядки или «заговор молчания» обычное для крестьянских сходов явление или же реакцию, вызванную страхом и отчаянием, факт остается фактом: эта привычка, или тактика, работала. И работала она к выгоде населения и против советской власти, подтверждая мысль Эрика Хобсбама, что «нежелание понимать – одна из форм классовой борьбы»⁷⁶.

Крестьяне могли занимать на собраниях и достаточно агрессивную позицию, открыто выступая против решений власти. В период первой волны коллективизации, которая пришлась на конец 1929 – начало 1930 г., население смело противостояло представителям власти, пытаясь помешать их действиям и сорвать голосование. В некоторых деревнях они попросту голосовали против любых предложений правительства и наотрез отказывались создавать колхозы⁷⁷. Согласно отчету ОГПУ о проведении собрания в одной из северокавказских деревень, там было принято следующее решение: «В ваш коллектив не пойдем и думать об этом не желаем»⁷⁸. В крымской деревне собрание, посвященное закрытию церкви, закончилось катастрофическим провалом инициативы: на голосовании против 8 голосов «за» прозвучало 218 «против»⁷⁹. В Одесском округе крестьяне почти единогласно, за небольшим исключением, отказались включить группу середняков в списки подлежащих раскулачиванию. В ответ на отказ отдавать голоса «за» или «против» председатель собрания объявил, что в таком случае они также будут раскулачены⁸⁰. В начале 1930 г. жители деревни Новостерovo Юрьевского района Александровского округа Ивановской области на всеобщем сходе отменили постановление, согласно которому предполагалось закрыть церковь и превратить ее в склад⁸¹. В других случаях крестьяне брали на себя инициативу проведения собраний, посвященных вопросам коллективизации, и продвигали там свои собственные решения, в основном предполагавшие отказ от вступления в колхозы⁸². Примеры подобных решений, принятых крестьянами из деревень Средней Волги, дают определенное представление о политической сознательности крестьянства. Так, в поселке Мухменово Алексеевского района Бугурусланского округа члены крестьянской общины постановили: «Линию коммунистической партии и власти по отношению к крестьянским хозяйствам с сплошной коллективизацией и тракторизацией – считать неправильной». В селе Н. Пятино Чембаровского района Пензенского округа было принято следующее решение: «Отметить, что проводимые мероприятия Соввласти не в интересах крестьян-

ства, а в частности нашего села, а потому сплошную коллективизацию отклонить». Собрание в деревне Исакла Бугурусланского округа закончилось решением «отложить вступление в колхоз до 1931 г.», а в Петровском районе Оренбургского округа – «от сплош. коллективизации воздержаться ввиду того, что во многих колхозах нет равенства и порядка, а недостаток в жизни ощущается хуже, чем в индивидуальных хозяйствах»⁸³.

Буквально отовсюду поступали сообщения о срыве крестьянами официальных собраний⁸⁴. В Западной области проведение одного из собраний было прервано криками: «Долой советскую власть!»⁸⁵. На собрании в Бугурусланском районе Средней Волги раздавались крики: «Долой москвичей!.. Долой рабочих!.. Мы и без вас обойдемся!»⁸⁶ Житель деревни Н. Никулино (в том же округе), бывший участник «чапанного восстания»⁸⁷ времен Гражданской войны, требовал от организаторов колхозов официального подтверждения, что они уполномочены проводить собрания. Если же таких документов у них не оказывалось, то собрание однозначно срывалось. Эти примеры показывают успешность использования законных методов в качестве орудия сопротивления. Собрание, проводимое в январе 1930 г. в селе Архангельское Кузнецкого округа на Средней Волге, было закрыто после того, как один из бедняков, по фамилии Сурков, поднялся и сказал: «Вы грабите крестьян и всех кулаков ограбили. Мы при царе жили лучше. Колхозы – это петля. Долой рабство! Да здравствует свобода!» За его речью последовали крики «ура» и возгласы: «Вот так наш Сурков!» Крестьяне заставили партработников, проводивших собрание, выдать Суркову справку о том, что «он выступал правильно», а затем удалились, скандируя: «Долой колхозы!»⁸⁸ Подобные случаи происходили и в других местах. Так, в деревне Александрo-Богдановка Волжского округа на Средней Волге несколько собраний были закрыты из-за крестьян-середняков. Во время одного из них женщина стукнула кулаком по столу председателя и закричала: «Пошли к черту со своими колхозами!»⁸⁹ Жительница деревни в Тагайском районе Ульяновского округа на Средней Волге сорвала собрание схожими криками. В этом же районе жители других деревень прибегали к проверенному способу: они били в набат, что приводило к срыву собрания и всеобщему переполоху⁹⁰. Во многих уголках страны собрания по коллективизации прекращались при криках «Пожар!», «Бейте уполномоченных!» и «Долой Антихриста!»⁹¹. В станице Каневской на Кубани злость населения и нежелание идти на компромисс вынудили организатора попросту сдать. Он сказал пришедшим селянам (используя неформальное обращение на «ты»), что если они не хотят идти в колхозы, то их не заставляют. В ответ раздались возгласы крестьян-

ян, что они покидают собрание, и вскоре все разошлись⁹². Однако в большинстве случаев ни одна из сторон не выказывала желания прийти к «соглашению».

Множество встреч заканчивались насилием или бунтами. Так, в июне 1929 г. в Северо-Западной области во время проведения собрания был избит уполномоченный сельсовета⁹³. Подобный случай произошел и на Украине, в Краматорском районе Артемовского округа, где во время собрания по коллективизации нападению подвергся рабочий, посланный туда организовывать колхоз⁹⁴. В деревне Кротково Сызранского округа на Средней Волге толпа «пьяных подкулачников» вместе с женами заявила на районное собрание, посвященное коллективизации, с криками: «Долой коммунистов, не надо нам колхоза!» Они затеяли драку с организаторами собрания, вынудив тех спасаться бегством⁹⁵. Жительницы села в Бугурусланском округе подняли на собрании шум, стали приставать к секретарю собрания и разорвали его протоколы. Им удалось заставить председателя закрыть собрание, после чего они прошествовали к зданию школы, разбили все окна и пытались спустить красный флаг, попутно запугивая местных активистов⁹⁶. В начале января 1930 г. на собрании в Пензенском округе на Средней Волге около 600 присутствующих крестьян, в основном женщин, принялись скандировать: «Долой бедность!» Сорвав собрание, они затем стали оскорблять организаторов, среди которых был и местный учитель. Учитель и его жена бежали, чтобы укрыться в здании сельсовета, но толпа их настигла. Чтобы остановить неминуемую расправу, председатель сельсовета сделал несколько предупредительных выстрелов в воздух. Они возымели свое действие, но крестьяне продолжали роптать, требуя избрать нового председателя⁹⁷.

Протест населения, какую бы форму он ни принимал – завуалированную и непрямую либо явно оппозиционную и насильственную, – был вызван обоснованным беспокойством крестьян за судьбы их семей, веры и общины. Несомненно, за поведением крестьян на собраниях стояли часы раздумий, жаркие споры и буря эмоций, которые ускользают от взгляда большинства историков. Некоторое представление о политическом мышлении и менталитете деревни может дать протокол собрания, проведенного Калининым 16 февраля 1930 г. с членами колхоза «Октябрьский» в Таловском районе Борисоглебского округа Центрально-Черноземной области. «Всесоюзный староста», как его представляла пропаганда властей, стремился понять причину огромного числа исключений из колхоза. Довольно скоро он оказался между двух огней: руководство колхоза оправдывалось, рядовые колхозники жаловались на несправедливость по отношению к некоторым их соседям. Бедняки поднимают шум по

любому поводу, ответил один из ответственных работников на вопрос Калинина об исключениях, «мы думаем, что не обидели никого». Его прервал голос из зала: «Михаил Иванович, по-моему, кое-кого и обидели. Среди исключенных есть такие, у которых детей много, они сами руководили и организовывали колхоз, а их выгнали по злобе, они не виноваты». Ответственный работник начал оправдываться, что один член колхоза исключен из-за того, что был лишенцем (человеком, лишенным гражданских прав) и ранее, при старом режиме, служил в полиции. Однако тот же голос раздался снова: «Он служил всего 6 месяцев в полиции в 1903 году». Другие крестьяне жаловались, что их заставляли голосовать за списки, не давая возможности их обсудить: «Михаил Иванович, нам товарищи говорят так: верите вы коммунистической партии? Мы говорим: да, верим. А если верите, то вы должны голосовать за этот список!» На что Калинин ответил: «А вы должны на это отвечать так: коммунистической партии мы верим, а список все-таки желаем обсудить». Эта беседа является наглядным примером того, как крестьяне сумели выдвинуть обоснованные аргументы в защиту изгнанных из колхоза односельчан. Хотя разговор внешне носил спонтанный характер, тем не менее критические высказывания не были абсолютно неподготовленными. Критика исходила из общего представления крестьян о справедливости и морали, основанного на их политических убеждениях и менталитете, сформировавшихся задолго до приезда Калинина в это село⁹⁸.

Отчасти эти убеждения возникли и были сформулированы во время тайных собраний совершенно иного рода: тех, что проводились крестьянами для крестьян. Не вызывает сомнений, что во многих случаях «кулацкие и контрреволюционные организации», о которых говорилось выше, в действительности были лишь названием для крестьянских сходов. Часто те проводились в домах, банях, церкви или в ином безопасном и всем известном месте, где сельчане собирались, дабы обсудить будущее общины⁹⁹. Во время избирательной кампании 1928–1929 гг. из всех уголков страны поступали доклады о тайных сходах, на которых шла речь о кандидатах и тактиках¹⁰⁰. Та же ситуация наблюдалась в конце 1929-го и в 1930 г., когда темами таких встреч стали коллективизация и особенно статья Сталина «Головокружение от успехов»¹⁰¹. Жительница хутора Рыбушка Руднянского района Камышинского округа на Нижней Волге, согласно источникам дочь торговца-кулака, организовала тайную женскую встречу у себя дома, где, как сообщается, называла колхозы «работом». После этого собрания она и остальные женщины отправились к сельсовету, где подали заявление о выходе из колхоза¹⁰². В 1930 г. в казацкой станице Екатериноградская Терской области состоялось

тайное собрание крестьян, на котором, по донесениям, сожгли колхозную «доску позора» (черная доска, где помещали список колхозников, показавших плохие результаты работы за определенный период). Спустя несколько дней местная партиячейка приняла решение об аресте тех, кого, по документам, именовали «этими агитаторами и бандитами». Дом, где проводились сходы, был окружен, однако, прежде чем удалось исполнить задуманное, со стороны дома раздались выстрелы. Пострадали и были убиты несколько активистов. После того как дым рассеялся, 23 «белобандита» все же были арестованы¹⁰³. Информация о таких секретных сборищах поступала случайно – от доносчиков или же вытягивалась силой в ходе допросов. Несмотря на скудость свидетельств, представляется вероятным, что такие встречи были нередким явлением. Они давали возможность крестьянам – официально или не совсем – обсудить то, что их ждет, и решить, как нужно действовать, вне зависимости от того, считали ли сами крестьяне их собраниями и носили ли эти планы такой же подрывной характер, как в двух упомянутых примерах. Когда советская власть называла подобные сходы собраниями и вешала на них ярлык «кулацкие» или «контрреволюционные», ее целью было не только подавить оппозиционные настроения, но, главное, лишить крестьян закулисного социального пространства¹⁰⁴, где, скрытая от взоров историков и партийных работников, формировалась культура сопротивления, которую она стремилась искоренить.

Протесты населения, замаскированные искусным притворством или принимавшие форму открыто брошенного вызова, являлись важной составляющей коллективных действий. По всей стране агенты власти вынуждены были прилагать куда больше усилий, чем афишировалось, чтобы контролировать проведение собраний и обеспечить сбор на первый взгляд бессмысленных, но необходимых подписей в поддержку создания колхозов. Их работу можно охарактеризовать разве что как фарс «революции снизу». Недовольство на собраниях выражалось в привычных устных и невербальных формах безопасно-го протеста, который составлял часть культуры сопротивления, основанной на опыте и интуиции крестьян, вынужденных противостоять надвигающейся угрозе и превосходящей силе. Несмотря на безопасность и хитроумность методов, свойственных этой культуре, всячески подавлявшейся властями, выражение протеста было проявлением удивительной храбрости и серьезным политическим шагом. Большой частью эти протесты не выходили за рамки собраний. Однако бывали случаи, когда недовольство выливалось в открытое насилие, которое могло перерасти в более масштабный бунт, «бессмысленный и беспощадный», как его называл великий русский поэт и писатель А. С. Пушкин¹⁰⁵.

«Бессмысленный и беспощадный»

Пушкин представлял его именно таким. Однако крестьянские восстания были какими угодно, только не бессмысленными. Подобно любим другим, народные бунты, прокатившиеся по стране в эпоху коллективизации, обладали сходными характеристиками. Чаще всего это было спонтанное действие без единого руководства. В основе этих выступлений редко лежал только один мотив, однако все они являлись демонстрацией мятежного сознания, которое формировалось на основе схожих политических, экономических и культурных интересов крестьян. Показателями политической подоплеки волнений и в целом политического сознания населения являлись два аспекта. Во-первых – те требования, которые выдвигали участники бунтов: распустить колхоз или воспрепятствовать его организации, вернуть отобранное зерно и скот, освободить кулаков, защитить церкви. Во-вторых, – объекты нападений: партработники, деревенские активисты, правительственные здания и колхозные постройки. Общность интересов крестьянства сводила на нет региональные различия, благодаря чему восстания обнаруживали аналогичный характер, которому соответствовали определенные стиль поведения, набор ролей и сходные цели. Некоторые ритуальные черты и осознанность происходящего не исключали, тем не менее, яростного и взрывного характера бунтов, причины которых коренились в недовольстве, отчаянии и возмущительном произволе властей. Это была крайняя мера, на которую шли крестьяне, угнетенные нескончаемой несправедливостью.

В ходе этих выступлений сформировалась своеобразная манера проявления культуры сопротивления, придававшая всплескам ярости характер обряда, – с определенными ролями их участников и методами достижения целей. Женщины часто брали на себя руководящую роль (особенно это было заметно на начальных стадиях мятежей), тогда как мужчины, иногда вооруженные колющими, косами или вилами, сначала стояли в стороне, грозно наблюдая за происходящим. Они вмешивались только в тот момент, когда начинались столкновения, или иной раз брали на себя руководство, если волнения перерастали в бунты. Большинство волнений начинались без проявления жестокости в отношении представителей советской власти во время собраний или на улицах, когда крестьяне (часто женщины) пытались с помощью слов отстоять свои хозяйства, защитить соседей или церковь. Однако эти стычки стремительно принимали угрожающие масштабы, если должностные лица отвечали презрительным отказом или игнорировали просьбы, относясь как к невежественным и темным «мужикам» и «бабам» – почти как к скоту. Если следовали столкновения и удары, то неизменно

раздавался удар набата, срывая проведение собрания и заставляя всех крестьян покинуть место сбора. «Шумный протест» сопровождался разного рода выкриками, требованиями и призывами положить конец несправедливости. Он начинался, когда крестьяне собирались, например, возле сельсовета (как местного символа власти) либо возле административного здания колхоза или зернохранилища (которые были символами нового порядка). Если и в этом случае требования толпы не получали отклика или – еще хуже – следовал явно агрессивный или провокационный ответ партработников, толпа могла легко перейти грань и потребовать самосуда или расправы (возмездия, чаще всего кровавого) над представителями власти, которые в таких случаях всегда очевидно уступали в численности. Самые умные прятались, поскольку в противном случае могли подвергнуться нападению или преследованию до тех пор, пока не нашли бы безопасного укрытия. В основной массе такие бунты сопровождались больше угрозами, нежели реальным применением силы, и были, скорее, попытками убрать с дороги партработников и местных активистов, которые препятствовали достижению целей мятежа¹⁰⁶. Даже официальные источники ОГПУ отмечали, что в 1930 г. физическое насилие применялось к должностным лицам лишь в 1 616 случаях (что составляет приблизительно 12 % от общего числа бунтов). Из них 147 имели летальный исход, 212 закончились нанесением увечий и 2 796 – побоями¹⁰⁷. Как только администраторы уже не мешали бунтовщикам, последние сразу брали ситуацию в свои руки и действовали соответственно – освобождали арестованных кулаков, возвращали собственность, распускали колхозы и снова открывали церкви. Некоторые бунты сопровождалась политическим вандализмом и уничтожением советской символики – портретов партийных лидеров, а также обыском кабинетов¹⁰⁸. В особых случаях толпа могла взять на себя функции местной власти: выбирала новый сельсовет, а иной раз даже восстанавливала должность деревенского старосты¹⁰⁹. Большинство таких бунтов заканчивались сами собой, когда их цели были достигнуты, а советская власть отступала. По заявлениям ОГПУ, только 993 восстания (или около 7 % от общего числа) были подавлены силами армии, милиции, подразделениями ОГПУ или нерегулярными военными частями, находящимися в распоряжении партии, при этом основная масса таких случаев пришлась на период с февраля по апрель¹¹⁰.

Официальные объяснения подоплеки крестьянских бунтов сводились вместо объективных причин к переложению ответственности за них на кулаков, контрреволюционные силы, темные и невежественные массы, а также на местных начальников, злоупотреблявших властью. Последний фактор имел особое отношение к вспышкам не-

довольства, однако, по сути, становился их причиной лишь постольку, поскольку власти в Москве принимали опрометчивые и репрессивные решения, которые было вынуждено исполнять местное начальство. Коллективизация во всех ее проявлениях подрывала целостность деревни, ставя под угрозу ее единство, культурное наследие и будущее семей. Создание колхозов и принудительные хлебозаготовки напрямую угрожали жизни крестьян. Экспроприация и депортация крестьян, обвиненных в кулачестве, попирали идеалы коллективизма и были наступлением на крестьянскую общину и автономию. Наконец, закрытие церквей и снятие колоколов в буквальном и в не менее значимом переносном смысле било в самое сердце традиционного уклада деревни, по символам культурного единства общины, служившим предметом ее гордости и восхищения. Несмотря на то что в основе процесса коллективизации лежал специфический идеологический аспект коммунизма, беды, которые он нес, в каком-то смысле были «исконными» причинами любого крестьянского восстания, вне зависимости от времени и культурных различий.

Восстания охватили сельскую местность с конца 1920-х гг., когда правительство приняло решение о проведении принудительных хлебозаготовок. В 1928 г. в Сибири произошли 13 бунтов, количество их участников составляло от 15 до 300 чел. Вызвало их в основном недовольство затруднениями с продовольствием и принудительными хлебозаготовками; в нескольких случаях крестьяне отобрали изъятое у них зерно и спалили хранилища¹¹¹. В Бийском округе в Западной Сибири, который в 1930 г. слыл особо беспокойным местом, еще весной 1929 г. было зафиксировано 43 массовых выступления против хлебозаготовок. Около 16 из них, те, в которых число участников превысило 7 000 чел., были признаны масштабными и представляющими опасность¹¹². Те же причины вызвали бунт в середине апреля 1929 г. в селе Михайловское Михайловского района. Там «два дня толпа хозяйничала в селе», настаивая на освобождении арестованных крестьян, избивая председателя комиссии по заготовкам и требуя гарантировать, что никто не понесет наказание за этот бунт. Закончилось все общим собранием, на котором присутствовали около 900 чел. (из них примерно 700 женщин), представивших свои требования, в том числе о прекращении принудительных заготовок и возвращении конфискованного имущества. В соседней деревне Слюдянка 200 крестьян, в основном женщин, которыми предположительно руководил кулак Рубанович, окружили здание сельсовета и стали угрожать поджечь его, требуя прекратить заготовки. Разогнать толпу удалось только отрядам милиции. В тот же период около 100 жителей деревни Абаш в Башелакском районе собрались возле

здания сельсовета, выдвигая те же требования и заявляя: «Мы остаемся без хлеба, нам есть нечего». Они напали на председателя сельсовета, и лишь прибытие уполномоченного окружного исполкома спасло несчастного. Женщины вытащили прибывшего из повозки и намеревались избить и его, но каким-то образом ему удалось угодить толпу¹¹³.

В украинских деревнях Ново-Лазаревка и Ново-Скелеватка Канковского района Криворожского округа причиной бунтов, вспыхнувших в конце ноября 1929 г., стали зверства районных властей. Так, в Ново-Лазаревке власти арестовали 10 чел., выступавших против заготовок зерна, заперли их в заброшенном доме и заколотили двери и окна, чтобы никто не мог передать им еду или питье. Когда мать одного из арестованных заявила, что покончит жизнь самоубийством, если у нее заберут последние запасы хлеба, секретарь райкома партии ответил: «Иди вешайся! Дать ей веревку, пусть повесится... От этого революция не пострадает». Затем он приказал зажечь свет во всех домах на всю ночь, и три ночи никто в деревне не мог спать. Те же партработники в Ново-Скелеватке посадили под арест местных членов комиссии по заготовкам, которые отказались применять силу против своих соседей. После этого они заставили всех жителей провести ночь на морозе, избив их и отобрав у них последнее зерно. Некоторых крестьян вынудили голыми танцевать в подвале под аккомпанемент аккордеона, а те, кто не отдал свои запасы, должны были носить на груди таблички с позорящими их надписями. Тем самым партработники, похоже, применяли заимствованные у крестьян методы самосуда. Бунты, поднявшиеся в ответ на эти действия, были подавлены ОГПУ и отрядами милиции¹¹⁴.

Случаи в Ново-Лазаревке и Ново-Скелеватке вызвали серию выступлений в близлежащих селах, когда слухи о жестокости членов комиссии распространились среди местного населения. Жители целого ряда деревень изгоняли партработников. В Ново-Осиновке крестьяне напали на сборщиков зерна, вынудив тех укрыться в здании сельсовета, где они до вечера сидели взаперти, в то время как толпа снаружи все увеличивалась и достигла 500 чел. В деревне Глушково членам комиссии пришлось спасаться бегством. Спустя несколько дней в район прибыли отряды ОГПУ для проведения массовых арестов. В обеих деревнях толпы крестьян, вооруженные камнями и кольями, атаковали конвоиров, пытаясь освободить своих соседей. В Глушкове крестьянам удалось разоружить и посадить под арест четырех милиционеров. Когда через несколько часов ОГПУ прислало подкрепление, ему противостояла уже толпа в 1 000 чел., вооруженных вилами, кольями, косами и камнями, которая направлялась к деревне, где держали арестованных крестьян. Однако там их встретили

отряды ОГПУ и милиции, разогнавшие мятежников несколькими предупредительными выстрелами¹¹⁵.

Восстания против «чрезвычайных мер» были связаны с угрозой, которую хлебозаготовки несли для жизни крестьян. Принудительное изъятие зерна служило причиной большинства бунтов в период, предшествующий 1930 г., что было особенно заметно в хлебородных регионах, но имелись и другие поводы. Так, в Центрально-Черноземной области из 94 массовых выступлений, зафиксированных в 1929 г., 28 произошли из-за заготовок, 51 – из-за закрытия церквей, 8 – из-за реформы землеустройства и 4 – по причине недовольства коллективизацией¹¹⁶. Весной 1929 г. волна протестов против коллективизации и закрытия церквей прокатилась по Средней Волге. В деревне Делезерка Челновершинского района Бугурусланского округа в ответ на решение о закрытии церкви и организации колхоза около 100 чел., предположительно возглавляемых кулаками и священником, учинили беспорядки, напав на местных членов партии и разгромив здание сельсовета. Несмотря на поднявшуюся панику среди партработников, которые попытались призвать на помощь вооруженные отряды, мятеж закончился с приездом районных представителей власти¹¹⁷. В селе Лебяжье Мелекесского района Ульяновского округа крестьяне, предположительно также под руководством кулаков и членов церковного совета, помешали проведению собрания по вопросам коллективизации. Бунтующая толпа, быстро набравшая несколько тысяч участников, выкрикивала: «Бить надо коммунистов!.. Мало народа, бей в набат!» В том же округе, в мусульманской деревне Енганаево Чердаклинского района, власти решили провести реформу землеустройства в качестве подготовительной меры к организации колхоза. Согласно их планам, несколько сотен зажиточных крестьян подлежали выселению на отдаленные территории. Однако 9 апреля 1929 г., в день открытия в сельсовете пленума по обсуждению реформы, раздался бой набата, который собрал толпу в 500 чел., скандирующих: «Не дадим выселять зажиточных и мулл! Не позволим разъединить нас, бедноту, с богатыми!» Они поколотили нескольких партработников, а на следующий день бунт, насчитывавший уже 1 500 участников, продолжился. Крестьяне пытались воспрепятствовать аресту мулл. На подавление восстания было направлено подразделение из 100 солдат, которые арестовали 13 человек¹¹⁸.

В этот же период восстания охватили несколько татарских поселений, жители которых протестовали против гонений на религию. 21 апреля 1929 г. в деревне Ср. Тигона Спасского округа Татарской республики была закрыта церковь, а 27 апреля группа из 200 крестьян, размахивая белым флагом, сломала замок на ее двери. Они побили местных активистов и бросили в грязь портреты деятелей ком-

мунизма, в том числе Ленина. В конце концов милиции удалось навести порядок. В мае подобное восстание произошло в Рязанской области, в селе Еголдаево: когда бригада рабочих прибыла на место, чтобы закрыть церковь, они были остановлены толпой в 500 чел., большую часть из которых составляли женщины, угрожавшие рабочим ножами и колющими и забрасывавшие их камнями¹¹⁹.

В некоторых местах бунты были вызваны избирательными и налоговыми кампаниями 1928 и 1929 гг.¹²⁰ В сибирской деревне Мамантово Барнаульского округа попытки властей распродать имущество кулаков за неуплату налогов спровоцировали бунт, участники которого вооружились вилами. Похожий случай произошел в другой сибирской деревушке, Корчино, где в результате массовых беспорядков был убит офицер милиции и ранен председатель сельсовета¹²¹. Хотя лихорадка охватила всю страну, наибольший размах она приняла на Северном Кавказе, на Урале, в Сибири и в Ленинградской области, где, согласно подсчетам одного российского исследователя, до 1930 г. происходило больше половины всех массовых выступлений¹²².

Пик восстаний пришелся на первую половину 1930 г., а наиболее опасным стал март месяц. В этот период правительство прибегло к самым жестким репрессивным мерам против крестьянства, которое в ответ подняло всеобщий бунт. Восстания против колхозов были самыми распространенными – они в 1930 г. составляли большинство случаев¹²³. Их целью было либо не допустить организации колхоза, либо распустить уже существующий. Они также могли быть обусловлены конкретными аспектами коллективизации, как, например, обобществлением скота или запасов зерна либо проведением земельной реформы, которая часто предвляла создание колхоза. Однако кампания по коллективизации была взаимосвязана с остальными репрессивными мерами, применявшимися в отношении деревни. Поэтому антиколхозные бунты всегда сочетались с протестами против раскулачивания и закрытия церквей. Масштабы и серьезность крестьянских выступлений вкупе с единством, которое могло проявляться в пределах одной деревни, а иногда – охватывать несколько, в начале марта повергли в растерянность партийное руководство. Несмотря на то что большинство бунтов были небольшими и локальными, многие из выступлений против коллективизации принимали угрожающие масштабы, перерастая в выступления против государства.

По количеству бунтов лидировала Украина: так, только в марте 1930 г. там было зафиксировано 2 945 выступлений, большинство из них весьма крупные: общее число их участников приближалось к миллиону¹²⁴. Уже за первый квартал 1929 г. на Украине ОГПУ зафиксировало 144 случая массовых выступлений. По мере ужесточения хлебозаготовок их число возросло до 116 в августе того же года, 195

в сентябре и 336 в октябре. Пик мятежей пришелся на первую половину 1930 г. К 10 марта восстания охватывали 18 округов (больше 110 районов) страны. Восстание в Тульчинском округе, охватившее 189 селений, официальные источники назвали полной анархией. По всему округу крестьяне блокировали или разрушали здания сельсоветов. В Джулинском районе вооруженная группа местных жителей захватила власть, объявив себя диктаторами района и передав управление общинами старейшинам деревни. После того как мятежники согласились на проведение переговоров с представителями ОГПУ, они были арестованы, что вызвало новую сходку, на сей раз в райцентре – Соболевке, где толпа из 600–700 чел. потребовала освободить арестованных. Однако их попытки провалились. Представители властей открыли по собравшимся огонь, 20 чел. были арестованы. В деревне Горячевка Мясковского района толпа, требовавшая освобождения кулаков и возврата имущества, заставила отступить конный отряд ОГПУ. В выступлениях участвовало около 1 000 чел., впереди шли женщины и дети¹²⁵.

На Украине коллективизация и хлебозаготовки проводились с применением особенно жестоких мер. Сопротивление здесь обострилось из-за национальных различий, усиливавших сплоченность крестьян, особенно когда организаторы колхозов были другой национальности (чаще всего русскими или евреями)¹²⁶. Как указывает историк Валерий Васильев, в нескольких районах Тульчинского округа восстания проходили под лозунгом «Долой советскую власть, да здравствует самостийная Украина!»¹²⁷. Повстанческие лозунги, с которыми шли крестьяне в Бердичевском и Донецком округах, также призывали к независимости Украины¹²⁸. По всей стране крестьяне вставали на защиту своего имущества, соседей и культуры, выступая против ненавистной им политики, демонстрируя недовольство национальным вопросом и ставя цели, беспрецедентные для крестьянских выступлений на территории СССР¹²⁹.

Территории Татарии, Башкирии, Закавказья и других российских регионов объединяли этнические меньшинства, которые также были источником масштабных волнений. Однако по размаху и серьезности восстаний только Средняя Азия могла соперничать с Украиной¹³⁰. Здесь за период с января по март 1930 г. было зафиксировано 249 случаев массовых выступлений. В среднем в каждом из них приняли участие около 400 чел. Эта цифра существенно превышает аналогичный показатель в любом другом регионе, отражая тот факт, что в этой части страны восстания оказались куда более масштабными и хорошо организованными¹³¹, чем в других регионах. Волна недовольства в Средней Азии нашла продолжение в 1931 г. в Узбекистане, где в 164 мятежах приняли участие 13 980 чел., и в Туркмении,

которую в период с марта по август этого года захлестнули бунты басмачей, подавленные в итоге Красной армией¹³². Размах и уровень организации волнений на большей части этой территории отличаются от таковых в других регионах. Вероятно, частично это обусловлено упорством и силой постоянного сопротивления, которое басмачи оказывали Советам еще с 1920-х гг. Здесь жители создавали вооруженные отряды, которые противостояли Красной армии, и многие районные центры находились в постоянной боевой готовности¹³³. Официальные источники незамедлительно окрестили бунт в Средней Азии «басмачеством», «контрреволюцией, вдохновленной баями», и бандитизмом. Это была попытка делегитимизировать гражданскую войну внутри войны – ту, что вспыхнула из-за расовой ненависти, усиленной коллективизацией¹³⁴.

Масштабы крестьянских бунтов часто находились в прямой зависимости от близости к границе¹³⁵. Так, в Белоруссии общее число массовых выступлений было относительно невелико, однако их интенсивность и концентрация в приграничных районах с лихвой компенсировали эти низкие показатели. По заявлениям официальных лиц, здесь бунтовщики часто имели связи с зарубежными контрреволюционерами, чаще всего с родственниками, которые жили в приграничных поселениях¹³⁶. Массовые волнения захлестнули страну. В деревне Лясковичи, расположенной в 35–40 верстах от границы, в Петровском районе Мозырского округа, восстание крестьян началось 7 марта. Они напали на нескольких уполномоченных и местных начальников, воспрепятствовали отправке в ссылку кулаков. Крестьяне также смогли отразить атаку милицейского отряда из 15 чел. Два дня спустя на место прибыло подразделение пограничных войск с двумя легкими пулеметами. Толпа продолжала попытки остановить высылку, кидаясь кольями и камнями в ответ на предупредительные выстрелы со стороны военных. Разогнать их удалось только вторым залпом, в результате которого пострадали трое жителей деревни. Впоследствии было арестовано 12 участников бунта, один человек был убит, а некоторые «при попытке к бегству» получили серьезные ранения¹³⁷.

Самые крупные и серьезные бунты в Белоруссии прошли на территории Могилев-Подольского округа. Здесь с 10 по 22 марта по деревням прокатилась волна «кулацких восстаний», которые местные называли «волынками». Большинство их участников составляли женщины. Были закрыты сельсоветы и в ряде мест свергнута советская власть. В этом регионе к началу марта коллективизация охватывала до 56 % хозяйств, а в отдельных районах этот уровень достигал 90 %. Восстание началось в Шаргородском районе, где тысячи крестьян атаковали и разрушили здание райисполкома. Отсюда по-

сланники народного мятежа разъехались по деревням, призывая жителей отстаивать свое имущество и уйти из колхозов. В каждой деревне они говорили, что соседнее селение уже присоединилось к восстанию. Согласно официальным отчетам о ходе бунта, в некоторых случаях жители этого небогатого землями района отказывались поддержать восставших и, опасаясь, что их деревни могут сжечь, создавали оборонительные отряды. На официальном собрании в деревне Котюжаны один из крестьян по фамилии Липа призывал жителей к восстанию. На следующий день власти попытались арестовать Липу, однако на его защиту встали деревенские женщины, которые выгнали милицию из деревни. Восстания сотрясали все районные центры округа; некоторые мятежникам даже удалось захватить. В конце концов власти восстановили порядок. Однако источники умалчивают о том, как это было сделано¹³⁸.

Самое большое количество массовых выступлений произошло в России, которая является основным объектом исследования в данной работе. Это неудивительно, поскольку именно Россия была самой большой республикой страны. Наиболее масштабные и серьезные бунты происходили в главных житницах страны – на Северном Кавказе, Средней и Нижней Волге. Этим регионам отводился приоритет в планах правительства – здесь сплошную коллективизацию планировалось завершить к осени 1930 г. либо, самое позднее, к весне 1931 г., – и именно они в полной мере ощутили на себе всю тяжесть молота государственных репрессий.

Приволжские районы были традиционным местом народных волнений еще со времен Болотникова, Разина и Пугачева. Здесь бунты вспыхивали как на протяжении революционных событий 1905 и 1917 гг., так и в эпоху коллективизации. Уже осенью 1929 г. – в решающий период кампании по коллективизации Нижнего Поволжья – в этом важном регионе – производителе зерна произошло более 100 восстаний. Здесь процент дворов, вошедших в колхозы, с 5,9 % в июне вырос до 18 % в октябре; особенно высокие показатели были зафиксированы в тех районах, которые власти наметили для сплошной коллективизации¹³⁹. В начале 1930 г. количество массовых выступлений здесь увеличилось и продолжало расти после мартовского отступления коллективизации – с 203 случаев в марте до 208 в апреле и 254 в мае¹⁴⁰. В Среднем Поволжье приблизительно в 662 восстаниях (из 777, в целом зафиксированных в регионе) приняли участие более 140 383 крестьян¹⁴¹.

В деревне Черепеха Сердобского района Средней Волги, недалеко от Пензы, попытка властей выслать кулаков из деревни привела к вспышке недовольства, которую официальные источники именовали «свалкой». В результате 8 представителей местных властей были

убиты¹⁴². В селе Русские Самарского района Самарского округа в ночь на 13 января крестьяне провели собрание для обсуждения планов по роспуску колхоза. Когда от властей поступило требование разойтись по домам, собравшиеся ответили отказом. Они подняли всю деревню и собрали толпу, которая выкрикивала: «Давайте сделаем самосуд! Давайте сделаем восстание!»¹⁴³ 24 марта в деревне Н. Выселки Ачадовского района произошло восстание, в котором приняли участие около 1 500 чел. Началось все с набата. Собравшись, жители потребовали от членов сельсовета вернуть крестьянам все обобществленное имущество, а кулакам – все у них конфискованное. Кроме того, крестьяне требовали выдать им двух активистов, которые заслужили особую ненависть жителей деревни тем, что «среди крестьян вводят смуту». Когда им отказали, толпа направилась к зданию школы колхозной молодежи, которое женщины, бывшие среди восставших, подвергли обыску. Затем крестьяне бесцеремонно вышвырнули бедняков из домов, конфискованных у кулаков, и вернули их бывшим владельцам. По данным официальных источников, бунт закончился, когда были устранены его зачинщики и проведена «разъяснительная работа» (эвфемизм с неясным, но довольно зловещим смыслом)¹⁴⁴. Жители деревни Шакино Хоперского округа Нижней Волги решили не допустить ссылку кулаков; женщины окружили телегу, в которой их везли, а сами приговоренные отказывались покидать деревню. В общей суматохе несколько кулаков сбежали, и власти были вынуждены прислать подкрепление¹⁴⁵.

Одно из самых значительных восстаний на территории Нижнего Поволжья произошло 22 февраля 1930 г. в деревне Началово Астраханской области. В тот день в 6 часов вечера ударил набат, и к зданию сельсовета с двух сторон стали подступать жители. Толпа была организована типичным образом – впереди шли дети, за ними женщины, а мужское население замыкало шествие, что, вероятно, должно было продемонстрировать мирный характер протеста. В шествии приняли участие около 700 чел., притом что всего в деревне было 980 дворов. По материалам одного из отчетов с места событий, крестьяне обрезали телефонные провода, а многие из участников находились в нетрезвом состоянии. Некоторые были вооружены – двое кулаков прихватили охотничьи ружья, а остальные несли с собой разные тупые предметы. По мере приближения толпы, впереди которой шли дети, со стороны здания раздались выстрелы – власти забаррикадировались в нем, как только услышали набат. Выстрелы превратили то, что задумывалось, как мирная демонстрация, в жестокий мятеж. Крестьяне атаковали здание, ворвались внутрь и захватили партработников, пытавшихся спастись бегством. По данным отчетов, у них быстро закончились патроны. Именно в этом бунте были убиты

некоторые члены партии, которых линчевали или забили тупыми предметами. Всего за период восстания в деревне погибли 6 или 8 партработников и активистов. Первым известие о бунте дошло до соседнего колхоза, который тут же отрядил 12 чел., вооруженных ружьями. Из Астрахани были посланы 8 партийцев и дополнительные отряды милиции. Долог и неизвестно, как закончился мятеж, однако предполагается, что он завершился самосудом еще до того, как подоспело подкрепление. Так или иначе, 22 числа были арестованы 127 чел., 13 из них отправлены в Астрахань. На следующий день были задержаны еще 113 чел. – 105 мужчин и 8 женщин, среди них 78 кулаков, 11 середняков, 21 бедняк, 1 батрак и 1 колхозник. Еще 20 мятежников укрылись в лесах. Количество арестов было столь велико, что специальная окружная комиссия по раскулачиванию потребовала освободить милицейские казармы, чтобы держать в них арестованных. Как только бунт был подавлен и произведены все задержания, власти распорядились снять церковный колокол и наспех похоронить убитых. К середине марта было принято решение организовать специальный детский дом для детей, оставшихся сиротами в результате происшедшего.

Бунт в деревне Началово стал весьма значительным событием в глазах секретаря Нижневолжского крайкома партии Шеболдаева, который тут же написал Сталину отчет о случившемся. Шеболдаев отдал приказ не сообщать о мятеже в газеты, а всех убитых похоронить быстро и без церемоний, во избежание новых волнений. Причины восстания, как и в большинстве случаев подобного рода, были отнесены к злоупотреблению властью со стороны местного начальства. В самой деревне без обсуждений закрыли церковь и арестовали священника без всяких консультаций с населением. Кроме того, что весьма важно, выявление и экспроприация кулаков спровоцировали сильнейший всплеск гнева местных жителей. Местные власти подвергли раскулачиванию 26 семей. Их выселили из домов и отправили в ближайшие свободные здания – избы-читальни и другие места, где они должны были дожидаться ссылки. Задержка между экспроприацией и депортацией, часто служившая поводом к восстанию, дала крестьянам время, которое они использовали, чтобы попытаться спасти своих соседей. Согласно материалам расследования, этот бунт был спланирован в ночь с 21 на 22 февраля и достаточно хорошо организован. Данное заключение не представляется таким уж маловероятным, однако оно точно не согласуется с донесениями о том, что участники были пьяны, и должно расцениваться как еще одно подтверждение наклонности советских чиновников повсюду видеть заговоры. Всего, по разным оценкам, было убито от 6 до 8 чел. и еще 8 ранены – по официальным данным, большинство жертв при-

надлежали к правительственной стороне. Депортацию раскулаченных, ставшую главным поводом для бунта, не проводили вплоть до начала апреля 1930 г. – возможно, памятуя о восстании¹⁴⁶.

За событиями в Началове в середине марта 1930 г. последовали несколько масштабных бунтов в окрестностях Астрахани, затронувших Красноярский и Енотаевский районы. В деревне Барановка Красноярского района в воздухе повисла угроза расправы над коммунистами и бедняками. Власти докладывали об уличных сходах, на которых обсуждались реабилитация кулаков и самосуд над бедной. Сообщалось, что одним из организаторов планируемого бунта (который, похоже, так и не состоялся) является освобожденный кулак. Прибывший на место вооруженный отряд произвел серию предупредительных арестов с целью предотвратить нарастание волнений и не допустить распространения на эту деревню более серьезного бунта, произошедшего в Енотаевском районе¹⁴⁷. Там в середине марта в ответ на ссылку кулаков по ряду поселений прокатилась волна массовых выступлений. 14 марта толпа из 3 000 крестьян захватила деревню Владимировка. На собрании они потребовали вернуть все отнятое имущество кулакам, восстановить их права, раскулачить и изгнать членов колхозной бригады, выполнявших постановления властей, и разделить запасы посевного зерна. После собрания крестьяне провели обыск бригадирских кабинетов и выгнали всех членов партии и бригадиров из деревни, осыпая их градом камней. В соседней Енотаевке в ночь на 20 марта были выселены 8 кулаков, а утром ударил набат. Собралась толпа, вооруженная ружьями и револьверами; крестьяне требовали освободить кулаков и отказывались расходиться до тех пор, пока в воздух не дали ружейный залп. В то же время во Владимировку вступил вооруженный отряд с целью устранения «антисоветского элемента». Жители деревни начали стрелять по прибывшим, вынудив их бежать в Енотаевку. Тамошние мятежники не дали членам отряда послать за подкреплением, в то время как из Николаевки туда шли группы восставших, чтобы присоединиться к бунту. Телеграфная и телефонная связь с Астраханью была прервана, а прибытие правительственного подкрепления затруднялось плохим состоянием дорог и необходимостью пересечь Волгу. Въезды во Владимировку и Николаевку контролировались восставшими. Отряд, который находился в Енотаевке, оказался отрезанным от путей к спасению. Жители Владимировки вырыли рвы вокруг деревни и соорудили укрепления. На следующий день мятежники, вооруженные, согласно отчетам, ружьями и имевшие при себе большой запас патронов, подступили к осажденной Енотаевке. Ожидая подкрепления из калмыцких степей, они остановились в двух километрах от деревни, однако вскоре начался бой между бунтовщиками и отрядами

ОГПУ, к которым позднее прибыли подкрепления, после чего повстанцы потерпели поражение. Как сообщается в отчетах ОГПУ, восстание возглавляла «контрреволюционная повстанческая группа», в рядах которой было «значительное количество» середняков и бедноты¹⁴⁸.

Массовые беспорядки случались и в Республике немцев Поволжья. В период с конца декабря до второй половины января восстания с участием от 200 до 250 чел. охватили более 20 поселений. В семи населенных пунктах во Франкском и Каменском округах бунты продолжались от 7 до 10 дней. В Нижневолжском крайкоме пришли к выводу, что синхронность бунтов свидетельствует о наличии «единого центра» управления «движением». Коллективизация проводилась с особенной жестокостью в тех районах, где проживали этнические меньшинства и где национальные разногласия, несомненно, усиливали напряжение. Особенно это касалось аккуратных и зачастую преуспевающих немецких поселений – коммунисты, преимущественно русские, считали немецких фермеров кулаками. Согласно официальным источникам, в этих поселениях закрытие церквей и снятие колоколов проходили в форме «социалистического соревнования». В результате этих мероприятий по региону прокатилась волна массовых выступлений, в которых участвовало в основном женское население. Крестьянки требовали восстановить права кулаков, открыть церкви, положить конец обобществлению домашнего скота и провести перевыборы в сельсоветы. Кроме того, наблюдался массовый уход из колхозов. Причиной этих беспорядков чиновники из крайкома партии называли сочетание таких факторов, как перегибы со стороны местного руководства, единство крестьян, основанное на общей религии и верованиях, а также прочный авторитет, которым в местной общине обладали зажиточные крестьяне¹⁴⁹.

Еще одним ключевым регионом крестьянских волнений был Северный Кавказ – местность, где жили казаки и непокорные этнические меньшинства. Здесь в бунтах приняли участие более 227 000 чел.¹⁵⁰ Многие массовые выступления были довольно крупными и хорошо подготовленными. В середине января 1930 г. масштабный бунт потряс северокавказскую станицу Темиргоевская в Курганском районе Армавирского округа. К тому времени здесь около 76 % дворов состояли в колхозе. 10 января крестьяне, по большей части женщины, недовольные обобществлением молочных коров, сорвали проведение собрания, посвященного коллективизации. В последующие два дня по всей деревне собирались неофициальные сходы крестьян. Местным членам партии и комсомола было отказано в праве голоса, и были приняты решения о роспуске колхоза и о возвращении средств производства владельцам. 13 января для проведения собрания по предстоящей посевной кампании в станицу прибыли чиновники

высшего уровня из райкома партии. Провести собрание им не удалось – более того, были попытки избить председателя сельсовета. В тот же день на улицах появились плакаты, призывающие захватить власть. На следующий день крестьяне снова собрались возле сельсовета, чтобы продолжить свои ежедневные «заседания». Местные партработники попытались помешать этому, аргументируя отказ тем, что они уже проголосовали против организации колхоза, однако собравшиеся настаивали на проведении собрания. Получив «категорический» отказ, крестьяне окружили местных активистов, намереваясь избить их. В этот момент прозвучал колокол, и в считанные минуты толпа, насчитывающая от 5 до 6 тыс. чел., собралась на центральной площади. Вскоре прибыла кавалерийская бригада из 23 эскадронов, однако их окружили собравшиеся жители деревни. Ситуация зашла в тупик. Наконец, было принято решение начать переговоры между представителями власти и группой переговорщиков от лица повстанцев, состоявшей из бывших партизан и бедняков. Было организовано новое официальное собрание, в ходе которого, как сообщается, бунтовщики признали свои ошибки. Позднее, когда поползли слухи о восстаниях в других поселениях, в ночи раздались одиночные выстрелы, и повстанцы разослали гонцов в соседние деревни, чтобы сообщить о том, что случилось у них за неделю¹⁵¹.

Одним из самых масштабных и опасных случаев мятежа на Северном Кавказе стал Сальский бунт, который вспыхнул в начале февраля в деревне Екатериновка Воронцово-Николаевского района Сальского округа. Его причинами стали раскулачивание и обобществление имущества. По разным данным, от нескольких сотен до нескольких тысяч человек собрались в Екатериновке, требуя освободить арестованных кулаков и вернуть отобранную собственность. Когда их требования были проигнорированы, толпа крестьян ворвалась в здание сельсовета, где хранилось конфискованное имущество. К ним присоединились несколько партработников и комсомольцев. На второй день бунта новости о происходящем в Екатериновке дошли до соседних деревень, породив целую серию выступлений. На хуторе В. Князенково 450 крестьян протестовали против депортации кулаков, напад на местных партработников и попытавшись выручить соседей. В то же время группа женщин попыталась освободить еще четырех кулаков, арестованных ранее. Это заставило чиновников спрятаться в здании сельсовета, а через некоторое время на помощь жительницам хутора подоспели женщины из соседних селений – Павловки, Пудового и Петропавловки. Согласно официальным заключениям, бунт стремительно перерос из антиколлективизационного в антисоветский. Звучали лозунги «Даешь советскую власть без коммунистов и колхозов!», а в нескольких поселениях крестьяне

избрали комиссии, задачами которых были роспуск партийных ячеек и возвращение конфискованного имущества. Это свидетельствовало, что восставшие имели четкое представление об административных и политических вопросах. Бунт продолжался 6 дней и представлял собой столь существенную угрозу, что в городе Сальск было объявлено военное положение, членам партии и комсомола раздали оружие, стали разрабатываться планы по обороне города. В итоге бунт был подавлен силами партии и Красной армии. При анализе причин произошедшего вина была возложена на кулаков и на перегибы местных властей. Это не соответствовало истинным причинам, однако прекрасно соотносилось с мнением, принятым в Москве, и коммунистической логикой, основанной на идее централизации. Как и во многих других случаях, большинство раскулаченных оставались на месте в ожидании ссылки, в связи с чем, по официальному мнению, они имели возможность вести антисоветскую пропаганду. К тому же местные власти обвинялись в перегибах, нарушении классовой линии (под чем теоретически подразумевались незаконные репрессии в отношении бедноты и середнячества) и «административных тенденциях», «бюрократизме». В результате шестерых председателей сельсоветов арестовали, а ряд сельсоветов распустили. Истинной же причиной, несомненно, была политика центра, вне зависимости от обычной жестокости партийных и советских работников на местах. Кстати, необходимо помнить, что некоторые из них (вероятнее всего, местные жители) вступили в ряды сопротивления. Кроме того, как минимум с осени 1929 г. в Сальском округе происходили серьезные народные волнения, во время которых, в ответ на принудительные хлебозаготовки и коллективизацию, в округе было забито или распродано по частям от 30 до 60 % домашнего скота и около 70 % тяглового скота¹⁵².

Особенно беспокойной областью Северного Кавказа был Дон, где проживало многочисленное и независимое казачество. Как сообщают официальные документы, большую роль в разжигании массовых беспорядков играли бывшие партизаны – участники Гражданской войны¹⁵³. 9 марта вспыхнуло восстание в станице Ивановская Славянского района. Жительницы станицы, в количестве 200 чел., решили вернуть отобранный у них ранее скот, попутно поколотив конюха. К тому моменту, когда группа дошла до центра станицы, она насчитывала уже 1 000 чел. Несколько колхозников попытались остановить толпу, однако были встречены ружейными выстрелами. Затем началась свалка, в результате которой обе стороны потеряли несколько человек убитыми и около пятидесяти ранеными. Вскоре группе представителей колхоза удалось разогнать митингующих с помощью выстрелов. Те бежали, а колхозники преследовали их до тех пор,

пока они не укрылись в домах. В тот же вечер сельсовет созвал жителей на общее собрание, посвященное предстоящим пахотным работам. На следующее утро, в ответ на проведение собрания, женщины из другой части станицы забрали своих лошадей. Завершились эти беспорядки «изъятием контрреволюционного элемента» и «разъяснительной работой»¹⁵⁴.

25 марта в станице Александровская Ново-Черкасского района Северного Кавказа толпа из 500 женщин, предположительно возглавляемая кулаками и «белогвардейцами», потребовала вернуть им посевное зерно. Власти попытались было их переубедить, однако это лишь усилило недовольство жителей, которые стали требовать самосуда над председателем сельсовета. Когда тот сумел спрятаться от негодующей толпы, гнев народа обрушился на других должностных лиц и местных активистов, которых подвергли избиениям. Нескольким удалось выбраться из станицы, остальные поспешили спрятаться. Успокоить толпу смог только прибывший на место конный милицкий отряд. На следующий день возле сельсовета собралось уже более 600 жителей станицы, выдвинувших новые требования. Как сообщали источники ОГПУ, они были уже готовы начать погромы. Толпа закидала камнями отряды милиции и вооружилась кольями, вытащив их из ближайшего забора. Прибывший отряд ОГПУ лишь еще больше разозлил бунтующих, в результате чего нескольких солдат просто стащили с лошадей. В целях локализации бунта были привлечены рабочие и партийцы из близлежащих городов. Для разгона толпы потребовались дополнительные силы ОГПУ. На следующий день зачинщики бунта были арестованы¹⁵⁵.

В Сибири, в благоприятных для земледелия районах, крестьяне были менее всего заинтересованы в нарушении привычного уклада. На этих обширных и неосвоенных территориях восстания были частым явлением. С января по март 1930 г. здесь зафиксировано 65 мятежей и 153 случая массовых выступлений. Как сообщает ОГПУ, некоторые из них приобрели массовый размах¹⁵⁶. В Сибири, как и на Нижней Волге, после марта последовал некоторый рост количества выступлений: со 121 случая в марте до 124 в апреле и 254 в мае¹⁵⁷.

В конце января в Индерском районе Новосибирского округа в ответ на раскулачивание произошел ряд массовых «волынок». Во время операции по обыску и конфискации имущества кулаков в селе Комарье, которая проводилась 27 января, 500 чел. выступили с требованием проведения собрания. Слышались крики: «Вон районных и окружных работников!» Уполномоченные созвали заседание и зачитали крестьянам официальные отчеты. Жители выслушали выступавших, а затем сказали: «Вы кончили, теперь мы будем говорить. Долой коммунистов, долой трактора!» На следующий день возле

здания сельсовета требования вернуть все отобранное имущество звучали снова. Такие же случаи протестов, в которых участвовали преимущественно женщины, произошли в деревнях Озерки и Индер. А в Согорном подобная волынка продолжалась три дня (с 28 по 30 января), из-за чего были закрыты все местные учреждения, включая школу и магазин. Прибывшие в деревню представители районных органов власти попытались утихомирить жителей и организовали собрание, на которое пришли около 600 чел. (в основном женщины). Во время собрания жители требовали восстановить в правах раскулаченных крестьян, вернуть изъятое имущество, а также изгнать из деревни активистов и бедняков. Напряжение росло, и несколько активистов из бедняков подверглись нападению. Это заставило чиновников выдвинуть предложение создать комиссию, куда планировалось включить и тех, кто участвовал в «волынке», для рассмотрения жалоб жителей деревни. Предложение раскололо оппозицию, и после ареста примерно семи человек и бегства трех кулаков порядок был восстановлен¹⁵⁸.

Сообщения о серьезных выступлениях поступали и из Усть-Карийского района малонаселенной Восточной Сибири. Здесь во время крестьянского восстания были убиты 19 представителей власти. Масштабные бунты случались и в Муромцевском районе Барабинского округа Западной Сибири¹⁵⁹. 2 марта в селах Кондратьевское, Тармакла, Лисино и Кокшенево начался общий протест против ссылки кулаков, в котором приняли участие около 1 000 чел. Поднявшиеся крестьяне были в основном вооружены вилами, некоторые – охотничьими ружьями. Бунтовщики окружили отряд конвоиров, сопровождавший арестованных кулаков. Они также учинили беспорядки в колхозе и напали на местных активистов. Завершением бунта стало шествие с иконами. Согласно отчетам ОГПУ, организационный центр восстания располагался в селе Кондратьевское. По некоторым данным, районный центр Муромцево даже был захвачен крестьянами. Вероятно, жители мятежного Кондратьевского посылали гонцов в другие населенные пункты с целью получить поддержку и оружие. Восстание было подавлено только 6 марта¹⁶⁰. Один из бедняков, который из страха за свою жизнь пожелал остаться неизвестным, 26 марта написал Сталину письмо. В нем он сообщал, что причиной бунта стало чрезвычайно жестокое применение силы прибывшими уполномоченными и местными партработниками в процессе строительства колхоза. Крестьянин писал, что любой, кто отказывался вступить в него, будь он бедняком или середняком, сразу объявлялся кулаком и отправлялся в ссылку. Это и привело к «поголовному восстанию» жителей всех деревень. По его словам, в Кондратьевском были убиты 6 человек, а в поселке Разино – 50 жителей. В конце послания

автор просил немедленно прислать «из центра людей, преданных Ленину», чтобы они расследовали случившееся, и жалобно умолял: «Пожалуйста, войдите в это дело»¹⁶¹.

Особенно сильно от крестьянских волнений пострадал Уч-Пристанский район Бийского округа Алтайского края. В этом округе было неспокойно с 1929 г., население постоянно бунтовало из-за кампаний по хлебозаготовкам¹⁶². 9 марта 1930 г. здесь вспыхнуло вооруженное восстание, которое охватило четверть всей территории района. Само собой, официальные источники окрестили это «кулацким бунтом», несмотря на то что, согласно статистическим данным, 38 % из этих «кулаков» были середняками, а 24 % – бедняками. Сообщалось, что в планы мятежников входил захват всех районных центров Сибири. Кроме того, у них якобы имелся список лиц, подлежащих расстрелу. В ходе восстания значительное количество членов районной парторганизации и комсомола были арестованы, а 9 или 10 чел. – убиты. Мятежники захватили райцентр, завладели складом оружия, расположенным в здании школы, проникли в отделение милиции и освободили заключенных Уч-Пристанской тюрьмы. Согласно данным недавно опубликованных архивов, одним из зачинщиков бунта был районный уполномоченный ОГПУ, некий Добытин. С группой приспешников он устранил тюремную охрану и освободил из камер арестованных кулаков. Во время бунта 8 местных активистов были разоружены и посажены под замок, еще 9 чел., оказавшие сопротивление, застрелены. Со склада восставшие забрали около 140 ружей. Добытин собрал «банду» примерно в 400 чел. из числа «кулаков и антисоветских элементов» и выступил в направлении Ойротской области. Серьезность ситуации заставила представителей власти ввести военное положение в районном центре и расставить в ключевых точках города вооруженную охрану. Источники умалчивают о дальнейшем развитии событий. Встречается лишь краткое, очень упрощенное сообщение, что вскоре на место были посланы военные подразделения и восстание было быстро подавлено¹⁶³. Похоже, бунт в Сибири, особенно в ее восточной части, был очень жестоким. Кроме того, организационно и коммуникационно он не ограничивался масштабами одной деревни.

Самой проблемной в Российской республике была Центрально-Черноземная область. Несмотря на то что, согласно планам, осуществление сплошной коллективизации на этой территории было намечено на осень 1931 или, в крайнем случае, на весну 1932 г., население области пережило ужасные зверства и испытало на себе ошеломляющие темпы процесса уже в январе–марте 1930 г.¹⁶⁴ Выступления здесь приобретали значительный размах: среднее количество участников в каждом случае составляло порядка 300 чел.¹⁶⁵ Уже в 1929 г.

произошло 94 бунта, в которых в целом приняли участие 33 221 чел.¹⁶⁶ В 1930 г. число массовых выступлений взлетело до 1 373¹⁶⁷. В одном только неспокойном Острогужском округе в период с 12 января по 14 февраля зафиксировано 16 случаев массовых выступлений, в которых участвовали 17 000 чел. В столь же нестабильном Козловском округе к концу марта 1930 г. крестьянское восстание охватило порядка 54 населенных пунктов и насчитывало 20 000 участников. В отдельных частях Центрально-Черноземной области количество бунтующих порой достигало 2 000 чел.¹⁶⁸ Деревни здесь были достаточно большими, а их население в целом однородным как в социальном, так и в экономическом отношении, что повышало вероятность участия в восстании всех жителей. Кроме того, сравнительно высокая плотность населения позволяла поддерживать тесный контакт между мятежными деревнями¹⁶⁹.

Как утверждает Варейкис, многие выступления носили «полуповстанческий характер». По его мнению, подготовка таких восстаний осуществлялась заранее некими организаторами, которые направляли крестьян, вооруженных вилами, топорами, кольями, а иногда – обрезками и охотничьими ружьями¹⁷⁰. Так, 30 марта 1930 г. в деревне Липовка Лосевского района Россошанского округа начался бунт, который был охарактеризован как восстание под предводительством «контрреволюционных элементов деревни». Мятежники изгнали местных чиновников и выбрали собственного старосту. В соседние поселения были посланы гонцы, вокруг деревни выставили охрану, а колокольня местной церкви стала наблюдательным пунктом. Прибывший отряд сил ОГПУ был встречен толпой из 1 000 чел., которые, как сообщается в отчетах, быстро «рассредоточились» и открыли огонь по военным. Перестрелка, приведшая к гибели 18 местных жителей, продолжалась в течение часа; в итоге крестьяне были вынуждены отступить¹⁷¹. В деревне Правая Хава 31 марта несколько сотен бунтовщиков отобрали изъятое у них зерно и разрушили здание колхозного правления. На следующий день для усмирения жителей прибыл отряд ОГПУ из 45 чел., однако им навстречу вышла разъяренная толпа, к которой уже присоединились недовольные из соседних деревень. Когда же прибыли подразделения Красной армии, жители окружили их, угрожая разоружением и расправой. Толпа разошлась лишь после того, как военные дали оружейный залп, в результате чего пять человек погибли и трое получили ранения¹⁷².

Особо опасный бунт, охвативший впоследствии 4 деревни, начался в конце марта 1930 г. в деревне Гридасовая Курского округа; ее жители встали на защиту кулаков, которых должны были отправить в ссылку. Когда вооруженный конвой попытался вывести арестованных из деревни, крестьяне окружили их, препятствуя движению.

В этот момент в конфликт вмешались 30 «коммунаров» из местного колхоза, они выступили на стороне властей, чем только усилили напряжение. Раздался звук набата, и на место событий со всех сторон стали стекаться толпы людей, вооруженных вилами, колыями и дробовиками. Наступление крестьян обратило коммунаров в бегство, однако некоторые из них, стремясь удержать толпу от преследования, стали стрелять в воздух. К этому времени на помощь жителям подоспели группы из трех близлежащих поселений. Мятежники ворвались в здание сельсовета, расправились с уполномоченным и ранили одного из активистов. Узнав об этом инциденте, власти Курска отправили на место отряд из 120 чел. Однако с их прибытием бунт вспыхнул с новой силой, и, как описывают источники, «начался настоящий бой». Вскоре мятеж подавили. Три человека были убиты, остальные ранены или спаслись бегством. 60 чел. были арестованы еще до того, как над полем битвы развеялся дым¹⁷³.

Московская область, являвшаяся потребителем зерновой продукции, в начале 1930 г. также столкнулась с особенной жестокостью властей во время стремительного процесса коллективизации¹⁷⁴. Здесь уже за первые три квартала 1929 г. зафиксировано 2 198 «сельских выступлений», а с января по апрель 1930 г. более 500 «групповых и массовых антиколхозных выступлений». Основная их часть пришла на Рязанский и Бежецкий округа¹⁷⁵. Как и в Центрально-Черноземной области, социальная дифференциация населения деревни была здесь минимальной, вероятно, благодаря этому количество участников некоторых бунтов относительно велико (около 228 чел. – число, соизмеримое со средним населением одной деревни в области)¹⁷⁶. Как сообщается в одном из современных российских исследований, «крестьянское движение» захватило 5 районов Московской области, и для его подавления потребовалось участие войск Красной армии¹⁷⁷.

В феврале–марте 1930 г. несколько крупных выступлений произошли в Рязанском округе. 22 февраля в деревне Веряево Пителинского района началось восстание, вызванное обобществлением скота, принудительными обысками и другими перегибами. Крестьяне изгнали из деревни уполномоченных, а некоторые даже продолжали преследовать их до соседней деревни Гридино. Оставшиеся жители требовали возврата своего имущества, после чего устроили обыск в здании сельсовета и начали охоту на местных активистов. К вечеру мятеж пошел на спад, крестьяне выставили караульных вокруг деревни. Тем временем в Гридине изгнанных чиновников ждал гнев не только тех, кто гнался за ними из Веряева: местные жители также вышли на улицы, откликнувшись на удары набата. Затем гонцы из Веряева направились в другие села, чтобы завербовать новых сторонников. К концу дня уже несколько населенных пунктов были охва-

чены восстанием. В Андреевке сформировали крестьянское ополчение, которое под черным флагом направилось напрямик в Гридино. На следующий день на место прибыли городские отряды с целью подавления бунта. Веряево встретило их гробовой тишиной. Однако вскоре стали собираться жительницы деревни, которые намеревались препятствовать продвижению отрядов. Когда же раздался выстрел в воздух, которые должны были напугать женщин, зазвонил колокол, и на улицы высыпала вся деревня. Сельчане требовали прекратить пальбу или убраться. Тот же прием городским формированиям оказали и в других селах. В последующие несколько дней наступило затишье, после того как крестьяне обещали не прибегать к набату. Однако под маской внешнего спокойствия кипели настоящие страсти¹⁷⁸. Чуть позже, в начале марта, восстание в этом районе вспыхнуло вновь. Подобно многим случаям такого рода, изначально этот бунт имел локальный характер, однако вызвал цепную реакцию: такие же мятежи вспыхивали в тех деревнях, где слухи об этих событиях возвращали людям надежду, которая не умирала, несмотря на все невзгоды. Повстанцы обрывали телефонные и телеграфные провода, лишая чиновников возможности связаться с Рязанью. В краткосрочном плане эти бунты имели один положительный результат – крестьяне использовали момент, чтобы временно подорвать деятельность колхозов, которые один за другим оказывались под угрозой распада¹⁷⁹.

Крестьянские бунты 1929–1930 гг. оказали существенное влияние на выработку политического курса Советского государства и на методы его реализации. Они серьезно пошатнули доверие к центральной власти, приводя местную администрацию в замешательство и ужас. Эта волна восстаний, включающая в себя события до и после марта 1930 г., именовалась «мартовской лихорадкой». И именно это явление, в широком его понимании, стало причиной и следствием временного отступления коллективизации, к которому призвал Сталин в своей статье «Головокружение от успехов». ЦК недвусмысленно заявлял, что это отступление осуществлялось перед лицом *угрозы крестьянских мятежей*¹⁸⁰. Однако волна бунтов не только не утихла после резкой смены курса – напротив, последняя лишь подстегнула процесс, который набирал обороты со страшной скоростью, именно в марте достигнув пика во многих областях страны. Этот поворот представлял, по сути, временное отступление властей, которое вызвало полное замешательство и смятение в рядах партийцев, что способствовало возникновению беспорядков¹⁸¹. Отступление и то, как его восприняли в правительственных кругах, дали крестьянам понять, что в столице, в райцентрах и в рядах местных партработников и активистов не все гладко. В сообщении одного из уральских

корреспондентов газеты «Беднота» это описано следующим образом: «И вдруг бомбой разорвалась над головой сталинская статья... вторая грянула – постановления ЦК». Далее он писал, что в деревне статью восприняли «как будто какой манифест... в деревне к жданной газетке собирался народ, тайно, по гумнам, читали, ахали»¹⁸². У крестьян появилась возможность заявить открытый протест, вернуть свое имущество и уйти из ненавистных колхозов. Сталинская статья, экземпляр которой мог обойтись в 15 рублей, стала предметом коллективных чтений и даже целых сходов в некоторых селах¹⁸³; она была как поводом, так и шансом. Крестьяне интерпретировали «Головокружение от успехов» в своих целях, превратив статью в оружие крестьянской политики.

Имя Сталина звучало в лозунгах крестьянского протеста. Жители одной из деревень в Камызякском районе Астраханского округа, выйдя из колхоза, заявили: «Тов. Сталин в статье указывает, что мы вольны поступать так, как хотим, а поэтому считаем лучше быть не в колхозах»¹⁸⁴. Один крестьянин из Татарии, по его словам, вступивший в колхоз только из страха, прочитал статью Сталина 4 раза и говорил, что знает ее «наизусть»¹⁸⁵. Кто-то называл Сталина «батюшкой», многие апеллировали к его имени и власти в борьбе с руководством на местах¹⁸⁶. Жители Б. Янисольского района Украины говорили: «Власть хороша, но подвластники очень плохи», – советская версия наивного монархизма. А в Хоперском округе Нижневолжского края крестьяне заявляли: «Мы имеем две власти, одну в центре, которая пишет все отдать, а другую на месте, которая не хочет этого»¹⁸⁷. В одной из деревень Новосибирского округа в начале апреля состоялось крестьянское собрание, на котором, после чтения постановления ЦК от 2 апреля (выпущенного после публикации «Головокружения от успехов»), раздались аплодисменты и крики «Ура!», «Мы победили!», «Партия нас поддерживает!», «Сила на нашей стороне!»¹⁸⁸. Вместо того чтобы послужить инструментом скорейшего подавления бури крестьянского недовольства, вспыхнувшего зимой, эта статья после 2 марта сделала открытые протесты законными и стала поводом для вступления в прямое противостояние местным властям.

Не следует, однако, воспринимать монархические настроения крестьянства и их почитание «батюшки Сталина» однозначно. Это могло быть очень искусным и удачным способом борьбы с представителями местной администрации, которые уже не имели полной поддержки центра. Возможно, крестьяне умело играли на образе «мужиков» как православного народа, которому нужен царь. Либо же ими двигало не что иное, как собственное достоинство. Они видели, какие возможности предоставляет им неразбериха в кругах власти, и, используя новую линию партии в своих целях, действовали соот-

ветственно ситуации: разрушали колхозы, препятствовали высылке кулаков, изгоняли из деревень коммунистов. Многие местные партработники были совершенно опозорены. Так, 28 апреля в селе Безменово Черепановского района Новосибирского округа Сибири крестьяне взяли руководство собранием на себя, приказав партийцам восстановить в правах кулаков и зачитать все секретные директивы райисполкома, где о них говорилось. В том же районе еще на одном собрании жители угрожали расправой уполномоченному, повсюду раздавались возгласы: «Что общим сходом решим – то и закон!» Собрание было прервано, последовали попытки избить «ликвидаторов» (тех, кто принимал участие в раскулачивании). В деревне Петропавловка Маслянинского района кулаки на собрании потребовали отомстить председателю сельсовета и избили двоих активистов. Отстранив официальное руководство, жители открыли новое собрание, на котором решили обеспечить возвращение сосланных крестьян, ликвидировать колхоз и в течение двух часов выселить всех колхозников из домов, отобранных у кулаков. По окончании схода кулаки вернули свое имущество и дома¹⁸⁹.

Основным актом протеста можно, безусловно, считать массовый выход из колхозов, начавшийся во второй половине марта¹⁹⁰. Степень коллективизации хозяйств в РСФСР снизилась с максимального показателя 58,6 % на 1 марта 1930 г. до 38,4 % – на 1 апреля, 25,3 % – на 1 мая и до минимальной отметки 21,8 % по состоянию на 1 октября 1930 г.¹⁹¹ Самое большое снижение по стране произошло в регионах – потребителях зерна – в Западной, Московской, Ивановской и Центрально-Черноземной областях, где завершение процесса сплошной коллективизации было намечено только на осень 1931 г. Здесь в период с 20 февраля по 1 мая наблюдалось снижение степени коллективизации на 46,2 %. В то же время в главных житницах страны – на Северном Кавказе, Нижней и Средней Волге, в Сибири – общее снижение составило порядка 14 %¹⁹². Выход из колхоза был либо результатом бурных протестов и восстаний, либо решение принималось в форме мирного письменного заявления. По словам современников, некоторые заявления о выходе были написаны по единому образцу либо одной рукой, что свидетельствует о различного рода коллективных действиях¹⁹³. Жители Рязанского округа представили совместное заявление о выходе из колхоза, расположив свои подписи по кругу, чтобы представители власти не вычислили, кто был первым, и не арестовали зачинщиков. Позже, во время не столь массового исхода в 1932 г., такой прием применили и жители Нижегородского края¹⁹⁴. По всей стране раскулаченные заваливали власти всех уровней письмами с просьбами восстановить их права и вернуть собственность¹⁹⁵.

После марта волна крестьянских бунтов постепенно пошла на спад, хотя количество массовых выступлений вплоть до июня оставалось выше, чем в январе и феврале¹⁹⁶. В начале лета причинами выступлений крестьян послужили вторая волна коллективизации и последовавший за ней голод или его угроза. Согласно отчетам ОГПУ, уже весной 1930 г. по всей стране стала ощущаться острая нехватка продовольствия и появились очаги голода. В тот период о случаях, когда люди пухли от голода, сообщалось из Пугачевского, Камышинского и Вольского округов Нижневолжского края. Объяснялось это сочетанием факторов частичного неурожая зерновых в прошлом году и перегибами коллективизации и хлебозаготовок в году текущем¹⁹⁷. В Средневолжском крае особенно острая нехватка продовольствия наблюдалась в Бугурусланском и Сызранском округах, где были зафиксированы случаи голодных болезней и смертей, а также в Сорочинском районе Оренбургского округа, откуда поступали сообщения о смерти от цинги¹⁹⁸. 60 % населения Острогужского округа Центрально-Черноземной области испытывали крайнюю нужду в продуктах питания, сообщалось о случаях заболеваний, вызванных голодом. Согласно данным ОГПУ, нехватка продовольствия наблюдалась во *всех* округах области, сильнее всего от нее страдали бедные слои населения¹⁹⁹. На Кубани и Северном Кавказе острые проблемы с продовольствием наблюдались в Кубанском, Армавирском, Майкопском, Сальском, Донецком и Ставропольском округах. Отсюда приходили сообщения о заболеваниях, вызванных потреблением пищевых заменителей, и даже о летальных исходах. В станице Белореченская Лабинского района Майкопского округа колхозники ежедневно проводили собрания, требуя хлеба, ликвидации колхоза и возврата собственности²⁰⁰. Не лучше обстояло дело и в Сибири, особенно в Рыбинском, Ачинском, Бийском, Красноярском, Славгородском, Новосибирском округах, а также в Ойротской области. Как и везде, здесь были зафиксированы случаи заболеваний и голодных смертей. В Бийском округе бедняки были вынуждены есть мертвых животных и различные суррогаты²⁰¹. Голод дал о себе знать в Ивановской области, на Дальнем Востоке, в Башкирии, Татарии и в Крыму – это лишь те из регионов, о которых говорится в докладе ОГПУ²⁰². В большинстве этих мест он прежде всего затронул бедные слои населения и чаще всего охватывал колхозы²⁰³. Не оставляет сомнений тот факт, что эти ранние вспышки голода были в большинстве своем результатом чрезмерных хлебозаготовок и жестокости проведения коллективизации. Однако причина, несомненно, заключалась не только в этом.

В апреле в Нижнем Поволжье были зафиксированы 9 случаев массовых выступлений, вызванных нехваткой продовольствия. В од-

ной деревне группы крестьян ежедневно собирались у сельсовета, требуя хлеба; в других поселениях огромные толпы людей устраивали бунты, взламывали амбары для хранения зерна или силой забирали продовольственные запасы²⁰⁴. Череда восстаний прошла в Бугурусланском районе Средневолжского края. В деревне Кирышкино один из бедняков по фамилии Воронов обратился к председателю сельсовета: «Видишь, я опух, неделю не вижу крошки хлеба. Если мне сейчас не дашь хлеба, я возьму тебя за горло – все равно помирать». В М. Бугуруслане во время собрания 50 женщин встали со словами: «Дайте хлеб, вы нас не кормите, мы сейчас пойдем громить ваши амбары с семенами». В Бирюшкино бедняки взяли в осаду здание сельсовета, предупредив: «Если не дадите хлеб, то мы будем вынуждены пойти на преступление». В селе Красный Городок 200 жительниц препятствовали вывозу зерна и заняли склад, выкрикивая: «Хотите нас уморить голодом!», а в деревне Софьевка бывшие красные партизаны, возглавив толпу в 400 чел., требовали увеличения норм выдачи продовольствия²⁰⁵. По всей Сибири жители деревень, преимущественно женщины, каждый день собирались возле сельсоветов или даже райисполкомов с требованиями раздать хлеб²⁰⁶.

Женщины также руководили голодными бунтами в Центрально-Черноземной области и на Северном Кавказе. Согласно отчетам ОГПУ, в период с 25 апреля по 10 мая в Центрально-Черноземной области зафиксирован ряд массовых выступлений, вызванных голодом, в которых приняли участие примерно 1 448 чел. В селе Холодное Скороднянского района Старо-Оскольского округа толпа из 300 чел. пришла к сельсовету требовать хлеба. Получив отказ, они взломали зернохранилище. Подобный случай произошел в селе Кривые Белки, где 250 женщин вломились в амбар, пытаясь найти еду, после того как их первоначальные просьбы о помощи остались без внимания. В деревне Караешниково Ольховатского района Россосанского округа 150 женщин обратились к администрации колхоза с просьбой дать им хлеба. Получив отказ, они напали на чиновников, вынудив тех спасаться бегством²⁰⁷. По всему Северному Кавказу женщины, часто в большом количестве, собирались у сельсоветов, требуя выдачи хлеба. В деревне Птичье Изобильно-Тищенского района Ставропольского края сотня жительниц пришла в кооперативный магазин, намереваясь устроить самосуд над директором, которому едва удалось бежать. В селе Киевское Крымского района Черноморского округа толпа в 100 чел. пришла к сельсовету, требуя выдать муку, – в противном случае они грозились разрушить мельницу. Стремясь остановить толпу и не дать ей завладеть запасами продовольствия, председатель сельсовета раздал по 5 фунтов муки на семью. На следующий день бедняки вернулись, требуя еще муки.

Толпа прибегла к насилию, заставив бежать секретаря местной партчейки и отряды милиции. В последующие три-четыре часа власть находилась в руках жителей, которые прочесывали деревню в поисках руководящих работников и разошлись только к вечеру, когда стало ясно, что все они успели покинуть деревню²⁰⁸.

Получить представление о реальном положении крестьян можно из письма одного жителя Краснодарского края на Северном Кавказе. Некий Комарченко рассказал о борьбе за выживание, которая шла в деревнях, испытывавших на себе влияние коллективизации, чего не встретишь в документах ОГПУ. Он писал:

«Крестьянин был продавцом, а теперь потребитель, и все это наделало правительство. Раньше мы работали плугом и лошадкой, а хлеб кушали досыта, а теперь трактором, и все голодны... Да вот в ст. Гостагаевской Анапского района было восстание. Крестьяне избили ОГПУ, кричали: “Бери винтовки”. А когда приехали солдаты, то им кричали: “Давай свободу!”, и 10 дней стояли солдаты у нас... Крестьяне говорят, что “умрем, а хлеба не дадим, они будут там от жиру пухнуть, а мы от голоду пухнем, а когда у нас не хватило хлеба, и мы пришли просить в совет, то нам сказали, что купите на рынке. Так и мы вам скажем, когда вы к нам приедете брать хлеб”. Вот тут и будет убийство, вот тут и будет восстание»²⁰⁹.

Комарченко не мог предположить, насколько пусты окажутся его угрозы в последующие месяцы и годы, когда голод, вызванный хлебозаготовками, охватит страну, унося миллионы жизней и нанося по крестьянам еще более безжалостный удар, чем в период коллективизации.

К началу лета 1930 г. на большей части территории страны «мартовская лихорадка» постепенно пошла на спад. Не принимая во внимание разбои, которые случались в некоторых районах в начале 1930 г., о чем пойдет речь в следующем разделе этой главы, можно сказать, что коллективные формы активного сопротивления крестьян относятся в основном к первой стадии сплошной коллективизации. Исключением являются демонстрации и бунты, вызванные голодом или его угрозой. В нескольких отчетах, например, сообщается о проникновениях в зернохранилища²¹⁰. В августе 1931 г. в деревне Башкатово Обоянского района толпа крестьян численностью, по разным оценкам, от 50 до 150 чел., вооружившись вилами и дубинками, попыталась остановить кампанию по хлебозаготовкам; их примеру последовали жители других деревень района²¹¹. Массовые выступления прошли также в Нижнем Поволжье в начале февраля 1931 г. В деревнях Соляно-Займище, Черный Яр и Каменный Яр крестьяне требовали дать им хлеб и промышленные товары. Это случилось после того, как райисполком отдал приказ запретить

выдачу хлеба и товаров не членам колхоза, сопроводив это объяснением: «Кто не работает – тот не ест»²¹². Иногда причиной бунтов становилась коллективизация, однако таких случаев было намного меньше, чем в 1930 г. Тем не менее источники ОГПУ сообщают, что в Центрально-Черноземной области «кулаки и антисоветские элементы» продолжают подбивать крестьян на бунт, говоря, что благодаря массовым выступлениям в предыдущие годы «не было допущено окончательное разорение крестьянства». Для подтверждения этого вывода ОГПУ приводит следующие заявления крестьян: «Мы лучше сделаем им, как в прошлом году»; «Принудительно заставляют сыпать семфонд для того, чтобы сеять коллективно, но мы знаем, что делать, прошлой весной ничего не вышло, не выйдет и теперь»; «Начинается опять сначала, но мы ученые, были бы немного поорганизованнее в прошлом году, мы бы тогда отбили охоту строить колхозы»²¹³.

Некоторыми свидетельствами подтверждаются немногочисленные случаи массовых выступлений в период голода 1932–1933 гг. По словам Федора Белова, в колхозе, председателем которого он впоследствии стал, во время голода крестьяне объединялись в группы от 30 до 40 чел. и, вооружившись ножами и колющими, защищали те малые запасы зерна, что у них оставались²¹⁴. Из Котельничского района Нижегородского-Горьковского края поступали сообщения о «кулацких выступлениях», произошедших в марте или апреле 1932 г. В результате беспорядков несколько человек были убиты; кроме того, были случаи нападений и разрушения целого ряда административных зданий²¹⁵. Российский историк В. В. Кондрашин, специалист по периоду голода в стране, пришел к выводу, что случаи массовых выступлений в эти годы были исключением и что объясняется этот факт вполне обоснованным страхом крестьян. Однако он отмечает несколько случаев подобного сопротивления, включая один, который имел место в волжской деревне Красный Кулич Ртищевского района. В тот раз жители деревни объединили усилия, чтобы захватить зерно в колхозном хранилище, до того как оно будет вывезено²¹⁶.

«Мартовская лихорадка» 1930 г. стала последней волной активного народного сопротивления в России, завершающим массовым действием крестьянства в гражданской войне против советской власти. Бунты 1929–1930 гг. были тесно связаны с попытками правительства провести социалистическое преобразование деревни путем коллективизации, раскулачивания и атеизации. Когда наступил следующий период активных мероприятий по коллективизации, который пришелся на осень 1930 г., крестьяне были слишком измотаны нехваткой продовольствия и правительственными репрессиями, чтобы продол-

жать оказывать активное коллективное сопротивление. К этому времени неотвратимость и окончательность процессов коллективизации были куда более очевидны, чем зимой 1929–1930 гг. Кроме того, государство также сделало выводы из уроков прошлого и совершало меньше промахов. Во время второй волны раскулачивания *все без исключения* крестьяне, признанные кулаками, подлежали переселению – раньше же их делили на категории и некоторым позволяли остаться по месту жительства²¹⁷. Все мероприятия теперь проводились более организованно и тайно, хотя для крестьян они имели те же драматические последствия. Большинство крестьян из-за нужды, отчаяния и усталости теперь предпочитало смириться с системой и выражать протест в другой форме. Те же, кто не согласился с новыми правилами, либо бежали в города, либо были вынуждены лицезреть упадок своего хозяйства, находясь под гнетом высоких налогов и постоянного сокращения частного сельскохозяйственного сектора. Для некоторых убежищем стали леса – последнее пристанище свободы, где крестьяне жили вне всяких законов.

Бандитизм

В период коллективизации и в последующие годы в Советской России получили распространение бандитские формирования и разбой. Понятия «банды», «бандит» и «бандитизм», принадлежащие советской терминологии, описывают форму коллективного сопротивления – еще один способ, который использовали крестьяне для выражения массового протеста. Бандитами становились группы крестьян, лишенных собственности, бродячих мародеров, помещанных на мести. Оказываясь в населенной местности, они брали все, что им было нужно, и все, что хотели. Явление бандитизма не было новым ни для России, ни для культуры крестьянства в целом²¹⁸. До этого самым близким по времени периодом проявления бандитизма были годы Гражданской войны. И хотя 1920-е гг., по сути, стали периодом затишья, сообщения о разбоях иногда поступали из необжитых и малонаселенных районов Восточной Сибири и Средней Азии²¹⁹. Новую волну бандитских нападений вызвала коллективизация, когда беззаконие провоцировалось «сверху», а крестьяне, ведомые многолетней традицией и отчаянием, уходили в леса.

Советское правительство, подобно многим до него, использовало термины «бандит» и «бандитизм» с целью деполитизации явления, придавая криминальный оттенок самому существованию и деятельности этих групп, которые в основном состояли из молодых крестьян. В реальности некоторые аспекты их деятельности действительно

могли быть узко истолкованы как криминальные, а часть членов этих групп имела криминальное прошлое. В Сибири – сердце бандитизма – в конце 1920-х гг. действовали примерно 9 000 сосланных криминальных элементов, которым удалось бежать в леса и присоединиться к бандам, что было обусловлено недостаточным контролем над ссыльными крестьянами²²⁰. Во второй половине 1929 г. суды Сибири вынесли смертные приговоры 157 членам бандформирований – 119 из них были объявлены «уголовниками-рецидивистами»²²¹. Однако членами банд становились и обычные крестьяне: беглые кулаки и те, кого называли кулаками, кулаки, сумевшие вырваться из-под ареста или из мест ссылки, а также те, кто был недоволен советской властью. Согласно одному из отчетов, около половины преступных группировок в Томском и Славгородском округах составляли кулаки, которые не смогли примириться с новыми советскими реалиями²²². Судя по донесениям, в 1931 г. беглые кулаки организовывали преступные группы в Чумаковском районе Западной Сибири. В 1934 г. в Московской области крестьяне, бежавшие из мест ссылки, действовали в составе воровских банд²²³. Из других регионов также поступали сообщения об активном участии в подобных группах кулаков и вообще крестьян²²⁴. Последние, таким образом, составляли значительную часть бандформирований, однако точно степень их участия не установлена. Более того, в тот период социальной нестабильности и юридической эфемерности такие понятия, как «уголовник» и «кулак», должны рассматриваться как взаимосвязанные, а иной раз – даже как взаимозаменяемые. «Сбежавшие из-под ареста» могли быть крестьянами; кулаки могли быть уголовниками; «крестьяне» и «кулаки» считались одним и тем же. По словам Эрика Хобсбома, исследовавшего это явление, человека могли счесть преступником, «если он не делал ничего предосудительного по местным традиционным меркам, однако его действия представлялись таковыми в глазах государства или местных управленцев»²²⁵. Другими словами, явление бандитизма нельзя рассматривать ни как порождение определенной политической конъюнктуры советской эпохи, ни как уголовную деятельность. Скорее, его следует считать альтернативной формой крестьянского сопротивления, которая происходила из традиционной культуры несогласия.

Несмотря на недостаток информации о бандитизме того времени, представляется, что это явление приобрело угрожающий размах в Сибири, которая в ноябре 1929 г. уже была объявлена территорией, «неблагополучной по бандитизму». Еще до начала ноября была создана специальная комиссия по борьбе с бандитизмом²²⁶. В 1929 г. сообщалось о 456 бандах, действовавших на территории Сибири; в первые 9 месяцев 1930 г. в Западной Сибири насчитывалось уже

880 таких групп²²⁷. В этом регионе к концу 1930 г. было ликвидировано 537 бандформирований²²⁸. Несмотря на очевидное первенство Сибири, которая была средоточием бандитизма в стране, о появлении бандитов в первой половине 1930-х гг. сообщалось из Западной и Московской областей, из Астрахани, с Северного Кавказа и Дальнего Востока²²⁹.

В большинстве отчетов говорилось, что в основном подобные группы осуществляют кражи, которые чаще всего представляют собой организованные набеги на колхозы или государственные предприятия, иногда сопровождающиеся поджогами²³⁰. Такая реакция была предсказуемой и перекликалась с официальными донесениями из других времен и мест, где, как выразился один из исследователей, «власти неизменно принимали восстания за грабежи»²³¹. По словам одного из российских историков, в 1929 г. жители села Иркутское Красноярского округа Сибири боялись ночью выходить на улицу, потому что в самом селе и за его пределами орудовали бандиты²³². В том же году банда мародеров сожгла дотла деревню Михайловка Томского округа, убив в ходе набега председателя сельсовета²³³. На протяжении того же периода в Мало-Пещовском районе Томского округа действовала хорошо вооруженная группировка, члены которой днем скрывались в лесу, а ночью проникали в деревни, чтобы жечь и грабить. Сообщается, что члены группы устроили 60 пожаров, держали крестьян в страхе, запрещая им участвовать в собраниях, а также совершили два убийства²³⁴. В 1931 г. в эмигрантской газете «Вестник крестьянской России» приводилось высказывание секретаря парткома Терской области, который заявил, что большую часть членов бандформирований, которые орудовали в его районе, составляли дезертиры Красной армии и их родные. Он также полагал, что преступные группы несли ответственность за случаи убийства партработников и активистов²³⁵. Наконец, одна из самых известных и опасных преступных группировок под руководством Кочкина действовала в конце 1920-х гг. в Иркутской области. Банда Кочкина нападала на колхозы в Иркутском и Усольском районах и грабила их. Напуганные крестьяне дали главарю банды прозвище «черный царь»²³⁶.

Не все советские наблюдатели сводили понятие «бандитизм» к грабегам и организованной преступности. Убийства и нападения на должностных лиц, стремление банд атаковать именно колхозы и государственные предприятия, а также параллельная интенсификация бандитизма и социалистических реформ – все это наводило на выводы иного характера. Это отчетливо проявилось в середине февраля 1930 г. в циркулярном письме краевого партийного комитета Северного Кавказа, в котором описывался процесс коллективизации

в районах проживания этнических меньшинств. Письмо содержало предостережение властям: авторы призывали национальные обкомы остановить процесс «голового раскулачивания», которое не сопровождалось кампанией по коллективизации. В противном случае, говорили они, еще больше крестьян уйдут в леса и присоединятся к преступным бандам²³⁷. В июне 1929 г., подвергнув жесткой критике государственную налоговую политику и меры по принудительной заготовке зерна на Дону и в Нижнем Поволжье, советский писатель Михаил Шолохов гневно заявлял, что политические преступники появлялись из-за жестокости агентов советской власти в отношении крестьян. По словам Шолохова, в стране было достаточно много «взрывчатого материала», который могли легко использовать преступные элементы²³⁸. Российские историки Н. Я. Гущин и В. А. Ильиных также полагают, что политическую подоплеку сибирский бандитизм приобрел из-за государственной кампании по коллективизации²³⁹.

Двойственный характер преступной деятельности, криминальный и политический, типичен для бандитизма. Хобсбом писал об этом явлении как о «крайне примитивном способе выражения протеста»²⁴⁰. По его мнению, бандитские группировки действуют в ситуации крайней социальной нестабильности, когда сложившийся жизненный уклад оказывается под угрозой. В Советском Союзе эти группировки формировались из людей, отверженных обществом по социально-политическим причинам, – кулаков, крестьян, которых обвиняли в кулачестве, либо преступников. Бандитами становились в основном молодые люди, оказавшиеся маргиналами, после того как их отринула система, или, как в случае с беглыми крестьянами, те, кто был поставлен вне закона, не совершив никакого преступления. Уйдя в лес, эти молодые, лишенные прав крестьяне легко примыкали к криминальному миру. Методы их партизанской деятельности происходили из сочетания тактики выживания и чувства мести. Бандитизм стал своего рода пережитком прошлого – архаичной формой протеста против нового порядка и его институтов, которые вытеснили из своих рядов молодежь, вставшую затем на преступный путь. Скучной информации об отношениях бандитов и местных жителей явно недостаточно, чтобы можно было строить предположения о том, позволительно ли говорить о традиционной роли Робин Гуда – эдакого героя-преступника – применительно к этим формированиям. Однако очевидно, что некоторые крестьяне втайне радовались новостям о подвигах банд, когда эти действия были направлены против советской власти, и находили утешение в сложении легенд о «черном царе» и других опасных для власти выходцах из деревни. Как бы то ни было, способность бандитских групп терроризировать огром-

ные территории Сибири и другие регионы страны свидетельствовала о том, что крестьяне продолжали бороться с коллективизацией через формы массового сопротивления.

Заключение

«Мартовская лихорадка» – волна бунтов крестьян в 1929–1930 гг. – была коллективным актом отчаяния и сопротивления. Открытый бунт совсем не присущ крестьянскому сопротивлению, однако если он все же происходит, то это говорит о необычайном накале накопившейся злобы. Чтобы крестьяне, как и любой подчиненный слой общества, решили прибегнуть к массовому насилию, требовались либо крайняя жестокость, либо полное попустительство со стороны властей. В годы коллективизации активное противостояние крестьян решениям правительства стало небольшим, но драматичным и значимым эпизодом в истории крестьянских протестов и политики времен сталинизма. В краткосрочной перспективе оно сыграло ключевую роль в процессе изменения политического курса центра, заставив правительство пойти на большие уступки в марте 1930 г., а также выдвинуть идею новой кампании – по выявлению «козлов отпущения» среди тех, кто нес ответственность за проведение коллективизации. Их обвиняли в «головокружении от успехов» и фанатизме²⁴¹. В долгосрочной же перспективе восстания крестьян в Советской России, как и в других частях мира, лишь способствовали усилению процесса централизации и дальнейшему ужесточению репрессивных тенденций²⁴². Они привели к возникновению культуры гражданской войны в эпоху первой пятилетки, способствуя дальнейшей милитаризации общества, укреплению сталинского барачного социализма, а также созданию атмосферы постоянной угрозы нападения врага. Деревня, как и страна в целом, может рассматриваться в качестве осажденного государства – огромной площадки для наращивания и обучения легионов солдат, лояльных к государственному аппарату репрессий.

Крестьянский бунт не только подавлялся вооруженными силами и затушевывался в своем политическом аспекте в 1930 г. В долгие десятилетия замалчивания и цензуры в СССР, высокомерия и господства тоталитарной модели в западной советологии эти события «выпали» из истории²⁴³. А это часть советского наследия, крестьянской истории, которая достойна внимания ученых и новых исследований за пределами материала, представленного в данной работе. Значение этой тематики обусловлено не только фактом мощного и повсеместного противостояния сталинскому государству, но и тем,

что ее раскрытие проливает свет на крестьянскую культуру сопротивления. Протест того времени был элементом давней традиции крестьянского неподчинения, народной культуры протеста, которую знали и в которой жили и русские крестьяне, и все крестьяне вообще. Именно в этом смысле крестьянский бунт не следует рассматривать лишь как главу истории сопротивления. Он представляет собой фундаментальную часть истории крестьянства, в данном эпизоде воплотившуюся в гражданскую войну против советской власти, крестьянскую войну во всех ее проявлениях.

«ПУСТЬ ЖЕНЩИНЫ ГОВОРЯТ»: БАБЬИ БУНТЫ И АНАТОМИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ВОССТАНИЯ

«Мы не осмеливались выступать на собраниях. Если мы говорили что-то, что не нравилось организаторам, они обрушивались на нас с бранью, называли кулаками и даже угрожали нам тюрьмой. Кто-нибудь из задних рядов толпы выкрикивал: «Пусть женщины говорят!» Так поступали в каждой деревне – предоставляли говорить женщинам. И как они говорили! Круглые сутки. Организатор не мог и слова вставить. Если он пытался их остановить, то они поднимали такой шум, что ему приходилось отменять собрание».

«И чем же тут гордиться?» – встрял другой колхозник.

«Как это чем?! – вскричала женщина средних лет с ребенком. – Наши мужчины испугались, так мы решили сами что-нибудь сделать».

М. Хиндус. Красный хлеб

С баб революция началась, бабами она должна и кончиться.

Чьи-то слова во время бабьего бунта

Бабьи бунты – особая форма крестьянских восстаний, самый известный симптом мартовской лихорадки и наиболее яркий пример форм и особенностей крестьянского сопротивления периода коллективизации. Термин «бабьи бунты» можно дословно перевести как «бунты женщин», однако этот перевод не отдает должное его особым историческим и культурным корням. «Баба» обозначает женщину, живущую в деревне согласно принятым в ней обычаям. «Баба» часто считается неграмотной, некультурной, суеверной, охочей до слухов, готовой по любому поводу удариться в истерику. Здесь налицо некоторые элементы стереотипности. Прилагательное «бабьи» придает особый оттенок и усиливает следующее за ним существительное. Бунт – спонтанный, неконтролируемый и неудержимый взрыв крестьянского протеста против властей. Это восстание, у которого нет

видимой цели, непредсказуемое и всегда опасное. Таким образом, бабий бунт – восстание женщин, характеризующееся истерией, непредсказуемым поведением, разгулом злобы и насилия.

Именно в таком значении и с таким оттенком использовали этот термин партийные руководители, местные работники и другие наблюдатели. Бабьи бунты практически никогда не воспринимались как несущие политическую или идеологическую окраску. Напротив, они были самым скверным воплощением «мартовской лихорадки». Причины таких восстаний в основном связывали с пагубным влиянием мужчин-агитаторов, кулаков и подкулачников, которые, по всей видимости, использовали склонность «бабы» к безрассудной истерии в своих контрреволюционных целях, или же с ошибками коммунистов, которых охватило «головокружение от успехов». На бабьи бунты смотрели гораздо снисходительнее, чем на аналогичные протесты мужчин. Даже если дело доходило до уголовно наказуемых преступлений, применялись не столь строгие наказания. Не то чтобы к женскому полу относились лучше, просто его представительницы были, по мнению властей, самыми темными из вообще темных народных масс. Поэтому, как непослушное дитя или бодливая коза, «баба» не несла прямой ответственности за свои действия, даже в тех случаях, когда подвергалась выговору или наказанию.

Партийные работники воспринимали крестьянские действия, в основном исходя из своих представлений, в данном случае крайне идеологизированных и политизированных, о крестьянских нравах и обычаях. Однако, как показал Дэниэл Филд, сложившийся у государственных лиц образ крестьян последние зачастую использовали в собственных целях. В своем исследовании крестьянских волнений Филд предполагает, что крестьяне манипулировали своей репутацией, дабы защититься от наказаний и оправдать стычки с представителями властей, которые, по словам крестьян, нарушали волю царя¹. Подобная уловка, позволявшая замаскировать акты протеста против властей, была привычной тактикой крестьянства во время антиправительственных восстаний². Крестьянки же располагали дополнительным преимуществом при столкновениях с советской властью. Они не только могли играть на существовавшем в глазах властей образе крестьянства как темной массы, идеологического друга или врага, но и апеллировать к образу «буйной женщины», как его называет Натали Земон Дэвис в своем исследовании, посвященном ранним этапам истории Франции Нового времени. По ее словам, это «образ, который мог использоваться... чтобы оправдать восстания и политическое неповиновение как женщин, так и мужчин в обществе, где у низших классов было мало возможностей официально выразить протест... она [буйная женщина] не отвечала за свои поступки, нахо-

дья во власти эмоций»³. Если «баба» действительно походила на «буйных женщин» других времен и культур, то вполне возможно, что бабы бунты искажали официальную картину протеста крестьянских женщин и не были такими хаотичными, как казалось сторонним наблюдателям. В той же мере, в какой причины массовых выступлений коренились в «классовой» природе крестьянского недовольства, их основная форма – бабий бунт, как и его особенности, являлись порождением крестьянской культуры сопротивления.

«Маленькое недоразумение»

В 1933 г., когда Сталин заявил, что в каждом крестьянском хозяйстве должна быть корова (отчасти – чтобы задобрить колхозниц, отчасти – чтобы замаскировать голод), он признал наличие оппозиции коллективизации среди крестьянских женщин, отметив: «Конечно, у Советской власти было в недавнем прошлом маленькое недоразумение с колхозницами. Дело шло о корове»⁴. Подобные «дела о корове» в огромных количествах возникали по всей стране в конце 1920-х и начале 1930-х гг., выходя далеко за рамки «маленького недоразумения».

В докладе ЦК второй половины 1929 г. отмечается, что женщины оказывали самую широкую поддержку «кулацким восстаниям»⁵. В секретных справочных документах о коллективизации, поступавших Сталину, Молотову и другим вождям зимой 1930 г., сообщалось: «Во всех кулацких выступлениях обращает на себя внимание чрезвычайная активность женщин – обстоятельство, достаточно серьезное, чтобы не привлечь к себе внимание»⁶. К схожим выводам пришли и в регионах. На Северном Кавказе, где женщин сочли зачинщицами сопротивления⁷, крайком партии выпустил 18 февраля 1930 г. циркулярное письмо о перегибах коллективизации, в котором говорилось, что в центре масштабных и угрожающих волнений в селах стоят женщины⁸. В постановлении Средневолжского крайкома партии от 11 марта 1930 г. о перегибах в Пензенском округе также отмечалась роль женщин в волнениях и большое количество бабьих бунтов⁹. В 1929 г. в 486 из 1 307 массовых волнений участвовали исключительно женщины, еще в 67 они составляли большинство бунтующих. В 1930 г. женщины были главной силой 3 712 из 13 754 волнений, причем во всех остальных случаях к слабому полу принадлежала если не большая, то значительная часть недовольных¹⁰. Когда вожди государства собрались на XVI съезд партии в июне–июле 1930 г., докладчики откровенно признали, что женщины играют ключевую роль в беспорядках в колхозах. Л. М. Каганович, член По-

литбюро и один из ближайших помощников Сталина, заявил: «Мы знаем, что в связи с перегибами в колхозном движении женщины в деревне во многих случаях сыграли наиболее “передовую” роль в настроении против колхозов»¹¹. А. А. Андреев, первый секретарь важного Северокавказского крайкома партии, вторя Кагановичу, назвал женщин «авангардом» протеста против коллективизации¹².

Коммунистическая партия объясняла «авангардную роль» женщин в выступлениях против коллективизации их низким культурным и политическим уровнем, «неправильным подходом» сельских партийных работников к капризным женщинам и, наконец, деятельностью кулаков и подкулачников, которые используют женские страхи и склонность к истерии. В отличие от реакции на выступления мужчин, которая обычно сводилась к ужесточению репрессий, ответ на женский протест был иным. Хотя находилось место и репрессивным действиям, партия подчеркивала, что к крестьянкам нужен более «правильный» подход. Имелось в виду, что необходимо положить конец перегибам – насилию, которое самовольно чинили коллективизаторы. Также подчеркивалась важность политической работы с крестьянками, начиная с первого кризиса хлебозаготовок, когда впервые встала угроза образования женской оппозиции советскому политическому курсу¹³. Такая работа имела две основные цели. Во-первых, партия стремилась сделать женщин «образованными», распространив на них свою идеологическую агитацию. Во-вторых, она предприняла попытку привлечь большее число крестьянок к активному участию в политической и административной жизни деревни посредством участия женщин-делегатов в съездах и советских выборах, в работе в сельсоветах, правлениях колхозов и партийных ячейках. За годы коллективизации постепенно были достигнуты некоторые результаты в этом направлении¹⁴. Акцент, который партия делала на проведение работы с женщинами, был связан с представлениями властей об аполитичности женского протеста, который являлся скорее результатом отсталости, а значит, подлежал излечению политическими методами.

Именно это стало причиной того, что попытки партии воспитать крестьянок оказались в основном неэффективным способом подавления сопротивления коллективизации. Хотя привлечение женщин, особенно молодых, к участию в выборах и их вовлечение в партийную работу и имело несколько более положительный эффект в середине и конце 1930-х гг., эти меры не смогли достичь успеха, а тем более изменить самую суть протеста женщин – как и всех жителей деревни – против коллективной системы хозяйства. Более того, противоречивые требования партии к местным коммунистам – правильно подходить к работе с крестьянками и в то же время неукоснитель-

но следовать ее же жесткому политическому курсу – делали практически невероятным изменение варварских замашек сельского начальства в духе Гражданской войны. Как следствие, партии не удалось ни развеять страхи крестьянских женщин, ни предотвратить волну бабьих бунтов, которая захлестнула деревню.

Кулацкий агитпроп и мелкобуржуазные инстинкты

По мнению властей, главным зачинщиком бабьих бунтов был кулак. «Баба», лишённая политической сознательности и самостоятельности, легко поддавала под влияние кулаков, подкулачников и витавших в деревне кулацких настроений. Как выразился один работник ОГПУ: «Протекает кулацкая противокolleхозная агитация среди отсталых женских масс села»¹⁵. Другой сотрудник ОГПУ отмечал: «Активными участниками выступлений преимущественно являлись женщины, которые действуют под влиянием кулацкой агитации»¹⁶. Предполагаемые успехи кулаков объяснялись «низкой культурой женщин» и «перегибами» чересчур увлеченных местных должностных лиц¹⁷. Кроме того, «баба» служила средством достижения контрреволюционных целей: кулак использовал ее, чтобы добраться до мужчин¹⁸.

«Кулацкий агитпроп»¹⁹, или мельница слухов, являлся способом манипулировать отсталостью крестьянок и хитроумно оборачивать себе на пользу ошибки местных партийных работников. Кулацкий агитпроп пользовался невежеством «бабы», пугая ее слухами о конце света и моральном упадке в колхозах. Он также играл на ее «мелкобуржуазных инстинктах», которые у женщин были выражены ярче, чем у мужчин (разумеется, исключая кулаков), и на материальных вопросах, которые могли склонить ее к контрреволюционным мыслям. Мелкобуржуазные инстинкты в основном касались ведения хозяйства, обеспечения продовольствием семьи. Они были однозначно подсознательными, учитывая слабо развитое культурное сознание бабы. К ним также относились «суеверия» – вопросы, связанные с церковью и религией. Хотя нельзя отрицать, что в этой официальной версии природы сопротивления крестьянских женщин есть некоторая доля смысла, женский протест, порожденный политикой коллективизации, не был иррациональным и в реальности очень редко представлял собой проявление каких-либо инстинктов.

Протест крестьянок был непосредственным ответом на проведение разрушительной по своим последствиям политики государства. ОГПУ, которое иногда несколько отходило от официальной версии бабьих бунтов в своих документах, провело анализ причин массовых

женских волнений в 1930 г. Согласно наблюдениям, в первом полугодии произошли: 1 154 массовых женских выступления антиколхозного характера, 778 массовых выступлений, возникавших на религиозной почве, 442 выступления в защиту раскулачиваемых и выселяемых кулаков, 336 выступлений на почве продовольственных затруднений. Во втором полугодии 36 % женских бунтов были связаны с хлебозаготовками, 20 % с защитой раскулачиваемых и выселяемых кулаков, 12 % произошли на религиозной почве, 10,7 % в связи с продовольственными затруднениями, 10 % на почве коллективизации, остальные были вызваны другими причинами²⁰. Подоплека женского протеста была в целом схожа с причинами крестьянских восстаний в целом и отражала не больше и не меньше, чем главные проблемы, стоявшие перед крестьянской «политикой» в период коллективизации²¹.

Женщины неистово сопротивлялись опасности, нависшей в результате коллективизации над их семьями и общинами. Во всех деревнях они стремились не допустить экономического коллапса своих хозяйств. Заготовки хлеба и семян в период коллективизации были самой серьезной угрозой для выживания и главным источником волнений среди крестьянок. В В. Ирмышевском районе Барнаульского округа Сибири толпы женщин беспрерывно – иногда и днем, и ночью – протестовали против весенних хлебозаготовок 1929 г.²² В 1930 г. в деревне Тулузаковка Пензенского округа на Средней группе из 70 женщин воспрепятствовала изъятию запасов семян, пригрозив расправиться с полномочным представителем ОГПУ. В Рыбинском районе Мордовии на почве обобществления семенного фонда вспыхнуло по крайней мере три бабьих бунта²³. В деревне Соколово и по всему Каменскому району Каменского округа Сибири зимой и весной 1930 г. толпы женщин врывались в колхозные амбары и силой забирали обратно свое зерно²⁴.

Крестьянки с тем же упорством боролись против обобществления домашнего скота. На Северном Кавказе в станице Старо-Щербинская Ейского района женщины сопротивлялись попыткам обобществления скота тем, что били по рукам конюхов, державших лошадей за поводья, в то время как их дети забрасывали коллективизаторов камнями²⁵. Когда в украинскую деревню Михайловка Синельниковского района приехал инспектор, он не встретил на улице ни одной женщины. Позже ему сообщили, что те спали в коровниках, опасаясь, как бы не забрали их коров²⁶. Обобществление домашнего скота непосредственно угрожало крестьянкам, поскольку их экономические позиции в хозяйстве большей частью зависели от выращивания скотины и ухода за ней²⁷. А потеря дойной коровы могла даже означать, что дети останутся без молока²⁸.

Женщины хорошо осознавали, что предвещает им коллективизация, поэтому их протест не ограничивался вопросами хлебозаготовок и обобществления скота. В январе 1930 г. в Белоцерковском и Коростенском округах Украины группы в составе от 50 до 500 женщин выходили в поле, чтобы помешать землеустройству и созданию колхозов. В деревне Шевченко и по всему Харьковскому округу женщины срывали собрания, посвященные землеустройству и организации колхозов, выкрикивая: «В СОЗ не пойдем. Рабами не были и не будем»²⁹. В конце 1929 г. в селе Мордов Бугульминского округа Татарии женщины прервали собрание по коллективизации и создали свое собственное, на котором приняли постановление о том, что категорически отказываются вступать в колхозы³⁰. 300 женщин, возмущенных тем, что в их селе Ельжозерное Ульяновского округа на Средней Волге началась организация колхоза, ворвались в здание сельсовета и избili его работников. В деревне Саловка Бугурусланского округа 100 женщин провели демонстрацию против колхоза, отказываясь расходиться, пока их не начали арестовывать³¹. В период после марта месяца, когда крестьяне толпами покидали колхозы, силой забирая обратно свое имущество и выгоня партийных работников из деревни, женщины были на передовой.

Нараставшие проблемы с продовольствием в колхозах, особенно у бедняков, порожденные зимней кампанией по коллективизации 1930 г., привели к новым бабьим бунтам. В Мавринском колхозе в Дергачевском районе Центрально-Черноземной области 40 женщин прошли по деревне с красными флагами, требуя, чтобы из запасов недавно обмолоченного зерна каждому выдали по 20 пудов³². (Пуд – около 36 фунтов.) В Бугурусланском округе на Средней Волге весной 1930 г. прошли шесть массовых выступлений, в которых участвовали в основном женщины. Они собирались в толпы до 400 чел., штурмовали сельсоветы и РИКи, требуя хлеба³³. Бабьи бунты, вызванные продовольственными затруднениями, проходили весной и ранним летом 1930 г. по всему Северному Кавказу. Во многих частях региона женщины, особенно беднячки, осаждали сельсоветы, скандируя: «Дай хлеб!» В поселке Знаменка Славгородского округа 20 женщин собрались у здания райкома, требуя хлеба. Не получив ответа, они двинулись к зданию председателя РИК, откуда отказывались уходить, пока им не выдадут хлеб: «Мы мирным путем от этой сволочи не добьемся, пойдем всей партией по квартирам [советских] служащих и будем отбирать весь имеющийся хлеб»³⁴. В деревне Птичье Изобильно-Тищенского района Ставропольского округа 100 женщин сошлись у кооперативного магазина, собираясь учинить самосуд над его директором, а в станице Ново-Титаровская Кубанского округа 200 женщин пригрозили магазин разгромить, а директо-

ра убить. В деревне А.-Тузловской Шахтинско-Донецкого округа женщины созвали тайное собрание, на котором постановили: «Предложить райцентру немедленно завезти в с/с необходимое количество хлеба для еды... В случае, если будет отказано в завозе хлеба, разобрать из неприкосновенного фонда имеющееся семзерно». Женщины одной из осетинских деревень в отчаянии дошли до того, что пригрозили сжечь зернохранилище, если им не дадут хлеб, поскольку их дети чахли от голода³⁵.

Протест женщин против колхозов, обобществления скота, хлебозаготовок и продовольственных затруднений ставит вопрос о том, что советская власть насмешливо назвала мелкобуржуазными инстинктами крестьянки. Хотя инстинкт, возможно, и сыграл некоторую роль, оказанное женщинами сопротивление разрушению крестьянских хозяйств было по большей части вызвано вполне рациональными интересами, которые вращались вокруг вопросов выживания, сохранения средств к существованию, семьи и домашнего хозяйства. Крестьянки, играющие главную роль в этих вопросах, стали естественными лидерами протеста. Как и женщины, века назад возглавлявшие хлебные бунты в Англии и Франции и во многих других странах мира, крестьянки Советского Союза взяли на себя инициативу в оказании сопротивления политическому курсу и действиям властей, которые угрожали существованию их семей и непосредственно вторгались в их жизнь и трудовую деятельность³⁶. Кроме того, такой протест отражал самые насущные проблемы крестьянства в целом. Лежавшая в основе сопротивления деревенских женщин логика говорила о том, что любые перемены опасны, – и их самые худшие ожидания, связанные с коллективизацией, подтвердились с наступлением бедствий 1932–1933 годов.

Страхи женщин простирались за пределы материального мира. Базовые ценности и верования крестьянок оказались под ударом в результате разгрома церкви, массовых гонений на религию и революции в повседневном духовном мире крестьянства. Женщины принимали активное участие в демонстрациях против закрытия церквей, снятия колоколов, арестов священников. Так, в одной из деревень на Средней Волге женщины возглавили акцию протеста против ареста местного священника, организовали три собрания, на которых требовали освободить его³⁷. В Сухиничском округе Западной области закрытие церквей и изъятие икон привели, по данным властей, к массовому движению в защиту церкви под лозунгом: «Папа Римский за нас заступился, весь мир за нас, весь мир против советской власти, весной будет война...» Это восстание возглавили женщины, которые для озвучивания своих требований ежедневно собирались у Бярятинского и других РИКов в толпы, доходившие до 400 чел.³⁸ В ка-

толическом Каменском округе Республики немцев Поволжья в конце декабря 1929 г. переполошившие деревню слухи о закрытии церкви вскоре вылились в восстание, проходившее под лозунгом: «За веру и Бога, против колхозов». Восстание началось в деревне Келлер, где ходили слухи, что скоро церковь закроют, а священника арестуют. Верующие организовали охрану у церкви и дома священника и условились о том, что сигнал колокола означает приближение представителей власти. В начале января в ряде деревень этого округа прошли тайные собрания, на которых, по данным официальных источников, крестьяне решили «использовать женщин» для борьбы с колхозом. В деревне Келлер толпы женщин забрали обратно свое имущество и выпустили на волю арестованных крестьян. Восстание перекинулось на четыре соседних деревни. В самом его начале деятельность сельсовета была парализована, и управление деревней взяли на себя организаторы восстания³⁹.

Женщины, защищавшие церкви, были безжалостны. Некоторое представление об этом, хотя явно искаженное, дает неопубликованное письмо партийного работника из украинской деревни Михайловка на Полтавщине. Он писал: «Мужчины и женщины собрались и бежали как на пожар к церкви, чтобы отнять церковь... Некоторые женщины сделались как звери и шли против власти сельрады, чтобы защитить церковь». Причем этим «сделавшимся как звери» женщинам удалось отстоять церковь, которую в итоге так и не закрыли⁴⁰. Крестьянки были главной опорой церкви и религии в деревне и в доме, они играли важную роль как дьяконицы, смотрительницы и верные прихожанки, поэтому естественно, что нападки на церковь отражались на них наиболее остро. Они действовали отнюдь не как неразумные звери или рабы инстинкта, а из преданности своей вере и церкви, будучи убеждены в том, что колхоз – воплощение зла и богохульства. Более того, защищая церковь, женщины защищали и свою общину, поскольку последняя, возможно, даже больше, чем любые другие институты деревни, была символом ее цельности и единства.

Аналогичное стремление, связанное со значением общины, двигало женщин на защиту родственников, соседей и друзей, которые подверглись экспроприации и депортации как кулаки. По всем деревням женщины храбро вставали на пути местных представителей власти и активистов, проводивших раскулачивание. Так, в ряде крымских сел женщины организовали демонстрации против депортаций. Когда же последние все-таки начались, они сопровождали своих злополучных соседей на протяжении пяти километров от деревни, плача и проклиная советскую власть⁴¹. В одном из русских сел Башкирии некая Анна Борисевич убедила еще тридцать женщин покинуть собрание в знак поддержки семей лишенцев⁴². Крестьянки защищали

своих соседей из чувства принадлежности к одной общине и справедливости. В мире, который внезапно перевернулся, значение справедливости резко возросло. Печальным подтверждением тому стали события бабьего бунта июня 1931 г. в украинской деревне Киселевка Лебединского района. В Киселевке выращивали клубнику, а из-за низких заготовочных цен план был выполнен только на 80 %. В связи с этим местное начальство установило контроль над деревней, чтобы предотвратить подпольную торговлю клубникой. 24 июня патрульный остановил середняка, который отказался отдать свою клубнику, мотивируя это тем, что он уже выполнил свои обязательства по ее заготовке. В ответ на это патрульный выстрелил в него и в его лошадь, тяжело его ранив. Когда по деревне разошлась весть об этом жестоком нападении без всяких причин, собралась толпа из 150 женщин. Сначала они направились к школе в поисках учителя-активиста, затем к дому председателя колхоза, а после к зданию сельсовета, где их гнев перерос в бунт. Женщины кричали: «Советская власть убивает людей за ягоды. Это всем нам будет»⁴³.

Крестьянки, выступавшие в защиту своих соседей, семьи и церкви, руководствовались отнюдь не инстинктом. Напротив, это был легитимный, рациональный протест, основанный на традиционных крестьянских заботах, морали и политическом сознании. Женщины были способны не только выдвигать обоснованные возражения против колхозов, но и организовывать соответствующие акции мирного протеста. В одной из деревень Елецкого округа Центрально-Черноземной области после публикации статьи Сталина «Головокружение от успехов» женщины устроили демонстрацию против колхозов, шествуя по деревне с черными флагами⁴⁴. В другой деревне того же региона женщины просто бойкотировали собрания, когда организатор колхоза отказался дать крестьянам возможность высказаться⁴⁵. На собрании в одной из деревень Липецкого района той же области политика и действия властей привели женщин в такое негодование, что они срывали собрание за собранием, единогласно голосуя против всех предложений, выдвинутых партийными работниками, независимо от их содержания⁴⁶. В деревне Глубокое Ленинградской области женщины организовали собрание, на котором приняли постановление: «Отказаться от мероприятий партии и советской власти»⁴⁷. В этих случаях женщины пытались добиться своих целей, не прибегая к насилию. Недостаток такого протеста заключался в том, что в годы коллективизации к нему очень редко прислушивались, предпочитая его игнорировать или подавлять репрессиями. Оставался еще один вариант, когда он перерастал в насилие, – и именно по этой причине (а не из-за иррациональной природы женщин или их истеричности) все чаще возникали бабьи бунты.

Бабы бунты

Бабы бунты изображались как спонтанные вспышки массовой истерии, характеризовавшиеся разгулом насилия, беспорядками и какофонией пронзительных голосов, одновременно выкрикивавших требования. Обозленные женщины собирались у сельсоветов в «беспорядочные толпы», с детьми, в том числе и грудными, что одних партработников заставляло врасплох, а других приводило в замешательство. Группа безмолвных мужчин неподалеку создавала нервную и пугающую обстановку. В воздухе стоял гвалт, смешивались выкрики, проклятия и угрозы, отражавшие все, что женщины думают о советской власти. Тех работников, которые отваживались выйти к толпе, обступали, толкали и сбивали с ног. Безрассудные храбрыцы, пытавшиеся унять баб шутками и миролюбивыми фразами, встречались с полновесными ударами их натруженных рабочих рук. Более сообразительные партработники, лучше представлявшие вероятное развитие событий, прятались или убегали, дожидаясь, пока бабий бунт не утихнет сам собой или же пока мужчины не утихомят своих женщин. Большинство женских восстаний прекращались – обычно без применения силы, – когда крестьянки добивались своего. Они редко несли ответственность за подобное поведение благодаря своей репутации в глазах властей и замешательству местных партийных и государственных функционеров – мужчин, которые не могли справиться с буйными женщинами. Таким образом, бабы бунты достигали своих целей, а государство не меняло отношения к протестам деревенских женщин.

Представление властей о бабьих бунтах наиболее ярко отражено в самом, пожалуй, показательном случае женского восстания, которое произошло в августе 1929 г. в деревне Беловка Чистопольского округа Татарии. Причиной бабьего бунта в Беловке стало решение сельсовета ввести в деревне систему пятиполья и провести перераспределение земельных участков крестьян, явно с намерением в дальнейшем организовать на них колхоз. С точки зрения властей, за бабьим бунтом стояли «местные кулаки», в особенности коварный кулак-мельник Сергей Фомин. В отчете с места говорилось: «В результате кулацкой агитации среди темных неграмотных крестьянок, явившихся на собрание 25 августа, толпа женщин в числе около 100 человек, выделив из своей среды отличавшихся особенным криком привлеченных по делу “делегаток”, настойчиво требовала отмены постановления о введении пятиполья». Игнорируя призывы разойтись, толпа под общий рев продолжала акцию протеста, сбивала с ног и начала избивать местного партийного работника. В этот момент в борьбу включились остальные советские активисты, которые,

как говорится в докладе, помешали толпе реализовать свои намерения и избить активиста без всякого повода. Это дело слушалось в окружном суде, который предъявил обвинения десяти наиболее активным женщинам и мельнику Фомину, проходившему по делу как идейный подстрекатель волнений. По решению суда действия Фомина, которому также вменялся в вину поджог дома секретаря местной парторганизации, рассматривалось отдельно. Женщины, осужденные по статье 59 (2) Уголовного кодекса за массовые выступления, получили от 2 до 3 лет тюрьмы строгого режима.

Случай в Беловке повторно рассматривался Верховным судом в январе 1930 г., решение окружного суда было пересмотрено. Фомина назвали *единственным* ответственным за действия женщин, «идейным вдохновителем», «идейным вожаком» и «главным виновником» беспорядков. По мнению Верховного суда, контрреволюционная организационная роль Фомина в акции протеста являлась «подлинным корнем» бабьего бунта, укрывшимся от глаз окружного суда. Кроме того, Верховный суд обвинил сельсовет Беловки в недостаточной разъяснительной работе среди женщин, которая могла бы ослабить действенность пропаганды Фомина. Наконец, сроки женщинам, которые по описанию все были неграмотными, «среднего и ниже среднего состояния» и представляли «наиболее отсталую часть крестьянства» (то есть женщин), были сокращены и заменены на принудительные работы в деревне на срок от 6 месяцев до одного года, каковые служили скорее предупреждением и назиданием остальным, чем наказанием⁴⁸.

Этот пример дает наглядное представление о взгляде и реакции властей на протест деревенских женщин. Женщин Беловки считали не более чем наивными жертвами обмана со стороны местных кулаков, которые использовали их в качестве своеобразного «тарана» против советской власти. Неспособность партийных работников подготовить женщин к новым политическим реалиям могла быть использована кулаком как оружие против советского строя. Однако случай в Беловке не дает полного представления о бабьих бунтах. Петр Григоренко в своих мемуарах описывает эти бунты как один из видов «тактики». Женщины могли начать с выражения протеста против колхоза и/или политики властей, а мужчины держались тем временем неподалеку, вмешиваясь, только когда местные партработники пытались остановить буйство. Тогда более уязвимые перед властями мужчины могли спокойно подключиться к потасовке в качестве защитников своих жен, матерей и дочерей, а не подкулачников-антисоветчиков⁴⁹. Идею Григоренко подтверждают описания бабьих бунтов со слов должностных лиц, испытывавших их силу на себе, что опровергает их официальную трактовку, как в случае в Беловке.

Еще одним примером может служить восстание, произошедшее в деревне Лебедевка под Курском, в колхозе «Буденный». Двадцатипятилетний Добычин прибыл в колхоз в качестве уполномоченного по коллективизации 7 марта 1930 г. Вскоре он созвал собрание женщин, которые встретили его крайне враждебно. Они кричали: «Не желаем колхоза, по миру хотим пустить мужика». Добычин отвечал: «А таких мы держать не будем, скатертью дорога... Проспитесь и увидите, что по миру пускает бедняка тот, кто подпоил вас и прислал сюда». Его слова привели женщин в бешенство, они подняли невообразимый шум и напали на рабочего. Женщины, возглавляемые некой Прасковьей Авдюшенко, подошли к сцене, на которой стоял Добычин, Прасковья крикнула ему: «А ну, иди ближе к нам», схватила его за воротник и стащила со сцены. Добычину каким-то образом удалось бежать, но волнения не стихли и разразились с новой силой, когда жена церковного сторожа начала звонить в церковный колокол. Как только раздались его удары, к женщинам подключились мужчины, они стали вместе забирать обратно свой недавно обобществленный скот, а затем готовить коллективное письмо о выходе из колхоза. Как и многие другие, эти беспорядки не были подавлены, а просто закончились распадом колхоза⁵⁰.

Похожий случай описывал рабочий Замятин, один из тех, кого городские советы в начале 1930 г. направили на работу в сельсоветы. Замятин рассказал о ситуации, в которую попал двадцатипятилетний Клинов. По его словам, подходы к деревне, куда направили Клинова, напоминали окрестности «вооруженного лагеря»; по дороге он увидел знак, приколотый к мосту, на нем было написано: «Васька [Клинов] – сволочь, берегись. Все ноги поломаем». По прибытии Замятин обнаружил, что деревня полна слухов о приближении банды всадников, которые убьют всех коммунистов и колхозников. В этой деревне уже прошло раскулачивание, но кулаков еще не выслали. Это упущение, по мнению Замятина, и привело к кризису. Когда Замятин приехал в деревню, Клинов стал готовиться к депортации кулаков. Он начал со снятия церковного колокола, затем выслал глав кулацких семей, и все шло спокойно, пока один из кулаков не убежал из ссылки. Он вернулся в деревню и объявил, что скоро вернутся и остальные и они жаждут мести. Эта новость заставила принять решение о ссылке всех оставшихся членов кулацких семей. Когда об этом было объявлено, в деревне начались волнения. В попытке помешать Замятину женщины заблокировали входы в дома семей, подлежащих депортации. Несколько дней спустя крестьянки возглавили группу протестующих, попытавшихся помешать вывозу из деревни зерна, перекрыв доступ к зернохранилищу. В результате разразился бабий бунт, переросший в массовые беспорядки, в кото-

рых участвовали все крестьяне; многие из них были вооружены вилами. Волнения были подавлены милицией, которую вызвали, когда к восстанию подключились все жители деревни⁵¹.

В этих двух случаях инициаторами протеста были женщины, к которым вскоре подключались мужчины, что выливалось в восстание всей деревни. Классическое описание бабьего бунта в казацкой деревне приведено в романе Шолохова «Поднятая целина». Там мужчины стояли позади толпы, подбадривая женщин, напавших на председателя сельсовета. Там же женщины возглавили штурм зернохранилища при молчаливой поддержке мужчин за их спинами. Пока крестьянки таскали председателя колхоза по деревне, мужчины сломали замки склада и забрали свое зерно⁵². В этом инциденте женщины были инициаторами и одновременно служили для отвлечения внимания.

В селе Белоголовое Жуковского района Брянского округа Западной области решение о снятии церковного колокола (судя по всему, принятое общим собранием деревни и РИК) спровоцировало бабий бунт. 13 января 1930 г. 8 местных активистов подошли к церкви, чтобы снять колокол. Прежде чем они успели это сделать, группа женщин, вооруженных кольями, ворвалась в церковь, остановила активистов и избивала их. На следующий день после богослужения священник созвал собрание, которое должно было осудить незаконные действия местных властей и собрать деньги на отправку в Москву человека с жалобой на эти действия. На собрание не пустили никого из местных активистов, а в случае опасности намеревались бить в церковный колокол. 15 января РИК послал уполномоченного, чтобы привести в исполнение решение о снятии колокола. Как только жители села заметили его приближение, ударили в набат, и женщины и несколько мужчин высыпали на улицы. Толпа набросилась на уполномоченного, вытолкала его за околицу и тем самым на какое-то время спасла свой колокол. На следующий день из соседних сел пришли 600 крестьян, чтобы присоединиться к жителям Белоголового на собрании верующих. ОГПУ, как и следовало ожидать, возложило вину за беспорядки на кулаков и священнослужителей. Тем не менее выступления женщин села примечательны своей продолжительностью и постоянством, как и тот факт, что в протестах приняло участие лишь небольшое число мужчин⁵³.

Во время бабьего бунта в Карасукском районе Славгородского округа Сибири мужчины, по сути, оставались дома. Бунт в этом районе начался на заре коллективизации по причине хлебозаготовок. В апреле 1928 г. на собрании бедняков деревенские жители потребовали у государства объяснений, как людям прокормить себя после проведения драконовских заготовок. В мае около 120 женщин собра-

лись у здания исполкома райцентра, требуя хлеба. Им удалось заставить председателя РИК раздать им зерно. Когда об этом узнали в других деревнях, там снова начались волнения. В шести селах женщины забрали зерно из колхозных хранилищ. Во время этих бабьих бунтов крестьянки порой собирались в толпы до 200 чел. В официальном отчете об этих беспорядках говорится, что в зерне действительно нуждались лишь некоторые демонстранты. Как и во многих других случаях, вину возложили на подстрекателей кулаков и неправильно действовавших местных партработников, которые, арестовав на ранних этапах волнений нескольких женщин, по-видимому, спровоцировали остальных. Во время восстаний в Карасукском районе мужчины не выходили из дому (дело было в воскресенье). Согласно отчету, они не пытались возражать против действий женщин, но и не участвовали в бунте. Вместо этого они «молчаливо поддерживали эти выступления», посчитав, что «бабы выступают, им за это ничего не будет, их не покарают»⁵⁴.

В некоторых бабьих бунтах мужчины не участвовали вообще. В связи с этим можно предположить, что женский протест часто был отнюдь не просто уловкой или прикрытием для восстания мужчин или всей деревни. В селе Благовещенское Первомайского района Мариупольского округа на Украине бабий бунт разразился 24 апреля 1930 г. в результате ареста крестьянина по фамилии Гах, председателя церковного совета. Триста женщин ворвались в здание сельсовета и потребовали отдать им ключи от церкви и освободить Гаха. Женщины задержали председателя сельсовета Науменко, затолкали его в деревянную повозку и отвезли к дому Гаха. Там они начали угрожать ему самосудом, если он не подпишет приказ отпустить арестованного. Женщины также захватили секретаря местной партийной ячейки, который разделил участь Науменко. Они плевали в глаза чиновникам, называли их «бандитами, ворами, белогвардейцами» и грозили убить на месте. Работники ОГПУ прибыли как раз вовремя, чтобы спасти партийцев, но женщины продолжали собираться каждый из последующих пяти дней, выдвигая все новые требования, включавшие роспуск колхоза и возвращение имущества кулаков⁵⁵.

В бабьем бунте, который произошел в деревне Бутовская Клиновского района Западной области, также участвовали только женщины. 3 марта 1930 г. ранним утром зазвучал набат, созвавший женщин деревни «в организованном порядке», как это описано в отчете. Женщины прошагали к сельсовету и потребовали встречи с его работниками. Последние, однако, говорить с ними отказались. Тогда одну из женщин послали в соседнюю деревню за председателем сельсовета (предположительно, дружелюбно настроенным). Когда тот прибыл, была организована встреча с партийными работниками. На

ней женщины добивались роспуска колхоза, подняв такой шум своими криками «Долой колхоз!», что партработникам пришлось закрыть встречу. На следующее утро 300 женщин снова пришли к зданию сельсовета (некоторые вооружились вилами) и потребовали созвать собрание. Когда им было в этом отказано, толпа ворвалась в здание и написала там собственное постановление о роспуске колхоза. Она также выбрала новый сельсовет, исключительно из женщин. Новый секретарь сельсовета, которая в официальном отчете названа дочерью кулака, надела мужскую одежду и назвалась Василием Васильевичем Антоненко. Столь необычная смена пола и имени весьма символично отражала только что произошедшее свержение власти. На следующий день женщины избавились от бывших советских чиновников, выкрикивая «Вы нам не нужны!» и «Мы все восстанем!». В отчете говорится, что местные функционеры сбежали и укрылись в своих домах, но ничего не сказано о результатах бунта и последствиях для его участников. Однако бунт в Бутовской вызвал новые бунты в районе, в том числе в деревне Горчаки. В Бутовской мужчин нигде не было видно. Здесь женщины не только стали руководящей силой восстания, но и продемонстрировали организованность, упорство и политическую осведомленность при выборе новой местной власти, каких мало кто ожидал от якобы отсталых «баб». Несмотря на все эти факты, важно отметить вывод автора официального отчета: организованный характер бабьих бунтов и цепь происходивших событий якобы говорили о том, что за ними стоял некто (скорее всего мужчина), скрывавшийся «за спинами беднячек и середнячек»⁵⁶.

Аналогичный уровень организованности и политической осведомленности продемонстрировали участницы бабьего бунта в деревне Танкеевка Спасского округа Татарии. Там они протестовали против решения превратить местную церковь в «культурный центр», колокол переплавить и продать, а на вырученные деньги купить трактор. С криками «Не надо нам тракторов и колхозов!» и «Не дадим колоколов!» женщины налетели на членов сельсовета и начали их избивать. Расправившись с местными властями, они организовали собрание, на котором избрали своих собственных руководителей. Весьма любопытно, что в докладе об этом происшествии не делалось выводов, будто за спинами женщин стоял какой-то мужчина, организовавший беспорядки; вместо этого сообщалось, что протест возглавила кулачка, и это довольно редкий пример придания женскому протесту «кулацкого» характера⁵⁷.

События в деревне Болтуновка на Нижней Волге также показали высокую степень организации женщин, которая шла вразрез с представлениями властей. Здесь бабий бунт начался после попытки вы-

везти из деревни недавно заготовленное зерно. 20 сентября 1929 г. в 8 часов утра толпа женщин, собравшихся со всех концов деревни, расположилась на месте, откуда должны были вывозить зерно. Как сообщается в отчете, бунт заранее организовали беднячки, которые стучались в окна всех изб и призывали всех женщин прийти на демонстрацию, иначе с них возьмут штраф в три рубля⁵⁸. Однако в итоге акция протеста потерпела неудачу, поскольку женщинам не удалось собраться всем вместе. Ленинградские рабочие, составлявшие отчет, называли виновниками бунта не женщин и не кулаков, а коррумпированных и грубых окружных уполномоченных. Тем самым, сваливая вину на *других* чиновников, которые часто соперничали за власть с рабочими бригадами, они оправдывали и деполитизировали женский протест⁵⁹.

Серия бабьих бунтов, ставших ответом на раскулачивание, дает еще множество примеров решительности и инициативности крестьянок. В деревне Верхний Икорец Бобровского района Острогожского округа Центрально-Черноземной области бабий бунт вспыхнул 10 февраля 1930 г., когда местные представители власти попытались провести раскулачивание. Толпа из 200 женщин и детей забросала их снегом и камнями, в итоге вынудив остановиться. Всю ночь группы из пяти-десяти женщин дежурили у домов семей, которые начальство сочло кулацкими. Два дня спустя в деревню прибыл отряд из 40 вооруженных коммунистов и милиционеров, однако встретил, по видимому, уже поджидавшую их толпу из 600 женщин, которые с криками «Ура!» оттеснили вторгшихся. Затем женщины переместились к зданию сельсовета, где решили положить конец колхозу и забрать обратно свой хлеб и семена⁶⁰. В двух деревнях Западной Сибири женщины также взяли на себя инициативу по защите своих соседей. В деревне Петровка Черлакского района 40 женщин помешали депортации двоих кулаков, спрятав их детей в своих домах и угрожая избить уполномоченного РИК. Женщины заявили: «У нас кулаков нет, они неправильно лишены избирательных прав». В деревне Рождественская Каргатского района толпа женщин сбежала на крики их соседа Ляхова, который «категорически отказался выехать» с бригадой по раскулачиванию. Женщины спрятали детей Ляхова и взяли его под свою защиту. Когда члены бригады через какое-то время вновь вернулись за Ляховым, его депортации помешала толпа из 70 женщин, кричавших «Взять его не дадим!» и «Уполномоченных надо побить!». В то же время другие сельчанки ходили от избы к избе, собирая подписи под петицией в поддержку Ляхова. В конце концов женщины обратили свой гнев против колхоза и силой забрали обратно свое имущество⁶¹. Оба происшествия были организованными и однозначно имели осознанную цель.

Даже самые жестокие и, на первый взгляд, безрассудные проявления женского гнева несут признаки продуманности или, по крайней мере, определенных устоявшихся форм поведения, которые говорят о том, что это были не просто неудержимые истеричные порывы. Так, в деревне Кривозерье Ромодановского района Мордовской области толпа из 200 женщин собралась у сельсовета, требуя, чтобы их отпустили из колхоза. На следующий день они собрались вновь на том же месте, однако уже в составе 400 чел., которые требовали, чтобы бедняки покинули дома кулаков, и угрожали убить их детей. Разъяренная толпа после этого пригрозила смертью местным активистам и преследовала их до близлежащего здания. Добежав до него, бунтовщицы разбили окно и попытались ворваться в дом. Несмотря на буйство и насилие, характерное для этого восстания, женщины Кривозерья заранее договорились об условных сигналах с крестьянками из двух соседних деревень, также принявших участие в бунте. Сигналом для них был взмах красной шали⁶². Восстание женщин в деревне Карели Моршанского района Тамбовского округа Центрально-Черноземной области также имело признаки подготовленности и устоявшихся форм протеста. 12 января 1930 г. собрание молодежи решило закрыть церковь и превратить ее в школу. 13-го несколько женщин выбежали на улицы, крича «Караул!», этот крик наравне со звуком колокола был сигналом тревоги, услышав который другие женщины также выбежали на улицы и подхватывали его. Несколько сотен женщин собрались у магазина, где, обсудив план закрытия церкви, возложили вину за это решение на местного школьного учителя. Толпа решила вызвать некоторых подростков, присутствовавших на собрании, скандируя «На расправу!», что можно было часто услышать во время подобных восстаний. После того как ни один из них не явился, толпа ворвалась в их дома, вооруженная топорами и кольями. Когда она достигла 500 чел., было решено двигаться к дому учителя. Последний благоразумно исчез, и толпа направилась к церкви, по пути побив жену местного коммуниста. Восстание закончилось, когда с женщинами встретился районный уполномоченный и пообещал им, что церковь никто закрывать не будет. Примечательно, что даже в ходе этого, на первый взгляд, безумного восстания женщины – по традиции или по уговору – выкрикивали одни и те же призывы и, более того, по дороге в церковь останавливались у дома священника, чтобы получить его благословение⁶³.

Эти случаи свидетельствуют, что деревенские женщины были способны самостоятельно протестовать против политики советской власти, при поддержке своих мужей или без нее. Крестьянки проявили некоторую зачаточную степень организованности и политической осведомленности. В секретных документах ОГПУ содержится

ся информация о том, что восстания женщин часто характеризовались высокой степенью организации и настойчивости, и приводятся ряд случаев, когда женщины осуществляли патрулирование и выставляли посты, охраняя кулаков и их имущество⁶⁴. В пользу организованности женщин говорил также тот факт, что иногда протестующие крестьянки вооружались вилами, кольями, ножами и другими предметами⁶⁵. В некоторых случаях даже сообщалось, что мужчины активно пытались помешать действиям своих жен. Так, в поселке Новосредний Ставропольского края, населенном преимущественно баптистами, в конце 1929 г. вспыхнул бабий бунт, вызванный слухами о том, что готовится обобществление детей и все должны будут спать под 80-метровым одеялом. Когда от женщин соседней деревни пришла весть, что они забрали свой недавно обобществленный скот, большинство жительниц Новосреднего двинулись к зданию управления колхоза, многие с детьми на руках, и потребовали вернуть свой скот. В отчете местного партработника говорится, что представители колхозной администрации связались по телефону с райцентром и получили инструкции ни в коем случае не применять силу. Тогда они попытались поговорить с собравшимися 200 женщинами, однако этим только обозлили их. Кто-то крикнул: «А ну, бабоньки, за конями!», после чего женщины ворвались в стойла и забрали своих лошадей. Как сообщается в отчете, этому пытались воспрепятствовать многие их мужья, заявлявшие: «Я за тебя в ответе быть не хочу!» Вечером было созвано собрание членов колхоза, на котором мужчины не сказали ни слова, а женщины взяли на себя всю ответственность, добавив: «Не надо нам вашего колхоза!» Возможно, конечно, внешняя непричастность мужчин, о которой утверждали селяне, служила способом избежать более серьезных последствий; однако очевидно, что женщины были способны оказать протест и без участия мужчин⁶⁶. Схожим примером является случай массовых выступлений в одной из донских деревень после выхода мартовского постановления ЦИК о перегибах. Здесь женщины созвали собрание против колхоза, после чего ворвались в здание колхозного правления и арестовали председателя, которому плевали в глаза и угрожали побоями. В начале выступлений их мужья работали в поле, но, как только услышали о происходящем, вернулись в деревню и попытались успокоить женщин. Неизвестно, насколько они были при этом искренни, однако очевидно, что бунт подняли сами женщины⁶⁷.

Бабы бунты были больше чем просто протестом женщин. Независимо от того, участвовали ли в них мужчины, они служили, пожалуй, главной формой активного протеста крестьянской культуры сопротивления в годы коллективизации. В противоположность представлению властей, они носили весьма продуманный характер,

а значение женщин как организаторов и участников было в них главенствующим. Такие бунты являлись продолжением сценария, когда все крестьяне, не только женщины, играли свои роли на фоне деревенских декораций и в гриме стереотипных образов⁶⁸.

Бабы бунты часто проходили по испытанному сценарию. Впереди шла толпа женщин с детьми, мужчины держались позади⁶⁹. Их присутствие могло быть как способом защиты – ведь в случае необходимости они могли прийти на помощь женщинам, – так и средством запугивания. Дети служили прикрытием и напоминанием местным партийцам о том, что они имеют дело с живыми людьми, которые нуждаются в гуманном отношении. Присутствие женщин должно было предотвратить насилие – или же, если до него все-таки доходило, – деполитизировать акт протеста против советской власти. Такой порядок шествия и распределение ролей являлись не столько плодом сознательного творчества в каждом конкретном случае, сколько частью народной культуры сопротивления, которая сложилась в деревне как средство противодействия власти⁷⁰.

Физически дистанцируясь от бунтов, деревенские мужчины тем самым держались и на безопасной политической дистанции от их возможных последствий. Все жители деревни понимали опасность, которой подвергнутся мужчины, уличенные в участии в восстаниях, и сформировали своего рода союз, направленный на их защиту. Так было в поселке Новосредний, где после бунта женщины взяли на себя всю ответственность за свои действия⁷¹. В немецкой деревне Зонненталь Кропоткинского района на Северном Кавказе женщины «категорически запретили» своим мужчинам и близко подходить к толпе, заявив им: «Это наше бабье дело, вам нечего вмешиваться»⁷². В ходе бунта в селе Карасукском мужчины сами выдвинули подобную идею: «Им за это ничего не будет, их не покарают»⁷³. На Нижней Волге крестьянки часто шли в «авангарде» бунта под предлогом, что «женщин не тронут»⁷⁴.

Безусловно, ОГПУ хорошо понимало, чем обусловлен такой характер женских выступлений; в отчетах отмечалось: мужчины предпочитают держаться в стороне, дабы избежать жестоких мер, уготованных кулакам, и выставлять вперед женщин, понимая, что «женщине ничего не будет, она несет меньшую ответственность». Так, согласно отчету ОГПУ, в деревне Антоновка Бугского района Украины женщины заявляли: «Мы никого не боимся, мы уже были в ГПУ, и нам ничего не сделали и не сделают». В деревне Красное Николо-Петровского района Средневожского края крестьянки говорили: «Бабы, не дадим колокола, нам за это ничего не будет». ОГПУ в этой связи отмечало: «Излишне снисходительное отношение карательных органов к женщинам – участницам антисоветских выступлений... способ-

ствовало укреплению мнения о безнаказанности женщин». Если верить источникам ОГПУ, вооруженная сила для подавления бабьих бунтов применялась лишь в считанных случаях (пять раз на Украине, по одному – в Центрально-Черноземной области и на Северном Кавказе). Сообщается, что 68 % бабьих бунтов удалось «ликвидировать» посредством убеждения, 15,5 % – благодаря выполнению требований восставших, и только в 14 % случаев потребовался арест зачинщиков и наиболее активных участников; таким образом, подтверждается, что в отношении женщин репрессии почти не применялись⁷⁵.

Во время бабьих бунтов мужчины старались, насколько это было возможно, держаться в стороне. Так же они вели себя во время ненасильственных актов протеста. Мужчины деревни искусно использовали образ буйной «бабы», дабы избежать участия в колхозе и различных ненавистных мероприятиях. Так, согласно отчету рабочей бригады из Тамбовского округа Центрально-Черноземной области, деревенские мужчины не ходили на собрания по коллективизации, посылая вместо себя женщин. Когда их спрашивали, почему они так поступают, те отвечали: «Они же равноправными стали, как они решат и что постановят, так и мы подчинимся»⁷⁶. Один из крестьян сказал двадцатипятилетнему Груздеву: «Моя жена не хочет... отпустить в колхоз корову». Крестьянин из Московской области заявил местным партработникам, что он не мог вступить в колхоз, потому что боялся своей жены, которая могла бы застыдить его⁷⁷. Мужчины одной из одесских деревень отвечали на вопросы чиновников, почему не вступают в коллективное хозяйство: «Мы не вступаем в созы потому, что нас не пускают туда жены». Согласно отчету, в деревне Борка Остерского района Черниговского округа большинство бедняков отказались вступать в колхоз, мотивируя это тем, что им не позволят это сделать жены⁷⁸. Как отмечал современник, мужчины показывали всем своим видом, что готовы вступить в колхоз, однако медлили с этим, отвечая: «Пойду с бабой посоветуюсь»⁷⁹. Для мужчин деревни было значительно легче и проще заявить властям, что они не могут вступить в колхоз, так как им запретили их жены.

Женщины подыгрывали своим мужчинам. Во многих деревнях крестьянки заявляли партработникам, что не собираются вступать в колхоз, а если это сделают их мужья, они подадут на развод⁸⁰. В одной из деревень Северного Кавказа женщины заявили местному партработнику: «Если наши мужья вступят в колхоз, мы их не пустим домой»⁸¹. В станице Владимирской Ставропольского округа на Северном Кавказе 150 женщин собрались у здания сельсовета и стали требовать развода и раздела имущества, поскольку они не хотели идти в колхоз, а их мужья якобы не собирались его покидать. По всему округу женщины ставили мужчин перед выбором: либо те

выходят из колхоза, либо они подают на развод⁸². Согласно отчетам, в некоторых местах женщины являлись на официальные собрания и силой или уговорами утаскивали своих мужей⁸³. В одной из татарских деревень в конце 1929 г. женщины ворвались на собрание мужчин по коллективизации, каждая схватила своего мужа за руку и увела домой; после этого некоторые из женщин вернулись и избili одного из организаторов собрания⁸⁴. Однако бывали случаи, когда расхождение мужского и женского мнений о коллективизации не было предметом сговора и уловок. Представители власти часто отмечали, что мужчины кооперировались гораздо лучше женщин. Так, женщина-организатор в одной из деревень написала в своем отчете: «Мужчин очень много сознательных, очень хорошо помогают в работе», а о женщинах отзывалась как об «отсталых»⁸⁵. Хиндус и другие исследователи также приводили примеры случаев, когда возникали споры об участии в колхозах на, казалось бы, чисто семейной основе⁸⁶. Более того, в деревнях, где мужчины уходили на сезонные заработки, голос женщин становился решающим. Приведем фрагмент беседы гарвардского журналиста с бывшим крестьянином и солдатом, жившим в эмиграции после Второй мировой войны. Беседа состоялась в 1950 г.

«Женщины активно противостояли колхозам, а мужчины были в основном пассивны. Женщины, особенно в центральных областях страны, занимались обработкой земли, вели домашнее хозяйство, по сути там был в некотором роде матриархат. Мужчины же ушли в город на заработки... Женщины говорили мужчинам, что им следует делать. В 1931 г. наши войска стояли под Смоленском. В одной из деревень женщины решили созвать собрание и распустить колхоз. Такие собрания шли во многих местах. Я помню, как в городке Дубровка под Смоленском женщины решили забрать зерно для сева. Мужчины в этом участия не принимали и держались в стороне. Председатель колхоза сначала посмеялся над этой “женской чепухой”, но, когда стало ясно, что они не шутят, ему пришлось звать на помощь милицию»⁸⁷.

Действовали ли женщины по указке своих мужей или же противостояли им, было очевидно, что многие сельские жители осознали, насколько женский протест успешнее и безопаснее мужского. Этому способствовал каждодневный опыт уловок и хитростей, вылившийся в практику бабьих бунтов, в которых каждый играл свою роль на благо всей деревни.

Определенным целям служило и присутствие во время бабьих бунтов детей, которое могло быть напоминанием властям о мирном характере протеста или служить прикрытием для защиты пожилых женщин от возможных нападков. Оно также должно было дать понять

жестоким партийцам, что они все-таки имеют дело с людьми, с семьями. Так, в одной из деревень на Средней Волге организаторов колхоза, ходивших по избам и агитировавших местное население, встречали женщины, державшие за руки детей⁸⁸. В страдавшей от голода казахской деревне в конце 1930 г. женщины привели своих детей к дому двадцатипяти тысячника, где устроили молчаливую акцию протеста. Когда тот сидел за столом и обедал, его избу окружили женщины и дети, стучавшие в дверь и окна и заглядывавшие через стекло⁸⁹. В некоторых частях страны присутствие детей во время актов протеста было вызвано или оправдано ходившими там слухами. Так, в одной кубанской деревне прошел слух, что беременные и ухаживающие за детьми женщины не могут быть наказаны за свои действия. Сообщалось, что они даже брали с собой чужих детей, когда шли на собрания. Парработники, разумеется, приписали распространение слуха местному кулаку, который при этом ссылался на несуществующий закон⁹⁰. Хиндус приводит слова одной крестьянки о женском протесте: «Многие из нас пришли с детьми, потому что мы знали, что законы о женщинах с детьми не позволят им нас тронуть»⁹¹. Независимо от того, верили ли женщины в это на самом деле или ссылались на какой-то вымышленный «закон», они явно *использовали* слух о таком положении в своих собственных целях⁹². Притворство снова сыграло главную роль в бабьем бунте.

Порядок шествия толпы во время бабьих бунтов был лишь одной из его особенностей. Ключевую роль в нем также играл церковный колокол, который не просто созывал крестьян на службу, но в чрезвычайных ситуациях действовал как набат, а также служил символом единства деревенской общины⁹³. Причиной многих бунтов становились попытки представителей власти снять колокол с целью переплавить его или же наказать деревню, лишив ее одного из главных культурных символов. В ответ на такие действия обычно восставала вся община. Удары колокола также призывали к оружию в начале бабьих и других бунтов⁹⁴.

Колокольный звон был не единственным звуком во время бабьих бунтов. К нему добавлялся шум – крики и проклятия, среди которых звучали традиционные «Караул!», «Расправа!» и призывы к самосуду. Такой «шумный протест», схожий с тем, что применялся во время собраний, лишал ошеломленных агентов советской власти возможности сказать свое слово, приводя их в полное замешательство. Он позволял женщинам с самого начала взять ситуацию под свой контроль. Противостоявшие им мужчины, хотя и владели ораторскими навыками, совершенно не умели вести разговор на повышенных тонах. Женщины же вели борьбу на своей территории, мастерски используя свои способности умело прервать собеседника, заглушить

его, подняв беспорядочный (на первый взгляд) гомон. Плотная толпа женщин, окружавших, толкавших и трепавших свою жертву, создавала пугающую картину в глазах представителей власти, опасавшихся истеричного сборища «баб».

Это было первым действием спектакля. Во втором женщины принимались за советскую власть. Чаще всего они направлялись к зданию сельсовета, иногда даже врываются в него, как это было в одной из деревень под Смоленском, где женщины разгромили кабинеты чиновников и сорвали со стены портрет Калинина⁹⁵. Часто они избивали парработников, иногда очень жестоко, пока те не переставали сопротивляться. В случае необходимости в этот момент мужчины могли присоединиться к бунту под сравнительно безопасным предлогом «защиты» женщин. Однако в подавляющем большинстве случаев агенты советской власти спасались бегством, едва почуяв угрозу со стороны женской толпы⁹⁶. Избавившись от своих главных врагов, женщины переходили к следующему этапу бунта.

Развязка бабьего бунта наступала, когда женщины предпринимали попытку добиться поставленных целей. В основном речь шла о таких чувствительных вопросах, как закрытие церквей, снятие колоколов, раскулачивание, депортация, хлебозаготовки, обобществление скота и семфонда, организация колхоза. Зачастую женщины могли только физически блокировать доступ к церкви или домам кулаков или же пойти против официальных постановлений. Иногда они прогоняли из деревни конвоиров и коллективизаторов⁹⁷. Лучше всего им удавалось возвращать обобщественную собственность и разваливать колхозы: женщины, одни или вместе с мужчинами, врываются в стойла и зернохранилища, забирали все, что им причиталось, и разрывали устав колхоза⁹⁸. В основном бунты заканчивались, когда достигалась их цель, но иногда, как мы уже видели из примеров, женщины шли еще дальше и формировали свое собственное местное правительство⁹⁹.

Бабий бунт обычно завершался без применения силы со стороны государства. В тех редких случаях, когда такое все же происходило, была задействована только судебная власть. Обычно дело кончалось тем, что находилось несколько виновных из числа местных мужчин – кулаков или прочих крестьян, – а женщинам либо назначались незначительные наказания, либо они вовсе оставались безнаказанными. Если основываться на отчетах о делах, опубликованных в журнале «Судебная практика» (выходившем как дополнение к журналу Наркомата юстиции РСФСР «Советская юстиция» в 1930 и 1931 гг.), можно сделать вывод о том, что женщин практически не судили по статье 58 Уголовного кодекса о контрреволюционных преступлениях; по ней обычно проходили мужчины. Бабий бунт, как правило, закан-

чивался словами: «Мы отсталые». Когда крестьянки раскаивались в этом, власть обычно и ограничивалась порицанием. Ярким примером подобного использования стереотипов служат события в деревне Козловка Западной области. Там на собрании была принята резолюция, осуждающая бунт женщин *этой* деревни, в результате которого были разрушены колхозные конюшни. Жители деревни клятвенно уверили ОГПУ, что подобное не повторится, попросили его представителей принять для этого все необходимые меры, а также обратились с просьбой не арестовывать крестьянок – беднячек и середнячек, которые в бунте «принимали участие по своему неосознанию»¹⁰⁰. Под занавес спектакля бабьего бунта его участницы начинали посыпать голову пеплом и раскаиваться в содеянном.

Во время бабьих бунтов каждый из жителей деревни действовал по привычному сценарию, где всякий играл свою роль, известную и хорошо знакомую как «своим», так и «чужим». Неотъемлемой частью бунта были уловки, притворство, истерия, беспорядки и спонтанность. Главенствующую роль в его организации и проведении играли женщины. Бабьи бунты стали реакцией крестьянок на политический курс властей; они всегда имели определенную цель, будь то противодействие закрытию церкви, раскулачиванию или организации колхоза. Как их содержание, так и форма были продуманными, притом зачастую за внешней суматохой скрывалась относительно высокая организованность и политическая осведомленность. Бабьи бунты носили вдвойне подрывной характер, поскольку не только бросали прямой вызов государственной власти, но и меняли местами традиционные гендерные роли, разрушая патриархальную иерархию деревни и государства. Возможно, бабий бунт был наиболее успешным «разрешающим методом»¹⁰¹ крестьянских массовых выступлений в период коллективизации, поскольку одновременно служил эффективным средством защиты для мужчин деревни, а значит, и для всех ее жителей. Его участники играли на представлении властей о крестьянах как о «темной массе», о женщинах как о «буйных бабах» и о том, что их подбивает на выступления «агитпроп» кулаков и подкулачников.

Заключение

Крестьянки, объединившись с мужчинами деревни, использовали в своих собственных целях официальный образ «бабы», аналогичный описанному Дэвис образу «буйной женщины»¹⁰², который давал им защиту и преимущество перед чужаками, имевшими слабое представление о жизни в деревне. Советская власть лишила крестьянок

всех классовых атрибутов, поставив во главу угла их пол, тем самым отрицая наличие у них какой-либо сознательности и самостоятельности. «Баба», по определению, не была способна на политический протест, который в представлении советских функционеров был связан с классовой борьбой, чем и воспользовались женщины деревни, вжившиеся в отведенную им роль. Подобная тактика являлась частью крестьянской народной культуры сопротивления и служила примером «официального протокола» крестьянского протеста, который, сталкиваясь с доминирующими классами и «будучи основан на подчиненной воле, подстраивался под ожидания власть имущих»¹⁰³.

Если бабьи бунты были чем-то большим, чем казались, то возможно ли, что их официальный образ представлял собой еще один тип политического конструкта? Если так, то у государства, возможно, также имелось свое понимание бабьих бунтов, которое отличалось от официального, но не заменяло его? Так, в книге «Бунт во имя царя» Филд предположил, что «миф о царе», то есть наивный монархизм, был удобен как крестьянству, так и царскому правительству во время выступлений крестьян после отмены крепостного права. Он основывался на представлении о крестьянах как об отсталых и верных царю, способных на бунт только в случае обмана их чужаками, использовавшими «простодушных» сельчан в своих целях. По Филду, этот миф давал режиму готовое объяснение возникновения любых социальных и политических проблем, ведущих к массовым выступлениям. Другими словами, и царь, и крестьянин участвовали во всеобщем обмане, целью которого было сгладить остроту волнений и деполитизировать народный бунт¹⁰⁴.

Подобный миф во многих отношениях проявился и в советский период. Снисходительность государства находилась в прямой зависимости от противостоявшей ему угрозы. Официальные образы бабьего бунта и протеста деревенских женщин использовались для понижения значимости оппозиции коллективизации и маскировки ее истинной природы. Так, в большинстве секретных документов ОГПУ содержатся данные, которые говорят о понимании этой организацией истинных причин многих бабьих бунтов, несмотря на то что она продолжала возлагать на кулака вину за их разжигание и отрицать самостоятельность протеста женщин (см. выше). Бабьи бунты и бесклассовая природа «бабы» служили удобным оправданием участию в акциях протеста бедняков и середняков, поддержку которых не сумело завоевать государство. Кроме того, позволяя женщинам протестовать, власти, возможно, надеялись избежать более серьезных последствий бунтов, в которых участвовали бы и мужчины. Как писал М. Шолохов Сталину в 1932 г., если в дело вступали мужчины, «дело кончалось убийством»¹⁰⁵. Тот факт, что власть, несмотря на

созданный при ее участии и использованный ею «официальный» образ «бабы», полностью осознавала суть женского протеста, подтверждается отсутствием «баб» в сталинском политическом искусстве первой половины 1930-х гг. Виктория Боннелл писала по этому поводу: «Новый мир деревни, изображенный на сталинских картинах того времени, стирал почти все проявления традиционной культуры и образа жизни женщин деревни»¹⁰⁶. Однако их исчезновение могло быть продиктовано не только неприязнью к «бабе» как к символу культурной отсталости, но и страхом, который власти испытывали перед женщинами как главными участниками актов активного и коллективного крестьянского сопротивления коллективизации, готовыми ей ожесточенно и упорно противостоять.

Судя по всему, с окончанием «мартовской лихорадки» закончились и бабьи бунты. Тем не менее в годы коллективизации бабьи бунты и протесты женщин были наиболее эффективной и широко распространенной формой крестьянских коллективных действий, направленных против государства. Они сыграли ключевую роль в изменении политического курса и временном отступлении весной 1930 г., заставив власть с большей осторожностью относиться к крестьянству и к важнейшим для него вопросам домашнего хозяйства, семьи и веры. Женщины деревни возглавили сопротивление коллективизации, встав на защиту своих интересов и продемонстрировав организованность и сознательную политическую оппозицию, которые не решалось признать государство. Более того, в их ожесточенном сопротивлении крылось предчувствие грядущих тягот. О чем-то подобном напоминает нам Солженицын словами своего персонажа Ивана Денисовича: «Чему Шухову никак не внять, это, пишет жена, с войны с самой ни одна живая душа в колхоз не добавилась: парни все и девки все, кто как ухитрится, но уходят повально или в город на завод, или на торфоразработки. Мужиков с войны половина вовсе не вернулась, а какие вернулись – колхоза не признают: живут дома, работают на стороне. Мужиков в колхозе: бригадир Захар Васильич да плотник Тихон восьмидесяти четырех лет, женился недавно, и дети уже есть. Тянут же колхоз те бабы, каких еще с тридцатого года загнали, а как они свалятся – и колхоз сдохнет»¹⁰⁷. И это были именно те женщины, которые столь самоотверженно боролись против коллективизации. Именно их интересы, жизнь и культура стояли на карте в эпоху крестьянской гражданской войны против советской власти.

7

«ТИХОЙ САПОЙ»: ПОВСЕДНЕВНЫЕ ФОРМЫ СОПРОТИВЛЕНИЯ В КОЛХОЗАХ В 1930-м И В ПОСЛЕДУЮЩИЕ ГОДЫ

Товарищ Сталин!
Дай ответ,
Чтоб люди зря не спорили:
Конец предвидится аль нет
Всей этой суетории?..

И жизнь – на слом,
И все на слом –
Под корень, подчистую.
А что к хорошему идем,
Так я не протестую...

И с тем согласен я сполна,
Что будет жизнь отличная.
И у меня к тебе одна
Имелась просьба личная.

Вот я, Никита Моргунок,
Прошу, товарищ Сталин,
Чтоб и меня и хуторок
Покамест что... оставить.

И объявить: мол, так и так, –
Чтоб зря не обижали, –
Оставлен, мол, такой чудак
Один во всей державе...

А. Твардовский. Страна Муравия

...Заткни топор за спину: лесничий ходит.

А. Пушкин. Капитанская дочка

Конец 1930 г. был ознаменован началом нового этапа крестьянского сопротивления (по определению кулацкого), осуществлявшегося теперь, по словам властей, тихой сапой. Выражение «тихой са-

пой», которое можно перефразировать как «тайком», означает подрывную деятельность, ведущуюся украдкой и без лишнего шума. Как и многие другие жаргонизмы того времени, это выражение по своему происхождению и коннотации относится к военной сфере. В официальной риторике стало все чаще появляться утверждение о том, что кулак изменил тактику. Сейчас он (в большинстве случаев слово употреблялось в мужском роде) «проник» в колхозы, в том числе в их руководство, чтобы изнутри участвовать в акциях саботажа. Его деятельность замаскирована и осуществляется руками бедняков и середняков, особенно «отсталых элементов» вроде женщин, или же ведется в сговоре с местными должностными лицами. Время, когда кулаки открыто протестовали на собраниях, называли колхозы про-исками Антихриста и организовывали бабьи бунты, прошло¹. Теперь основная деятельность кулака разворачивалась в колхозах, а его главной задачей стало их разрушение.

По сути, начался новый этап коллективизации. Широкие репрессивные полномочия государства сократили до минимума возможности открытого сопротивления, сведя его к краткосрочным акциям, вроде беспорядков и отдельных всплесков недовольства, характерных для 1930-х гг. В любом случае активное сопротивление редко использовалось в качестве главного инструмента крестьянской борьбы. Оно также не распространялось широко, за исключением периодов фундаментальных перемен, когда верх брали злость и отчаяние. В обычное же время крестьяне предпочитали приспособливаться, притворяться и сопротивляться более спокойным и не столь конфронтационным образом. После завершения коллективизации государство и крестьянство оказались в тупике. Постепенно бесчисленные толпы городских коммунистов, должностных лиц и рабочих стали редеть, а правительство начало осуществлять свои функции непосредственно из города через систему уполномоченных, крестьянское самоуправление и хлебозаготовительные кампании. Неохотно и с трудом крестьянство стало приспособливаться к новому порядку. Пассивное сопротивление – тихой сапой – превратилось в главный способ защиты, к которому крестьян понуждали необходимость борьбы за выживание, голод, отчаяние и затаенная злоба.

Новая моральная экономика

Повседневные формы протеста являются ключевой составляющей культуры крестьянского сопротивления и представляют собой «достаточно прозаичную, но постоянную борьбу между крестьянами и теми, кто хочет поживиться за их счет, эксплуатируя крестьянский

труд, присваивая произведенные ими продукты питания, взимая налоги, ренту и процент». Она может принимать форму отказа от работы, ее затягивания, симуляции, воровства, побегов и саботажа². Повседневные формы сопротивления глубоко укоренились в жизни крестьян еще с первых дней введения крепостного права и продолжали развиваться после революции. Эти уловки не исчезли в 1917 г. и снова стали применяться во время Гражданской войны и в 1920-е гг., когда крестьяне столкнулись с прежде неизвестными им вызовами со стороны новых «господ».

К концу 1920-х гг. повседневные формы сопротивления получили широкое распространение, поскольку крестьяне стремились уклониться от уплаты налогов или ослабить их бремя, которое включало сборы в натуральной форме. В условиях невыгодных и искусственно заниженных цен на зерно многие крестьяне предпочли переориентироваться на выращивание технических культур, производить самогон или разводить крупный рогатый скот³. По мере развития политики властей, отдававшей предпочтение одним слоям общества в ущерб другим, все больше росли налоги, посевные планы и обязательства по госпоставкам. В ответ крестьяне стали прибегать к различным уловкам для сокрытия или смены своего социально-экономического статуса. Они пытались избавиться от ярлыка кулака и перейти в разряд бедняков или середняков посредством незаконной продажи земли, фиктивного раздела собственности, «усыновления» наемных работников, взяток местному начальству для получения поддельных документов⁴. Эти уловки, наряду с созданием «лжеколхозов»⁵, состоявших из родственников, соседей по хутору или отрубам или более зажиточных крестьян, использовались в период коллективизации (а в ряде случаев и позже). Были распространены и более радикальные меры, такие, как самораскулачивание и разбазаривание⁶.

Повседневные формы сопротивления приобрели первостепенное значение в конце 1930-х гг., особенно после завершения коллективизации. Крестьяне поняли, что им не удастся бросить открытый вызов государству и придется жить в жестких рамках нового режима. После 1930 г., особенно в период голода 1932–1933 гг., сопротивление было неразрывно связано с борьбой за выживание. Крестьяне, на протяжении большей части 1930-х гг. имевшие дело с «дефицитной экономикой»⁷, были вынуждены приспособливаться, чтобы выжить.

Дефицитная экономика стала неизбежным результатом создания новой системы колхозов, в которой в начале 1930-х гг. полностью игнорировался вопрос пропитания крестьян, произведенная сельхозпродукция облагалась грабительскими налогами, царили произвол и бесхозяйственность. Положение крестьянина в колхозе напоминало положение крепостного. Поодиночке или все вместе, колхозники

были вынуждены не только отдавать большую часть сельхозпродукции, но и платить МТС в натуральной форме и выполнять множество обременительных трудовых обязательств перед государством и местными властями⁸. В январе 1933 г. была предпринята попытка регулирования и стабилизации ситуации посредством введения фиксированных норм заготовок и закупок (единовременная покупка зерна, а позже и других продуктов, по цене, превышающей установленную по сельхоззаготовкам, после выполнения колхозником заготовочных норм). Однако эти меры государство рассматривало как исключение из правил, продолжая политику драконовских мер в отношении деревни введением децентрализованных заготовок, проводившихся местными партработниками, должностными лицами из близлежащих городов и многими другими функционерами, а также привязкой норм по заготовкам к печально известному принципу «урожая на корню». Он сильно искажал данные, поскольку в подсчетах учитывался еще не собранный урожай⁹.

Колхозникам доставалась часть урожая, оставшаяся после того, как выполнены нормы по заготовкам, проведены выплаты машинно-тракторным станциям, отложены запасы семян на следующую посевную и покрыты текущие издержки. Эта обычно небольшая часть делилась между членами колхоза, однако в 1930 г. механизм распределения был не вполне ясен по причине нехватки на селе бухгалтеров и счетоводов. *Предполагалось*, что оплата труда будет зависеть от вида и объема работы, выполненной каждым конкретным колхозником. Однако на начальном этапе существования колхозов оплата труда рассчитывалась по традиционной формуле в зависимости от количества «едоков» или работников в семье. Система трудодней, которая в первой половине 1930 г. соперничала за официальное признание с фабричной системой оплаты труда, поначалу так и оставалась на бумаге и только в середине 1931 г. стала постепенно реализовываться на практике¹⁰. Она представляла собой сложную систему учета, в рамках которой «подсчитывались единицы работы, выполненной колхозником; оставшийся после сбора урожая в распоряжении колхоза доход в денежном и натуральном выражении делился между членами колхоза в соответствии со вкладом каждого отдельного колхозника»¹¹. Каждый трудодень оценивался по-разному в зависимости от степени квалифицированности труда. Кроме того, во многих колхозах труд женщин, а иногда и подростков, оплачивался в меньшем размере, хотя это никогда официально не признавалось и не было санкционировано властями¹².

После выполнения колхозом всех обязательств перед государством возможностей для выдачи заработанного на трудодни оставалось очень мало, из-за чего колхозники не могли должным образом

обеспечивать свои семьи и были вынуждены дополнительно обрабатывать приусадебные участки. Несмотря на то что их статус не был определен законодательно вплоть до принятия в 1935 г. Примерного устава сельскохозяйственной артели, большинству колхозников удавалось сохранить за собой небольшой надел для личных нужд. Государство постепенно стало признавать важное значение частных наделов для сферы потребления как в городах, так и на селе. Начиная с мая 1932 г. колхозам и колхозникам разрешалось реализовать излишки продукции, полученной с приусадебных участков, на жестко регулируемом рынке и только после выполнения всех обязательств по государственным поставкам. Хотя деятельность частных и посредников была запрещена, а государство часто вмешивалось в операции на рынке, львиную долю дохода крестьяне получали именно с приусадебных участков и от реализации излишков сельхозпродукции¹³. Отчеты первых лет существования колхозов говорят о том, что у бывших середняков положение в них было несколько лучше, чем у бедняков. Отчасти это было вызвано наличием у них более ухоженных и плодородных частных наделов¹⁴.

Число крестьян-единоличников, продолжавших трудиться вне системы колхозов, сокращалось. Они находились в худшем положении по сравнению со вступившими в колхозы из-за непомерного налогового бремени и обязательств по госпоставкам. Если единоличник считался кулаком, он получал так называемое твердое задание, что делало его труд экономически нерентабельным. Единоличники обрабатывали самые бедные пахотные земли, государство также принудительно скупало у них домашний скот¹⁵. При этом крестьяне, покинувшие колхозы после марта 1930 г., так и не смогли добиться, чтобы местные власти вернули им утраченное имущество, которое составило основные средства производства и трудовой капитал новых колхозов¹⁶. Маргинализации единоличников способствовала также взаимная неприязнь между ними и колхозниками¹⁷. С конца 1930-х гг. экономические репрессии государства стали основным механизмом принуждения крестьян к вступлению в колхозы или их полного изгнания с земли.

Как члены колхозов, так и единоличники жили в условиях дефицитной экономики. За их счет осуществлялся процесс индустриализации и расширения государственного контроля над деревней. Необходимость постоянной отправки зерна на экспорт вкупе с низкой урожайностью и производительностью, а также катастрофическим сокращением поголовья скота привели к обнищанию села. В первой половине 1930-х гг. в деревне резко упало потребление и снизилась доступность промышленных товаров. Весной 1930 г. многие крестьяне, в основном бедняки, страдали от голода и умирали голодной

смертью или же от болезней, вызванных недоеданием (что наблюдалось чаще)¹⁸. Самый низкий уровень потребления наблюдался в 1932–1933 гг., когда по стране прокатилась разрушительная волна голода, особенно сильно ударившая по Украине, Северному Кавказу и Казахстану. Голод, который был вполне ожидаем, но вряд ли планировался заранее, явился результатом непомерных требований со стороны государства, произвола, царившего во время кампании по коллективизации, и сложившейся политической культуры, которая практически не считала крестьян людьми¹⁹. В результате в те годы погибло от 4 до 5 млн человек²⁰.

Дефицитная экономика способствовала возникновению в крестьянской среде концепции новой моральной экономики. Понятие «моральная экономика» использовалось для обозначения народных представлений о том, что считается экономически справедливым и легитимным исходя из традиционных «социальных норм и обязательств»²¹. Эта моральная экономика явилась следствием нового порядка коллективного хозяйствования и дефицитной экономики и отражала изменившиеся под их влиянием представления крестьян о справедливости. Данные трансформации стали результатом изменения государственной концепции экономической справедливости, шедшей вразрез с традиционными воззрениями крестьян, считавших зерно исключительно своим. В коллективизированной деревне представления о моральной экономике были основой и главной легитимирующей силой моделей адаптации крестьян к новым условиям и их стратегий выживания.

Повседневные формы сопротивления служили инструментом моральной экономики в борьбе за выживание. Историкам неизвестны намерения и мотивы тех, кто практиковал такие формы сопротивления, однако вполне логично предположить, что эти действия стали результатом сочетания протеста, голода и отчаяния. С уверенностью можно сказать, что в те годы борьба за существование и выживание превалировала над *политическими* актами сопротивления. Однако в результате она все равно означала сопротивление, *по крайней мере в официальном толковании и дискурсе*. Сталинистская политическая культура воспринимала любую попытку крестьян экономически обезопасить себя и обеспечить жизненно необходимыми ресурсами как скрытую форму сопротивления, равносильную уголовно наказуемому деянию – вредительству или даже государственной измене.

Власти расширяли понятие «врага», в данном случае – «кулака». Этот процесс достиг своей кульминации в начале – середине 1930-х гг., когда государство пыталось обуздать «распоясавшихся» крестьян путем полного искоренения остаточных проявлений их независимости. К 1931 г. прежние классовые и социальные категории были пол-

ностью вытеснены сталинистским манихейским представлением о крестьянстве. Жители деревни либо становились членами колхозов, либо автоматически причислялись к кулакам. Точно такая же классификация применялась для коллективных хозяйств в голодные годы. Целые деревни были депортированы из-за невыполнения обязательств по госпоставкам²². Несмотря на «ликвидацию кулака как класса» и формальную приостановку массовых депортаций крестьян к середине июля 1931 г.²³, местных партработников призывали сохранять бдительность. Сталин считал, что страна находится в состоянии войны. Отвечая на письмо Шолохова, выступавшего против кровавых бесчинств на Дону, Сталин избегает любых социальных категорий и использует понятие «хлеборобы»: «...Уважаемые хлеборобы вашего района (и не только вашего района) проводили “итальянку” (саботаж!) и не прочь были оставить рабочих, Красную армию без хлеба. Тот факт, что саботаж был тихий и внешне безобидный (без крови), – этот факт не меняет того, что уважаемые хлеборобы по сути дела вели “тихую” войну с советской властью. Войну на измор, дорогой тов. Шолохов...»²⁴

Деревню продолжали делить на классы, а точнее, выделять среди ее жителей врагов. «Кулацкие настроения», о которых Ленин писал десятилетием ранее, продолжали витать в умах крестьян. После 1930 г. многие члены колхозов обвинялись в неспособности «изжить в себе кулака» и адаптироваться к новой системе социалистической собственности²⁵, а середняки и даже бедняки – в том, что они руководствуются «кулацкими инстинктами». Когда в 1932–1933 гг. государство начало предъявлять крестьянам обвинения в массовых кражах, кулаками стали считать всех, кто «расхищает социалистическую собственность»²⁶. Согласно печально известному «Закону об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», принятому 7 августа 1932 г., «врагами народа» становились те, кто воровал или вел незаконную торговлю²⁷. В условиях тотальной войны с крестьянством любое действие, результат которого мог быть истолкован как сопротивление, признавалось таковым вне зависимости от намерения, мотива и причины; нейтральность исключалась²⁸.

В колхозе

Накануне начала кампании по сплошной коллективизации в ноябре 1929 г. Молотов произнес речь с трибуны Пленума ЦК, заявив, что при подходе к рассмотрению вопросов, связанных с формированием колхозов, надо «иметь всегда перед глазами фабрику»²⁹. В ходе

коллективизации альтернативным формам трудовой культуры была объявлена война. В 1930 г. государство стремилось установить промышленный порядок организации труда на селе с помощью введения разделения труда, нормированного рабочего дня, жесткой дисциплины, социалистического соревнования, ударной работы и множества других чуждых деревне утопических нововведений³⁰. Несмотря на то что попытки «индустриализации» колхозов в большинстве своем прекратились в 1931 г., государство не отказалось от своей главной цели – искоренить или, по крайней мере, радикально изменить культуру труда крестьян в целях установления абсолютного контроля над процессом производства в деревне. Эта «революция внутри революции» коренным образом противоречила давно устоявшемуся ритму крестьянской жизни и стала отправной точкой борьбы в условиях новой моральной экономики.

Понятие «трудовая дисциплина» получило широкое распространение и по сути означало производственную дисциплину на фабрике, являющуюся неотъемлемой чертой образцового пролетария. В годы Гражданской войны и особенно в эпоху сталинской революции она приобрела военизированный характер. В начале 1930-х гг. власти ожидали, что трудовая дисциплина станет также неотъемлемой частью колхозной жизни, однако на практике подобное наблюдалось крайне редко, и призыв к дисциплине труда оставался своего рода «боевым кличем» властей, устанавливавших новый порядок. Как члены колхозов крестьяне должны были соблюдать трудовую дисциплину: начинать и заканчивать работу вовремя, демонстрировать «сознательное» отношение к инструментам труда, машинному оборудованию и рабочему скоту, поддерживать гармоничные взаимоотношения с членами своей трудовой бригады, а также строго выполнять распоряжения колхозного руководства.

Однако крестьян с самого начала обвиняли в «низкой трудовой дисциплине» – они были медлительны, уклонялись от работы, умышленно ее затягивали, работали спустя рукава и т. д.³¹ Весной 1931 г. руководству многих колхозов удалось заставить выйти в поле лишь от одной до двух третей работников³². В 1934 г. первый секретарь Азовско-Черноморского края Шеболдаев сообщал о небольшом улучшении трудовой дисциплины, отмечая, что в 1931 г. колхозники на Северном Кавказе в среднем зарабатывали только 139 трудов дней в году, в 1940 г. – 140, а в 1933 г. – больше 200, однако при этом 15 % семей продолжали зарабатывать меньше 100 трудов дней³³. В колхозах Усть-Лабинского района Северного Кавказа весной и в начале лета 1930 г. трудилась только треть всех работников; в особенно крупных хозяйствах ситуация была еще хуже³⁴. По заявлениям партийного руководства, такое «несознательное» отношение к труду характеризовало прак-

тически всю рабочую силу колхозов и было вызвано сохраняющимся влиянием кулаков, а также низким уровнем социально-политической культуры и мелкобуржуазной природой крестьянства.

После 1930 г. власти нужен был только труд, сами же по себе члены колхозов никакой ценности не представляли. В результате отказ от работы и умышленное ее затягивание стали естественными актами саботажа в отношении государства, принявшего решение изымать на селе *все* имущество, приносящее доход. Неявка на работу, особенно в пору сева или жатвы, вполне могла привести к катастрофе в колхозах и государстве. Невыходы на работу были распространенным явлением в начале–середине 1930-х гг. Так, в 1930 г. 167 из 1 310 дворов станицы Должанская на Северном Кавказе открыто отказывались работать³⁵. В конце 1930 г. 50 % работников колхоза «Вперед к социализму» на Северном Кавказе не появлялись на работе, а из соседнего колхоза «Память Ильича» за уклонение от работы были исключены 100 дворов³⁶. В 1930 г. на Нижней и Средней Волге были зафиксированы массовые отказы колхозников от работы³⁷. В конце 1930 г. низкая трудовая дисциплина и невыходы на работу наблюдались по всему Ново-Анненскому району Хоперского округа Нижневолжского края; так, например, 30 % работников Буденновского колхоза отказывались выходить в поле³⁸. В период с октября 1930 г. по апрель 1931 г. примерно треть исключенных из колхозов крестьян по всей стране была исключена за нарушение трудовой дисциплины³⁹. Однако эти цифры определенно занижены; как отмечается в одном из исследований конца 1930 г., колхозы учитывали неявку только тогда, когда кто-то не выходил на работу «систематически»⁴⁰.

Отказ от работы являлся крайней мерой адаптационной стратегии крестьян; чаще всего она сводилась к умышленному затягиванию и работе спустя рукава. Умышленное затягивание работы служило культурно приемлемой контрмерой крестьян в ответ на притеснения, поскольку данное явление можно было объяснить как ленью, так и желанием оказать сопротивление, в зависимости от их политических взглядов и личности оценивающего. Умышленное затягивание работы могло быть и весьма эффективным методом снижения выработки, и способом выражения отношения к работе. Примером последнего служит образ бывшего крестьянина, заключенного-лагерника Шухова из рассказа А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича»: «Шухов бойко управлялся. Работа – она как палка, конца в ней два: для людей делаешь – качество дай, для начальника делаешь – дай показуху»⁴¹. Многие крестьяне видели, что их труд напрасен. Были и такие, кто вскоре смекнул, что самым главным для новых начальников является скорейшее выполнение плана. Вот как об этом

говорит одна бывшая крестьянка из толстовцев: «Мы, колхозницы, вышли в поле вязать рожь. Я делала все, как и раньше, – вязала в большие снопы, туго и опрятно; а на следующий день увидела свое имя на доске позора, а имена других женщин – на красной доске. Тогда я стала наблюдать, как они работают, и сама стала делать так же – почти как и раньше, но настолько быстро, насколько могла. Когда бригадир стал подсчитывать снопы, я приврала о своих результатах. И что же, на следующий день мое имя тоже появилось на красной доске!»⁴² У крестьян было гораздо больше стимулов для плохой работы, чем для прилежной.

В исследовании, посвященном деятельности колхозов на Урале в конце 1930 г., сообщается, что во всех случаях трудовая дисциплина в колхозах была ниже, чем при общинном владении землей, когда крестьяне трудились каждый на собственном небольшом участке. Исследование приходит к выводу, что в колхозах не существовало стимулов для улучшения производительности труда⁴³. Отсутствие мотивов, которые благоприятствовали бы улучшению трудовой дисциплины, на протяжении всей советской истории оставалось главной причиной низкой производительности. В колхозах избыток продукции делился поровну между «едоками» или работниками только после выполнения всех обязательств перед государством. Однако, если такие излишки и оставались, их было совсем немного. Сложная система трудодней, в рамках которой выплаты членам колхозов производились обычно раз в год (в ноябре или декабре), также не была способна стать достаточным побудительным мотивом для голодных, измученных крестьян. Несмотря на объявленную цель – вознаграждение работников за труд в зависимости от качества и типа работы, – многие крестьяне с самого начала не могли разобраться (или притворяться, что не могут) в системе, в которой трудодень не был равен фактическому дню, а качество выполняемой работы не учитывалось, не говоря уже о получении выгод от гипотетических стимулов, заложенных создателями системы⁴⁴. Не вызывало энтузиазма и низкое вознаграждение за трудодни – предмет постоянных сетований колхозников⁴⁵. В начале 1930-х гг. предпринимались попытки использования авансовых платежей для вознаграждения за труд, однако положительного результата они не дали, поскольку зарплата членов колхозов по истечении года уменьшалась на сумму аванса. Привилегированный доступ к промышленным товарам и почетные награды, такие, как звание ударника, стахановца или упоминание на доске почета, в определенной степени воздействовали на работников. Однако происходило это только в двух случаях: когда промышленные товары были доступны и когда крестьяне (преимущественно молодежь) видели ценность в нематериальном вознаграждении.

Сложности с оплатой были причиной низкой производительности труда в большинстве колхозов. В совокупности с крупными изъятиями со стороны государства они вели к падению трудовой дисциплины, а во многих случаях и к голоду. Между голодом и отказом от работы или ее затягиванием существовала прямая взаимосвязь. Уже в мае 1930 г. серьезные «продовольственные затруднения» в отдельных районах Крыма привели к тому, что от 40 % до 70 % работников (в зависимости от колхоза) отказывались трудиться, заявляя: «Мы из колхозов не выйдем, но работать не можем, нет продовольствия, нет физических сил»⁴⁶. Везде, где в 1930 г. был голод⁴⁷, отмечалась низкая трудовая дисциплина; так, в Новосибирском округе Сибири голод стал причиной прекращения работы в ряде колхозов⁴⁸. Во время голода трудовая дисциплина упала до самого низкого уровня. Имеются сообщения об отказе от работы целых бригад на Украине и Северном Кавказе в конце 1932 – начале 1933 г.⁴⁹ Похожие сообщения в те годы поступали и из других областей. В Сибири, где неурожай и голод наступили несколько позже, отказ от работы также был распространенным явлением. Здесь 67,5 % крестьян, изгнанных из колхозов во втором квартале 1935 г., были исключены за невыход на работу⁵⁰. Голод и изнеможение отбивали у колхозников желание работать. Голод вкупе с «кулацкими настроениями» способствовал «актам кулацкого саботажа». Власти делали упор именно на такую формулировку, избегая упоминаний о голоде, спровоцированном самим государством.

Помимо голода и других негативных факторов среди причин низкой трудовой дисциплины имелся также элемент сопротивления. Крестьяне пытались объяснить или оправдать свои действия несправедливостью нового порядка. Так, в апреле 1931 г. один крестьянин призывал товарищей по колхозу прекратить работу, поскольку коммунисты все равно отправят произведенное ими зерно за границу. В 1933 г. Екатерина Мольнева, отказывавшаяся работать и припрятывавшая большое количество зерна, демонстративно заявила своим учителям: «Лучше меня засудите, но нас вас, чертей, работать не пойду»⁵¹. В некоторых случаях прекращение работы было равносильно необъявленной забастовке. В 1930 г. в Крыму больше половины работников одного из колхозов отказывались выходить в поле, пока не будет возвращена их обобщественная собственность⁵². Примерно в то же время крестьяне Россошанского округа Центрально-Черноземной области роптали на непродуманные меры по урегулированию имущественных вопросов, применявшиеся после «отступления коллективизации» в марте 1930 г. Они собрали сотни подписей под протестной петицией, отправили гонца в Москву и отказывались работать, пока вопрос не был урегулирован⁵³. В сентябре 1930 г. бри-

гада колхоза из деревни Ахтуба Баландинского района на Нижней Волге объявила забастовку по причине невыплаты зарплаты обещанными промышленными товарами. Она предприняла неудачную попытку убедить присоединиться к ней другие бригады⁵⁴. Отовсюду поступали сообщения о крестьянах, требующих от властей определенных поощрений за работу⁵⁵. В трудовых выступлениях принимало активное участие женское население. В феврале 1931 г. женщины колхоза «Уплюновский» Ильинского района Западной области объявили забастовку, приостановив производство льна⁵⁶. В июне 1931 г. женщины приняли участие в серии необъявленных забастовок на Средней Волге. По данным ОГПУ, в этом регионе наблюдалась также массовая симуляция болезней среди женщин-колхозниц с целью уклонения от работы: 700 колхозниц обратились 4 июня 1931 г. в Сорочинский госпиталь с жалобами на недомогание. Медицинский персонал утверждал, что 96 % женщин «были абсолютно здоровы»⁵⁷. В каждом из этих случаев в действиях колхозников отчетливо заметен элемент сопротивления, что свидетельствует о более сложных мотивах, лежавших в их основе.

Свою роль в возникновении проблем с трудовой дисциплиной в первой половине 1930-х гг. играли и социально-экономические вопросы. Имеются подтверждения тому, что бедняки были менее дисциплинированы в работе, чем середняки. Соседи продолжали называть бедняков прогульщиками и лентяями, однако на их отношении к труду в большей степени сказались голод и нехватка материальных ресурсов. Результаты исследований деятельности колхозов показывают, что в отдельных частях Республики немцев Поволжья работали только середняки, в то время как бедняки жаловались на недостаток одежды и еды⁵⁸. В 1930 и 1931 гг. голод наиболее сильно ударил по беднякам-колхозникам, имевшим в своем распоряжении гораздо меньше запасов, которыми можно воспользоваться в случае нужды, чем их более зажиточные соседи⁵⁹. Таким образом, вполне логично предположить, что и до голода 1932–1933 гг. проблемы с трудовой дисциплиной в гораздо большей степени были распространены именно среди бедняков, однако классовая принадлежность и голод не имели больше прямой взаимосвязи. На заре становления коллективных хозяйств бедняки сталкивались и с другими проблемами. В начале 1930-х гг. зафиксированы случаи, когда бедняков не допускали до руководящих должностей в колхозе, поручали им менее важные задания и даже чинили им препятствия при вступлении в колхоз по причине мизерности их возможного материального вклада⁶⁰. Набирающая обороты дефицитная экономика, а также относительное самоустранение внешних сил от повседневной деятельности колхозов после 1930 г. сильно повлияли на появление (или возрождение) внут-

ридеревенской вражды, вызванной имущественным неравенством. Эти трения вкупе с тяжелым экономическим положением многих бедняков способствовали низкой трудовой дисциплине.

Еще одним фактором, влияющим на дисциплину, служил пол. В нескольких докладах НИИ коллективного хозяйствования, относящихся к концу 1930 г., заключается, что отдача от мужского труда больше, чем от женского⁶¹. В то время повсюду в сельской местности государство пыталось на полную мощь задействовать женщин в сельскохозяйственном производстве. Эффективность государственных программ зависела от региональных особенностей. Там, где женщины наравне с мужчинами участвовали во всех видах полевых работ или играли в них ключевую роль по причине отходничества мужчин, проблема трудовой дисциплины обострялась еще больше из-за неравной оплаты труда мужчин и женщин. Это приводило к тому, что крестьянки вкладывали больше сил в обработку приусадебного участка, на котором выращивали преимущественно фрукты и овощи⁶². Однако в некоторых районах страны труду женщин в поле мешала домашняя или ремесленная работа. Так, в Оренбургской области крестьянки тратили от 15 % до 20 % рабочего времени на вязание «оренбургских платков». Здесь, согласно давним традициям, женщины не принимали участия в большинстве полевых работ⁶³. Пытаясь изменить ритмы женского труда в колхозах, государство вступало в конфликт не только с общей культурой труда крестьян, но и со значимым разделением труда между полями.

В попытке изменить культуру труда крестьян государство прибегало к силе, ввело новый порядок труда и систему наказаний за различные виды нарушений. В январе 1933 г. была узаконена система штрафов и исключений из колхозов, которая до того широко и без разбора использовалась для наказания за несоблюдение дисциплины. За отказ от работы или от выполнения определенного задания на члена колхоза налагался штраф в размере пяти трудодней, если это было первое нарушение, а за второе он исключался из колхоза⁶⁴. Примерно в то же время были созданы политические надзорные органы – политотделы, в задачу которых в числе прочего входило наблюдение за работой в колхозах⁶⁵. Несмотря на это и многие другие постановления, через несколько месяцев в 1934 г. на 23 % членов одного из колхозов в Даниловском районе Сталинградской области за отказ от работы были наложены штрафы, а в 1937 и 1938 г. соответственно 15,1 % и 5,1 % трудоспособных членов колхозов в Северо-Западном крае не смогли заработать ни одного трудодня⁶⁶.

Трудовая дисциплина была не единственным предметом разногласий между членами колхозов и государством. Формы оплаты труда в первых колхозах вызвали много споров. Сдельная оплата труда

конкурировала на местах с уравнительной. Крестьяне считали уравнительку более справедливой, чем система трудодней. Вследствие этого во многих районах страны распределение произведенного колхозом излишка (после выполнения всех обязательств перед государством) осуществлялось «на едока» или работника (последнее наблюдалось не так часто). Такая система была признана властями и применялась на протяжении большей части 1930 г. Затем государство начало мощную кампанию по внедрению единообразной системы трудодней⁶⁷. Тем не менее распределение «по едокам» продолжало применяться во многих частях страны по крайней мере на протяжении первой половины 1930-х гг. Сообщения о разделе урожая «по едокам» поступали со всего Северного Кавказа⁶⁸. В одном из колхозов этого региона в конце 1930 г. хлеб делили «по едокам», аргументируя это тем, что в противном случае все не смогут получить достаточного количества еды⁶⁹. В ходе исследования, проведенного в Ленинградской области осенью 1930 – весной 1931 г., выяснилось, что большинство колхозников выступают за раздел урожая «по едокам». Такая система продолжала существовать в Сибири и на Средней Волге⁷⁰. В конце 1930 г. в Белоруссии крестьяне демонстрировали неприязнь к сдельной работе, которая в связи с этим не получила большого распространения, однако здесь, по крайней мере, имело место распределение излишков по потребностям⁷¹. К осени 1931 г. система распределения урожая «по едокам» уже не была так широко распространена, однако еще продолжала существовать в сельской местности по всей стране⁷². Имеются, например, сообщения о том, что в 1932 и 1933 гг. эта система действовала в Западной области и в некоторых других⁷³. Даже в 1936 г., уже после опубликования Примерного устава сельскохозяйственной артели 1935 г., во многих колхозах размер личных земельных наделов определялся «по едокам»⁷⁴. Этот метод применялся практически во всех колхозах, поскольку обеспечивал минимальный уровень средств к существованию. Он оставался традиционной стратегией выживания и способом укрепления внутриобщинных связей⁷⁵.

Там, где система распределения урожая «по едокам» не использовалась, отдельные члены колхозов старались сами регулировать выплаты на трудодни, либо уклоняясь от работы в колхозе, либо стремясь заработать за год необходимое их количество. Некоторые председатели колхозов даже разрешали крестьянам продавать трудодни своим товарищам⁷⁶. Продажи трудодней наблюдались по крайней мере в первой половине 1930-х гг. В отдельных областях страны трудодни продавались по цене 5 рублей за единицу⁷⁷. В других случаях колхозное руководство «преувеличивало» выплаты на трудодни для увеличения дохода колхозников; государство именовало это

явление «рваческими наклонностями»⁷⁸. Как и схемы разделения урожая «по едокам», эти приемы являлись частью стратегии выживания крестьян, скрытыми формами сопротивления в рамках новой моральной экономики.

Собственность была еще одним инструментом выживания в колхозе. В видоизмененной форме частная собственность продолжала существовать и после создания колхозов, хотя на начальном этапе она подвергалась самовольной конфискации. Приусадебный участок, размеры которого не были определены вплоть до утверждения Примерного устава сельскохозяйственной артели 1935 г.⁷⁹, обеспечивал крестьян львиной долей продуктов питания и личного дохода. Участок имел чрезвычайно важное значение для выживания крестьянской семьи и являлся основанием для узаконенной рыночной торговли, не говоря уже о существовании «черного рынка», который сам по себе служил главным символом сопротивления. Каждый двор имел право на личный участок, однако при условии, что один из членов семьи состоял в колхозе⁸⁰. Некоторые крупные семьи фиктивно разъезжались как до, так и после вступления в колхоз, дабы увеличить размеры личных участков⁸¹. После принятия Устава в 1935 г. многим крестьянским семьям удалось увеличить размеры своих наделов за счет колхозных земель⁸². В одном из районов площадь частных земельных участков была даже больше, чем колхозных⁸³. Вплоть до предвоенных лет, когда произошло ужесточение законодательства в этом отношении, государство терпимо относилось к практике увеличения личных земельных участков. Это стало возможным только благодаря «преднамеренному недосмотру» органов власти. Со своей стороны крестьяне прибегали к различным ухищрениям с земельными наделами, что, по сути, являлось одной из повседневных форм сопротивления, продиктованных борьбой за выживание.

Некоторые члены колхозов и даже их руководители в качестве механизма выживания использовали другой способ манипуляции с собственностью. Они незаконно сдавали в аренду или продавали земли. Так, в 1934 г. один колхозник из Евдокимовского сельсовета Азовско-Черноморского края сдал в аренду свой личный земельный участок в обмен на половину урожая арендатора. Другой открыто продал свой участок за 1 000 рублей⁸⁴. Незаконная продажа земли часто осуществлялась под прикрытием вполне законной продажи имевшихся на участке зданий. Приусадебные участки обычно прилегали к крестьянским домам, поэтому земля тайком продавалась вместе с домом⁸⁵. В 1937 г. в Центрально-Черноземной области были зафиксированы случаи, когда колхозы сдавали в аренду землю и своим членам, и частным землепользователям, а также продавали земли под прикрытием приобретения зданий⁸⁶.

Различные уловки применялись для сохранения других форм собственности и имущественных отношений. В начале 1930-х гг. то ли благодаря искусной организации, то ли вследствие недостатка колхозных хлебов и конюшен обобщественный скот иногда оставался в распоряжении прежних владельцев⁸⁷. Бывали случаи, когда члены колхозов по блату использовали общественный рабочий скот на своих личных участках с позволения колхозного руководства, а иногда и без такового⁸⁸. При новой бригадной системе труда в некоторых регионах прибегали к интересным хитростям. В хуторских областях Белоруссии колхозные бригады зачастую состояли из отдельных семей, а бригадирами были их главы⁸⁹. В нескольких колхозах Озургетского района Грузии отдельным семьям колхозников поручали обрабатывать тот же самый участок земли, который они возделывали до коллективизации⁹⁰. В исследовании, проведенном в конце 1930 г. НИИ коллективного хозяйствования, сообщается, что, в отличие от районов на Средней и Нижней Волге, система «стодворок» (в которой трудовые задания давались отдельным семьям) не использовалась в Усть-Лабинском районе Северного Кавказа, поскольку считалось, что это стимулирует «индивидуализм». Здесь вполне «здоровые» требования об использовании «стодворок» исходили от самих членов колхозов⁹¹. На протяжении 1930-х гг. и особенно в их начале многие колхозы были «номинальными», своеобразным продолжением «бумажных колхозов» 1930 г. За ними скрывались сохранившееся индивидуальное и коллективное полосное земледелие и концентрация сил на обработке личных участков. Думается, что подобная система сложилась бы и в любой другой стране, пережившей навязанную сверху коллективизацию⁹².

В зависимости от ситуации государство именovalo симуляцию и манипуляции с собственностью либо проявлением мелкобуржуазных инстинктов, либо саботажем. Если же дело доходило до фактической порчи колхозного имущества, использовались другие категории. Обвинения во вредительстве – намеренной порче машинного оборудования, урожая и домашнего скота – были широко распространены в начале 1930-х гг. Так, согласно данным отчета, в конце 1930 г. в Центрально-Черноземной области неизвестный бросил в молотилку некий железный предмет⁹³. В то же время на Средней Волге были зафиксированы случаи, когда «кулаки» засыпали в трактора песок, а также разбрасывали в поле куски металла, чтобы вывести из строя технику⁹⁴. Такие обвинения стали уже традиционными и фактически превратились в стереотип. Данные за 1931 г. по СССР в целом свидетельствуют о том, что число преднамеренных поломок машинного оборудования составило 2 250 или 14,9 % от всех случаев «нападений врагов» на колхозные хозяйства⁹⁵. В том же году в Сибири

было зафиксировано 399 случаев такого рода, в то время как частичные статистические данные по Московской области, относящиеся к периоду конца 1930 г. – середины мая 1931 г., указывают лишь на 20 подобных случаев⁹⁶. Акты порчи машинного оборудования наблюдались и в последующие годы, отразившись и на промышленном секторе и став импульсом к началу показательных процессов Большого террора⁹⁷. С учетом того, что неприязнь к технике была возвращена на плодотворной почве пережитого крестьянами культурного шока, можно предположить, что среди зафиксированных случаев поломок было и определенное число случайностей, вызванных отсутствием у крестьян необходимого опыта работы с новым оборудованием. Однако некоторые объяснялись сознательной халатностью и желанием навредить. Государство же трактовало все аварии как вредительство. Согласно резолюции, принятой на совместном пленуме ЦК–ЦКК, нанесение ущерба и акты саботажа, зафиксированные в колхозах в начале 1930-х гг., были аналогичны тем, что стали предметом «Шахтинского дела»⁹⁸. Кроме того, в резолюции содержался призыв выдать всех нарушителей и чужаков и расширить кадровый состав ВКП(б)⁹⁹. В результате пленума появились политотделы МТС, что было расценено как решительное наступление на руководство колхозов. Весьма интересен тот факт, что многие чиновники в политотделах, как оказалось, лучше понимали особенности сельских реалий, нежели это удавалось центральной власти. Свидетельством может послужить, например, отчет работника политотдела Ивановской области, датированный 1933 г. В нем говорится, что ущерб оборудованию МТС был нанесен в результате недовольства, возникшего среди колхозников из-за крайне высокой платы за пользование техникой, а также жалоб на то, что ручной труд более эффективен¹⁰⁰.

В первой половине 1930-х гг. также продолжалось разбазаривание скота. Согласно данным Колхозцентра за 1931 г., 7,4 % всех нападений на колхозы (что составило примерно 1 100 случаев) имели целью нанесение ущерба поголовью обобщественного скота¹⁰¹. Эти случаи являлись лишь вершиной айсберга, который власти именovali словом «саботаж» и к которому относились не только забой скота или его незаконная продажа, но также и недостаточный уход и халатное отношение.

Как и в 1929–1930 гг., существовала прямая зависимость между действиями властей и процессом разбазаривания. В период 1931–1932 гг. была проведена серия мероприятий по принудительному выкупу скота из сократившегося частного сектора, которая в 1931 г. сопровождалась новым витком кампании по дальнейшей социализации того небольшого поголовья, что еще оставалось в частном владении колхозников. Эти меры привели к новому всплеску разбазари-

вания, напомнившего период 1929–1930 гг.¹⁰² Согласно советским источникам, в 1932 г. поголовье рабочего скота в колхозах уменьшилось на 16,8 %¹⁰³. Этот процесс усугублялся массовым голодом, свирепствовавшим в селе. Людям не хватало еды, а животным – корма. В некоторых районах местное начальство в обход закона разрешало крестьянам забивать скот, чтобы прокормиться или продать его на рынке¹⁰⁴. Так, по данным за декабрь 1932 г., во Владимирском районе Ивановской области было забито 85–90 % поголовья дойных коров¹⁰⁵. Несмотря на то что в марте 1932 г. партия объявила о приостановке дальнейшей социализации скота, официальные источники продолжали сообщать, что кулак использует «продовольственные затруднения», чтобы оправдать преступное обращение со скотом¹⁰⁶. В отчете, пришедшем в то время с Нижней Волги, отмечалось, что у 5 % населения, «конечно, бывает недостаток хлеба». Когда нарком земледелия Яковлев поинтересовался, почему лошадям недостает корма, работники колхоза ответили: «Что же лошади? Мы сами кормимся плохо». Далее в отчете говорилось: «Когда вы ставите любой вопрос, кулак и подкулачник стараются затушевать его вопросами недорода, вопросами продовольствия»¹⁰⁷.

Для правительства на первом месте были лошади, а не крестьяне, которые в этом отчете автоматически попадали в категорию «кулаков и подкулачников». Голод в деревне, по его мнению, был проявлением своекорыстных намерений, а главной проблемой представлялась нехватка корма. Власти обвиняли колхозников во всех возможных жестокостях, которые те якобы совершали, чтобы нанести вред поголовью колхозного скота, особенно лошадей. Регулярно сообщалось об обвинениях во вредительстве: крестьяне якобы кормили лошадей стеклом, гвоздями, отрезали им языки и попросту не ухаживали за ними. В одном из случаев, зафиксированном в колхозе «Буденный» Миллеровского района Северного Кавказа, за полгода сдохли 120 из имевшихся 450 лошадей. Узнав, помимо всего прочего, что в колхозную бригаду, отвечающую за содержание скота, входили представители местной интеллигенции, правительство выдвинуло обвинение в плохом управлении и саботаже¹⁰⁸. По всей вероятности, подобные обвинения, даже больше, чем в случаях порчи машинного оборудования, имели целью найти козла отпущения в лице работников колхозов, на которых можно было возложить ответственность за практически неизбежные проблемы с разведением скота, возникавшие в период голода и тотального обобществления.

Основным способом выражения протеста для работников, как и в период 1929–1930 гг., был просто временный или окончательный уход из колхоза. Осенью 1931 г. и весной 1932 г. это явление приобрело массовый характер. В первой половине 1932 г. в РСФСР общее

количество коллективизированных дворов сократилось с 10 506 500 до 9 135 200¹⁰⁹. На Средней Волге в 1932 г. уровень коллективизации хозяйств снизился с 82,5 % до 76,6 %¹¹⁰. На Северном Кавказе в период с 1 ноября 1931 г. по март 1932 г. количество дворов, вышедших из колхозов, составило 37 000¹¹¹. Донесения о повальном исходе шли отовсюду, включая Украину, Нижнюю Волгу, Центрально-Черноземную и Западную области¹¹². В некоторых районах развалились целые колхозы¹¹³. Массовый голод стал основной причиной исхода 1932 г., хотя не последнюю роль сыграли плохое управление и хаос, царящие в колхозах, вкупе с постоянными «перегибами» со стороны должностных лиц. По данным Данилова, в 1931–1932 гг. из-за голода жители колхозов в Сибири, на Нижней и Средней Волге, на Северном Кавказе, на Украине и в Казахстане целыми деревнями уходили в города или на крупные стройки¹¹⁴. В этот период около 200 000 крестьян с Украины, из Центрально-Черноземной области, с Северного Кавказа и Нижней Волги покинули свои дома и в поисках пропитания ушли в другие регионы, пока весной 1933 г. их насильно не вернули обратно¹¹⁵. В 1932 г. в Западной области (и, возможно, в некоторых других) попытки слияния колхозов с целью расширения посевных площадей фактически привели к их развалу. В конце концов в июле 1932 г. обком был вынужден отдать распоряжение о разделении колхозов¹¹⁶. В некоторых районах Дагестана слухи о вероятном отказе от политики коллективизации привели к массовому выходу из колхозов¹¹⁷. Здесь и во многих других районах частичное восстановление рынков в мае 1932 г. привело к возникновению новой волны слухов о том, что колхозы ждет неминуемый роспуск, и лишь усилило тенденцию к выходу. В Западной Сибири в результате неурожая и проблем с продовольствием крестьяне в массовом порядке покидали колхозы вплоть до 1935 г. Согласно отчетам, многие из покинувших колхозы в этот период в 1933 г. бежали в Сибирь из других областей страны в поисках пропитания¹¹⁸. Как и повсюду, здесь крестьяне уходили из колхозов на постоянную работу в города¹¹⁹. Несомненно, некоторые из них впоследствии возвращались в колхозы (далеко не всегда добровольно), когда понимали, что больше им идти некуда. До начала войны подобных массовых выходов из колхозов больше не наблюдалось, хотя были зафиксированы отдельные случаи. Это последнее великое переселение довоенного периода, вызванное голодом и осознанием абсолютной тщетности труда в колхозах, было скрытым актом сопротивления, сводившимся к традиционной крестьянской тактике бегства.

Время ожесточенных перестрелок с кулаками прошло. Перед правительством теперь стояла куда более серьезная и трудновыполнимая задача – реформировать культурные устои и весь жизненный уклад деревни – на сей раз не оружием, а с помощью трактора.

Власти противостояла массовая культура сопротивления, крестьянская община, которая и в мирные времена неохотно принимала реформы. Жестокие репрессии, голод, разгул криминала и совершенно чуждые формы труда сформировали в колхозах новый тип крестьянства, не отличавшийся покорностью. Государство также несло основное бремя ответственности за распад крестьянских трудовых традиций и привычных ритмов жизни. Крестьяне боролись за выживание, применяя для защиты методы повседневного сопротивления: отказ от работы, ее затягивание, уравниловку, симуляцию, воровство, саботаж и побег. Настоящим противником государства в этой борьбе за «организационное и экономическое укрепление» колхозного строя (говоря официальным языком) были не кулаки или подкулачники и даже не «отсталые элементы» крестьянства. Это была сама культура крестьянского быта и труда, которая противоречила тому, что планировало насадить в деревне государство; в результате сельским жителям пришлось бросить все силы на то, чтобы выжить.

«Свокорыстные тенденции» и борьба за хлеб

Государство, обрекая крестьян на голодную смерть, именовало их попытки выжить в условиях дефицитной экономики «свокорыстными тенденциями», тем самым искажая принципы моральной экономики деревни и превращая ее жителей в «воров» и «саботажников». Вот как вспоминает это время одна из крестьянок, входивших в общину толстовцев, которая была разрушена и насильно включена в колхоз: «Мы, женщины, стали воровками; наше существование стало зависеть от воровства. Мужчин не осталось, а нам нужно было растить детей и кормить их. У нас больше не было общей столовой, как раньше, при общине, а за каждый трудодень нам давали лишь 200 г. плохого зерна – попробуйте-ка прожить на это! Поэтому и тащишь с собой все что можешь. Возвращаясь с работы, уносишь картошку, свеклу, капусту. А ночью крадешься к кучам, сваленным на огородах. Кроме того, нужно кормить корову – она главная кормилица в семье. С рассвета до захода солнца трудишься в колхозе, а в “свободное” время нужно готовить, стирать и искать корм для коровы. Ночью будишь своего сына и идешь с ним, взяв его санки, на гумно, при этом оглядываешься, как воровка, пытаешься найти способ унести немного соломы. Вот как мы жили»¹²⁰.

Большинство крестьян, особенно женщины, дети и старики, которые украдкой пробирались на поле по ночам, чтобы срезать колоски пшеницы (советская пресса называла их «парикмахерами»), не отнесли бы свою деятельность к сопротивлению. Они боролись за вы-

живание, но в извращенном морально-политическом сталинском дискурсе это представлялось актом сопротивления во всех смыслах, предательством по отношению к новому порядку.

Мелкая кража, с точки зрения властей – однозначное преступление, была широко распространенным явлением в колхозах с самого момента их создания¹²¹. В начале 1930-х гг. жизнь целых семей часто зависела от остатков овощей и зерновых, которые удавалось унести с поля и спрятать дома. Власти рассматривали мелкое воровство как часть тайной деятельности кулака, который якобы продолжал распространять свое влияние на женщин и другие отсталые элементы в целях нанесения ущерба колхозам. Как пишет журнал «Советская юстиция», в начале 1930-х гг. возросло число случаев хищения социалистической собственности. В период с августа по декабрь, по сравнению с аналогичным периодом 1931 г., произошел пятикратный рост числа таких краж в Западной Сибири, в 4 раза увеличилось их количество на Урале и в полтора раза – в Московской области¹²². Больше всего хищений совершалось в колхозах¹²³. Уже в конце 1931 – начале 1932 г., по словам председателя одного из сибирских колхозов, ситуацию можно было описать привычным и патологическим термином «эпидемия»: «Эта эпидемия, по-моему, вышла за пределы, когда с ней можно бороться только обычными путями в порядке текущей работы. Буквально нет такого дня, чтобы не случалось 2–3 случаев поимки окрестных крестьян с ворованным хлебом. Под предлогом якобы сбора колосьев выезжают к скирдам, набирают из необмолоченного хлеба и тут же в ближайшем лесу молотят»¹²⁴.

«Обычные пути» довольно скоро сменились чрезвычайными мерами, когда 7 августа 1932 г. правительство опубликовало страшный указ о защите социалистической собственности, по которому виновного в краже ждали не менее 10 лет тюремного заключения или расстрел¹²⁵. Согласно недавнему (и, несомненно, еще не завершеному) исследованию, только в первые 5 месяцев после выхода этого закона были осуждены около 55 000 крестьян. Больше 2 000 из них были приговорены к смертной казни, впоследствии примерно половина приговоров была приведена в исполнение¹²⁶. Судебные власти заявляли, что изначально (в период с августа по ноябрь 1932 г.) этот закон применялся «либерально» и «умеренно», приводя в качестве доказательства данные о том, что подтверждение высших судебных инстанций получили лишь немногим более 50 % уголовных дел, возбужденных по пунктам этого указа. Намного суровее применение закона стало в 1933 г., когда обвинение было вынесено в 103 400 случаях; в последующие годы их число сократилось¹²⁷. Деятельность судебных органов разворачивалась на фоне массового голода и стала вторым наступлением на крестьян, осуществляясь с той же жестоко-

стью и наказанием всех без разбора, как в свое время раскулачивание. Проблема в применении закона (как и практики раскулачивания) заключалась в том, что под его действие мог попасть любой. Как заявил некий Карпенко, житель сибирской деревни, который ранее обвинялся в краже зерна, «если судить меня, так и всех надо судить, потому что все крали хлеб»¹²⁸. Такие «воры» в соответствии с законом именовались «врагами народа»¹²⁹. В результате в условиях массового голода изменниками стало большинство жителей деревни.

Голодные крестьяне, чтобы прокормить свои семьи, шли на расширение социалистической собственности даже под страхом тюрьмы или смертной казни. Согласно статистике, из 20 000 крестьян, задержанных в первые 5 месяцев после вступления закона в силу (7 августа), 15 % составляли кулаки, 32 % – колхозники и 50 % – те, кто еще не вступил в колхозы¹³⁰. Даже если принять на веру цифру в 15 %, кулаки, объявленные главными врагами государства, все же составляли абсолютное меньшинство среди совершавших кражи¹³¹. В 1932 г. крестьяне часто участвовали в воровстве группами, а в 1933 г. большинство из них уже действовали поодиночке¹³². Более половины украденной из колхозов собственности составляло неубранное зерно. Эти кражи и были делом «парикмахеров». Они же являлись свидетельством не только того, что основной мотивацией воровства был голод, но и показывали неспособность (или даже нежелание) крестьян полностью собирать весь урожай с колхозных полей¹³³. Единоличники, которые входили в указанные 50 % осужденных крестьян, действовали из аналогичных побуждений, поскольку большую часть их имущества и заработка отобрали в виде штрафов либо в процессе проведения непомерных заготовительных кампаний, а в некоторых случаях фактически изъяли в результате их выхода из колхозов после марта 1930 года.

Женщины и дети совершали значительную часть хищений в колхозах. Вполне предсказуемо, что в официальных источниках сообщалось о кулаках, которые якобы стояли за этими действиями и толкали несознательных крестьян на воровство¹³⁴. Однако для того, чтобы решиться на кражу, хватало голода и отчаяния. В отчетах содержались предположения, что порядка трети от общего количества участников краж могли составлять женщины с детьми¹³⁵. Например, имел место случай, когда две женщины (у одной из них, 28-летней, было трое детей) получили наказание в виде 10 лет лишения свободы за то, что украли в сумме 4 кг зерна¹³⁶. Еще две женщины, оставшиеся без мужей, которых объявили кулаками и отправили в ссылку, были осуждены по августовскому закону лишь за то, что срезали верхушки колосьев¹³⁷. Дети, пойманные на краже, также решались на нее ради своих семей. Вероятно, их участие было обусловлено надеждой, что

они привлекут меньше внимания или не понесут столь серьезной ответственности за содеянное. Иногда они действовали по собственному желанию, поскольку им приходилось брать на себя громадную ответственность за свою жизнь или за жизнь своих близких. Так, в двух районах Московской области среди тех, кто был осужден по статьям закона, большинство составляли именно дети¹³⁸. В некоторых случаях дети, которых впоследствии поймали на краже, притворялись, что собирают грибы, хотя на самом деле воровали зерно из зерноуборочных комбайнов на полях¹³⁹. Сами колхозы иногда становились сообществом соучастников, когда в них на охрану амбаров ставили детей, стариков, глухих или слепых, чтобы, по всей видимости, облегчить кражи¹⁴⁰. В кубанском колхозе «Большевик» в 1932–1933 гг. из-за обвинений в краже была исключена пятая часть его членов. Такой уровень в целом был характерен для всей области, если не для большей части страны¹⁴¹.

Воровство достигло таких масштабов, что крестьяне начали обворовывать друг друга. Согласно донесениям, «массовые хищения собственности» колхозных работников происходили на Нижней Волге, на Северном Кавказе и в других районах страны¹⁴². Сообщалось, что многие крестьяне, опасаясь грабежа, страшились оставлять свои дома, даже выходя на работу в поле¹⁴³. В последние месяцы 1933 г. ситуация ухудшилась настолько, что из разных концов страны стали поступать сообщения о случаях совершения самосудов над грабителями. В одном из таких случаев крестьяне избили двух колхозников за то, что те украли несколько картофелин¹⁴⁴. В другой раз члены колхозной администрации и один из колхозников, который, вероятно, мог быть мужем осужденной, поскольку носил ту же фамилию, учинили самосуд над женщиной. Из-за того, что та украла несколько картофелин, они облили ее чернилами и выставили на всеобщее посмешище, а затем заперли в подвале¹⁴⁵. Новая моральная экономика превратила крестьян в воров, а голод и дефицит заставили их ополчиться друг на друга из-за корки хлеба.

Во многих районах кражи совершались в тайном сговоре с представителями местных властей, прежде всего колхозного руководства, большинство из которых к тому времени являлись выходцами из крестьян. Власти именовали это местничеством (следованием местным интересам), а в большинстве случаев – вредительством, саботажем или проникновением кулаков в управленческий аппарат. Образование в 1933 г. политотделов МТС и совхозов стало следствием осознания невозможности положиться на местных партийцев¹⁴⁶. Несмотря на то что иногда действительно имели место кражи, в период голода местные власти, как и их избиратели, старались сдерживать натиск центра, отстаивать свои интересы и выжить. Согласно донесе-

нию, председатель одного из колхозов заявил своему начальству: «Мы вас не признаем, хлеб – наш, и мы распоряжаемся как хотим»¹⁴⁷. В значительной мере саботаж был направлен против чрезмерных и, по сути, невыполнимых требований по заготовкам. Уже в 1931 г. руководители колхозов, противившиеся выполнению заготовок, могли попасть под действие статей 109, 111 и 112 Уголовного кодекса по обвинению в злоупотреблении служебными полномочиями или пренебрежении служебными обязанностями¹⁴⁸. Тем не менее в колхозах Украины и Северного Кавказа (как и в других частях страны) местные и районные власти возмущались непомерными обязательствами по госпоставкам¹⁴⁹. Так, члены руководства колхоза в Тихорецком районе Северного Кавказа попросту раздали зерно голодающим крестьянам, а затем подделали отчетную статистику¹⁵⁰. Председатель колхоза «Трудовик» Костромской области на всеобщем заседании объявил: «План у нас выполнен на пятьдесят процентов, и этого хватит... Все равно на сто процентов не выполнить, а потому от дальнейших заготовок надобно отказаться...»¹⁵¹ В Западной области один из коммунистов по фамилии Бонадыкин смело выступил против заготовок, заявив вышестоящим чиновникам: «Посягать на колхозную собственность никому не позволю»¹⁵².

Многие из членов колхозного руководства и даже районных чиновников старались дать крестьянам, работавшим в колхозах, хотя бы минимум средств для выживания. В колхозах часто искали способы создания запасов зерна, чтобы обеспечить пропитанием нетрудоспособных жителей (детей и стариков) и отложить часть на черный день¹⁵³. В октябре 1931 г. правительство издало указ, запрещавший создание запасов до того, как будет выполнена норма по заготовке зерна¹⁵⁴. Власти заявляли, что колхозники в первую очередь обеспокоены своим потреблением и «эгоистичными целями» в ущерб поставкам зерна, которое шло на экспорт и на питание для рабочих в городах и для солдат Красной армии¹⁵⁵. Уполномоченный Колхозцентра Аристов сетовал осенью 1931 г. на то, что колхозы на Северном Кавказе заботятся о выполнении госплана по заготовкам только после того, как обеспечат себе достаточно хлеба и корма для скота¹⁵⁶. Председатель крымского колхоза «Новый труд» отказался отдать излишки зерна, а вместо этого сформировал запасы в размере 50 пудов на каждых двух жителей колхоза. Его поступок расценили как саботаж¹⁵⁷. Власти относили любую попытку создания подобных резервов к тому, что они называли «капиталоманией»¹⁵⁸, видя в подобных действиях саботаж или ухищрения для защиты интересов крестьян, а значит – антиправительственную деятельность.

Чиновники утверждали, что «кое-где проводники кулацкой идеологии, играя на частнособственнических инстинктах отсталых эле-

ментов, пытаются осуществить кулацкий лозунг: “Сначала хлеб себе, а потом государству”»¹⁵⁹. Предполагалось, что кулаки, стремясь подорвать систему изнутри, пропагандируя приоритетность выживания крестьян, проникали в колхозы и руководящие органы. По заявлениям правительства, на Северном Кавказе, на Украине и особенно на Кубани, а также в других частях страны местный и районный чиновничий аппарат «срачивался с кулачеством», распространяя разговоры о нехватке зерна и продовольственных затруднениях¹⁶⁰. Подобное «срачивание» послужило причиной массовых чисток в местных органах самоуправления в 1932 и 1933 гг.¹⁶¹ В колхозах действительно использовался целый ряд уловок, чтобы сохранить часть зерна. В некоторых случаях им удавалось удержать некоторую долю излишков с помощью поддельных отчетов или заниженных оценок ожидаемого урожая¹⁶². Иной раз в ход шли бухгалтерские хитрости, когда делали два комплекта документов или просто не записывали часть актов¹⁶³. Поступали официальные жалобы, что административные работники колхозов завышают или фальсифицируют размеры выплат на трудодни, вписывая так называемые мертвые души, чтобы увеличить нормы потребления, или применяя метод распределения прибыли «по едокам», обеспечивающий минимальные средства к существованию¹⁶⁴. Также в колхозах могли в обход закона разрешить рыночную торговлю *до того*, как выполнены все нормы по заготовкам¹⁶⁵. Иногда руководство просто-напросто раздавало зерно голодающим, тем самым становясь участником того, что власти именовали «разбазариванием зерна»¹⁶⁶.

Уловки и жульничество имели место не только в колхозах – то же самое происходило на элеваторах и железнодорожных станциях, куда свозилось зерно для государства. И колхозники, и единоличники иногда преуспевали в получении фальшивых документов, подтверждающих, что они выполнили обязательства по поставкам зерна¹⁶⁷. Также поступали донесения о манипуляциях с объемами, о зерне, спрятанном в двойном дне вагонов (предположительно для тех, кто работал на железных дорогах), и даже о пропаже целых вагонов зерна¹⁶⁸. Некоторые из них относятся к периоду 1934 и 1935 гг., когда, согласно официальным заявлениям, кражи якобы пошли на спад¹⁶⁹. Во всех этих случаях действия местных властей попадали под категорию предательства, поскольку они ставили «местные интересы» (что часто было эвфемизмом, подразумевающим вопрос выживания крестьян) над государственными¹⁷⁰.

С согласия местных властей или без него, в первой половине 1930-х гг. крестьяне продолжали сопротивление проведению госзакупок зерна, однако реже, чем в конце 1920-х гг. Осенью 1930 г. были случаи, когда колхозники ставили условия, на которых хотели бы

обменять зерно, например получение промышленных товаров или, гораздо чаще, обеспечение прожиточного минимума¹⁷¹. Крестьяне, как единоличники, так и колхозники, пытались спрятать запасы; иногда на это шли даже целые колхозы¹⁷². В 1931 г. в Ольховском районе Нижневолжского края женщины иногда не давали подвезти телеги к зернохранилищам¹⁷³. В одной из деревень Татарии жители выразили свое отношение к мероприятиям по поставке урожая государству, устроив импровизированную казнь курицы, которую затем оставили висеть, прикрепив к ней записку. Записка гласила: «Она не выполнила норму по яйцам. Она не может производить столько, сколько требует государство»¹⁷⁴. По словам российского историка И. Е. Зеленина, в 1932 и 1933 гг. среди крестьян наблюдалось массовое недовольство, особенно в районах Северного Кавказа и Украины. Они отказывались выходить на работу, а на собраниях протестовали против норм заготовок¹⁷⁵. Как отмечает крупный эксперт по периоду голода В. В. Кондрашин, в то время акты активного сопротивления наблюдались очень редко, что в значительной степени обуславливалось страхом крестьян. Основными, хотя и нечастыми, формами протеста были внезапные нападения на транспорт, перевозящий зерно, повреждение мостов и редкие бунты¹⁷⁶. Иногда крестьяне пытались препятствовать доставке зерна к элеваторам. В конце 1935 г. члены колхоза «Челябинск», бывшие партизаны Красной армии, заявили: «Как мы партизаны, как мы много боролись, так мы хлеба государству давать не должны»¹⁷⁷. В 1934 г. в Карелии против непомерных квот на собранный урожай протестовали все колхозы Тепло-Огаревского района. В колхозе «Красный Октябрь», в который входило 200 дворов, все единогласно проголосовали против выполнения норм. Собрание продолжалось всю ночь и даже следующий день. Утихомирили жителей только после того, как власти начали производить аресты участников собрания по обвинению в «спекуляции»¹⁷⁸. Когда Примерный устав сельскохозяйственной артели 1935 г. был наконец вынесен на обсуждение, крестьяне в одном из колхозов вычеркнули пункты, касающиеся выполнения обязательств перед государством, вероятно, ошибочно посчитав, что Устав представляет собой некое взаимное соглашение¹⁷⁹.

Сразу после проведения коллективизации борьба за зерно между государством и деревней приобрела характер противостояния колонизаторов и колонии. Те действия «тихой сапой», как называли их власти, по сути, представляли собой лишь отчаянные попытки людей выжить в разгар голода. Иногда они находили поддержку у местных функционеров, чьи поступки были продиктованы как стремлением выразить протест, так и собственными естественными интересами. Ответом правительства стали массовые репрессии, которые могли

сравниться по масштабу с периодом раскулачивания. ГУЛаг был переполнен толпами арестованных крестьян и местных управленцев. Репрессии оказались настолько жестокими, что в 1935 г. власти провели несколько амнистий, чтобы хоть как-то компенсировать колоссальный ущерб, который нанесли поголовные аресты того времени¹⁸⁰. Борьба крестьян за свою жизнь и плоды своего труда приобрела черты традиционных стратегий выживания. Падение трудовой дисциплины, повсеместное хищение социалистической собственности, и особенно воровство у самих крестьян, служили тревожными признаками деградации культуры и ценностей, вызванной формированием нового порядка.

Эпилог: самозащита и саморазрушение

Общинные нормы толкали крестьян на сопротивление и после окончания коллективизации. По мере того как деревню покидали городские представители советской власти, крестьяне стали бороться не только с государством, но и друг с другом. Предметами разногласий становились вопросы справедливости, мести и экономического самосохранения. Колхоз, как ранее сельская община, превратился в арену внутренних конфликтов и противоречий. Возможно, именно это и имели в виду власти, когда предостерегали от «идеализации» колхозов и напоминали о постоянно витавших в деревне кулацких настроениях. Предполагалось, что с «ликвидацией кулака как класса» исчезнут и социально-экономические причины классовой борьбы. Однако дефицитная экономика не только стимулировала рост неравенства внутри колхозов и между ними – она стала причиной жестокой конкуренции за средства существования. В суровых условиях нехватки ресурсов община ополчилась на своих же членов, делая изгоями не только тех, кто нарушил нормы коллективизма и справедливости, но и тех, чей образ жизни мог быть истолкован как странный, чужой или маргинальный. Новый колхозный порядок формировался на фоне попыток самозащиты и тенденции к саморазрушению крестьянской общины.

Принципы коллективизации по-прежнему действовали в селе на протяжении 1930-х гг. Активистов из числа крестьян все так же презирали и ненавидели за нарушение идеалов коллективизма. Те, кто непосредственно принимал участие в коллективизации и раскулачивании, часто жили в окружении враждебных соседей, помнивших пережитые страдания. Кроме того, оставалась часть лишенных собственности кулаков, которые все еще жили в деревне или неподалеку от нее, являясь, по мнению правительства, источником посто-

янных проблем («агитаторами»)¹⁸¹. Термины «колхозник» и «коммунар» могли быть и ругательствами, в зависимости от того, кто их произносил¹⁸². В прессе в тот период появились сообщения о случаях мести и клеветы, мишенью которых становились активные сторонники коллективизации¹⁸³. Один из активистов в 1928 г. был ответственным за мероприятия по преследованию кулачества. Кулаки тогда избили его и убили его брата. Сам он подвергался постоянным нападениям соседей, а в 1931 г., по иронии судьбы, был вынужден платить налог как кулак. Как сообщается, отец одного из осужденных в 1928 г. кулаков использовал свою дружбу с председателем сельсовета, чтобы разоблачить бывшего активиста¹⁸⁴. В другом случае селькорка обвинила местных партработников в связи с кулаками и даже в преступных действиях. В конце концов, суд выяснил, что она была дочерью исключенного члена колхоза и любовницей одного из раскулаченных, а местные партработники как раз и были теми активистами, кто проводил эти репрессивные мероприятия¹⁸⁵. В подобных ситуациях крестьяне не только искали способ отомстить обидчикам, но и использовали для этого те же методы, что применяли их угнетатели. В течение первой половины 1930-х гг. наряду со случаями настоящих, на первый взгляд, преступлений прессу наводнили сотни доносов от крестьян о проникновении кулаков в руководящие органы, о случаях саботажа и прочей подрывной деятельности¹⁸⁶. Публичные разоблачения официальных лиц и фальсифицированные доносы к 1931 г. стали, пожалуй, основными в практике сельсудов, в большинстве областей страны составляя от 20 до 30 % всех дел о клевете и оскорблениях¹⁸⁷. В случаях таких доносов было практически невозможно докопаться до истины. Истина в постколлективизационном селе являлась столь же относительным понятием, как и класс. А пока продолжают исследования деятельности местных сельсудов и разбор обвинительных писем, можно предположить, что риторика правительства стала для крестьян по обе стороны баррикад эффективным средством ведения внутренней борьбы. В период коллективизации давние обиды и постоянные трения становились причиной доносов даже на членов собственной семьи.

Однако гонениям подвергались не только те, кто проявил себя в период коллективизации как активный ее сторонник. Новые активисты, часто молодые женщины, которые предпочитали общине новый порядок, могли также ощутить на себе враждебность соседей из-за нарушения устоев. К выдающимся работникам, ударникам, а позже стахановцам, зачастую относились как к штрейкбрехерам, которые стремятся превзойти соседей и выслужиться перед начальством, часто ради материального вознаграждения, но иногда и ради краткой похвалы, по зову долга или веры. Понятие «ударник» в некоторых

случаях стало заменой уничижительного термина «бедняк». Так, например, по словам одного из работников политотдела МТС на Кубани, «...одна колхозница со слезами жаловалась представителю политотдела, что ее обижают, называя ударницей. Она уверяла, что работает добросовестно, а ее почему-то оскорбляют, присваивая ей звание ударницы. Она угрожала бросить работу, если не прекратятся эти обиды»¹⁸⁸.

В другом случае одного молодого крестьянина назвали «тайным ударником» за то, что он не хотел, чтобы кто-либо знал о его положении и трудовом рвении¹⁸⁹. Женщины-активистки особенно часто становились объектом гнева общины, испытывая на себе все его проявления – от словесных проклятий до поджога домов и убийств. Как сообщалось в одной из местных газет на Нижней Волге в 1934 г., женщин-активисток часто оскорбляли мужья, которым «было стыдно» за деятельность их жен. Также распространялись слухи о том, что женщины-ударницы, которым приходилось во время сезонных работ спать далеко в полях, вступали в беспорядочные связи¹⁹⁰. В середине 1930-х гг. женщины-стахановки, работавшие в колхозах, часто подвергались гонениям, избиению и даже сексуальному насилию со стороны родственников и других колхозников, которых возмущала их активная работа¹⁹¹. Женщины в таких случаях рисковали вдвойне: они нарушали законы деревни, не только разрушая связь со своей общиной, но и выходя за рамки подчиненной роли, исполнения которой ожидали от них другие крестьяне.

Так же как выход за установленные рамки мог подвергнуть опасности жизнь активных членов колхоза и посеять разлад между соседями, применение различных форм наказания могло подорвать нормы общины. Например, на Кубани в колхозах разгорались скандалы, когда крестьяне видели свои фамилии на «доске позора», куда их вписывали за плохие показатели в работе. Здесь жители жаловались, что такая практика разрушает добрососедские отношения¹⁹². Точно так же в некоторых общинах крестьяне продолжали защищать и поддерживать тех, кого ранее обвинили в кулачестве. Далеко не редко случались побеги из специальных поселений, куда ссылали кулаков. Только в период с сентября по ноябрь 1931 г. было совершено 37 000 побегов, многие из которых закончились «трагедией»¹⁹³. По данным за 1932 г., было зафиксировано 207 010 побегов. И в следующие два года – 1933-й и 1934-й – этот показатель оставался достаточно высоким, составив 215 856 и 87 617 случаев соответственно¹⁹⁴. Многие беглецы пытались добраться до родной деревни¹⁹⁵. В прессе иногда появлялись сообщения о вернувшихся кулаках, обвинявшихся в воровстве; им выносили новый приговор или возвращали их в места прежней ссылки¹⁹⁶. Бывшие соседи часто старались

предоставить им убежище и пропитание, храня в тайне новость об их возвращении и тем самым подвергая себя огромному риску¹⁹⁷. В других ситуациях крестьяне выступали в защиту своих соседей, несправедливо обвиненных в кулачестве и подвергавшихся угрозе исключения из колхоза¹⁹⁸. Даже в условиях кардинальных изменений в обществе чувство единства села простиралось далеко за пределы солидарности перед лицом ужасов коллективизации. Будь то похвалы или выговоры, принципы нового порядка, которые могли столкнуть соседей друг с другом, возвысить или принизить кого-либо за счет позора остальных, вызывали гнев крестьян. Они применяли как активные, так и защитные меры, с целью установить некое подобие контроля над внутренней динамикой сельской жизни.

Попытки поддержания единства и общности могли перейти в поиск единообразия и сплоченности на основе выравнивания имущественного положения в условиях дефицитной экономики. Расслоение внутри самой деревни стало очевидным, когда крестьяне, которым уже не нужно было противостоять ежедневным вторжениям и постоянному прямому насилию со стороны общего врага, стали бороться за выживание, сталкиваясь со все новыми трудностями. Обеспечение внутреннего единства, которое всегда было присуще селу и небольшим общинам, могло перерасти в погоню за единообразием, когда крестьяне выступали против тех односельчан, которые, так или иначе, отличались от остальных. Слой чужаков и маргиналов особенно выделялся среди жертв репрессий в период, последовавший за кампанией по коллективизации. К ним традиционно относились с подозрением и пренебрежением, однако преследованиям подвергали только во время серьезных социальных потрясений¹⁹⁹. «Бывшие люди» – те, кто в общественном сознании был тесно связан с дореволюционным режимом, например помещики, торговцы, лавочники, духовенство, деревенские и волостные старосты, царские офицеры и полицейские, – подвергались свирепым нападкам как сверху, так, предположительно, и снизу. Группы общества, относившиеся к «бывшим людям», служили традиционными объектами неприязни со стороны крестьян. В условиях голода и разорения именно среди них начинали искать виновных и могли преследовать их, применяя к ним те же приемы, что и к активистам в годы коллективизации²⁰⁰. Другие категории «отщепенцев» или близких к ним, как, например, сезонные рабочие, ремесленники и представители сельской интеллигенции, в то время также становились жертвами гонений. Им были доступны внешние источники заработка, право на владение земельным участком и прочие привилегии от колхоза, если они сами или члены их семей в нем состояли. В то же время к ним не предъявлялись требования по выполнению норм труда, как к их соседям. В условиях дефицит-

ной экономики эти мнимые привилегии в глазах общины легко могли возвысить такие семьи над другими. Они казались насмешкой над принципами справедливости и равенства по отношению к голодающим крестьянам и нарушением норм новой моральной экономики. По логике общины, эти люди не вносили своего вклада в деятельность колхоза, однако поглощали имеющиеся скудные ресурсы наравне с остальными работниками²⁰¹. По тому же принципу хозяйства, отнесенные к маргинальным по экономическим или социальным признакам, должны были понести наказание за то, что не выполняли свою часть обязательств перед колхозом, расходуя при этом дефицитные ресурсы. Бедные хозяйства, которые вели одинокие женщины, жены солдат, призванных на военную службу, вдовы, старики или инвалиды, часто становились объектами преследования на местном уровне, однако высшие инстанции обычно смягчали их последствия. Несмотря на то что во многих колхозах все еще пытались создавать запасы для нетрудоспособного населения всех категорий²⁰², представляется, что большинство прежних общинных методов поддержки тех, кто не в состоянии обеспечить себя, отмирало вместе с преобразованием села. Теперь слабые и нетрудоспособные его жители были живым нарушением принципов новой моральной экономики²⁰³.

Официально отщепенцами при новом коллективном строе признавались те, кто остался за рамками колхозов, – единоличники и частные фермеры. Для правительства они равнялись кулакам или, в лучшем случае, подкулачникам. Отношение же к ним колхозников было куда более сложным. Иногда они, как и вернувшиеся кулаки, оставались членами общины. Зачастую только один член семьи вступал в колхоз, чего было достаточно для сохранения большинства привилегий, которые это членство давало. Такой крестьянин являлся членом не только общины, но и семьи. Некоторые использовали практику временного, сезонного членства в колхозе, чтобы избежать уплаты налогов, которые частные хозяйства должны были платить в определенные периоды года²⁰⁴. В других случаях подобные уловки вкупе с угрожающим состоянием местной и национальной экономики заставляли колхозы превращаться в настоящие крепости, чтобы минимизировать тяготы неблагоприятных периодов и поддерживать определенный уровень жизни своих членов. В таких условиях отношения между теми, кто входил в колхоз, и теми, кто оставался за его пределами, становились враждебными. В ряде случаев, особенно во время голода, руководство колхоза могло отказать крестьянам в прошении о вступлении или выходе из него²⁰⁵. Иной раз к новым членам предъявлялись более обременительные требования, что осуждалось в Москве. В Центрально-Черноземной области, на Средней Волге, в Сибири и в других областях бывали случаи, когда крестьянам отка-

звали в приеме в колхоз из-за того, что у них не было инвентаря, либо требовали, чтобы до вступления они купили лошадь²⁰⁶. Единичники оказались зажаты между правительственными и колхозными претензиями. В коллективизированной деревне позиция единичника была чуждой и государству, и, зачастую, членам колхоза.

В условиях нового порядка в деревне принцип равенства сталкивался с колхозными нормами коллективизма, которые в действительности были не более чем утопией и попыткой внешних сил расколоть общину, выделив в ней различные группы крестьян. Центробежные и центростремительные силы, действовавшие на новую колхозную общину, вступали в скорее кажущееся, нежели реальное противоречие, поскольку влияние этих сил, соответственно либо укрепляющее, либо ослабляющее связи внутри нее, происходило из схожих источников и имело аналогичные последствия. Травмы, нанесенные коллективизацией деревне, – отчаяние, вызванное голодом, борьба за скудные материальные ресурсы и жестокость, которую несло это время, – обусловили использование общиной совокупности методов сопротивления, основывавшихся на стратегиях самозащиты и тенденции к саморазрушению. Эти стратегии имели своей целью выживание и движение к единообразию, которое не могло быть достигнуто. Как и община доколлективизационного периода, новая община не стала воплощением сплоченности, эгалитаризма и обезличенности. Внутреннее и внешнее давление на колхоз привело к формированию ее новых социально-политических контуров и новых форм стратификации. В ходе реформирования общины в руководстве колхозов шли процессы формирования новых, часто обновляющихся элит, в которые входили группы лиц, отличающиеся по своим навыкам, уровню доходов, количеству членов семьи, ее связям и т. д. На фоне формирования этой иерархии шло развитие внутриобщинных конфликтов, вращавшихся вокруг вопросов самосохранения и равенства. Междоусобица начала 1930-х гг. была вызвана репрессиями и культурным расколом, в то время как другие аспекты крестьянской культуры продолжали способствовать упрочению общинных связей и идеалов, что вылилось в формирование смешанного общества. Память о коллективизации и ее политические аспекты оставались важным фактором эволюции отношений в деревне нового порядка.

Заключение

В преамбуле Примерного устава сельскохозяйственной артели содержится традиционная клятва верности режиму. Члены колхозов обещают «обеспечить полную победу над нуждой и темнотой, над

отсталостью мелкого единоличного хозяйства, высокую производительность труда и, таким образом, лучшую жизнь колхозников»²⁰⁷. Последние слова преамбулы являют собой особо впечатляющий пример лояльности: «Колхозный путь, путь социализма есть единственно правильный путь для трудящихся крестьян. Члены артели обязуются укреплять свою артель, трудиться честно, делить колхозные доходы по труду, охранять общественную собственность, беречь колхозное добро, беречь тракторы и машины, установить хороший уход за конем, выполнять задания своего рабоче-крестьянского государства и таким образом сделать свой колхоз большевистским, а всех колхозников зажиточными»²⁰⁸.

По сути, это и есть квинтэссенция сталинской революции в деревне и «социалистического преобразования» крестьянства. В то же время за этим «коммунистическим рецептом» кроются не только желания и цели, но и набор конкретных «лекарств» для каждой из болезней, которым была подвержена система коллективных хозяйств первой половины 1930-х годов.

Эти методы нашли отражение в ряде компромиссов, содержащихся в Уставе, которые призваны отразить понимание трудностей и реалий крестьянской жизни и добиться соответствия им политики партии. По Уставу, земля предоставлялась колхозам навечно, что должно было служить гарантией стабильности землепользования в будущем, а некоторыми крестьянами было, неожиданно для властей, воспринято как угроза нового крепостного права. Полностью узаконивались приусадебные участки и гарантировалась неприкосновенность частной собственности колхозников – их домов, скота, хозяйственных построек, домашней утвари и инвентаря для работы на этом участке, с подробным описанием каждого пункта. В Уставе содержалось предложение за плату использовать колхозных лошадей для личных нужд и устанавливались четкие правила исключения из колхоза²⁰⁹. К 1935 г. большинство из этих аспектов стали предметами обычной практики в колхозах, тем самым государство подтверждало уже свершившийся факт. Уже весной 1932 г., а затем в начале 1933 г. власть несколько отступила от жесткой линии, разрешив ограниченную торговлю и признав важность более четкого определения обязанностей колхоза перед государством²¹⁰. Речь не идет о нарушении государством своих собственных решений, как и о том, что крестьянство диктовало свои условия²¹¹. Скорее дело в том, что государству пришлось принять существующую ситуацию исходя из своих прагматичных интересов. В итоге оно «ограничилось» изъятием у своей крестьянской «колонии» зерна, свернув свою революционно-колониаторскую миссию в отношении ее жителей или, по крайней мере, несколько умерив свой пыл.

Примерный устав сельскохозяйственной артели 1935 г. содержит хотя и косвенные, но все же доказательства того, что в условиях наступления модернизаторской деятельности коммунистов, подкрепленной грубой силой, крестьянская культура и традиции продемонстрировали свою силу и крепость. Из этого сурового испытания крестьянство, разумеется, не вышло победителем. Ужасными испытаниями для деревни стали смерть и разрушение, посеянные коллективизацией, голод и урон, нанесенный культуре села в первой половине 1930-х гг. Однако крестьянское сопротивление, будь его целью выживание или протест, продемонстрировало сплоченность и стойкость крестьянства как автономной социальной формации благодаря или вопреки агрессивному курсу государства. Пассивные и повседневные формы сопротивления, традиционные механизмы выживания и крестьянской политики предшествовали коллективизации, сопутствовали ей и продолжали применяться еще долгое время после окончания и коллективизации, и голодных лет, подрывая основы коллективного сельского хозяйства. Коллективизация завершилась победой государства, но это была пиррова победа: хотя крестьянскому бунту 1929–1930 гг. уже не суждено было повториться, а система коллективных хозяйств пустила корни в деревне, гражданская война в стране продолжалась. Противостояние двух принципиально различных культур зашло в тупик, приняв форму затяжного конфликта колонизаторов с колонизируемыми.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Свои мемуары, ставшие подлинной классикой жанра, Евгения Гинзбург начинает незабываемыми словами: «Тридцать седьмой год начался, по сути дела, с конца 1934. Точнее, с 1 декабря 1934 г.»¹ Именно в этот день был убит видный ленинградский партийный деятель С. М. Киров. Его убийство, по мнению многих ученых, послужило непосредственной причиной начала Большого террора². Несомненно, грандиозная репрессивная кампания конца 1930-х гг. стала результатом целой цепи событий. Среди них Солженицын называет большевистскую революцию как заложившую фундамент сталинизма, в то время как другие авторы считают таковым дореволюционные исторические традиции или «опыт становления» периода Гражданской войны³. Представляется, что точно так же можно смотреть на 1930 г. и хаос, жертвы и разрушения, ставшие следствием коллективизации, как на истоки сталинского террора. Наравне с революцией и Гражданской войной коллективизация сформировала поколение коммунистов, принявших «боевое крещение» в жестоком 1930 г. Прощедшие его и сохранившие при этом веру в коммунизм не могли видеть мир иначе как в черно-белом цвете. Это столь характерное для сталинизма манихейское мировоззрение делило всех на красных и белых, друзей и врагов, революцию и контрреволюцию. В 1930 г. произошло частичное оформление не только мировоззрения 1937 г., но и аппарата репрессий, с помощью которого режим позже принялся очищать страну от врагов. За это время ОГПУ, превратившееся впоследствии в НКВД, отточило методы и приемы проведения различного рода операций и многократно увеличило число своих сотрудников, сформировав множество подотделов, решавших широчайший спектр задач по раскулачиванию, массовым депортациям и распределению кулаков по «спецпоселениям» и промышленным объектам империи. Опыт, приобретенный государством в подавлении крестьянского бунта в период коллективизации, определенно лег в основу событий 1937 г. и сказался в последующих зверствах режима.

Влияние коллективизации на эволюцию сталинского государства характеризуется прежде всего степенью его жестокости. Во всех стра-

нах наиболее очевидным следствием крестьянских восстаний стало усиление централизации и репрессивной природы государства⁴. Крестьянский бунт был обречен на провал. Однако говорить об очевидном – значило бы игнорировать суть и значимость этих событий. Сам факт возникновения крестьянского бунта против сталинского режима в период коллективизации, как и множественность причин его провала, является исключительно важным для взаимоотношений крестьянства и государства и образования смешанной сельскохозяйственной системы как результата столкновения двух культур.

Коллективизация стала прямым продолжением пагубной большевистской революции, в результате которой к власти пришли коммунисты, правящие от имени пролетариата, составлявшего меньшинство населения страны. Крестьяне же, составлявшие его большинство, всей душой сопротивлялись последствиям революции. Сталинская коллективизация была попыткой устранить это противоречие, решив ненавистную крестьянскую проблему силой, а на обломках деревни насадив социалистическое общество и новую культуру. Это была кампания по установлению доминирования, которая имела своей целью не что иное, как внутреннюю «колонизацию» крестьянства. Она обеспечила постоянный приток хлеба в закрома государства. Она также позволила советской власти подчинить себе крестьянство с помощью мер жестокого и всепроникающего административного и политического контроля и насильственного включения в доминирующую культуру. Хотя коммунистическая партия публично объявила коллективизацию «социалистическим преобразованием» деревни, в действительности речь шла о противостоянии культур, по сути о гражданской войне между государством и крестьянством, городом и деревней.

Коллективизация представляла серьезную угрозу для образа жизни крестьянства. В ответ все его слои сплотились как особая культура, как класс в самом настоящем смысле, на защиту своих традиций, веры и средств к существованию. Корни сопротивления коллективизации уходили не в какие-то отдельные социальные слои, а в культуру крестьянства, и прибегало оно к тактике, присущей этой культуре. Крестьянское сопротивление пропитывало крестьянскую культуру. Для крестьян, как и для государства, коллективизация была гражданской войной.

Крестьянский взгляд на коллективизацию отчетливее всего проявляется в слухах. Слухи о коллективизации излагались языком Апокалипсиса. Советская власть отождествлялась с Антихристом, который начинает устанавливать свое царство на земле с помощью колхозов. Предупреждения о грядущем возмездии, войне и вторжении вызывали в памяти образы всадников Апокалипсиса. Слухи о падении нравов в колхозе порождали в сознании сельчан нечести-

вую триаду коммунизм—Антихрист—сексуальный разврат. Слухи, в которых коллективизация ассоциировалась с закрепощением, не всегда носили апокалиптический оттенок; крепостное право служило в них метафорой зла, земного, социального конца света, который, будучи связан с коммунистической политикой коллективизации, превращал коммунистов в помещиков, а революцию 1917 г. – в фарс. Слух был политической метафорой, переворачивающей мир вверх дном, создающей альтернативную реальность, полную символических инверсий. Тем самым слухи подрывали легитимность колхоза, коллективизации и советской власти. Они также служили проявлением коллективного мировоззрения, проекцией народной мысли и отражением политических представлений крестьянства. Мир слухов как ни один другой вид крестьянского сопротивления придавал коллективизации дух и облик гражданской войны.

Крестьяне прибегали к насилию лишь в самом крайнем случае. На атаки со стороны государства они отреагировали применением широкого спектра форм самозащиты. Самой наглядной и опасной из них являлось разбазаривание – уничтожение или продажа скота и прочего имущества, которое считалось воплощением крестьянской «темноты» и дикости. Как акт протеста, саботажа и способ освободиться от имущества, разбазаривание позволяло крестьянам защититься от той угрозы, которую нес их экономическому положению новый режим. Для крестьян, получивших ярлык «кулака», разбазаривание было одним из многих способов смены своего социально-экономического статуса, или самораскулачивания. Последнее включало в себя и другие уловки вплоть до окончательного ухода из деревни. Как разбазаривание, так и самораскулачивание сыграли непосредственную роль в безумной эскалации темпов коллективизации и раскулачивания в начале 1930 года.

Крестьянские общины также обращались к более прямым формам самозащиты, объединяясь для поддержки своих членов, обвиненных в кулачестве и подвергшихся репрессиям. Фраза «У нас кулаков нет» зазвучала по всей сельской местности, когда крестьяне осознали, что термин «кулак» не разделяет их, а, наоборот, служит важным уравнительным инструментом, поскольку на карте стояли интересы *всего крестьянства*, ведь практически *любой* мог быть объявлен кулаком. Поддержка или защита кулаков была опасной формой протеста, которая интерпретировалась государством как контрреволюционная деятельность. Когда все прочие методы были испробованы и не дали должных результатов, крестьяне обращались к наиболее традиционным формам защиты – написанию писем и петиций в вышестоящие властные органы. Они писали как за себя, так и за других, как коллективно, так и индивидуально, следуя традиционному мифу о бла-

госклонной центральной власти в попытке восстановить поправную справедливость.

Самозащиту крестьян можно рассматривать как особую форму скрытого сопротивления. Хотя часто они играли на образе отсталого «мужика», их протест не был хаотичным и не выражал «темные стороны» крестьянской души. Наоборот, он был обдуманным, логичным, политическим и по-человечески оправданным. Самозащита могла проявляться как в скрытых, так и в открытых формах протеста. По мере возможности крестьяне старались смягчить политические последствия своих действий, разыгрывая из себя «мужиков» и «баб», утаивая факты или же подстраиваясь под доминирующий политический дискурс. В этом смысле как форма, так и содержание крестьянского протеста берут свое начало в общей культуре сопротивления, характерной как для российских, так и для многих других крестьян. Подобные акты самозащиты, наряду со слухами, позволяли продемонстрировать государству политическую солидарность и сплоченность крестьянства, готового отстаивать свои интересы.

Крестьянский террор еще больше усилил культуру гражданской войны, ставшую неотъемлемой частью коллективизации. Стимулом для его возникновения стало нарушение традиционных норм справедливости и общины, которое требовало возмездия. Террор, ставший способом ухода от коллективизации, характеризовался анонимностью, использованием уловок и различных обманных тактик. Крестьяне играли на использовании официального образа «мужика», маскируя свой протест под классовую борьбу в деревне. Объектом террора становились прежде всего крестьяне, решившие или намеревавшиеся перейти на сторону власти, а также любой чиновник, возмнивший, что насилие против общины может остаться безнаказанным. Кроме того, террор служил формой возмездия тем, кто помогал советской власти в ее кампаниях против деревни, особенно в раскулачивании, и тем самым нарушил традиции общины, ее нормы и идеалы единства. Жестокий гнет со стороны властей извне привел к новой волне насилия на селе, в ходе которой крестьяне предприняли попытку отстоять единство и автономию деревни. Террор ярче, чем любая другая форма сопротивления, показал наличие гражданской «войны внутри войны», в которой меньшинство крестьян-активистов столкнулись с общиной.

Подобно террору, коллективные действия также были формой активного сопротивления насильственным хлебозаготовкам, коллективизации, раскулачиванию и атеизации, требовавшим от всех членов общины демонстрации силы, сплоченности и воли. Среди подобных актов протеста наиболее широко известны срыв собраний, бунты, восстания, бандитизм. Принимая участие в подобных коллективных

действиях, крестьяне не просто впадали в буйное безумство, как обычно говорилось в официальных отчетах, а выбирали конкретные цели, демонстрируя сознательность и четкое представление о своих интересах. Эти действия часто принимали формы, традиционные для крестьянской культуры сопротивления, ставшие ее своеобразным ритуалом.

Самым ярким подобным актом сопротивления был бабий бунт. Женщины возглавляли сопротивление закрытию церквей, депортации кулаков и обобществлению скота. Ходил слух, что власти «женщин не тронут»⁵. Независимо от того, верили ли ему на самом деле, или хотели верить, или же использовали для того, чтобы мобилизовать более осторожных соседей, этот слух *работал*. Крестьянки не несли столь сурового наказания за свои действия, с каким сталкивались мужчины, и умело использовали это преимущество. Коммунистическая партия описывала бабьи бунты как беспорядочные спонтанные вспышки женской истерии и всегда отрицала самостоятельность женщин в их организованных действиях, приписывая инициативу кулакам, священникам и подкулачникам. Советская власть лишила крестьянок всех классовых атрибутов, поставив во главу угла их пол, тем самым отрицая наличие у них какой-либо сознательности и самостоятельности. Следовательно, «баба» не считалась способной на политический протест. Женщины деревни, объединившись с мужчинами, использовали эти представления в собственных целях и возглавили протест против коллективизации. По иронии, центральная роль женщин в коллективных действиях сыграла на руку государству, позволив ему принизить значимость крестьянского протеста как преимущественно дела рук «темных» и «некультурных» женщин, сбитых с истинного пути кулаками и перегибами местных партработников. Однако в краткосрочной перспективе бабьи бунты оказали серьезное влияние на политику властей, вынудив их в марте 1930 г. провозгласить временное отступление коллективизации.

Пассивное сопротивление было одним из последних ответов крестьян на кампанию по коллективизации, оно продолжалось долгие годы после ее прекращения как единственный эффективный механизм протеста (хотя и скрытого) против в корне несправедливой системы. Среди его проявлений были распространены отлынивание от работы, халатность, воровство и различные уловки. Крестьяне также адаптировали методы сопротивления к реалиям коллективного хозяйства, создавая семейные колхозы и рабочие бригады, продолжая вести полосное земледелие, сохраняя межи, требуя других форм оплаты труда, возделывая личные участки на колхозной земле и так далее. Существование в колхозах традиционных форм земледелия и производства агенты советской власти считали проявлением упрямства и отсталости крестьян, однако на деле оно стало выраже-

нием повседневного крестьянского сопротивления. Такой пассивный протест был эффективным инструментом воздействия на власть, которая была вынуждена отказаться от части своих принудительных методов. Победа государства над крестьянством была скорее кажущейся, чем реальной, учитывая тот факт, что крестьянская традиция продолжала существовать и в социалистическом сельском хозяйстве. Пассивное сопротивление крестьян в сочетании с тяжеловесной, чрезмерно централизованной, плохо управляющейся и финансирующейся системой коллективного хозяйства сыграло ключевую роль в расшатывании основ социалистической экономики на селе и в торможении ее дальнейшего развития и модернизации.

Крестьянский бунт против коллективизации был наиболее серьезным эпизодом народного сопротивления в советской России со времен Гражданской войны. В 1930 г. более 2 млн крестьян приняли участие в 13 754 массовых выступлениях. В 1929 и 1930 гг. ОГПУ зафиксировало 22 887 «актов террора», направленных против местных партработников и крестьян-активистов, в том числе более 1 100 убийств⁶. Крестьянское сопротивление играло важную, хотя часто непредвиденную роль в сложном и противоречивом развитии коллективизации, то заставляя государство отступить, то приводя к новому витку репрессий. При этом оно лежало в основе атмосферы гражданской войны сталинской революции. Одной из причин провала крестьянского бунта стала недостаточная сила культуры сопротивления. Опора на общину, локальный характер восстаний, отсутствие организованных структур сопротивления, отсутствие внешней поддержки обусловили архаичный характер крестьянской «политики», малую распространенность активных форм протеста и легкость, с какой государство смогло установить контроль над деревней.

В итоге крестьяне-бунтовщики не смогли оказать достаточного противодействия могущественному полицейскому аппарату, и, как и многие другие крестьянские бунты, восстание против коллективизации было обречено на провал. Этому способствовал размах репрессий со стороны государства. Миллионы крестьян в годы коллективизации были арестованы, заключены в тюрьму, депортированы или расстреляны. Власти уничтожили старые институты управления в деревне, устранили традиционные элиты. К репрессиям добавились тяжелые условия дефицитной экономики. Сначала у крестьян отняли зерно, а затем миллионы их погибли из-за вызванного этим голода. Истощенные голодом и подавленные репрессиями, крестьяне больше не могли оказывать активное сопротивление.

Однако репрессии не положили конец сопротивлению как таковому и в долгосрочной перспективе были отнюдь не единственным механизмом контроля. Столкнувшись с суровой реальностью, госу-

дарство стало отказываться от революционно-миссионерской деятельности в деревне и перешло к более прагматичным и циничным методам воздействия на крестьян – контролю над жизненно важными ресурсами, прежде всего над зерном. Поставленная цель – устранить противоречия между городом и деревней – отошла на второй план, после того как возобладали интересы государства и рассыпались в пыль последние идеалы 1917 г. Оплотом крестьянина оставались его домашнее хозяйство, скот, амбар, склад и вся личная собственность, необходимая для работы и жизни. Личное подсобное хозяйство и ограниченный колхозный рынок существовали параллельно с обобществленным хозяйством, обеспечивая минимальные потребительские нужды колхозников. Крестьяне стали частью системы, и в последующие годы государство постепенно распространило те немногие выгоды, которые могло гарантировать городу, и на деревню. Советское сельское хозяйство стало смешанным: в нем начали сосуществовать личное и коллективное хозяйства. Все они находились под контролем государства, но обеспечивали выгоду и их владельцам.

В долгосрочной перспективе социальные последствия коллективизации и урбанизации оказались столь же действенными, сколь и жестокие репрессии. Постоянная миграция в города мужчин и молодежи привела к формированию семей, среди членов которых были как крестьяне, так и жители города, и к укреплению связей между городом и деревней – более сильному, чем когда-либо. Деревня все больше советизировалась благодаря образованию, прохождению крестьянами военной службы, налаживанию транспортной инфраструктуры и связи. По крайней мере, можно говорить о некотором сглаживании различий между городом и селом.

В итоге сталинский режим и система коллективных хозяйств одержали победу, но их триумф не означал конца крестьянской культуры как народной культуры сопротивления. Крестьянство продолжало оказывать пассивное сопротивление и использовать другое оружие слабых и в условиях социалистической системы сельского хозяйства, ставшей ахиллесовой пятой советской экономики и постоянным напоминанием об иронии, которой оказалась отмечена «пролетарская революция» в крестьянской России. Как и община, колхоз оказался преградой для перемен; с одной стороны, он служил средством выживания крестьян, с другой – государственным механизмом контроля. Со временем он превратился в идеальный институт минимизации риска, какой всегда искали крестьяне. Социально-экономическое выравнивание, обеспечение необходимых средств к существованию и некоторая степень культурной независимости, демографической изоляции и феминизации деревни поддерживали и даже усиливали определенные аспекты крестьянской культуры и тра-

дий⁷. Постоянная нестабильность крестьянской жизни, ставшая уже традиционной, привязала крестьян к колхозу.

Крестьяне подстроили колхоз под свои потребности настолько, насколько это было возможно, и привыкли к нему в такой степени, что попытки расформирования колхозов в 1990 г. встретили их отпор. Их упорство было не столько следствием отсталости или «крепостнической ментальности»⁸, как считают некоторые авторы, сколько простым отражением постоянства крестьянских нужд, ценностей и образа жизни. Кроме того, деколлективизация продемонстрировала сходство с предыдущими попытками модернизации и преобразования крестьянства. Она проводилась сверху, опиралась на некоторое применение силы (хотя и несопоставимое со сталинскими временами) и имела все основные черты, присущие культурным манипуляциям и империализму модернизации. Крестьяне отреагировали на деколлективизацию враждебно и со значительным скепсисом, поскольку они уже приспособили колхоз (по крайней мере частично) под свои нужды⁹.

Коллективизация оказалась пирровой победой, которая была достигнута ценой огромных потерь и многих человеческих жизней. Во имя бога коммунизма, увлеченное картинами светлого будущего, советское государство предприняло попытку модернизации страны в ее сталинском варианте – раскрестьянивания, своего рода культурного геноцида, направленного против деревни, несмотря на ярко выраженный аграрный тип экономики страны и неприятие обществом этого коммунистического эксперимента. Еще долгие годы после коллективизации крестьянство в некотором смысле продолжало существовать, ведя необъявленную войну, в которой главным оружием были формы повседневного сопротивления колхозу. Столкнувшись с культурным расколом, революция провалилась в той самой деревне, которую намеревалась преобразовать, и в итоге приняла форму репрессивного и кровавого сталинского режима. Это служит еще одним напоминанием о том, что Октябрьская революция и сталинская промышленная и военная инфраструктура СССР с самого начала стояли на крестьянском фундаменте, не способном стать опорой пролетарской революции и поддерживать статус великой державы на протяжении XX в. Крестьянство проиграло битву против колхозов, но выжило как культурная общность, несмотря на советский порядок (или, возможно, благодаря ему). Крестьянский бунт против коллективизации стал важной главой истории, повествующей о крестьянской политике, революции, сталинском государстве. Она напоминает нам об отваге, чести и силе духа людей, которые боролись против намного превосходящих сил противника в попытке защитить и сохранить хотя бы некоторую степень автономии в условиях репрессивного сталинского режима.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

- 1 См. главу 1.
- 2 Идея «раскрестьянивания» не принадлежит исключительно коммунистам СССР. Сторонники теории модернизации предполагают, что «раскрестьянивание» является неотъемлемой частью «модернизации».
- 3 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 122. Л. 154; Д. 49. Л. 56. Варейкис добавил к этому: «Однако нам не удалось обнаружить эту сеть».
- 4 «Белые пятна» – термин, часто использовавшийся в начале эпохи Горбачева для обозначения этапов истории, ранее игнорировавшихся или представленных в ложном свете.
- 5 Крупнейшие политические исследования коллективизации см.: Davies R. W. *The Socialist Offensive: The Collectivization of Soviet Agriculture, 1929–1930*. Cambridge, Mass., 1980. Vol. 1; Lewin M. *Russian Peasants and Soviet Power: A Study of Collectivization* / tr. I. Nove. New York, 1975.
- 6 Fitzpatrick S. *Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization*. New York, 1994. Она сводит крестьянское сопротивление коллективизации к «жалобам и всевозможным формам пассивного и скрытого сопротивления».
- 7 Обсуждение вопроса см.: Moon D. *Russian Peasants and Tsarist Legislation on the Eve of Reform: Interaction between Peasants and Officialdom*. London, 1992. P. 2; Perry E. J. *Rural Violence in Socialist China* // *The China Quarterly*. 1985. No. 2. P. 414; Ranger T. *Peasant Consciousness: Culture and Conflict in Zimbabwe* // *Peasants and Peasant Societies* / ed. by T. Shanin. 2nd ed. Oxford, 1987. P. 312; Scott J. C. *The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia*. New Haven, 1976. P. 145.
- 8 См.: Lewin M. *Russian Peasants and Soviet Power*. Chaps. 2, 3.
- 9 См.: Shanin T. *Defining Peasants*. Oxford, 1990. P. 23–27.
- 10 См., напр.: Dobrowolski K. *Peasant Traditional Culture* // *Peasants and Peasant Societies*. Он пишет: «Те, чье поведение отличалось от принятого в их классах или группах [среди крестьянства], столкнулись с такими репрессивными мерами, как насмешки, упреки, бойкот, ostrакизм или даже применение официальных правовых санкций» (с. 272).
- 11 О «чужаках» см.: Shanin T. *Russia as a «Developing Society»* // *The Roots of Otherness: Russia's Turn of Century*. New Haven, 1985. Vol. 1. P. 83–85.

- ¹² См., напр.: Shanin T. Russia as a «Developing Society». P. 83–84; Alavi H. Peasant Classes and Primordial Loyalties // *Journal of Peasant Studies*. 1973. Vol. 1. No. 1. P. 46–48; Berce Y.-M. History of Peasant Revolts: The Social Origins of Rebellion in Early Modern France / tr. A. Whitmore. Ithaca, 1990. P. 342.
- ¹³ См.: Genovese E. D. From Rebellion to Revolution: Afro-American Slave Revolts in the Making of the New World. New York, 1981. P. 59–60. Он отмечает, что для восстаний на американском континенте была характерна «особая ненависть к предателям».
- ¹⁴ Подсчеты и определения крестьянской страты, а также региональных различий в размерах определенных групп крестьянства иногда весьма широко варьируются. О различных подсчетах количества зажиточных крестьян см.: Lewin M. Who Was the Soviet Kulak? // Lewin M. The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia. New York, 1985. P. 122.
- ¹⁵ Wolf E. R. Peasant Wars of the Twentieth Century. New York, 1969. P. 291–293. О выравнивании см.: Shanin T. Defining Peasants. P. 124–125.
- ¹⁶ Taniuchi Y. The Village Gathering in Russia in the Mid-1920s // *University of Birmingham Soviet and East European Monographs*. No. 1. Birmingham, 1968. P. 23. О судьбе крестьянской общины после 1917 г. см. также: Atkinson D. The End of the Russian Land Commune, 1905–1930. Stanford, 1983; Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: В 2 т. М., 1977–1979; Male D. J. Russian Peasant Organization before Collectivization. Cambridge, 1971.
- ¹⁷ См. прежде всего: Clements B. E. The Effects of the Civil War on Women and Family Relations // *Party, State, and Society in the Russian Civil War: Explorations in Social History* / ed. by D. P. Koenker, W. G. Rosenberg, R. G. Suny. Bloomington, 1989. P. 105–122. См. также: *Russian Peasant Women* / ed. by B. Farnsworth, L. Viola. New York, 1992. P. 3–4; Figes O. Peasant Russia, Civil War: The Volga Countryside in Revolution, 1917–21. Oxford, 1989. P. 70, 101–102, 154–155; Shanin T. The Awkward Class: Political Sociology of Peasantry in a Developing Society. Russia, 1910–1925. Oxford, 1972. Chap. 8.
- ¹⁸ См. прежде всего: Eklof B. Russian Peasant Schools. Berkeley, 1986; Frank S. P. Crime, Cultural Conflict, and Justice in Rural Russia, 1856–1914. Berkeley, 1999; Worobec C. D. Peasant Russia: Family and Community in the Post-Emancipation Period. Princeton, 1991.
- ¹⁹ См., напр.: Brooks J. The Breakdown in Production and Distribution of Printed Material, 1917–1927 // *Bolshevik Culture* / ed. by A. Gleason, P. Kenez, R. Stites. Bloomington, 1985. P. 151–174.
- ²⁰ Shanin T. Peasantry as a Class // *Peasants and Peasant Societies*. P. 329.
- ²¹ Geertz C. The Interpretation of Cultures. New York, 1973. P. 5, 12.
- ²² Redfield R. Peasant Society and Culture. Chicago, 1956. P. 25.
- ²³ О значимости идей справедливости см.: Moore B., Jr. Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World. Boston, 1967. P. 471; Tilly C., Tilly L., Tilly R. The Rebellious Century, 1830–1930. Cambridge, 1975. P. 85.
- ²⁴ См.: Scott J. C. The Moral Economy of the Peasant. P. 3.
- ²⁵ Ranger T. Peasant Consciousness. P. 313.
- ²⁶ См.: Tilly C. et al. The Rebellious Century. P. 46.

- ²⁷ О символической инверсии см.: Underdown D. Revel, Riot and Rebellion: Popular Politics and Culture in England, 1603–1660. Oxford, 1985. P. 111; Le Roy Ladurie E. Carnival at Romans / tr. M. Feeny. New York, 1980. P. 189–192, 316; Sathyamurthy T. V. Indian Peasant Historiography // *Journal of Peasant Studies*. 1990. Vol. 18. No. 1. P. 111–112, 119; Scott J. C. Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts. New Haven, 1990. P. 44.
- ²⁸ Об определениях и классификациях типов насилия, его «соревновательных», «реакционных» и «активных» формах см.: Tilly C. et al. The Rebellious Century. P. 50–51. См. также: Scott J. Hegemony and the Peasantry // *Politics and Society*. 1977. Vol. 7. No. 3. P. 271 (о борьбе крестьян не за создание нового порядка, а за восстановление и защиту своих исконных прав).
- ²⁹ О некоторых значимых аспектах и литературе по тематике взаимодействия государства и крестьянства в 1905 г. см.: Schneer M. A Peasant Community during Russia's First Revolution // *Slavic Review*. 1994. Vol. 53. No. 1. P. 105–106.
- ³⁰ Sabean D. W. Power in the Blood: Popular Culture and Village Discourse in Early Modern Germany. Cambridge, 1984. P. 2–3.
- ³¹ Arendt H. The Origins of Totalitarianism. New York, 1973. P. 311–326; Lewin M. The Making of the Soviet System. Chaps. 9, 11, 12.

Глава 1

- ¹ М. И. Калинин использовал это выражение на первой всесоюзной конференции аграрников-марксистов. См.: Труды первой всесоюзной конференции аграрников-марксистов. М., 1930. Т. 1. С. 97–98. См. также: Пролетарий. 1930. 24 янв. С. 1.
- ² Scott J. C. Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts. New Haven, 1990. P. 12, 13–14.
- ³ Ibid. P. 12.
- ⁴ О классе и отношении коммунистов к рабочему классу см.: Fitzpatrick S. The Bolsheviks' Dilemma: Class, Culture, and Politics in the Early Soviet Years // *Slavic Review*. 1988. Vol. 47. No. 4.
- ⁵ Об отношении марксистов к крестьянству см.: Kingston-Mann E. Breaking the Silence // *Peasant Economy, Culture, and Politics of European Russia, 1800–1921* / ed. by E. Kingston-Mann, T. Mixter. Princeton, 1991. P. 5–7.
- ⁶ Противоречие очевидно. В то время как теория придерживается детерминизма, практика склоняется к волюнтаризму. Русские марксисты, начиная с Плеханова, хранили веру в то, что, составив «план истории», они смогут воплотить его в жизнь, заставив историю идти по заранее предначертанному пути. См., напр.: Плеханов Г. О роли личности в истории // Плеханов Г. Избранные философские работы. М., 1976. С. 283–316.
- ⁷ Ленин В. И. Полное собрание сочинений: В 55 т. 5-е изд. М., 1958–1966 (далее – ПСС). Т. 37. С. 40.
- ⁸ Ленин осознал центральную политическую роль крестьянства в революции в ходе событий 1905 г. См.: Kingston-Mann E. Lenin and the Problem of Marxist Peasant Revolution. New York, 1983. Chaps. 5–6.
- ⁹ Ленин В. И. ПСС. Т. 35. С. 102.

- 10 Крицман Л. Пролетарская революция в деревне. М.; Л., 1929. С. 6–9. Ленин признает эту двойственность революции 1917 г. в одной из своих последних статей «Наша революция». См.: ПСС. Т. 45. С. 378–382.
- 11 Figes O. Peasant Russia, Civil War: The Volga Countryside in Revolution, 1917–21. Oxford, 1989. Chap. 3.
- 12 См.: Lih L. T. Bread and Authority in Russia, 1914–1921. Berkeley, 1990.
- 13 О дальнейшей дискуссии в отношении комбедов см.: Figes O. Peasant Russia, Civil War. P. 188–189.
- 14 Ленин В. И. ПСС. Т. 36. С. 316.
- 15 Там же.
- 16 Там же. Т. 37. С. 16.
- 17 Там же. С. 39–42.
- 18 Там же. Т. 38. С. 9.
- 19 Там же. С. 14.
- 20 Там же. Т. 39. С. 123.
- 21 Там же. С. 145.
- 22 Там же. С. 277.
- 23 Там же. Т. 43. С. 58.
- 24 Там же. С. 59.
- 25 Там же. Т. 45. С. 77.
- 26 Там же. Т. 43. С. 60–61.
- 27 Там же. Т. 45. С. 369–377, 389–406.
- 28 Там же. С. 372.
- 29 В особенности в ключевом 1928 г. См.: Lewin M. Russian Peasants and Soviet Power: A Study of Collectivization / tr. I. Nove. New York, 1975.
- 30 Ленин В. И. ПСС. Т. 42. С. 159.
- 31 См.: Cohen S. F. Bukharin and the Bolshevik Revolution. Rev. ed. New York, 1980. Chap. 6.
- 32 К вопросу о всепроникающей природе слухов о войне того времени см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 289. Л. 2–14, 17–36.
- 33 О дискуссиях в литературе см.: Ward C. Stalin's Russia. London, 1993. P. 56–59.
- 34 Сталин И. Сочинения: В 13 т. М., 1946–1952. Т. 11. С. 1, 3.
- 35 Эта тема постоянно затрагивалась в работах Сталина и его выступлениях на протяжении 1920-х гг., наиболее подробно о ней говорится в статье «К вопросам ленинизма»: Там же. Т. 8. С. 27.
- 36 Там же. С. 142–143.
- 37 Там же. Т. 10. С. 259.
- 38 Там же. Т. 12. С. 45–47.
- 39 Там же. Т. 11. С. 95.
- 40 Там же. С. 162.
- 41 Там же. Т. 12. С. 40–41.
- 42 Там же. С. 54.
- 43 Там же. С. 171.
- 44 Там же. С. 149.
- 45 Там же. Т. 13. С. 41.
- 46 Там же. Т. 12. С. 162–164.

- 47 Там же. С. 132.
- 48 XV съезд ВКП(б): Стеногр. отчет: В 2 т. М., 1961–1962. Т. 2. С. 1419.
- 49 Davies R. W. The Socialist Offensive: The Collectivization of Soviet Agriculture, 1929–1930. Cambridge, Mass., 1980. Vol. 1. P. 112, 147.
- 50 Ibid. P. 442.
- 51 Вылцан М. А., Ивницкий Н. А., Поляков Ю. А. Некоторые проблемы истории коллективизации в СССР // Вопросы истории. 1965. № 3. С. 4–7; Lewin M. Russian Peasants and Soviet Power. Chap. 15.
- 52 РГАЭ. Ф. 260. Оп. 1. Д. 6. Л. 163–164.
- 53 Viola L. The Best Sons of the Fatherland: Workers in the Vanguard of Soviet Collectivization. New York, 1987. Chap. 1.
- 54 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 441. Т. 1. Л. 32, 69–70, 72, 104; Т. 2. Л. 3–18, 33, 40, 42, 50, 56, 61, 64–72.
- 55 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 40. Л. 231–230, 220, 217–213, 55–54. (Листы некоторых дел из этого архива пронумерованы в обратном порядке.)
- 56 Законы см.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 7-е изд. М., 1953. Ч. 2. С. 544–547. Касательно директив Сталина в отношении Народного комиссариата земледелия см.: РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 40. Л. 233. (Колхозцентр выпустил свой декрет еще 10 ноября 1929 г., призвав к достижению высочайших темпов социализации домашнего скота. См. главу 3.) Высказывание Сталина о «ликвидации кулака как класса» см. в выступлении на конференции аграрников-марксистов: Сталин И. Сочинения. Т. 12. С. 169. О пересмотре Сталиным работы комиссии см.: Ивницкий Н. А. История подготовки постановления ЦК ВКП(б) о темпах коллективизации сельского хозяйства от 5 января 1930 г. // Источниковедение истории советского общества. Вып. 1. М., 1964. С. 274–275. См. также: Письма И. В. Сталина В. М. Мологову, 1925–1936 гг. М., 1995. С. 171–173. Сталин пишет, что проект комиссии «неподходящий».
- 57 Davies R. W. The Socialist Offensive. Vol. 1. P. 442–443.
- 58 Подробнее см.: Viola L. The Campaign to Eliminate the Kulak as a Class, Winter 1929–1930: A Reevaluation of the Legislation // Slavic Review. 1986. Vol. 45. No. 3. P. 503–524.
- 59 О директивах центра по коллективизации см.: РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 78. Л. 97–89, 3–1; Д. 138. Л. 4–2. Основные директивы были опубликованы: Неизвестная Россия. XX век: В 4 т. М., 1992–1994. Т. 1. С. 189, 237–250. См. также: Исторический архив. 1994. № 4. С. 147–152.
- 60 Davies R. W. The Socialist Offensive. P. 442–443.
- 61 РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 87. Л. 2.
- 62 См., напр.: Там же. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 78. Л. 63.
- 63 Там же. Д. 122. Л. 174.
- 64 См. главу 2.
- 65 Сталин И. Сочинения. Т. 12. С. 191–199.
- 66 Davies R. W. The Socialist Offensive. P. 442–443.
- 67 Правда. 1988. 16 сент. С. 3; Земсков В. Н. Спецпоселенцы (по документации НКВД–МВД СССР) // Социологические исследования. 1990. № 11. С. 3. См. также: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 52. Л. 20–21 (несколько меньше

- цифры). Число семей, сосланных в 1931 г., было выше, чем в 1930 г., возможно, отчасти потому, что разделение кулаков на три категории в 1931 г. уже не применялось. См.: *Неизвестная Россия*. Т. 1. С. 257. Число людей, в основном «кулаков», приговоренных к смертной казни в 1930 г., составило 20 201 чел.; в 1931 г. – 10 651 чел. См.: Попов В. П. Государственный террор в Советской России. 1923–1953 гг. // *Отечественные архивы*. 1992. № 2. С. 28–29.
- 68 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 52. Л. 69–70, 73, 80–85, 119–120, 186, 189–198; РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 23а. Л. 60, 50–48, 21.
- 69 Земсков В. Н. Спецпоселенцы. С. 6.
- 70 См.: Figes O. *Peasant Russia, Civil War*.
- 71 Старый и новый быт / под ред. В. Г. Тан-Богораза. Л., 1924. С. 91–92.
- 72 Кретов Ф. Деревня после революции. М., 1925. С. 25.
- 73 Крестьяне о Советской власти. М.; Л., 1929. С. 157–158, 160–161, 188–190.
- 74 См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 289. Л. 17, 66. На протяжении всех 1920-х гг. крестьяне призывали к созданию «крестьянского союза» для защиты своих прав. См. также: Там же. Л. 94.
- 75 Металлист. 1929. 14 февр. С. 25; Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации, 1927–1932 гг. / под ред. В. П. Данилова, Н. А. Ивницкого (далее – ДС). М., 1989. С. 237–238; Strong A. L. *The Soviets Conquer Wheat*. New York, 1931. P. 30.
- 76 Об апокалиптических настроениях крестьянства см. главу 2.
- 77 Горький М. О русском крестьянстве. Берлин, 1922. С. 8.
- 78 Там же. С. 37.
- 79 Там же. С. 34–35.
- 80 Там же. С. 38.
- 81 Там же. С. 40–42.
- 82 Описание этих более ранних представлений см.: Frierson C. A. *Peasant Icons: Representations of Rural People in Late Nineteenth Century Russia*. New York, 1993. Стивен Франк приводит материалы дискуссии, проливающие свет на дореволюционный дискурс «реформы» и «модернизации» в отношении крестьянства. См.: *Confronting the Domestic Other: Rural Popular Culture and Its Enemies in Fin-de-Siècle Russia* // *Cultures in Flux: Lower-Class Values, Practices, and Resistance in Late Imperial Russia* / ed. by S. P. Frank, M. D. Steinberg. Princeton, 1994. P. 74–107.
- 83 Сталин И. Сочинения. Т. 12. С. 149.
- 84 См. главу 6 о протесте женщин и ответственности мужчин.
- 85 См. главу 3; также см.: Oja M. F. *Traktorizatsiia as Cultural Conflict, 1929–1933* // *Russian Review*. 1992. Vol. 51. No. 3. P. 343–362.
- 86 Ленин В. И. ПСС. Т. 37. С. 39.
- 87 Панферов Ф. Бруски. Книга первая. М., 1949. С. 100.
- 88 Григоренко П. Г. В подполье можно встретить только крыс. Нью-Йорк, 1981. С. 416.
- 89 Вопросы шестства. 1926. № 2. С. 1.
- 90 См., напр.: Буров Я. Деревня на переломе (год работы в деревне). М.; Л., 1931. С. 7–8.
- 91 Советская юстиция (далее – СЮ). 1931. № 9. С. 2; Ермолаев А. И. Коллективизация и классовая борьба в Ленинградской области. М.; Л., 1931. С. 7–8.
- 92 См. выше.
- 93 Viola L. *The Best Sons of the Fatherland*. P. 131.
- 94 В отчете ОГПУ за февраль 1930 г. говорится о «бедняках-подкулачниках» и «средняках-подкулачниках». См.: РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 131. Л. 49.
- 95 По последнему вопросу см.: Viola L. *The Second Coming: Class Enemies in the Soviet Countryside, 1927–1935* // *Stalinist Terror: New Perspectives* / ed. by J. A. Getty, R. T. Manning. Cambridge, 1993. P. 73, 77–81.
- 96 Viola L. *The Peasants' Kulak: Social Identities and Moral Economy in the Soviet Countryside in the 1920s* // *Canadian Slavonic Papers*. 2000. Dec.
- 97 По этому вопросу см.: Lewin M. *The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia*. New York, 1985. P. 121–141.
- 98 Bronaugh K. *Graphic Propaganda and the Revolutionary Laugh: Political Cartoons in Pravda and Prozhektor, 1923–1933* (неопубл. магистерская дисс.).
- 99 См., напр.: РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 61. Л. 113; Ф. 260. Оп. 1. Д. 6. Л. 39.
- 100 Viola L. *The Second Coming*. P. 79.
- 101 Лейкин С. Крестьянка в классовой борьбе // *Женщина в колхозе* / под ред. В. Уласевич. М., 1930. С. 28.
- 102 Ленин В. И. ПСС. Т. 37. С. 39–42.
- 103 Hindus M. *Red Bread: Collectivization in a Russian Village*. Bloomington, 1988. P. 5.
- 104 О «головокружении» в деревне в годы коллективизации см.: Viola L. «*L'ivresse du success*»: les cadres russes et le pouvoir soviétique durant les campagnes de collectivisation de l'agriculture // *Revue des études slaves*. 1992. Vol. 64. No. 1. P. 75–101.
- 105 Шолохов М. Поднятая целина // *Собр. соч.*: В 8 т. М., 1962. Т. 6. С. 62.
- 106 Пролетарий. 1930. 24 янв. С. 1.
- 107 Заря востока. 1930. 25 мая. С. 2; XIV всероссийский съезд Советов: Стеногр. отчет. М., 1929. Бюллетень 9. С. 28–29.
- 108 Agabekov G. *OGPU: The Russian Secret Terror*. New York, 1931. P. 7.
- 109 XVI съезд ВКП(б): Стеногр. отчет. М.; Л., 1930. С. 352, 360.
- 110 Из истории тамбовской деревни начала 30-х годов / публ. Т. А. Ляпиной // *Советские архивы*. 1991. № 6. С. 48.
- 111 О проецировании в связи с «охотой на ведьм» см.: Putnam J. D. *Entertaining Satan: Witchcraft and the Culture of Early New England*. New York, 1982. P. 13.
- 112 Scott J. C. *Domination and the Arts of Resistance*. P. 11.
- 113 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 78. Л. 90. Постановление Политбюро см.: Исторический архив. 1994. № 4. С. 147–152. Постановление ОГПУ от 2 февраля включает священников в список подлежащих раскулачиванию. См.: *Неизвестная Россия*. Т. 1. С. 238–239.
- 114 О массовом сожжении икон см.: РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 91. Л. 2.
- 115 Там же. Д. 119. Л. 14.
- 116 Там же. Ф. 260. Оп. 1. Д. 6. Л. 176. (Автор этого критического доклада спросил: «Не это ли нравы героев Щедрина?»)
- 117 См., напр.: Голубых М. Казачья деревня. М.; Л., 1930. С. 230–235; Hindus M. *Red Bread*. P. 39–44; Старый и новый быт. С. 48.

- 118 Berce Y.-M. History of Peasant Revolts: The Social Origins of Rebellion in Early Modern France / tr. A. Whitmore. Ithaca, 1990. P. 40. См. также о снятии колоколов как мере наказания за крестьянское сопротивление: Ibid. P. 314. Подобные снятия также имели место после восстаний русских деревень. См. главу 5.
- 119 Западный областной комитет ВКП(б): Стеногр. отчет 2-й областной партконференции. М.; Смоленск, 1931. С. 165.
- 120 Папа Пий XI призвал провести 16 марта 1930 г. всемирную молитву по гонимым верующим в России. Это заставило Сталина временно приостановить кампанию против религии. См.: Medvedev R. Let History Judge / tr. G. Shriver. New York, 1989. P. 165.
- 121 ГА РФ. Ф. 5457. Оп. 14. Д. 135. Л. 106.
- 122 Там же. Ф. 374. Оп. 9. Д. 398. Л. 680. См. также этот документ в кн.: Rapports secrets soviétiques, 1921–1991: La société Russe dans les documents confidentiels / dir. N. Werth, G. Moulléc. Paris, 1994. P. 288–291 (о закрытии церквей в Московской области и их последующем открытии).
- 123 Medvedev R. Let History Judge. P. 230.
- 124 Политический и трудовой подъем рабочего класса СССР (1928–1929 гг.): Сб. документов. М., 1956. С. 543.
- 125 Davies R. W. The Socialist Offensive. P. 227–228.
- 126 См.: Viola L. The Second Coming. P. 88–90.
- 127 Gromyko M. M. Traditional Norms of Behavior and Forms of Interaction of Nineteenth-Century Russian Peasants // Russian Traditional Culture / ed. by M. Mandelstam Balzer. Armonk, N.Y., 1992. P. 227.
- 128 Неизвестная Россия. Т. 1. С. 238–239.
- 129 О репрессиях, ударивших по местной «знати», чужим и пр., см.: Viola L. The Second Coming. P. 70–74, 81–90.
- 130 О конференции женщин в январе 1930 г. в Ставропольском округе, где было осуждено «процветание» знахарства и акушерства, см.: Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (далее – КСК). Краснодар, 1972. С. 233. См. также: Комсомол в деревне: Очерки / под ред. В. Г. Тан-Богораз. М.; Л., 1926. С. 131, 133. Вообще о попытках советской власти изъять охрану женского здоровья из компетенции акушерок и общины см.: Waters E. Teaching Mothercraft in Postrevolutionary Russia // Australian Slavonic and East European Studies. 1987. Vol. 1. No. 2. P. 29–56.
- 131 Другую документальную информацию об использовании государством церковных колоколов для целей экономики см.: Неизвестная Россия. Т. 2. С. 337–348.
- 132 Крестьянская правда. 1929. 16 авг. С. 2; 23 авг. С. 3.
- 133 Hindus M. Red Bread. P. 187. См. также: Stites R. Bolshevik Ritual Building in the 1920s // Russia in the Era of NEP / ed. by S. Fitzpatrick, A. Rabinowitch, R. Stites. Bloomington, 1991. P. 298. См. также: Полищук Н. С. У истоков советских праздников // Советская этнография. 1987. № 6. С. 3–15.
- 134 Viola L. The Best Sons of the Fatherland. P. 160–162.
- 135 См., напр.: Каврайский В., Хамармер И. Уроки классовой борьбы: Итоги выборов советов Сибири, 1928–29. Новосибирск, 1929. С. 78.

- 136 Егорова Л. П. Классовая борьба в западносибирской деревне в ходе хлебозаготовительных кампаний (1928–1930 гг.) // Осуществление аграрной политики КПСС в Сибири и на Дальнем Востоке. Томск, 1986. С. 33. Этот случай также упоминается в ст.: Угроватов А. П. Борьба коммунистов органов юстиции Сибири с кулачеством в хлебозаготовительную кампанию 1929/30 гг. // Деятельность партийных организаций Сибири по социалистическому преобразованию и развитию деревни. Новосибирск, 1982. С. 96.
- 137 Коллективизация сельского хозяйства Центрального Промышленного района (далее – КЦПР). Рязань, 1971. С. 361.
- 138 РГАЭ. Ф. 260. Оп. 1. Д. 13. Л. 20. (Большинство комиссий продолжали свою деятельность только «на бумаге».)
- 139 См., напр., обсуждение и примеры в кн.: Шафир Я. Газета и деревня. 2-е изд. М.; Л., 1924. С. 27–30. См. также: Селищев А. Язык революционной эпохи. М., 1928. С. 210–218.
- 140 Ларина А. Незабываемое. М., 1989. С. 209.
- 141 КЦПР. С. 408.
- 142 В Хоперском округе на Нижней Волге колхоз получил название «Смерть кулакам» (РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 101. Л. 49). Среди других интересных названий колхозов – «Степан Разин», «Мечта революции», «Искусство», «Правда», «Сакко и Ванцетти», «Дело Ленина», «Искра Ленина», «Колхоз ОГПУ» и т. п. (Там же. Д. 40. Л. 98).
- 143 Bonnell V. E. The Peasant Woman in Stalinist Political Art of the 1930s // American Historical Review. 1993. Vol. 98. No. 1. P. 67–68.
- 144 Ibid. P. 67–68, 78–79.

Глава 2

- 1 Пушкин А. С. Собр. соч.: В 8 т. М., 1970. Т. 8. С. 186.
- 2 См.: Yang A. A. Conversation of Rumors: The Language of Popular *Mentalités* in Late Nineteenth-Century Colonial India // Journal of Social History. 1987. Vol. 21. P. 485.
- 3 О слухах и страхе см.: Sathyamurthy T. V. Indian Peasant Historiography: A Critical Perspective on Ranajit Guha's Work // Journal of Peasant Studies. 1990. Vol. 18. No. 1. P. 124; Lefebvre G. The Great Fear of 1789: Rural Panic in Revolutionary France / tr. J. White. London, 1973; Hobsbawm E., Rude G. Captain Swing: A Social History of the Great English Agricultural Uprising of 1830. New York, 1975. P. 198–200, 215.
- 4 Об использовании санкций для поддержания единства в подчиненных группах см.: Scott J. C. Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts. New Haven, 1990. P. 27.
- 5 См.: Berger J. The Vision of a Peasant // Peasants and Peasant Societies / ed. by T. Shanin. 2nd ed. Oxford, 1987. P. 282. Он пишет о крестьянском мировоззрении: «Близость к непредсказуемому, невидимому и неподконтрольному предрасполагает сознание к восприятию мира в религиозном свете».
- 6 О взгляде современников на мир слухов изнутри см.: Шафир Я. Газета и деревня. 2-е изд. М.; Л., 1924. С. 99. О психоанализе слухов см.: Jung C. G.

- Flying Saucers: A Modern Myth of Things Seen in the Skies / tr. R. F. C. Hull. Princeton, 1978. P. 13–14, 18, 23. См. также анализ значений распространенных пророчеств: Niccoli O. Prophecy and People in Renaissance Italy / tr. L. G. Cochrane. Princeton, 1990.
- 7 Sathyamurthy T. V. Indian Peasant Historiography. P. 125–126.
- 8 См. главу 1.
- 9 О взгляде на этот тип мышления как особую черту русской культуры см.: Бердяев Н. А. Русская идея. М., 2005.
- 10 Funkenstein A. A Schedule for the End of the World: The Origins and Persistence of the Apocalyptic Mentality // Visions of Apocalypse: End or Rebirth? / ed. by S. Friedlander et al. New York, 1985. P. 62; Kselman T. A. Miracles and Prophecies in Nineteenth-Century France. New Brunswick, N. J., 1983. P. 80–83.
- 11 Cohn N. The Pursuit of the Millennium. London, 1957. P. 22; Friedlander S. Introduction // Visions of Apocalypse. P. 5. См. также: Scott J. C. Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance. New Haven, 1985. P. 332; Donnelly J. J., Jr. Pastorini and Captain Rock: Millenarianism and Sectarianism in the Rockite Movement of 1821–24 // Irish Peasants: Violence and Political Unrest, 1780–1914 / ed. by S. Clark, J. J. Donnelly, Jr. Manchester, 1983. P. 104.
- 12 Cohn N. The Pursuit of the Millennium. P. 22, 41–42, 82–83, 127–128. См. также об Англии эпохи Ренессанса: Capp B. The Political Dimension of Apocalyptic Thought // The Apocalypse in English Renaissance Thought and Literature / ed. by C. A. Patrides, J. Wittreich. Manchester, 1984. P. 93–124.
- 13 Cherniavsky M. The Old Believers and the New Religion // The Structure of Russian History / ed. by M. Cherniavsky. New York, 1970. P. 140–188; Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М., 1967. С. 99–112.
- 14 Friedlander S. Themes of Decline and End in Nineteenth-Century Western Imagination // Visions of Apocalypse. P. 62, 71. См. также: Kselman T. A. Miracles and Prophecies in Nineteenth-Century France. Chap. 3.
- 15 См.: Landmarks / ed. by B. Shragin, A. Todd; tr. M. Schwartz. New York, 1977.
- 16 О дискуссиях этого времени см.: Bethea D. M. The Shape of Apocalypse in Modern Russian Fiction. Princeton, 1989; Billington J. H. The Icon and the Axe. New York, 1970. P. 474–518 [рус. изд.: Биллингтон Дж. Икона и топор. М., 2001. – *Прим. ред.*]; Rosenthal V. G. Eschatology and the Appeal of Revolution // California Slavic Studies. 1980. Vol. 11. P. 105–139.
- 17 Поэма Блока «Двенадцать» – замечательный пример подобного смещения революционной и апокалиптической тематики, как и романы Белого «Серебряный голубь» и «Петербург». Похожий подтекст имеют мемуары Виктора Шкловского («Сентиментальное путешествие» [см., напр., в изд.: Шкловский В. Сентиментальное путешествие. М., 1990. – *Прим. ред.*]) и Сергея Мстиславского (Пять дней: Начало и конец Февральской революции // Летописи революции. Берлин; Пб.; М., 1922. № 3).
- 18 Данилов В. П. Динамика населения СССР за 1917–1929 гг. // Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970. С. 245–246.
- 19 «Черный передел» означал мечту крестьян о тотальном перераспределении земель.

- 20 См.: Розит Д. П. Партия и советы в деревне. М., 1925. С. 12–17; Он же. Проверка работы низового аппарата в деревне: Основные итоги проверки низового аппарата членами ЦКК РКП(б) в 12 уездах и округах СССР. М., 1926. С. 59; Росницкий Н. Полгода в деревне: Основные итоги обследования 28 волостей и 730 крестьянских хозяйств Пензенской губ. Пенза, 1925. С. 158–159, 165–166; Каврайский В., Нусинов И. Классы и классовая борьба в современной деревне. 2-е изд. Новосибирск, 1929. С. 143–145, 154; Лицо донской деревни к 1925 г. (По материалам обследования ДКК и Дон. РКИ). Ростов н/Д., 1925. С. 40–41; Лужин А., Резунов М. Низовой советский аппарат. М., 1929. С. 150.
- 21 См., напр.: Федин П. Классовая борьба в деревне. Воронеж, 1929. С. 5–12; Гагарин А. Хозяйство, жизнь и настроения деревни. М.; Л., 1925. С. 28; Голубых М. Очерки глухой деревни. М., 1926. С. 71; Комаров Н. Г. Лицо классового врага. Л., 1929. С. 30–32, 44–46; Лицо донской деревни к 1925 г. С. 29–31, 40–41.
- 22 Описание этой проблемы см.: Деревня при нэпе: кого считать кулаком, кого – тружеником, что говорят об этом крестьяне? М., 1924. См. также: Яковлев Я. Деревня как она есть. 2-е изд. М., 1923. С. 12–13; Росницкий Н. Полгода в деревне. С. 25–29.
- 23 Иванова Е. А. Борьба с кулачеством в ходе строительства коллективных форм хозяйства в деревне (Тюменский округ) // Уч. зап. Могилевского гос. пед. ин-та. 1955. Вып. II. С. 108.
- 24 Френкель И. Ш. Борьба с кулачеством в Курской губернии во время хлебозаготовительных кампаний 1928 и 1929 гг. // Уч. зап. Курского пед. ин-та. 1957. Вып. VI. С. 40.
- 25 См.: Velidov A. The «Decree» on the Nationalization of Women: The Story of a Mystification // Moscow News. 1990. No. 8–9. P. 13.
- 26 Селищев А. Язык революционной эпохи. М., 1928. С. 215.
- 27 Дорофеев Я. Деревня Московской губернии. М., 1923. С. 44.
- 28 Brooks J. The Breakdown of Production and Distribution of Printed Material, 1917–1927 // Bolshevik Culture / ed. by A. Gleason, P. Kenez, R. Stites. Bloomington, 1985. P. 153, 165.
- 29 Шафир Я. Газета и деревня; Дорофеев Я. Деревня Московской губернии. С. 42–43; Голубых М. Очерки глухой деревни. С. 50, 52. Некоторые факты см.: Старый и новый быт / под ред. В. Г. Тан-Богораз. Л., 1924. С. 53–57; Революция в деревне / под ред. В. Г. Тан-Богораз. М.; Л., 1924. Ч. 1. С. 73–76. Необходимо, однако, отметить, что Тан-Богораз и его единомышленники в целом отмечают *снижение* распространенности суеверий среди исследуемых крестьян. См. также: Lewin M. Grappling with Stalinism // Lewin M. The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia. New York, 1985. P. 298.
- 30 Большаков А. М. Деревня, 1917–1927. М., 1927. С. 332; Евдокимов А. Колхозы в классовых боях. Л., 1930. С. 19; Лицо донской деревни к 1925 г. С. 165; Розит Д. П. Партия и советы в деревне. С. 85; Комсомол в деревне: Очерки / под ред. В. Г. Тан-Богораз. М.; Л., 1926. С. 16–17.
- 31 Комсомол в деревне. С. 16.

- ³² Использование частушек для высмеивания традиций и выражения социальной критики имело место и до революции. См.: Frank S. P. Simple Folk, Savage Customs? Youth, Sociability, and the Dynamics of Culture in Rural Russia, 1856–1914 // *Journal of Social History*. 1992. Vol. 25. No. 4. P. 723–724.
- ³³ Старый и новый быт. С. 49.
- ³⁴ Комсомол в деревне. С. 71.
- ³⁵ Большаков А. М. Деревня. С. 336.
- ³⁶ Евдокимов А. В борьбе за молодежь: Классовая борьба в деревне. Л., 1929. С. 41; Фертауп Е. Л. Низовой советский аппарат и деревня Урала. Свердловск, 1925. С. 115; Лицо донской деревни к 1925 г. С. 186.
- ³⁷ Комсомол в деревне. С. 188. В своей книге (Pirogov P. Why I Escaped. New York, n. d. P. 149–152) эмигрант Петр Пирогов в похожей манере описывал, как он боялся реакции отца, когда стал пионером.
- ³⁸ Лаговьер Н. О самосудах. М.; Л., 1927. С. 4. Столкновение культур в предреволюционный период привело образованную публику к выводам о росте хулиганства на рубеже столетий. См.: Frank S. P. Confronting the Domestic Other: Rural Popular Culture and Its Enemies in Fin-de-Siècle Russia // *Culture in Flux: Lower-Class Values, Practices, and Resistance in Late Imperial Russia* / ed. S. P. Frank, M. D. Steinberg. Princeton, 1994.
- ³⁹ См., напр.: Гагарин А. Хозяйство, жизнь и настроения деревни (по итогам обследования Починковской волости Смоленской губернии). М.; Л., 1925. С. 93; Голубых М. Очерки глухой деревни. С. 48–52, 69–71; Лаговьер Н. О самосудах. С. 4; Лицо донской деревни к 1925 г. С. 115–116. Также см. заключение в кн.: Lewin M. *The Making of the Soviet System*. P. 55.
- ⁴⁰ Старый и новый быт. С. 122. Цитата из частушки: «Комиссары черти, / Нет на вас и смерти, / Вы бы околели, / Мы бы не жалели».
- ⁴¹ Изначально двоеверие означало смесь в крестьянской вере православия и язычества.
- ⁴² Буров Я. Деревня на переломе (год работы в деревне). М.; Л., 1926. С. 76–77; Комаров Н. С. Лицо классового врага: Классовая борьба в деревне во время перевыборов сельских советов в 1929 году (по материалам рабочих шефских бригад). Л., 1929. С. 24.
- ⁴³ Старый и новый быт. С. 55–57.
- ⁴⁴ Росницкий Н. Полгода в деревне. С. 171.
- ⁴⁵ Комаров Н. С. Лицо классового врага. С. 54–55.
- ⁴⁶ Большаков А. М. Деревня. С. 412. См. также: Большаков А. Коммуна Кудрова. Л., 1930. С. 147. О новых коммунистических ритуалах см.: Stites R. *Revolutionary Dreams*. New York, 1989. P. 111–114.
- ⁴⁷ Ангаров А. Классовая борьба в деревне и сельсовет. М., 1929. С. 21.
- ⁴⁸ Голубых М. Казачья деревня. М.; Л., 1930. С. 230–235; Hindus M. *Red Bread: Collectivization in a Russian Village*. Bloomington, 1988. P. 40–44, 191; Старый и новый быт. С. 48.
- ⁴⁹ Как отмечает Евдокимов (Евдокимов А. В борьбе за молодежь. С. 46–48), три четверти скопцов были кастрированы после революции, что, по мнению автора, говорило о росте их численности (но о незначительном потенциале для обновления). О росте численности молокан см.: Саратовская партийная

- организация в годы социалистической индустриализации страны и подготовки сплошной коллективизации сельского хозяйства (1926–1929 гг.). Саратов, 1960. С. 237–238.
- ⁵⁰ Долотов А. Церковь и сектантство в Сибири. Новосибирск, 1930. С. 3–4, 77–78; Гагарин А. Хозяйство, жизнь и настроения деревни. С. 85–89; Ярцев Я. Секта евангельских христиан. 2-е изд. М., 1928. С. 8–9, 11; Саратовская партийная организация... С. 237–238.
- ⁵¹ Евдокимов А. В борьбе за молодежь. С. 27–29.
- ⁵² Долотов А. Церковь и сектантство в Сибири. С. 77, 114.
- ⁵³ Евдокимов А. В борьбе за молодежь. С. 41.
- ⁵⁴ Долотов А. Церковь и сектантство в Сибири. С. 60, 68–69.
- ⁵⁵ Там же. С. 54, 56–57, 69, 73. На Дону отмечен ряд случаев, когда старообрядческие семьи не позволяли своим детям посещать избы-читальни комсомольской ячейки (Лицо донской деревни к 1925 г. С. 117–118). Однако большинство современников отмечали снижение числа старообрядцев после революции (Долотов А. Церковь и сектантство в Сибири. С. 73; Росницкий Н. Полгода в деревне. С. 224).
- ⁵⁶ О связи между апокалиптическим мышлением и антисемитизмом см.: Cohn N. *The Pursuit of the Millennium*. P. 77–80; Kselman T. A. *Miracles and Prophecies in Nineteenth-Century France*. P. 135–136, 138.
- ⁵⁷ Долотов А. Церковь и сектантство в Сибири. С. 68.
- ⁵⁸ Розит Д. П. Проверка работы низового аппарата в деревне. С. 85.
- ⁵⁹ О проявлениях антисемитизма в деревне см.: Евдокимов А. Колхозы в классовых боях. С. 34; Он же. В борьбе за молодежь. С. 5, 59. Также о деревенском антисемитизме: Ангаров А. Классовая борьба в деревне и сельсовет. С. 13.
- ⁶⁰ Cohn N. *The Pursuit of the Millennium*. P. 77–80; Kselman T. A. *Miracles and Prophecies in Nineteenth-Century France*. P. 135–136, 138.
- ⁶¹ См.: Kselman T. A. *Miracles and Prophecies in Nineteenth-Century France*. P. 59–77 (о том, как пророчества и вера в целительство помогли французским крестьянам XIX в. разобраться в окружающем их хаосе и переменах посредством обращения к традиционному образу мышления).
- ⁶² О случаях обновления икон см.: Беднота. 1924. 8 янв. С. 2; 11 янв. С. 1; Судебная практика (далее – СП). 1929. № 6. С. 15; Шафир Я. Газета и деревня. С. 114–115; Долотов А. Церковь и сектантство в Сибири. С. 48.
- ⁶³ Революция в деревне. Ч. 1. С. 7.
- ⁶⁴ Голубых М. Казачья деревня. С. 232.
- ⁶⁵ Обновленная деревня / под ред. В. Г. Тан-Богораза. Л., 1925. С. 86. Когда мужское население деревни узнало об этом слухе, оно отнеслось к нему с явным скепсисом, однако женщины поверили в него и собрались сходить и «проверить достоверность» слуха.
- ⁶⁶ Долотов А. Церковь и сектантство в Сибири. С. 45; Шафир Я. Газета и деревня. С. 105.
- ⁶⁷ Долотов А. Церковь и сектантство в Сибири. С. 43–44.
- ⁶⁸ Там же. С. 47–48.
- ⁶⁹ Kselman T. A. *Miracles and Prophecies in Nineteenth-Century France*. P. 49.

- 70 Шафир Я. Газета и деревня. С. 107–110, 114.
- 71 Революция в деревне. Ч. 1. С. 8.
- 72 Долотов А. Церковь и сектантство в Сибири. С. 46–47.
- 73 Scott J. C. Hegemony and the Peasantry // *Politics and Society*. 1977. Vol. 7. No. 3. P. 284.
- 74 Wolf E. R. On Peasant Rebellions // *Peasants and Peasant Societies* / ed. by T. Shanin. 2nd ed. Oxford, 1987. P. 373.
- 75 Шафир Я. Газета и деревня. С. 99, 117; Саратовская партийная организация... С. 104; Френкель И. Ш. Борьба с кулачеством в Курской губернии... С. 39. См. также: Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 годов в деревнях Поволжья // *Вопросы истории*. 1991. № 6. С. 180 (о слухах голодного времени, гласивших, что голод был организован для того, чтобы крестьяне отдали свое золото и прочие ценности государству как твердую валюту в обмен на продовольствие).
- 76 См., напр.: Киреев Р. Н. К вопросу об исторической неизбежности ликвидации кулачества как класса (по материалам Южного Зауралья) // *Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири*. Курган, 1971. С. 232.
- 77 РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 87. Л. 12. Касательно середины 1920-х гг. см.: Кретов Ф. Деревня после революции. М., 1925. С. 26–27.
- 78 РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 358. С. 72.
- 79 Киреев Р. Н. К вопросу об исторической неизбежности ликвидации кулачества как класса. С. 232.
- 80 Коллективизация и развитие сельского хозяйства на Кубани (далее – КК). Краснодар, 1981. С. 113–115; РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 87. Л. 12; Социалистическое переустройство сельского хозяйства Молдавской АССР. Кишинев, 1964. С. 281.
- 81 Типологию см.: Viola L. Guide to Document Series on Collectivization // *A Researcher's Guide to Sources on Soviet Social History in the 1930s* / ed. by S. Fitzpatrick, L. Viola. Armonk, N.Y., 1990.
- 82 Примеры см.: Докладная записка Колхозцентра в ЦК ВКП(б) о колхозном строительстве в 1928–1929 гг. / публ. Н. А. Ивницкого // *Материалы по истории СССР: Документы по истории советского общества: В 7 т.* М., 1955–1959. Т. 7. С. 245; Караваев А., Сосновский А. Краснополянский гигант. М., 1929. С. 71–72, 85; Тимофеев Г. Межа умерла: Краснополянский район сплошной коллективизации. М., 1930. С. 77; Лейкин С. Крестьянка в классовой борьбе // *Женщина в колхозе* / под ред. В. Уласевич. М., 1930. С. 27–284; *Участие рабочих-металлистов в колхозном строительстве весной 1930* / под ред. О. М. Грибковой, М. Е. Лепехиной // *Исторический архив*. 1955. № 2. С. 48–49; *Большевик*. 1930. № 13. С. 68; *Коллективист*. 1930. № 15–16. С. 42–43.
- 83 Ерихонов Л. Кулак перед судом. Самара, 1929. С. 42–43.
- 84 Роль рабочих бригад в борьбе за сплошную коллективизацию в Тамбовской деревне / под ред. М. Н. Черноморского // *Материалы по истории СССР*. Т. 1. С. 380; Федин П. Классовая борьба в деревне. С. 58, 60; Коллективизация сельского хозяйства в Северо-Западном районе (далее – КСЗ). Л., 1970. С. 162–163; Тимофеев Г. Межа умерла. С. 17, 20–21.
- 85 Елизаров Н. В. Ликвидация кулачества как класса. М.; Л., 1930. С. 68–69; Ерихонов Л. Кулак перед судом. С. 51–53; Евдокимов А. Колхозы в классовых боях. С. 34; *История коллективизации сельского хозяйства Урала (далее – ИУ)*. Пермь, 1983. С. 115–116; КСЗ. С. 162–163.
- 86 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 61. Л. 109.
- 87 КСЗ. С. 91; Лейкин С. Крестьянка в классовой борьбе. С. 41–42; Viola L. Notes of the Background of Soviet Collectivization: Metal Worker Brigades in the Countryside, Autumn 1929 // *Soviet Studies*. 1984. Vol. 36. No. 2. P. 213.
- 88 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 61. Л. 113–112, 110.
- 89 КК. С. 52–53.
- 90 Докладная записка Колхозцентра в ЦК ВКП(б) о колхозном строительстве в 1928–1929 гг. С. 242. В русском языке синонимом выражения «Варфоломеевская ночь» выступает погром или побоище. Можно предположить, что в 1920-х и 1930-х гг. крестьяне, употребляя это выражение, имели в виду то же самое. (Я благодарна Дональду Ван Атта за то, что он обратил на это мое внимание.)
- 91 КЦПР. С. 336.
- 92 Караваев А., Сосновский А. Краснополянский гигант. С. 72; Иванов И. И. Ликвидация в Чувашии кулачества как класса // *История и культура Чувашской АССР*. Чебоксары, 1971. Вып. 1. С. 208–209.
- 93 ГА РФ. Ф. 5469. Оп. 13. Д. 123. Л. 78–91.
- 94 РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 87. Л. 11.
- 95 Там же. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 131. Л. 157.
- 96 Там же. Д. 193. Л. 129, 69.
- 97 См., напр.: Егорова Л. П. К вопросу о контрреволюционной деятельности кулачества в Западной Сибири в 1928–1929 гг. // *Сборник работ аспирантов кафедры истории КПСС*. Томск, 1974. Т. 11. С. 96–97; Френкель И. Ш. Борьба с кулачеством в Курской губернии... С. 39; Шафир Я. Газета и деревня. С. 25, 45, 115–116. Потребовалось проведение специального собрания в отдаленной деревне Беляевка на Урале, дабы убедить крестьян, что слухи середины 1920-х гг. о войне были неверными. См.: Голубых М. Очерки глухой деревни. С. 43. См. также доклады, основанные на информации ОГПУ о панических настроениях в деревне и распространении слухов о войне в 1927 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 289. Л. 2–14, 17–36.
- 98 ДС. С. 454; Ерихонов Л. Кулак перед судом. С. 42–43; Евдокимов А. Колхозы в классовых боях. С. 33; *Історія колективізації сільського господарства Української РСР*. Київ, 1965. Т. 2. С. 545; Ивницкий Н. А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М., 1972. С. 106; Караваев А., Сосновский А. Краснополянский гигант. С. 71; Коллективизация сельского хозяйства Якутской АССР. Якутск, 1978. С. 92–93; КЦПР. С. 399–400; КСЗ. С. 75–76; Коллективизация сельского хозяйства в Западном районе (далее – КЗ). Смоленск, 1968. С. 256, 386–387; Социалистическое переустройство сельского хозяйства Молдавской АССР. С. 281 (там ходили слухи о румынском вторжении); Тимофеев Г. Межа умерла. С. 82; Угроватов А. П. Борьба коммунистов органов юстиции Сибири с кулачеством в хлебозаготовительную кампанию 1929/30 гг. // *Деятельность партий-*

- ных организаций Сибири по социалистическому преобразованию и развитию деревни. Новосибирск, 1982. С. 85.
- ⁹⁹ Евдокимов А. Колхозы в классовых боях. С. 33; КЦПР. С. 398–399; РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 131. Л. 34; ГА РФ. Ф. 5457. Оп. 14. Д. 114. Л. 26; Нижневолжский колхозник. 1931. № 15–16. С. 38–40; Viola L. Bab'i Bunty and Peasant Women's Protest During Collectivization // Russian Review. 1986. Vol. 45. No. 1. P. 31.
- ¹⁰⁰ РГАЭ. Ф. 260. Оп. 1. Д. 6. Л. 38.
- ¹⁰¹ Velidov A. The «Decree» on the Nationalization of Women. P. 13.
- ¹⁰² Viola L. Bab'i bunty and Peasant Women's Protest During Collectivization. P. 31–32.
- ¹⁰³ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 131. Л. 34; Д. 102. Л. 56; Коллективизация сельского хозяйства Башкирской АССР. Уфа, 1980. С. 79; КЦПР. С. 398–399.
- ¹⁰⁴ РГАЭ. Ф. 260. Оп. 1. Д. 6. Л. 50.
- ¹⁰⁵ Лейкин С. Крестьянка в классовой борьбе. С. 30. Этот слух также ходил на Нижней Волге (см.: РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 87. Л. 12), хотя там говорили, что в Китай вывозят женщин, потому что китайские женщины мрут от голода. Возможно, подобные слухи были вызваны новостями о создании детских садов, в том числе таких, где дети оставались на ночь («детских городков», как их называли). См.: Каценельбаум Д. Женщина в колхозе // Женщина в колхозе. С. 104. В коммуне «Колос» все дети действительно жили вместе в детском доме (см.: Соколов А. Коммуна «Колос». М.; Л., 1929. С. 67–68). О других случаях, когда в основу абсурдных слухов легли реальные события, см.: Viola L. Bab'i bunty and Peasant Women's Protest During Collectivization. P. 31.
- ¹⁰⁶ Караваев А., Сосновский А. Краснополянский гигант. С. 84.
- ¹⁰⁷ Евдокимов А. Колхозы в классовых боях. С. 27–28.
- ¹⁰⁸ Viola L. Bab'i bunty and Peasant Women's Protest During Collectivization. P. 30.
- ¹⁰⁹ Колесова М. Е. Коллективизация и крестьянство в зеркале писем 25-тысячников // Советские архивы. 1991. № 3. С. 77.
- ¹¹⁰ РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 87. Л. 12.
- ¹¹¹ Там же. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 61. Л. 45.
- ¹¹² Там же. Д. 192. Л. 383.
- ¹¹³ Там же. Л. 422.
- ¹¹⁴ Там же.
- ¹¹⁵ Евдокимов А. Колхозы в классовых боях. С. 27.
- ¹¹⁶ КЦПР. С. 398–399; КЗ. С. 256; РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 91. Л. 5; Д. 61. Л. 113; Д. 131. Л. 50; Д. 193. Л. 69; КК. С. 73–75.
- ¹¹⁷ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 49. Л. 44; Д. 61. Л. 73.
- ¹¹⁸ Там же. Д. 61. Л. 131.
- ¹¹⁹ Там же. Д. 193. Л. 69; Історія колективізації сільського господарства Української РСР. Т. 2. С. 545; КК. С. 73–75; КЗ. С. 386–387.
- ¹²⁰ См., напр.: Тимофеев Г. Межа умерла. С. 82.
- ¹²¹ О более буквальном восприятии разговоров крестьян о крепостном праве см.: Fitzpatrick S. Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization. New York, 1994. P. 68–69.

- ¹²² Bethea D. M. The Shape of Apocalypse in Modern Russian Fiction. P. 47, 53.
- ¹²³ Об этой связи см.: Niccoli O. Prophecy and People in Renaissance Italy. P. 131, 134–136.
- ¹²⁴ Sathyamurthy T. V. Indian Peasant Historiography. P. 119.
- ¹²⁵ См.: Wolf E. R. On Peasant Rebellions. P. 373. Этот исследователь пишет, что «крестьянский анархизм и апокалиптическое видение мира вместе создают идеологическое топливо, которым питается восставшее крестьянство».
- ¹²⁶ Ангаров А. Классовая борьба в деревне и сельсовет. С. 19; Ермолаев А. И. Коллективизация и классовая борьба в Ленинградской области. М.; Л., 1931. С. 48; СЮ. 1930. № 6. С. 5–6.
- ¹²⁷ О женщинах, распространяющих слухи, см.: Ермолаев А. И. Коллективизация и классовая борьба в Ленинградской области. С. 48; Viola L. Bab'i bunty and Peasant Women's Protest During Collectivization. P. 28–33.
- ¹²⁸ О маргинальных жителях деревни и слухах см.: Елизаров Н. В. Ликвидация кулачества как класса. С. 68; Евдокимов А. Колхозы в классовых боях. С. 31, 34; Лейкин С. Крестьянка в классовой борьбе. С. 28.
- ¹²⁹ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. М., 1989. Т. 2. С. 96.
- ¹³⁰ Колесова М. Е. Коллективизация и крестьянство в зеркале писем 25-тысячников. С. 83.
- ¹³¹ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 102. Л. 53.
- ¹³² Там же. Л. 56.
- ¹³³ Лейкин С. Крестьянка в классовой борьбе. С. 41–42. См. также: Коллективизация сельского хозяйства в Нижегородском-Горьковском крае (далее – КНГ). Киров, 1985. С. 142; Караваев А., Сосновский А. Краснополянский гигант. С. 71–72.
- ¹³⁴ The Penal Code of the RSFSR. London, 1934. P. 25, 50. Неясно, насколько часто применялась эта статья, однако о ее предположительном использовании говорится в кн.: Ерихонов Л. Кулак перед судом. С. 34. См. также: Пролетарий. 1930. 14 янв. С. 1 (в статье «Последнее предупреждение: за контрреволюционную агитацию мы будем стрелять» прокурор Московской области призвал применять эту статью ко всем кулакам, распространяющим слухи).
- ¹³⁵ Ангаров А. Классовая борьба в деревне и сельсовет. С. 14.
- ¹³⁶ Евдокимов А. Колхозы в классовых боях. С. 34–35 (частичная цитата).
- ¹³⁷ Каврайский В., Хамармер И. Уроки классовой борьбы: Итоги выборов советов Сибири, 1928–29. Новосибирск, 1929. С. 22.
- ¹³⁸ Путь трудовых побед (далее – ПТП). Волгоград, 1967. С. 270–275; КНГ. С. 142.
- ¹³⁹ ГА РФ. Ф. 5469. Оп. 13. Д. 123. С. 28–40.
- ¹⁴⁰ Долотов А. Церковь и сектантство в Сибири. С. 43.
- ¹⁴¹ Cohn N. The Pursuit of the Millennium. P. 41–42, 82–83, 127–128; Kselman T. A. Miracles and Prophecies in Nineteenth-Century France. P. 65.
- ¹⁴² Интересно отметить, что, по предположению Питера Берка, рассказы о Христе и втором пришествии в действительности могли выполнять такую же функцию, как и прототипы историй о возвращении умерших правителей, которые столь часто встречались в случаях появления претендента на трон из масс. См.: Burke P. Popular Culture in Early Modern Europe. New York, 1978.

- Р. 152–153. Появление в советской деревне слуха о втором пришествии могло быть частично вызвано наивным монархизмом, хотя существует лишь несколько упоминаний появления Романова. (Эти упоминания, однако, встречаются в основном в аристократических кругах эмиграции, а не в среде российских крестьян.)
- ¹⁴³ О жаркой и давней дискуссии о коллективизации в селах см.: Hindus M. Red Bread. P. 22–32, 166–183.
- ¹⁴⁴ См. также главу 4.
- ¹⁴⁵ РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 87. Л. 23; Демешкин В. А. Вопросы классовой борьбы в западносибирской деревне накануне и в ходе коллективизации и их освещение в советской исторической литературе // Сборник работ аспирантов кафедры истории КПСС. Вып. 13. Томск, 1975. С. 115.
- ¹⁴⁶ РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 39. С. 15.
- ¹⁴⁷ Коллективист. 1930. № 15–16. С. 2.
- ¹⁴⁸ Field D. Rebels in the Name of the Tsar. Boston, 1976.
- ¹⁴⁹ См.: Viola L. Bab'i buntу and Peasant Women's Protest During Collectivization. P. 38–42, а также главу 6 этой книги.
- ¹⁵⁰ Этот аспект апокалиптических слухов – их функция как религиозное обоснование сопротивления – согласуется с более ранними моделями крестьянского сопротивления в дореволюционной России. Легенда о «царе-спасителе» (одна из ключевых тем крестьянского протеста) служила основанием для борьбы против правящего царя. См.: Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. С. 233.
- ¹⁵¹ Le Roy Ladurie E. Carnival at Romans / tr. M. Feeney. New York, 1980. P. 316.
- ¹⁵² О роли, которую сыграло отсутствие альтернативных форм выражения, политических организаций и методов в повороте крестьянства к апокалиптическим средствам, см.: Adas M. Prophets of Rebellion: Millenarian Protest Movements against the European Colonial Order. Chapel Hill, N.C., 1979. P. 81.

Глава 3

- ¹ Scott J. C. Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance. New Haven, 1985. P. 16.
- ² Deutscher I. Stalin. 2nd ed. New York, 1977. P. 325.
- ³ XVI съезд ВКП(б): Стеногр. отчет. М.; Л., 1930. С. 579.
- ⁴ Там же. С. 633.
- ⁵ Там же. С. 634.
- ⁶ Гущин Н. Я., Ильиных В. А. Классовая борьба в сибирской деревне: 1920-е – середина 1930-х гг. Новосибирск, 1987. С. 213; История коллективизации сельского хозяйства в Восточной Сибири (далее – ИВС). Иркутск, 1979. С. 17. См. также: РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 131. Л. 108.
- ⁷ КЗ. С. 309.
- ⁸ РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 87. Л. 35.
- ⁹ Ивницкий Н. А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М., 1972. С. 122–124.

- ¹⁰ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 61. Л. 37.
- ¹¹ Там же. Л. 25.
- ¹² Viola L. The Campaign to Eliminate the Kulak as a Class, Winter 1929–1930: A Reevaluation of the Legislation // Slavic Review. 1986. Vol. 45. No. 3. P. 508–511; Пролетарий. 1930. 14 янв. С. 1.
- ¹³ Ивницкий Н. А. Коллективизация сельского хозяйства в СССР. М., 1988. С. 9; Шмелев Г. И. Не смей командовать! // Октябрь. 1988. № 2. С. 9–10.
- ¹⁴ КЗ. С. 227.
- ¹⁵ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 40. Л. 233. О более осторожных рекомендациях комиссии см.: Там же. Л. 217–212. См. также: Ивницкий Н. А. История подготовки постановления ЦК ВКП(б) о темпах коллективизации сельского хозяйства от 5 января 1930 г. // Источниковедение истории советского общества. Вып. 1. М., 1964. С. 274–275; Немаков Н. И. Коммунистическая партия – организатор массового колхозного движения. М., 1966. С. 100–101.
- ¹⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 7-е изд. М., 1953. Ч. 2. С. 544–547.
- ¹⁷ Сталин И. Сочинения: В 13 т. М., 1946–1952. Т. 12. С. 191–199. См. директиву ЦК от 14 марта 1930 г.: КПСС в резолюциях... Ч. 2. С. 548–551.
- ¹⁸ Viola L. The Campaign to Eliminate the Kulak as a Class. P. 507.
- ¹⁹ Ibid. P. 506–512. Директиву ЦК–СНК от 1 февраля 1930 г. и прилагавшиеся к ней секретные инструкции см. в кн: Спецпереселенцы в Западной Сибири, 1930 – весна 1931 г. / под ред. В. П. Данилова, С. А. Красильникова. Новосибирск, 1992. С. 20–25. См. также главу 1.
- ²⁰ Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. 1930. № 6. С. 137–138; Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1930. № 3. С. 39–40.
- ²¹ ИВС. С. 118–119; На ленинском пути (Иваново-Воскресенский обком ВКП(б)). 1929. № 12. С. 21.
- ²² СЮ. 1930. № 19. С. 31; История колхозного права: Сб. законодательных материалов СССР и РСФСР, 1917–1958 гг.: В 2 т. М., 1959. Т. 1. С. 189–190. Региональные власти продолжили выпуск своих собственных директив, запрещающих забой определенных видов скота. См., напр.: Коллективизация сельского хозяйства в Среднем Поволжье (далее – КСП). Куйбышев, 1970. С. 215–218.
- ²³ Варейкис И. О сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Воронеж, 1930. С. 25.
- ²⁴ Молот. 1930. 14 янв. С. 2.
- ²⁵ СЮ. 1930. № 24–25. С. 6. См. также: Медведев В. К. Крутой поворот: Из истории коллективизации сельского хозяйства Нижнего Поволжья. Саратов, 1961. С. 110.
- ²⁶ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 78. Л. 74.
- ²⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 32. Д. 184. Л. 45.
- ²⁸ См., напр.: Сталин И. Сочинения. Т. 11. С. 4–5.
- ²⁹ Karcz J. F. Thoughts on the Grain Problem // Soviet Studies. 1967. Vol. 18. No. 4. P. 409–412, 414–415, 421–422.

- 30 См.: Davies R. W. The Socialist Offensive: The Collectivization of Soviet Agriculture, 1929–1930. Cambridge, Mass., 1980. Vol. 1. P. 44–45.
- 31 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 77. Л. 55.
- 32 Там же. Д. 193. Л. 126–116, 82.
- 33 См., напр.: XVI съезд ВКП(б). С. 634; КСК. С. 217–128; Гушин Н. Я., Ильиных В. А. Классовая борьба в сибирской деревне. С. 212.
- 34 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 77. Л. 57.
- 35 Там же. Д. 61. Л. 74.
- 36 Там же. Л. 129.
- 37 Там же. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 87. Л. 38. Судя по всему, там, где были МТС, наблюдалась большая степень коллективизации; разбазаривание было, скорее, ее следствием.
- 38 Там же. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 40. Л. 214.
- 39 XVI съезд ВКП(б). С. 633.
- 40 Hindus M. Red Bread: Collectivization in a Russian Village. Bloomington, 1988. P. 165–166.
- 41 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 193. Л. 27.
- 42 Там же. Д. 61. Л. 49.
- 43 Там же. Л. 129.
- 44 Коллективизация сельского хозяйства в Центрально-Черноземной области (далее – КЦЧО). Воронеж, 1978. С. 123.
- 45 Pirogov P. Why I Escaped. New York, n. d. P. 192–194, 206–208.
- 46 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 61. С. 55–54; Тимофеев Г. Межа умерла: Краснополянский район сплошной коллективизации. М., 1930. С. 57. Некоторые крестьяне продавали свой скот, чтобы расплатиться по долгам перед вступлением в колхоз. См.: РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 61. Л. 41, 38.
- 47 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 133. Л. 151; Д. 77. Л. 57.
- 48 Там же. Д. 77. Л. 56.
- 49 Молот. 1930. 7 янв. С. 5.
- 50 РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 87. Л. 38–39.
- 51 Там же. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 61. Л. 75.
- 52 Пролетарий. 1930. 8 янв. С. 1.
- 53 РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 87. Л. 36.
- 54 Там же. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 193. Л. 23.
- 55 СП. 1930. № 3. С. 19.
- 56 СЮ. 1930. № 2. С. 4.
- 57 РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 23. Л. 29–30; КСК. С. 226; РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 61. Л. 74. На Кубани страховые премии за лошадь составляли 30–40 руб., что было в два раза выше рыночной цены (РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 61. Л. 74). То, что крестьяне продолжали использовать эту уловку, ясно из циркуляра Наркомата финансов РСФСР второй половины 1932 г. (СЮ. 1932. № 28. С. 21), который запрещал выплату страховки за скот, павший из-за отсутствия ухода или в результате разбазаривания.
- 58 РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 87. Л. 10.
- 59 Там же. Оп. 2. Д. 135. Л. 1; Оп. 5. Д. 39. Л. 156; Большевик. 1930. № 6. С. 23; СЮ. 1930. № 29. С. 3–4.

- 60 Участие совхозов в социалистической перестройке деревни в 1929–1930 гг. / публ. М. Л. Богденко // Материалы по истории СССР: Документы по истории советского общества: В 7 т. М., 1955–1959. Т. 7. С. 314.
- 61 РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 87. Л. 4.
- 62 Большевик. 1930. № 6. С. 23.
- 63 РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 2. Д. 38. Л. 25.
- 64 Там же. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 121. Л. 1.
- 65 Иконникова И. П., Угроватов А. П. Сталинская репетиция наступления на крестьянство // Вопросы истории КПСС. 1991. № 1. С. 77–78. См. также: Крестьянский юрист (далее – КЮ). 1928. № 2. С. 1–2.
- 66 Hindus M. Red Bread. P. 196.
- 67 РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 14. Д. 187. Л. 22.
- 68 СЮ. 1932. № 9. С. 9–12; № 24. С. 25–28; Коллективизация сельского хозяйства в Северном районе (далее – КС). Вологда, 1964. С. 25.
- 69 Данилов В. П. Глава пятая: Коллективизация сельского хозяйства в СССР // История СССР. 1990. № 5. С. 15; Трифонов И. Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1975. С. 265; ДС. С. 24–25.
- 70 Lewin M. The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia. New York, 1985. P. 140. См. также: Ивницкий Н. А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. С. 59.
- 71 Трифонов И. Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. С. 265.
- 72 Сидоров В. А. Ликвидация в СССР кулачества как класса // Вопросы истории. 1968. № 7. С. 25–26.
- 73 Ивницкий Н. А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. С. 59–60.
- 74 Трифонов И. Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. С. 265.
- 75 Гушин Н. Я. Классовая борьба в сибирской деревне накануне и в годы массовой коллективизации // Проблемы социально-экономического развития советской деревни. Вологда, 1975. С. 48.
- 76 Ивницкий Н. А. Коллективизация сельского хозяйства в СССР: Опыт, истоки, выводы. М., 1988. С. 16; ДС. С. 46; Данилов В. П. У колхозного начала // Советская Россия. 1987. 11 окт. С. 4.
- 77 Гушин Н. Я. Ликвидация кулачества как класса в сибирской деревне // Социальная структура населения Сибири. Новосибирск, 1970. С. 130.
- 78 РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 23. Л. 28.
- 79 ГА РФ. Ф. 5469. Оп. 13. Д. 123. Л. 84.
- 80 ПТП. С. 233.
- 81 Азизян А. К. Аренда земли и борьба с кулаком. М.; Л., 1929. С. 71; Каврайский В., Хамармер И. Уроки классовой борьбы: Итоги выборов советов Сибири, 1928–29. Новосибирск, 1929. С. 7.
- 82 СП. 1930. № 10. С. 3–5; СЮ. 1929. № 39. С. 908–909; № 40. С. 950–952; № 41. С. 959–961; № 49. С. 1147–1149.
- 83 СП. 1930. № 10. С. 3–4.
- 84 РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 19. Л. 3. Учитывая недостаток зданий и строительных материалов для нужд властей и колхоза, неудивительно, что были случаи покупки ими «кулацких строений».

- ⁸⁵ Каврайский В., Хамармер И. Уроки классовой борьбы. С. 7.
- ⁸⁶ Из истории тамбовской деревни начала 30-х годов / публ. Т. А. Ляпиной // Советские архивы. 1991. № 6. С. 47–48.
- ⁸⁷ Ермолаев А. И. Коллективизация и классовая борьба в Ленинградской области. М.; Л., 1931. С. 56; Лейкин С. Крестьянка в классовой борьбе // Женщина в колхозе / под ред. В. Уласевич. М., 1930. С. 42–43.
- ⁸⁸ Деревенский юрист (далее – ДЮ). 1934. № 15. С. 12. Возможно, организация фиктивных колхозов была еще одной уловкой, использовавшейся в те годы, чтобы избежать кулацкого клейма. В многочисленных докладах сообщается, что они организовывались на основе родственных связей и в особенности на основе ряда хуторов. См., напр.: КЮ. 1928. № 17. С. 14; 1929. № 8. С. 13–14 (о религиозных колхозах); № 13. С. 13; Большаков А. М. Коммуна Кудрова. Л., 1930. С. 16; XVII съезд ВКП(б): Стеногр. отчет. М., 1934. С. 217 (о семейных связях в колхозах). О фиктивных колхозах в целом см.: Viola L. The Case of Krasnyi Meliorator or «How the Kulak Grows into Socialism» // Soviet Studies. 1986. Vol. 38. No. 4. P. 508–529.
- ⁸⁹ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 193. Л. 61.
- ⁹⁰ См., напр.: КСК. С. 274–275.
- ⁹¹ Арутюнян Ю. В. Коллективизация сельского хозяйства и высвобождение рабочей силы для промышленности // Формирование и развитие советского рабочего класса. М., 1964. С. 111. Ш. Фицпатрик пишет, что 12 млн крестьян в годы первой пятилетки ушли в города (Fitzpatrick S. Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization. New York, 1994. P. 80).
- ⁹² Каревский Ф. А. Ликвидация кулачества как класса в Среднем Поволжье // Исторические записки. 1967. № 80. С. 100–101; Проблемы аграрной истории советского общества. М., 1971. С. 210.
- ⁹³ Fainsod M. Smolensk under Soviet Rule. Cambridge, Mass., 1958. P. 245. См. также: КЗ. С. 283 (о развитии отходничества).
- ⁹⁴ Гуцин Н. Я. Ликвидация кулачества как класса в сибирской деревне. С. 130; Гуцин Н. Я., Ильиных В. А. Классовая борьба в сибирской деревне. С. 213.
- ⁹⁵ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 61. Л. 72.
- ⁹⁶ Там же. Д. 49. Л. 78.
- ⁹⁷ Гуцин Н. Я., Ильиных В. А. Классовая борьба в сибирской деревне. С. 213.
- ⁹⁸ РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 87. Л. 13.
- ⁹⁹ Там же.
- ¹⁰⁰ Hoffmann D. L. Moving to Moscow: Patterns of Peasant In-Migration During the First Five-Year-Plan // Slavic Review. 1991. Vol. 50. No. 4. P. 847–857; Idem. Peasant Metropolis: Social Identities in Moscow, 1929–1941. Ithaca, 1994. P. 54–63.
- ¹⁰¹ Данилов В. П. Крестьянский отход на промыслы в 1920-х годах // Исторические записки. 1974. Вып. 94. С. 113.
- ¹⁰² Шуваев К. М. Старая и новая деревня. М., 1937. С. 48.
- ¹⁰³ РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 87. Л. 29.
- ¹⁰⁴ Там же. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 193. Л. 99; Д. 49. Л. 104; Д. 131. Л. 148–147. По всей стране были случаи, когда отходников исключали из профсоюза за

- отказ вступить в колхоз. Представляется, что эта репрессивная (и незаконная) мера послужила отходникам еще одним поводом для отказа от своих земельных наделов. См.: Там же. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 19. Л. 32.
- ¹⁰⁵ Егорова Л. П. Классовая борьба в западносибирской деревне в ходе хлебоготовительных кампаний (1928–30 гг.) // Осуществление аграрной политики КПСС в Сибири и на Дальнем Востоке. Томск, 1986. С. 31–32.
- ¹⁰⁶ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 131. Л. 42.
- ¹⁰⁷ Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 58 (документ из проекта: The Tragedy of the Soviet Countryside. 5 vols. / ed. by V. P. Danilov, R. T. Manning, L. Viola [см. рус. изд.: Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы / под ред. В. П. Данилова, Р. Т. Маннинг, Л. Виолы. М., 2000. Т. 2. – Прим. ред.]).
- ¹⁰⁸ ДС. С. 324; РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 78. Л. 86–83.
- ¹⁰⁹ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 138. Л. 44. М. М. Литвинов, нарком иностранных дел, получал мешки писем и обращений от иностранных правительств и граждан (особенно немцев) с требованиями к СССР уважать права «иностраных» крестьян. Хотя весьма сомнительно, что гражданство этих крестьян было «иностраным», судя по всему, Литвинов много раз вмешивался, заявляя о необходимости соблюдать нормы международного права и о «чрезвычайно сложном положении» его наркомата в связи с этим. См., напр., его письмо к Сталину от 18 февр. 1930 г. и письмо к Яковлеву от 2 февр. 1930 г.: РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 138. Л. 46, 40. См. также: Неизвестная Россия. XX век: В 4 т. М., 1992–1994. Т. 2. С. 324–336.
- ¹¹⁰ Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 58.
- ¹¹¹ Pirogov P. Why I Escaped. P. 206.
- ¹¹² КСК. С. 267.
- ¹¹³ Fitzpatrick S. Stalin's Peasants. P. 81; Hoffmann D. L. Peasant Metropolis. P. 42–45.
- ¹¹⁴ Fitzpatrick S. Stalin's Peasants. P. 81.
- ¹¹⁵ РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 87. Л. 25. См. также: Большевик. 1930. № 6. С. 23.
- ¹¹⁶ ГА РФ. Ф. 374. Оп. 9. Д. 398. Л. 598–599.
- ¹¹⁷ РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 19. Л. 2.
- ¹¹⁸ О даче взяток с целью смены социально-экономического статуса см.: СЮ. 1930. № 10. С. 4–5; 1937. № 7. С. 34–35; КЮ. 1931. № 2. С. 11; ДЮ. 1931. № 18. С. 8; 1933. № 3. С. 13; 1934. № 2. С. 12; № 17. С. 13–14.
- ¹¹⁹ Твардовский И. Страницы пережитого // Юность. 1988. № 3. С. 23, 27.
- ¹²⁰ Ulanovskaia B. Voluntary Seclusion: The Life of a Lonely Old Woman in a Deserted Village // Russian Review. 1992. Vol. 51. No. 2. P. 202.
- ¹²¹ Ibid. P. 198–203.
- ¹²² Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАг. М., 1989. Т. 3. С. 367–368. См. примечательную историю семьи староверов, которая бежала «от мира», государства и коллективизации в 1930-х гг. и вернулась только десятилетия спустя: Peskov V. Lost in the Taiga / tr. M. Schwartz. New York, 1994.
- ¹²³ РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 87. Л. 21. См. также: Там же. Л. 30.
- ¹²⁴ Там же. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 49. Л. 52.

- 125 Fainsod M. Smolensk under Soviet Rule. P. 246.
- 126 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 78. Л. 25.
- 127 Из истории раскулачивания в Карелии, 1930–1931: Документы и материалы. Петрозаводск, 1991. С. 20.
- 128 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 93. Л. 105. См. также «секретные инструкции» ЦИК–СНК по раскулачиванию от 4 февраля 1930 г.: Неизвестная Россия. Т. 1. С. 247.
- 129 ГА РФ. Ф. 374. Оп. 9. Д. 398. Л. 598.
- 130 СЮ. 1930. № 24–25. С. 6.
- 131 Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск, 1983. С. 261–262; Гуцин Н. Я. Ликвидация кулачества как класса в сибирской деревне. С. 131; Viola L. The Campaign to Eliminate Kulak as a Class. P. 510, Note 30.
- 132 КС. С. 275.
- 133 ПТП. С. 210.
- 134 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 122. Л. 77.
- 135 КЗ. С. 357–361.
- 136 См. главу 1.
- 137 См.: Ranger T. Peasant Consciousness: Culture and Conflict in Zimbabwe // Peasants and Peasant Societies / ed. by T. Shanin. 2nd ed. Oxford, 1987. P. 312 (дискуссия в современной литературе о крестьянстве и значении общины в крестьянском политическом сознании).
- 138 Hindus M. Red Bread. P. 255–256.
- 139 Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 242.
- 140 КК. С. 47–48.
- 141 ИУ. С. 94.
- 142 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 78. Л. 72. Слово сочетание «советский кулак» – судя по всему, изобретение корреспондента газеты «Правда».
- 143 КСП. С. 627–628.
- 144 См., напр.: Металлист. 1929. № 11. С. 5; Деревенский коммунист. 1929. № 2. С. 38–39; Лицом к деревне. 1928. № 2. С. 3; Комаров Н. С. Лицо классового врага: Классовая борьба в деревне во время перевыборов сельских советов в 1929 году (по материалам рабочих шефских бригад). Л., 1929. С. 31.
- 145 Деревенский коммунист. 1929. № 21. С. 22; Федин П. Классовая борьба в деревне. Воронеж, 1929. С. 6–7.
- 146 ДС. С. 231, 238.
- 147 Большевик. 1930. № 13. С. 72.
- 148 Гожанский А. В развернутое наступление на кулака. Л., 1931. С. 21.
- 149 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 122. Л. 79; Д. 193. Л. 72; Елизаров Н. В. Ликвидация кулачества как класса. М.; Л., 1930. С. 47–48; Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 243; Социалистическое переустройство сельского хозяйства Молдавской АССР. Кишинев, 1964. С. 402.
- 150 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 131. Л. 61.
- 151 Там же. Ф. 260. Оп. 1. Д. 6. Л. 39.
- 152 Там же. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 78. Л. 77.
- 153 Лейкин С. Крестьянка в классовой борьбе. С. 44.
- 154 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 122. Л. 77.
- 155 Васильев В. Крестьянские восстания на Украине, 1929–1930 годы // Свободная мысль. 1992. № 9. С. 75.
- 156 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 193. Л. 72. См. также: Там же. Д. 122. Л. 154.
- 157 Там же. Д. 131. Л. 158.
- 158 Там же.
- 159 См. главы 4 и 5.
- 160 Твардовский И. Страницы пережитого. С. 12–13.
- 161 ГА РФ. Ф. 374. Оп. 9. Д. 398. Л. 147. См. также: РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 29. Л. 2 (докладная о бедняках, оказывавших дружескую помощь кулакам).
- 162 РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 87. Л. 17.
- 163 Belov F. The History of a Soviet Collective Farm. New York, 1955. P. 6.
- 164 Memoirs of Peasant Tolstoyans in Soviet Russia / ed. by W. Edgerton. Bloomington, 1993. P. 61.
- 165 КЦПР. С. 443–444.
- 166 См., напр., доклад Варейкиса: Rapports secrets soviétiques, 1921–1991: La société russe dans les documents confidentiels / dir. N. Werth, G. Moullec. Paris, 1994. P. 122.
- 167 См., напр.: СЮ. 1931. № 18. С. 31; Сельскохозяйственная газета. 1929. 8 дек. С. 3.
- 168 РГАЭ. Ф. 260. Оп. 1. Д. 6. Л. 38; Ф. 7486. Оп. 37. Д. 131. Л. 180.
- 169 СЮ. 1931. № 2. С. 9–10.
- 170 Так было в Сибири (Гуцин Н. Я. Классовая борьба в сибирской деревне накануне и в годы коллективизации. С. 55–56); постановление центра говорит о том, что так было и по всей стране. См.: Неизвестная Россия. Т. 1. С. 257.
- 171 РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 16. Д. 77. Л. 20; Ф. 7486. Оп. 37. Д. 49. Л. 112; Д. 192. Л. 416; Елизаров Н. В. Ликвидация кулачества как класса. С. 73; ГА РФ. Ф. 5469. Оп. 13. Д. 123. Л. 78–91.
- 172 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 61. Л. 134.
- 173 Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 2. С. 438.
- 174 Рыклин Г. Х. Как советская печать помогает крестьянину. М.; Л., 1926. С. 29–31. См. также: Исторический архив. 1994. № 4. С. 82–83.
- 175 Великий перелом в деревне // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия истории, филологии и философии. 1989. Вып. 1. С. 10; Ивницкий Н. А. Коллективизация сельского хозяйства в СССР. С. 10.
- 176 РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 88. Л. 16, 18–20, 25–27.
- 177 СЮ. 1930. № 20. С. 21.
- 178 Гуцин Н. Я. Ликвидация кулачества как класса в сибирской деревне. С. 131.
- 179 СЮ. 1930. № 21. С. 19.
- 180 Fainsod M. Smolensk under Soviet Rule. P. 180–181.
- 181 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 26. Л. 1–10; История крестьянства СССР: В 4 т. М., 1986. Т. 2. С. 216; Hindus M. Red Bread. P. 255–256. По данным РГАСПИ, члены комиссии по реабилитации расходились во мнениях о количестве ошибочно сосланных. Бергавинов утверждал, что 10 % – это преувеличение,

- Толмачев и Еремин считали, что невозможно точно оценить их число и что в некоторых северных районах оно доходило до 60 %.
- 182 СЮ. 1930. № 15. С. 2.
- 183 РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 88. Л. 64–65.
- 184 Current Digest of the Soviet Press. 1987. Vol. 39. No. 33. P. 10. См. также: ДС. С. 232–235.
- 185 РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 88. Л. 32.
- 186 Там же. Л. 1.
- 187 Там же. Л. 23.
- 188 Там же. Л. 66.
- 189 Там же. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 102. Л. 49.
- 190 Там же. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 88. Л. 63.
- 191 Там же. Л. 67.
- 192 Там же. Л. 58–59.
- 193 ДС. С. 170–171.
- 194 Там же. С. 227–230.
- 195 РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 88. Л. 43–44.
- 196 Там же. Д. 87. Л. 33.
- 197 Там же. Л. 53.
- 198 Там же. Д. 88. Л. 55–57.
- 199 См., напр.: Там же. Л. 11–15.
- 200 Письма такого рода публиковали в рубриках под названиями «Нам пишут» или «Сигналы актива» в газете «Крестьянский юрист» (позже «Деревенский юрист») в 1928–1935 гг.
- 201 Фицпатрик пишет (Fitzpatrick S. Stalin's Peasants. P. 257), что большинство крестьянских писем были написаны собственноручно, чего нельзя сказать о коллективных текстах постколлективизационного периода 1930-х гг. О депортациях деревень см.: Радин А., Шаумян Л. За что жители станицы Полтавской выселяются с Кубани в северные края. Ростов н/Д., 1932; КСК. С. 32.
- 202 О крестьянских жалобах см.: СЮ. 1934. № 22. С. 19; № 24. С. 4–5; 1936. № 5. С. 9–10; ДЮ. 1932. № 3–4. С. 28; 1934. № 9. С. 13–14; № 16. С. 14; № 18. С. 2.

Глава 4

- 1 О схожих ситуациях (социальном насилии и реакции на него государства) в других обществах см.: Hay D. Time, Inequality, and Law's Violence // Law's Violence / ed. by A. Sarat, T. R. Kearns. Ann Arbor, 1992. P. 141–174.
- 2 О ключевом влиянии справедливости на народное насилие см.: Moore B., Jr. Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World. Boston, 1967. P. 471; Tilly C., Tilly L., Tilly R. The Rebellious Century, 1830–1930. Cambridge, 1975. P. 85.
- 3 Fainsod M. Smolensk under Soviet Rule. Cambridge, Mass., 1958. P. 241.
- 4 Алексеев И. И. Рабочие-двадцатипятидесятники – проводники политики коммунистической партии в колхозном строительстве // К сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции. Красноярск, 1957. С. 425.

- 5 ГА РФ. Ф. 5469. Оп. 13. Д. 122. Л. 152–154.
- 6 Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 58 (документ из проекта: The Tragedy of the Soviet Countryside. 5 vols. / ed. by V. P. Danilov, R. T. Manning, L. Viola). С. 40. Сравним эти цифры с предыдущими годами. По данным ОГПУ, в 1924 г. в деревне было совершено 339 актов террора; в 1925 г. – уже 902; в 1926 г. – 711; а за январь–август 1927 г. – 580 актов. Всего их число за период с января 1924 г. по сентябрь 1927 г. составило 2 532. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 289. Л. 75 (табл. 1).
- 7 Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 38.
- 8 Эти данные были предоставлены мне В. П. Даниловым и основываются на его работе по проекту «Трагедия российской деревни» в Центральном архиве ФСБ. За весь 1926 г. было отмечено 110 убийств, связанных с кулацким террором, в 1927 г. – 44 таких убийства. (В эти ранние годы террор других видов был незначителен.) См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 289. Л. 77 (табл. 4.3).
- 9 Интересный и детальный анализ проблемы интерпретации данных полиции (особенно политической) см.: Corb R. C. The Police and the People: French Popular Protest, 1789–1820. Oxford, 1970. Part 1.
- 10 Резолюция датирована 21 марта 1930 г. См.: Из истории раскулачивания в Карелии, 1930–31: Документы и материалы. Петрозаводск, 1991. С. 58.
- 11 СЮ. 1930. № 22–23. С. 16. О дискуссии по вопросу неверной классификации контрреволюционных преступлений см.: СЮ. 1930. № 16. С. 27–28; № 22–23. С. 11; 1931. № 18. С. 31–33; 1932. № 3. С. 25; СП. 1930. № 5. С. 4–6; № 8. С. 12.
- 12 Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 76–77.
- 13 О роли пьянства в крестьянском обществе см.: Christian D. «Living Water»: Vodka and Russian Society on the Eve of Emancipation. Oxford, 1990.
- 14 Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 151–152.
- 15 История колхозного права: Сб. законодательных материалов СССР и РСФСР, 1917–1958 гг.: В 2 т. М., 1958. Т. 1. С. 151–152.
- 16 О нападениях на семьи активистов см.: Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 81.
- 17 Fainsod M. Smolensk under Soviet Rule. P. 241.
- 18 ДС. С. 297; КЗ. С. 223. О данных, подтверждающих эту закономерность, см. также: СЮ. 1930. № 6. С. 8 (179 нападений на местных руководителей, 105 на активистов).
- 19 КЦЧО. С. 57–58.
- 20 Там же. С. 74–76. См. также: Из истории раскулачивания в Карелии. С. 109.
- 21 Трифонов И. Я. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы НЭПа. М., 1960. С. 206.
- 22 СЮ. 1932. № 3. С. 23.

- ²³ О 25-тысячниках см.: Viola L. *The Best Sons of the Fatherland: Workers in the Vanguard of Soviet Collectivization*. New York, 1987. P. 159. Об учителях: XIV Всероссийский съезд советов: Стеногр. отчет. М., 1929. Бюллетень № 14. С. 42; Трифонов И. Я. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы НЭПа. С. 207 (содержатся данные о 152 нападениях на учителей с августа 1928 г. по май 1929 г., из них 19 – избиения, 19 – покушения на убийство, 11 – убийства). См. также: Веселов В. Р. Роль и место педагогической интеллигенции в борьбе за утверждение колхозного строя в деревне // Из истории партийных организаций Верхнего Поволжья. Вып. 38. Ярославль, 1974. С. 28.
- ²⁴ КСК. С. 738 (прим. 59).
- ²⁵ О стереотипных изображениях кулаков в советских политических карикатурах см.: Bronaugh K. *Graphic Propaganda and the Revolutionary Laugh: Political Cartoons in Pravda and Prozhektor, 1923–1933* (неопубл. магистерская дисс.).
- ²⁶ Егорова Л. П. К вопросу о контрреволюционной деятельности кулачества в Западной Сибири в 1928–29 гг. // Сборник работ аспирантов кафедры истории КПСС. Томск, 1974. С. 112. См. также: КЦЧО. С. 76. Здесь приводятся следующие данные о бандитах, действовавших в мае и июне 1929 г.: 163 – зажиточные кулаки, 25 – середняки, 8 – бедняки. Данные о социальном происхождении бандитов в Карелии см.: Из истории раскулачивания в Карелии. С. 109. Там во второй половине 1929 г. среди бандитов отмечено 19 кулаков, 5 зажиточных и лишенцев, 9 середняков и 2 бедняка. В первой половине 1930 г. состав бандитов оставался примерно аналогичным, основное отличие было в числе «вдохновителей» и «исполнителей» актов террора. СЮ. 1930. № 6. С. 9.
- ²⁸ Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 43–44, 74.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ См. о схожей классификации: Fainsod M. *Smolensk under Soviet Rule*. P. 241.
- ³¹ См.: Thompson E. P. *The Crime of Anonymity // Albion's Fatal Tree: Crime and Society in Eighteenth Century England* / ed. by D. Hay et al. London, 1975. P. 255.
- ³² Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 43–44, 74.
- ³³ СП. 1930. № 16. С. 14. Конкретные статьи уголовного кодекса см.: *The Penal Code of the RSFSR*. London, 1934. P. 24–25, 34–35.
- ³⁴ Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 44. См. также: Thompson E. P. *The Crime of Anonymity*. P. 284–285 (о трудности обнаружения и осуждения авторов анонимных писем).
- ³⁵ Статистических данных по угрозам крайне мало, некоторую информацию см.: ДС. С. 246; Федин П. Классовая борьба в деревне. Воронеж, 1929. С. 12. О доказательствах того, что угрозы сеяли страх среди некоторых активистов, см.: РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 122. Л. 104; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 354. Л. 12.
- ³⁶ КНГ. С. 102.
- ³⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 32. Д. 184. Л. 28.

- ³⁸ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 61. Л. 126.
- ³⁹ Там же. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 87. Л. 23.
- ⁴⁰ ИУ. С. 107. Описание еще одного случая см.: Лицом к деревне. 1930. № 23–24. С. 34.
- ⁴¹ ГА РФ. Ф. 374. Оп. 9. Д. 123. Л. 28–40.
- ⁴² Там же. Ф. 5469. Оп. 13. Д. 123. Л. 28–40.
- ⁴³ ДЮ. 1934. № 17. С. 11–12.
- ⁴⁴ Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 91–92.
- ⁴⁵ Там же. С. 90.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Там же. С. 90–91.
- ⁴⁸ Там же. С. 91. О других примерах см.: Там же. С. 90–94.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Там же. С. 92–93.
- ⁵² Там же. С. 92.
- ⁵³ Там же. С. 90–94.
- ⁵⁴ Об использовании поджогов для сведения счетов между односельчанами см.: Гагарин А. *Хозяйство, жизнь и настроения деревни (по итогам обследования Починковской волости Смоленской губернии)*. М.; Л., 1925. С. 39. О крестьянах-поджигателях из других стран см.: Hobsbawm E., Rude G. *Captain Swing: A Social History of the Great English Agricultural Uprising of 1830*. New York, 1975. P. 98.
- ⁵⁵ *Memoirs of Peasant Tolstoyans in Soviet Russia* / ed. by W. Edgerton. Bloomington, 1993. P. 19.
- ⁵⁶ СЮ. 1931. № 4. С. 24. С другой стороны, свидетелей могли заставить заявить о поджоге как об обычном пожаре.
- ⁵⁷ ДС. С. 246.
- ⁵⁸ Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 42, 71. См. табл. 4.3 о динамике поджогов в 1930 г. по месяцам.
- ⁵⁹ РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 39. Л. 3; Коллективизация сельского хозяйства Западной Сибири (далее – КЗС). Томск, 1972. С. 197. По данным ОГПУ, число поджогов было несколько меньшим – 339. См. табл. 4.3.
- ⁶⁰ РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 14. Д. 187. Л. 22.
- ⁶¹ ДС. С. 173–174; Ивницкий Н. А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М., 1972. С. 121; КЦПР. С. 258; КЗС. С. 110; На Ленинском пути (Новосибирск). 1928. № 13–14. С. 17; РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 39. Л. 75.
- ⁶² КЦПР. С. 240–241.
- ⁶³ Докладная записка Колхозцентра в ЦК ВКП(б) о колхозном строительстве в 1928–1929 гг. / публ. Н. А. Ивницкого // *Материалы по истории СССР: Документы по истории советского общества: В 7 т. М., 1955–1959. Т. 7. С. 245; Тимофеев Г. Межа умерла: Краснополянский район сплошной коллективизации. М., 1930. С. 77–78.*

- 64 КК. С. 54–55; КНГ. С. 121–122. См. также ниже информацию о самосудах.
65 КЮ. 1929. № 3. С. 10.
- 66 Ерихонов Л. Кулак перед судом. Самара, 1929. С. 51–53.
- 67 Из истории коллективизации сельского хозяйства Рязанской области (далее – ИР). Рязань, 1962. С. 177; КСК. С. 274–275, 384, 391; КЦПР. С. 443; КЗ. С. 276; Саратовская партийная организация в период наступления социализма по всему фронту: Создание колхозного строя. Саратов, 1961. С. 115–116; РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 87. Л. 12, 24; Оп. 16. Д. 77. Л. 30–31; Ф. 7486. Оп. 37. Д. 61. Л. 132.
- 68 Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 43.
- 69 СЮ. 1931. № 5. С. 9; РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 87. Л. 24; ГА РФ. Ф. 5469. Оп. 13. Д. 122. Л. 142.
- 70 Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 79–80.
- 71 Belomog / ed. M. Gorkii et al. New York, 1935. P. 176. [Рус. изд.: Беломорско-Балтийский канал им. Сталина / под ред. М. Горького и др. М., 1934. – *Прим. ред.*]
- 72 СЮ. 1932. № 14. С. 38. О других случаях см.: КЗ. С. 387–388; СЮ. 1932. № 2. С. 10; КЮ. 1931. № 4. С. 15; Завершение коллективизации сельского хозяйства и организационно-хозяйственное укрепление колхозов Белорусской ССР: Сб. документов и материалов. Минск, 1985. С. 98–99.
- 73 Цитата, приведенная в качестве заголовка: КЦПР. С. 244–246.
- 74 КСК. № 59. С. 738 (см. также с. 221).
- 75 См. ниже, а также ряд других случаев: КЗС. С. 94–95; ГА РФ. Ф. 5469. Оп. 13. Д. 122. Л. 66–68; Д. 123. Л. 17.
- 76 Ангаров А. Классовая борьба в деревне и сельсовет. С. 13; ДС. С. 236–237, 240; Федин П. Классовая борьба в деревне. М., 1929. С. 22.
- 77 ДС. С. 240.
- 78 Там же. С. 243–245; ИУ. С. 73–75.
- 79 ИУ. С. 73–75, 116–118.
- 80 ДС. С. 245–246.
- 81 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 761. Л. 17.
- 82 Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 38.
- 83 КСК. С. 219–219.
- 84 РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 16. Д. 77. Л. 30.
- 85 Там же. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 78. Л. 87.
- 86 Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 77.
- 87 Там же. С. 64.
- 88 КЗС. С. 94–95. См. также: Гушин Н. Я. Из истории классовой борьбы в сибирской деревне в 1928–29 гг. // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. 1967. Вып. 1. № 1. С. 83 (здесь указано, что ее жестоко пытали перед смертью).
- 89 ИУ. С. 119.

- 90 РГАЭ. Ф. 3983. Оп. 5. Д. 93. Л. 9.
- 91 О самосудах в дореволюционной России см.: Frank S. P. Polular Justice, Community, and Culture Among the Russian Peasantry, 1870–1900 // The World of the Russian Peasant / ed. by B. Eklof, S. P. Frank. Boston, 1990. Как пишет Франк, самые жестокие самосуды в дореволюционной России чинились над чужаками. Судя по всему, в период коллективизации ситуация изменилась: местные активисты автоматически становились для остальных жителей деревни чужаками. Более подробное описание самосудов в Советской России см.: Лаговьер Н. О самосудах. М.; Л., 1927.
- 92 КЮ. 1928. № 12. С. 13.
- 93 Иванова Е. А. Борьба с кулачеством в ходе строительства коллективных форм хозяйства в деревне (Тюменский округ) // Уч. зап. Могилевского гос. пед. ин-та. 1955. Вып. II. С. 115.
- 94 Гушин Н. Я. Из истории классовой борьбы в сибирской деревне в 1928–29 гг. С. 84.
- 95 КЗС. С. 163–164.
- 96 КНГ. С. 121–122.
- 97 Елизаров Н. В. Ликвидация кулачества как класса. М.; Л., 1930. С. 75; Ермолаев А. И. Коллективизация и классовая борьба в Ленинградской области. М.; Л., 1931. С. 50; КЦПР. С. 422–246; КЮ. 1928. № 18. С. 13–14; 1929. № 2. С. 11; РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 51. Л. 26.
- 98 См.: Frank S. P. Polular Justice, Community, and Culture Among the Russian Peasantry. Франк дает понятию «самосуд» гораздо более широкое определение. В моем понимании самосуд связан прежде всего со случаями расправ.
- 99 Scott J. C. Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts. New Haven, 1990. P. 151; Berce Y.-M. History of Peasant Revolts: The Social Origins of Rebellion in Early Modern France / tr. A. Whitmore. Ithaca, 1990. P. 219 (о народной культуре бунта).
- 100 РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 14. Д. 187. Л. 22.
- 101 См., напр.: КЦПР. С. 646; СЮ. 1936. № 3. С. 5; № 13. С. 3, 7–8. О роли женщин см.: Manning R. T. Women in the Soviet Countryside on the Eve of World War II, 1935–1940 // Russian Peasant Women / ed. by B. Farnsworth, L. Viola. New York, 1992. P. 216–222.
- 102 ДЮ. 1933. № 7. С. 12; № 9. С. 16; ИУ. С. 142, 160–161, 180; КНГ. С. 209; Саратовская партийная организация в годы борьбы за завершение социалистической реконструкции народного хозяйства. Саратов, 1963. С. 22; СЮ. 1932. № 8. С. 33; 1934. № 16. С. 12; 1935. № 9. С. 17; 1936. № 17. С. 25.
- 103 ДЮ. 1933. № 12. С. 13; 1934. № 9. С. 8–9.
- 104 ДЮ. 1935. № 10. С. 2–7.
- 105 ДЮ. 1932. № 10. С. 14.
- 106 СЮ. 1934. № 30. С. 11.
- 107 XVI съезд ВКП(б): Стеногр. отчет. М.; Л., 1930. С. 226, 352.
- 108 Scott J. C. Domination and the Arts of Resistance. P. 12.
- 109 См.: Sathyamurthy T. V. Indian Peasant Historiography: A Critical Perspective on Ranajit Guha's Work // Journal of Peasant Studies. 1990. Vol. 18. No. 1.

- Р. 121–123 (о тактике крестьян по укреплению солидарности в борьбе с властями и о жестоких наказаниях, которые несли предатели деревни).
- ¹¹⁰ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛаг. М., 1989. Т. 1. С. 58–59.

Глава 5

- ¹ Каравай М. Политотдел. М., 1934. С. 5.
- ² О восприятии властями солидарности крестьянства как «болезни» см.: Sathyamurthy T. V. Indian Peasant Historiography: A Critical Perspective on Ranajit Guha's Work // Journal of Peasant Studies. 1990. Vol. 18. No. 1. P. 120.
- ³ Докладная записка Колхозцентра в ЦК ВКП(б) о колхозном строительстве в 1928–1929 гг. / публ. Н. А. Ивницкого // Материалы по истории СССР: Документы по истории советского общества: В 7 т. М., 1955–1959. Т. 7. С. 245.
- ⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 761. Л. 17.
- ⁵ Narkiewicz O. A. Making of the Soviet State Apparatus. Manchester, 1970. P. 198.
- ⁶ Обсуждение вопроса см.: Davies R. W. The Socialist Offensive: The Collectivization of Soviet Agriculture, 1929–1930. Cambridge, Mass., 1980. Vol. 1. P. 158–159, 161, 173. См. также: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 441 (в 2 т.; стенограмма ноябрьского пленума 1929 г.).
- ⁷ Ивницкий Н. А. Коллективизация сельского хозяйства в СССР: Опыт, истоки, выводы. М., 1988. С. 10.
- ⁸ ПТП. С. 215.
- ⁹ О влиянии коллективизации на моральное состояние солдат крестьянского происхождения см.: Саг Е. Н. Foundations of a Planned Economy. London, 1978. Vol. 2. P. 330–331; Вестник крестьянской России. 1930. № 7. С. 9–10; Варенов В. И. Помощь Красной армии в развитии колхозного строительства, 1929–1933 гг. М., 1978. Хотя Красная армия использовалась для подавления крестьянских восстаний, имели место очевидные попытки ограничить ее вовлеченность в этот процесс, возможно, из опасения, что это вызовет разногласия в ее рядах. Согласно директиве ОГПУ от 2 февраля 1930 г., армию следовало задействовать лишь в крайнем случае, когда войск ОГПУ недостаточно для подавления мятежа, и направлять на задание только заслуживающих «наибольшего доверия» солдат. См.: Неизвестная Россия. XX век: В 4 т. М., 1992–1994. Т. 1. С. 242.
- ¹⁰ ДС. С. 387, 390. См. также: Зеленин И. Е. Осуществление политики «ликвидации кулачества как класса» (осень 1930–1932 гг.) // История СССР. 1990. № 6. С. 47, прим. 4.
- ¹¹ Сталин И. Сочинения: В 13 т. М., 1946–1952. Т. 12. С. 191–199.
- ¹² ДС. С. 36–37.
- ¹³ Это определение принадлежит ОГПУ. См.: Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году (документ из проекта: The Tragedy of the Soviet Countryside. 5 vols. / ed. by V. P. Danilov, R. T. Manning, L. Viola). С. 41.
- ¹⁴ Там же. С. 38.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. С. 63, 68.
- ¹⁷ Ивницкий Н. А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М., 1972. С. 258, 277. См. также: КНГ. С. 202–203; Кондрашин В. В. Голод 1932–33 годов в деревнях Поволжья // Вопросы истории. 1991. № 6. С. 180 (о некоторых примерах актов коллективного (активного) сопротивления в голодные годы).
- ¹⁸ Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 40, 69.
- ¹⁹ Эти данные были предоставлены мне В. П. Даниловым в рамках его работы над проектом «Трагедия российской деревни» в Центральном архиве ФСБ.
- ²⁰ Наиболее населенные деревни располагались в Центрально-Черноземной области, на Средней и Нижней Волге, Северном Кавказе и на Украине, где в среднем в одной деревне жили 400 чел. (80 дворов). В деревнях Западной области, Белоруссии, Урала и Центрального промышленного района жили в основном меньше 200 чел. См.: Данилов В. П. Сельское население Союза ССР накануне коллективизации // Исторические записки. 1963. № 74. С. 68–71.
- ²¹ Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 70.
- ²² Там же. С. 65.
- ²³ Каревский Ф. А. Ликвидация кулачества как класса в Среднем Поволжье // Исторические записки. 1967. № 80. С. 89–90.
- ²⁴ Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 101.
- ²⁵ Трифонов И. Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1975. С. 303; История крестьянства СССР. М., 1978. Т. 2. С. 103.
- ²⁶ Данилов В. П. и др. Советское крестьянство. М., 1973. С. 281; Сидоров В. А. Ликвидация в СССР кулачества как класса // Вопросы истории. 1968. № 7. С. 24, 31.
- ²⁷ Трифонов И. Я. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы НЭПа. М., 1960. С. 233; Медведев В. К. Крутой поворот: Из истории коллективизации сельского хозяйства Нижнего Поволжья. Саратов, 1961. С. 108.
- ²⁸ Ивницкий Н. А. Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения коллективизации сельского хозяйства // Проблемы аграрной истории. Минск, 1978. С. 150.
- ²⁹ Гушин Н. Я., Ильиных В. А. Классовая борьба в сибирской деревне: 1920-е – середина 1930-х гг. Новосибирск, 1987. С. 214; Гушин Н. Я. Ликвидация кулачества как класса в сибирской деревне // Социальная структура населения Сибири. Новосибирск, 1970. С. 122.
- ³⁰ Спецпереселенцы в Западной Сибири, 1930 – весна 1931 г. / под ред. В. П. Данилова, С. А. Красильникова. Новосибирск, 1992. С. 48–49.
- ³¹ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 78. Л. 86–83.
- ³² ГА РФ. Ф. 374. Оп. 9. Д. 398. Л. 247.
- ³³ Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 56. См. также: Там же. С. 47.

- 34 Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 100.
- 35 ГА РФ. Ф. 5469. Оп. 13. Д. 122. Л. 143. См. также: РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 61. Л. 110.
- 36 Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 101–102.
- 37 Вестник крестьянской России. 1930. № 7. С. 11; 1931. № 8. С. 9–12; № 13–14. С. 11–15; 1932. № 9. С. 4.
- 38 Соколов Г. Е. Некоторые вопросы социальной политики партии на селе при переходе от восстановления к реконструкции народного хозяйства (1924–1927 гг.) // КПСС в борьбе за победу и упрочение социализма. М., 1986. С. 152; ДС. С. 17; Hughes J. Stalin, Siberia and the Crisis of the New Economic Policy. Cambridge, 1991. P. 45 (о петициях, призывающих к созданию крестьянского союза); Егорова Л. П. К вопросу о контрреволюционной деятельности кулачества в Западной Сибири // Сборник работ аспирантов кафедры истории КПСС. Томск, 1974. С. 100. О призывах к созданию крестьянского союза в 1929 и 1930 гг. см.: Ангаров А. Классовая борьба в деревне и сельсовет. М., 1929. С. 13; Большевик. 1930. № 13. С. 72.
- 39 Ангаров А. Классовая борьба в деревне и сельсовет. С. 13; РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 49. Л. 110.
- 40 КНГ. С. 142; Лейкин С. Крестьянка в классовой борьбе // Женщина в колхозе / под ред. В. Уласевич. М., 1930. С. 41–42; Каврайский В., Хамармер И. Уроки классовой борьбы: Итоги выборов советов Сибири, 1928–29. Новосибирск, 1929. С. 21; Караваев А., Сосновский А. Краснополянский гигант. М., 1929. С. 71–72; Эйнгорн И. Д. Религиозные организации против массового колхозного движения в Западной Сибири // Труды Томского гос. ун-та. Т. 190. С. 288–289; ГА РФ. Ф. 5469. Оп. 13. Д. 122. Л. 152–154.
- 41 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 91. Л. 4.
- 42 Там же. Д. 131. Л. 52.
- 43 См., напр.: Там же. Д. 102. Л. 58, 55; Д. 61. Л. 110; Д. 91. Л. 7; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 355. Л. 2; Д. 354. Л. 10.
- 44 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 61. Л. 110.
- 45 Там же. Д. 91. Л. 4.
- 46 Там же. Л. 6.
- 47 См. главу 6. См. также: РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 91. Л. 6; Д. 61. Л. 132.
- 48 Там же. Д. 91. Л. 6.
- 49 Там же. Д. 131. Л. 34.
- 50 Там же. Д. 49. Л. 44.
- 51 Для сравнения о Гражданской войне см.: Figes O. Peasant Russia, Civil War: The Volga Countryside in Revolution, 1917–21. Oxford, 1989. Chap. 74; Френкин М. Трагедия крестьянских восстаний в России, 1918–1921 гг. Иерусалим, 1987. С. 82, 84. О революции 1905 г. см.: Manning R. The Crisis of the Old Order in Russia. Princeton, 1982. P. 141; Shanin T. Russia, 1905–07: Revolution as a Moment of Truth // Shanin T. The Roots of Otherness: Russia's Turn of Century. New Haven, 1986. Vol. 2.
- 52 См., напр., данные ОГПУ, подтверждающие участие этих групп в выступлениях: Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 47, 55. См. также: РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 122. Л. 33, 35.
- 53 Термин «почва» употребляет Тимоти Микстер в своей статье, см.: Mixter T. The Hiring Market as Workers' Turf // Peasant Economy, Culture and Politics of European Russia, 1800–1921 / ed. by E. Kingston-Mann, T. Mixter. Princeton, 1991. P. 294–340.
- 54 См., напр.: РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 87. Л. 4, 17; Д. 88. Л. 32; Ф. 7486. Оп. 37. Д. 119. Л. 14; Д. 192. Л. 76–75. Под «Соловками» имеются в виду Соловецкие острова, где с 1917 г. располагался один из самых отдаленных и суровых концентрационных лагерей.
- 55 Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛаг. М., 1989. Т. 1. С. 486.
- 56 См., напр.: РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 87. Л. 4.
- 57 Там же. Д. 23. Л. 29.
- 58 ГА РФ. Ф. 374. Оп. 9. Д. 398. Л. 146.
- 59 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 122. Л. 181–180.
- 60 Там же. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 23. Л. 29.
- 61 Dolot M. Execution by Hunger. New York, 1985. P. 16–23.
- 62 КСК. С. 532–533.
- 63 Фурман Г. Как помогали колхозам 25-тысячники. М., 1930. С. 23; Viola L. The Best Sons of the Fatherland: Workers in the Vanguard of Soviet Collectivization. New York, 1987. P. 162–164.
- 64 Лейкин С. Крестьянка в классовой борьбе. С. 32.
- 65 РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 87. Л. 24.
- 66 Там же. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 131. Л. 46–45.
- 67 Васильев В. Крестьянские восстания на Украине, 1929–30 годы // Свободная мысль. 1992. № 9. С. 76.
- 68 См., напр.: ГА РФ. Ф. 5469. Оп. 13. Д. 122. Л. 152–154; ДС. С. 244.
- 69 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 122. Л. 78.
- 70 Hindus M. Red Bread: Collectivization in a Russian Village. Bloomington, 1988. P. 45–47.
- 71 Ibid. Passim.
- 72 РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 87. Л. 11.
- 73 Лейкин С. Крестьянка в классовой борьбе. С. 30–32.
- 74 Белбей Р. За или против. М., 1930. С. 50–55.
- 75 См., напр.: ДС. С. 244.
- 76 Hobsbawm E. J. Peasants and Politics // Journal of Peasant Studies. 1973. Vol. 1. No. 1. P. 13.
- 77 См., напр.: ГА РФ. Ф. 5469. Оп. 13. Д. 122. Л. 152–154; РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 61. Л. 73–72, 56; КСЗ. С. 162–163.
- 78 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 61. Л. 49.
- 79 ГА РФ. Ф. 374. Оп. 9. Д. 398. Л. 481.
- 80 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 102. Л. 47.
- 81 Там же. Д. 61. Л. 82.
- 82 Там же. Л. 95–93; Д. 131. Л. 47.

- 83 Там же. Оп. 36. Д. 131. Л. 47. (Решения приняты в феврале 1930 г.)
- 84 Там же. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 87. Л. 23–24; Ф. 7486. Оп. 37. Д. 119. Л. 99–98, 11; Д. 131. Л. 180, 52; Д. 119. Л. 99–98, 11; Д. 193. Л. 129; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 355. Л. 2; Спецпереселенцы в Западной Сибири. С. 167; ИР. С. 125–126; КЦПР. С. 240–242; КС. С. 146; КЗ. С. 191–193; Саратовская партийная организация в период наступления социализма по всему фронту: Создание колхозного строя. Саратов, 1961. С. 108; ДС. С. 244–245.
- 85 ГА РФ. Ф. 374. Оп. 9. Д. 398. Л. 598.
- 86 РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 39. Л. 17.
- 87 О «чапанных восстаниях» см.: Figes O. Peasant Russia, Civil War. P. 324–334.
- 88 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 131. Л. 49–48.
- 89 Там же. Д. 61. Л. 115.
- 90 ГА РФ. Ф. 5469. Оп. 13. Д. 123. Л. 17.
- 91 РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 87. Л. 24; Лицом к деревне. 1930. № 6. С. 16.
- 92 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 61. Л. 45–44.
- 93 КСЗ. С. 79.
- 94 РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 87. Л. 10.
- 95 Там же. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 131. Л. 49.
- 96 Там же. Л. 48.
- 97 Там же. Л. 46.
- 98 РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 358. Л. 122–133.
- 99 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 122. Л. 239.
- 100 Ивницкий Н. А. Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения коллективизации сельского хозяйства. С. 148; Он же. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. С. 98; Трифонов И. Я. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы НЭПа. С. 201; Гущин Н. Я. Из истории классовой борьбы в сибирской деревне в 1928–29 гг. // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. 1967. Вып. 1. № 1. С. 82; ИУ. С. 73–75; История крестьянства СССР. Т. 2. С. 100.
- 101 См., напр.: ГА РФ. Ф. 374. Оп. 9. Д. 398. Л. 405, 598; РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 87. Л. 12.
- 102 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 61. Л. 108.
- 103 Там же. Д. 102. Л. 58.
- 104 Scott J. C. Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts. New Haven, 1990. P. 118. См. также 1 главу этой книги.
- 105 Пушкин А. С. Капитанская дочка. Л., 1984. С. 84.
- 106 О запугивании во время бунтов см.: Underdown D. Revel, Riot and Rebellion: Popular Politics and Culture in England, 1603–1660. Oxford, 1985. P. 118.
- 107 Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 70.
- 108 Там же. С. 77–78; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 355. Л. 2.
- 109 Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 70.
- 110 Там же. С. 41, 70. (Вооруженные силы подавили 108 массовых выступлений в феврале, 807 в марте, 56 в апреле.) Редкое использование армии вызвано,

- судя по всему, нехваткой ресурсов и сомнениями в лояльности солдат. Хотя многие из свидетельств подавления восстаний все еще недоступны, один из документов дает ценную информацию о крестьянских восстаниях на Украине в феврале и марте 1930 г. Согласно указанным данным, бунты были подавлены в 13 округах; среди представителей властей пострадало 107 чел., из них 43 были убиты, среди крестьян число жертв составило 137 чел., 58 убитыми. Официальные данные о потерях крестьян явно преуменьшены, особенно если учитывать их умение быстро уносить и прятать раненых. За период с 1 февраля по 15 марта в этих округах были арестованы 25 тыс. крестьян за «контрреволюционную кулацкую деятельность», из них 656 чел. впоследствии расстреляны, 3 674 чел. отправлены в концентрационные лагеря, 5 580 чел. сосланы. См.: РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 1с. Д. 118. Л. 48–49.
- 111 Иконникова И. П., Угроватов А. П. Сталинская репетиция наступления на крестьянство // Вопросы истории КПСС. 1991. № 1. С. 79.
- 112 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 355. Л. 1, 3.
- 113 Там же. Л. 1.
- 114 Васильев В. Крестьянские восстания на Украине. С. 71.
- 115 Там же. С. 72.
- 116 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 49. Л. 111.
- 117 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 355. Л. 2.
- 118 Там же.
- 119 Там же.
- 120 См., напр.: КС. С. 123–125.
- 121 Егорова Л. П. К вопросу о контрреволюционной деятельности кулачества в Западной Сибири. С. 104.
- 122 Ивницкий Н. А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. С. 101.
- 123 См. табл. 5.2.
- 124 Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 67, 69.
- 125 Васильев В. Крестьянские восстания на Украине. С. 71–74, 76; РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 1с. Д. 188. Л. 43.
- 126 См.: Wolf E. R. On Peasant Rebellions // Peasants and Peasant Societies / ed. by T. Shanin. 2nd ed. Oxford, 1987. P. 372; Martin T. Language and Terror: Soviet Language Reform and Reaction (Midwestern Colloquium on Modern Russian History. University of Toronto, fall 1994). Мартин указывает, что национализм был «мобилизующим фактором» восстаний.
- 127 Васильев В. Крестьянские восстания на Украине. С. 75.
- 128 Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 92, 94.
- 129 Украинские деятели Косиор и Чубарь проводили четкую связь между национальным и «кулацким» вопросами, выступая на ноябрьском пленуме 1929 г. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 441. Вып. 2. Л. 72, 89.
- 130 См. табл. 5.4.
- 131 Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 67, 69.

- 132 История КПСС. М., 1971. Т. 4. Кн. 2. С. 185; Коллективизация сельского хозяйства Туркменской ССР. Ашхабад, 1968. Т. 2. С. 274–275, 340–341, 358, 635, прим. 27; Нуритов А. К вопросу о характере и формах классовой борьбы в узбекском кишлаке (1932–1934 гг.) // Научные труды аспирантов Ташкентского гос. ун-та. Вып. 207. Ташкент, 1962. С. 232.
- 133 ГА РФ. Ф. 5457. Оп. 14. Д. 122. Л. 220.
- 134 Басмачи – участники националистического движения в Средней Азии, продолжавшие оказывать сопротивление советской власти еще долгое время после окончания Гражданской войны. Баи до революции составляли прослойку зажиточных крестьян Средней Азии; в 1920-х гг. им приписали некоторые атрибуты кулаков.
- 135 РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 1с. Д. 118. Л. 43.
- 136 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 122. Л. 54.
- 137 Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 84.
- 138 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 122. Л. 54; Васильев В. Крестьянские восстания на Украине. С. 77. Правительство Украины 13 ноября 1929 г. выпустило постановление о высылке из приграничных районов «социально опасных элементов» (уголовников, бандитов, поджигателей, *бывших людей*, а также всех, имевших «связь с кулаками», в том числе и их самих). См.: РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 23а. Л. 44–41. Позже, во время коллективизации, в ключевых из этих районов были расселены тысячи демобилизованных солдат и их семей. См.: РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Л. 23а.
- 139 Трифонов И. Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. С. 303–304. О числе общественных дворов см.: Davies R. W. The Socialist Offensive. Vol. 1. P. 109, 133.
- 140 Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 69.
- 141 См. табл. 5.4.
- 142 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 102. Л. 49.
- 143 Там же. Д. 131. Л. 45.
- 144 Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 85–86.
- 145 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 122. Л. 103.
- 146 ПТП. С. 18, 236–246, 269–270, 283.
- 147 Там же. С. 270–275.
- 148 Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 83–84. О несколько иной версии см.: ПТП. С. 270–275. Согласно этой версии, крестьяне Владимировки захватили все правительственные здания, арестовали местное начальство и активистов и перерезали телефонные и телеграфные провода, ведущие в райцентр. Из Саратова в деревню выдвинулись конные отряды, но прибыли на место уже после окончания восстания.
- 149 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3763. Л. 50–52.
- 150 Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 67, 69.
- 151 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 3763. Л. 50–52.
- 152 Несколько иную версию восстания см.: РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 131. Л. 33; Чернопицкий П. Г. На великом переломе. Ростов н/Д., 1965. С. 101–104. О забое скота в этой области см.: Финаров А. П. К вопросу о ликвидации кулачества как класса и судьба бывших кулаков в СССР // История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. М., 1963. С. 275. См. также: Левина М. Я., Осколков Е. Н. Из истории коллективизации сельского хозяйства на Северном Кавказе // Архивы по общественным наукам. Ростов н/Д., 1970. С. 174 (здесь говорится еще об одном крупном восстании в Таганрогском районе Донского округа в том же регионе).
- 153 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 122. Л. 35, 33.
- 154 Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 84–85.
- 155 Там же. С. 85.
- 156 История КПСС. С. 54; Гушин Н. Я. Классовая борьба в сибирской деревне накануне и в годы массовой коллективизации // Проблемы социально-экономического развития советской деревни. Вологда, 1975. С. 50–51; Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 69.
- 157 Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 69.
- 158 Спецпереселенцы в Западной Сибири. С. 124–128, 166.
- 159 Гушин Н. Я. Ликвидация кулачества как класса в сибирской деревне. С. 133–134; Бурков В. Н. Деревенские партийные организации Западной Сибири в борьбе за развертывание сплошной коллективизации и ликвидацию кулачества как класса (конец 1929 – весна 1930 гг.) // Уч. записки Томского гос. ун-та. 1965–1966. № 56. С. 50.
- 160 Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 82.
- 161 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 101. Л. 39.
- 162 Финаров А. П. К вопросу о ликвидации кулачества как класса и судьба бывших кулаков в СССР. С. 274–275.
- 163 Бурков В. Н. Деревенские партийные организации Западной Сибири в борьбе за развертывание сплошной коллективизации и ликвидацию кулачества как класса. С. 50; Яковлев И. И. Из истории двадцатипяти тысячников на Алтае в первой половине 1930 года // Некоторые вопросы истории КПСС. Барнаул, 1973. С. 71–72; Гушин Н. Я., Ильиных В. А. Классовая борьба в сибирской деревне. С. 215; Спецпереселенцы в Западной Сибири. С. 59–60.
- 164 Число дворов, вступивших в колхоз в Центрально-Черноземной области, возросло с 40,5 % в январе 1930 г. до 83, 3 % в марте. См.: Davies R. W. The Socialist Offensive. Vol. 1. P. 442.
- 165 Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 69.
- 166 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 49. Л. 111; Сидоров В. А. Ликвидация в СССР кулачества как класса. С. 25.

- ¹⁶⁷ Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 69.
- ¹⁶⁸ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 49. Л. 110–111; Михайлов Н., Тепцов Н. Чрезвычайщина // Родина. 1989. № 8. С. 32.
- ¹⁶⁹ Данилов В. П. Сельское население Союза ССР накануне коллективизации. С. 68–71.
- ¹⁷⁰ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 49. Л. 110.
- ¹⁷¹ Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 82.
- ¹⁷² РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 102. Л. 60.
- ¹⁷³ ДС. С. 313–314.
- ¹⁷⁴ Здесь число обобществленных дворов возросло с 14,3 % в январе до 74,2 % в марте. См.: Davies R. W. *The Socialist Offensive*. Vol. 1. P. 442.
- ¹⁷⁵ Cohen S. F. *Bukharin and the Bolshevik Revolution*. Rev. ed. New York, 1980. P. 330; Трифонов И. Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. С. 303; Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 69.
- ¹⁷⁶ Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 67, 69; Данилов В. П. Сельское население Союза ССР накануне коллективизации. С. 68–71.
- ¹⁷⁷ Михайлов Н., Тепцов Н. Чрезвычайщина. С. 32.
- ¹⁷⁸ Например, был подожжен дом одного из активистов: ГАРО (Государственный архив Рязанской области). Ф. Р-5. Оп. 2. Д. 5. Л. 278, 333, 403–411, 422, 677. (Я выражаю признательность Стивену Франку, поделившемуся со мной этими данными.)
- ¹⁷⁹ Viola L. *The Best Sons of the Fatherland*. P. 125.
- ¹⁸⁰ ДС. С. 36–37, 390–391.
- ¹⁸¹ Неуверенность центральных властей и временная потеря ими легитимности сыграла значимую роль в распространении крестьянских бунтов в России в 1905 и 1917 гг., а также в аналогичных ситуациях в других странах. См.: Bushnell J. *Mutiny Amid Repression*. Bloomington, 1985 (о России 1905 г.). О крестьянах разных стран, «пробующих на прочность» власть, см.: Scott J. C. *Domination and the Arts of Resistance*. P. 192–193.
- ¹⁸² РГАЭ. Ф. 260. Оп. 1. Д. 6. Л. 177–178.
- ¹⁸³ Strong A. L. *The Soviets Conquer Wheat*. New York, 1931. P. 92–93.
- ¹⁸⁴ ПТП. С. 270–275.
- ¹⁸⁵ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 122. Л. 99.
- ¹⁸⁶ Strong A. L. *The Soviets Conquer Wheat*. P. 102; ГА РФ. Ф. 374. Оп. 9. Д. 418. Л. 70; Двадцатипятилетники и их роль в коллективизации сельского хозяйства в 1930 г. / публ. Н. А. Ивницкого // *Материалы по истории СССР: Документы по истории советского общества*: В 7 т. М., 1955–1959. Т. 1. С. 472–473.
- ¹⁸⁷ ГА РФ. Ф. 5469. Оп. 13. Д. 123. Л. 78–91; РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 122. Л. 104.
- ¹⁸⁸ Бурков В. Н. Деревенские партийные организации Западной Сибири в борьбе за развертывание сплошной коллективизации и ликвидацию кулачества как класса. С. 63.
- ¹⁸⁹ Спецпереселенцы в Западной Сибири. С. 165–167.

- ¹⁹⁰ Следует отметить, что выход из колхозов и их распад в результате массового исхода были присущи коллективизации еще с 1930 г., если не раньше. По данным ОГПУ, во второй половине февраля в массовом порядке подавались заявления на выход из колхозов почти во всех деревнях Чапаевского района Самарского округа Средней Волги. На Северном Кавказе в начале января развалилось почти 50 недавно организованных колхозов. См.: РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 61. Л. 69, 61.
- ¹⁹¹ Viola L. *The Best Sons of the Fatherland*. P. 124.
- ¹⁹² РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 1. Д. 143. Л. 47.
- ¹⁹³ Белбей Р. За или против. С. 27; Лейкин С. Крестьянка в классовой борьбе. С. 25; СЮ. 1932. № 17–18. С. 29 (о доказательствах наличия этого феномена и в 1932 г.).
- ¹⁹⁴ ИР. С. 158; КНГ. С. 210.
- ¹⁹⁵ Так, из 46 261 крестьянских семей, сосланных на Север, 35 000 осенью 1930 г. подали прошения о смене своего статуса. См.: *История крестьянства СССР*. Т. 2. С. 216.
- ¹⁹⁶ См. табл. 5.1.
- ¹⁹⁷ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 131. Л. 155.
- ¹⁹⁸ Там же. Л. 161, 153.
- ¹⁹⁹ Там же. Л. 153–151.
- ²⁰⁰ Там же. Л. 177–176.
- ²⁰¹ Там же. Л. 192, 173.
- ²⁰² Там же. Л. 188–183, 170, 151–149.
- ²⁰³ Там же. Л. 192, 177, 173, 153, 150.
- ²⁰⁴ Там же. Л. 155–154.
- ²⁰⁵ Там же. Л. 161, 153.
- ²⁰⁶ Там же. Л. 171.
- ²⁰⁷ Там же. Л. 152–151.
- ²⁰⁸ Там же. Л. 174–173.
- ²⁰⁹ Там же. Д. 102. Л. 216.
- ²¹⁰ См., напр.: КСК. С. 384; ГА РФ. Ф. 5457. Оп. 14. Д. 114. Л. 18–19.
- ²¹¹ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 192. Л. 383.
- ²¹² Там же. Д. 193. Л. 113. (В восстании в Соляно-Займище приняли участие 600 чел., а в восстаниях в других деревнях по 100 чел.)
- ²¹³ Там же. Л. 98. См. также: Там же. Л. 105 (о массовых выступлениях в Нижнем Поволжье).
- ²¹⁴ Belov F. *The History of a Soviet Collective Farm*. New York, 1955. P. 13.
- ²¹⁵ КНГ. С. 202–203.
- ²¹⁶ Кондрашин В. В. Голод 1932–33 годов в деревнях Поволжья. С. 180.
- ²¹⁷ *Неизвестная Россия*. Т. 1. С. 257; Гуцин Н. Я. Классовая борьба в сибирской деревне накануне и в годы массовой коллективизации. С. 56.
- ²¹⁸ См.: Hobsbawm E. J. *Bandits*. London, 1969; Idem. *Social Bandits and Primitive Rebels: Studies in Archaic Forms of Social Movement in the 19th and 20th Centuries*. Glencoe, Ill., 1959.
- ²¹⁹ О Гражданской войне см.: Figes O. *Peasant Russia, Civil War*. P. 340–353. О НЭПе и постановлении правительства от декабря 1926 г., в котором Сибирь объявлялась «неблагополучной по бандитизму», см.: ДС. С. 14.

- 220 Егорова Л. П. К вопросу о контрреволюционной деятельности кулачества в Западной Сибири. С. 116–117. См. также: СЮ. 1935. № 13. С. 10; Внутренние войска в годы мирного социалистического строительства, 1922–1941 гг.: Документы и материалы. М., 1977. С. 296.
- 221 Угроватов А. П. Борьба коммунистов органов юстиции Сибири с кулачеством в хлебозаготовительную кампанию 1929/30 гг. // Деятельность партийных организаций Сибири по социалистическому преобразованию и развитию деревни. Новосибирск, 1982. С. 90–91.
- 222 Гушин Н. Я., Ильиных В. А. Классовая борьба в сибирской деревне. С. 196.
- 223 Внутренние войска в годы мирного социалистического строительства. С. 307; ДЮ. 1934. № 17. С. 12.
- 224 Угроватов А. П. Борьба коммунистов органов юстиции Сибири с кулачеством в хлебозаготовительную кампанию 1929/30 гг. С. 86; Внутренние войска в годы мирного социалистического строительства. С. 296; Гушин Н. Я., Ильиных В. А. Классовая борьба в сибирской деревне. С. 196.
- 225 Hobsbawm E. J. Social Bandits and Primitive Rebels. P. 15.
- 226 Гушин Н. Я. Ликвидация кулачества как класса в сибирской деревне. С. 122; Егорова Л. П. К вопросу о контрреволюционной деятельности кулачества в Западной Сибири. С. 118.
- 227 Гушин Н. Я. Классовая борьба в сибирской деревне накануне и в годы массовой коллективизации. С. 50–51; Угроватов. А. П. Борьба коммунистов органов юстиции Сибири с кулачеством в хлебозаготовительную кампанию 1929/30 гг. С. 86; Гушин Н. Я., Ильиных В. А. Классовая борьба в сибирской деревне. С. 214.
- 228 Гушин Н. Я. Классовая борьба в сибирской деревне накануне и в годы массовой коллективизации. С. 54–55; Зеленин И. Е. Осуществление политики «ликвидации кулачества как класса» (осень 1930–32 гг.) // История СССР. 1990. № 6. С. 36.
- 229 Fainsod M. Smolensk under Soviet Rule. Cambridge, Mass., 1958. P. 244; Неуслышанные голоса: документы Смоленского архива / под ред. С. Максудова. Анн Арбор, 1987. С. 82; ДЮ. 1934. № 17. С. 12; ПТП. С. 270–275; КСК. С. 258–259; Из истории коллективизации сельского хозяйства Дальнего Востока (1927–1937 гг.). Хабаровск, 1979. С. 7; Current Digest of the Soviet Press. 1987. Vol. 39. No. 33. P. 10.
- 230 См., напр.: ДЮ. 1934. № 17. С. 12; Егорова Л. П. К вопросу о контрреволюционной деятельности кулачества в Западной Сибири. С. 115–118; Гушин Н. Я., Ильиных В. А. Классовая борьба в сибирской деревне. С. 197; Гушин Н. Я. Из истории классовой борьбы в сибирской деревне в 1928–29 гг. С. 87. Также см. ниже.
- 231 Sathyamurthy T. V. Indian Peasant Historiography. P. 115.
- 232 Угроватов А. П. Борьба коммунистов органов юстиции Сибири с кулачеством в хлебозаготовительную кампанию 1929/30 гг. С. 86.
- 233 Гушин Н. Я. Из истории классовой борьбы в сибирской деревне в 1928–29 гг. С. 87.
- 234 Егорова Л. П. К вопросу о контрреволюционной деятельности кулачества в Западной Сибири. С. 115.

- 235 Вестник крестьянской России. 1931. № 17. С. 10–13.
- 236 Не совсем ясно, была ли банда Кочкина разгромлена в 1929 или в 1930 г. Более подробно см.: Трифонов И. Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. С. 304; Степищев И. С. Из истории классовой борьбы в восточно-сибирской деревне в период подготовки и начала сплошной коллективизации // История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. М., 1963. С. 318; Гушин Н. Я., Ильиных В. А. Классовая борьба в сибирской деревне. С. 197.
- 237 КСК. С. 255–259.
- 238 Current Digest of the Soviet Press. 1987. Vol. 39. No. 33. P. 10.
- 239 Гушин Н. Я., Ильиных В. А. Классовая борьба в сибирской деревне. С. 196–197.
- 240 Hobsbawm E. J. Social Bandits and Primitive Rebels. P. 13.
- 241 О недолгой кампании по поиску виновных среди местных партработников см.: Viola L. «L'ivresse du succès»: les cadres russes et le pouvoir soviétique durant les campagnes de collectivisation de l'agriculture // Revue des études slaves. 1992. Vol. 64. No. 1. P. 95–98.
- 242 Scott J. C. Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance. New Haven, 1985. P. 16. Такой точки зрения придерживается Скотт, хотя в основном он имеет в виду участие крестьян в успешных революциях.
- 243 Об этом умалчивает даже Фицпатрик в своей выдающейся книге «Сталинские крестьяне» (Fitzpatrick S. Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization. New York, 1994).

Глава 6

- 1 Field D. Rebels in the Name of the Tsar. Boston, 1976. P. 23, 209–210, 214.
- 2 Scott J. C. Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance. New Haven, 1985. P. 16.
- 3 Davis N. Z. Women on Top // Society and Culture in Early Modern France. Stanford, 1975. P. 131, 146.
- 4 Сталин И. Сочинения: В 13 т. М., 1946–1952. Т. 13. С. 252.
- 5 Докладная записка Колхозцентра в ЦК ВКП(б) о колхозном строительстве в 1928–1929 гг. / публ. Н. А. Ивницкого // Материалы по истории СССР: Документы по истории советского общества: В 7 т. М., 1955–1959. Т. 7. С. 242.
- 6 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 355. Л. 406.
- 7 Уласевич В. Женщина на стройке социализма // Женщина в колхозе / под ред. В. Уласевич. М., 1930. С. 7.
- 8 КСК. С. 263.
- 9 КСП. С. 171–172.
- 10 Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году (документ из проекта: The Tragedy of the Soviet Countryside. 5 vols. / ed. by V. P. Danilov, R. T. Manning, L. Viola). С. 48, 68. В 1930 г. имела место следующая динамика массовых волнений по месяцам (в скобках – общее число волнений): январь – 229 (402); февраль – 379 (1 048); март – 1 172 (6 528); апрель – 550 (1 192); май –

- 486 (1375); июнь – 301 (886); август – 105 (256); сентябрь – 82 (159); октябрь – 141 (270); ноябрь – 56 (129); декабрь – 44 (91).
- 11 XVI съезд ВКП(б): Стеногр. отчет. М.; Л., 1930. С. 70.
- 12 Там же. С. 123.
- 13 См.: XIV Всероссийский съезд советов: Стеногр. отчет. М., 1929. Бюллетень № 3. С. 11–12; II сессия ВЦИК XIV созыва: Стеногр. отчет. М., 1929. Бюллетень № 7. С. 25–28; КЦПР. С. 222.
- 14 См., напр.: Что нужно знать каждому работнику колхоза? М., 1930. С. 7; Деревенский коммунист. 1930. № 1. С. 32; Курейко М. 25-тысячники на колхозной стройке. М.; Л., 1930. С. 44–45; Проект постановления Совнаркома «О мерах вовлечения женщин в сельскохозяйственную кооперацию»: РГАЭ. Ф. 4108. Оп. 2. Д. 336. Л. 60–61. Информацию о растущей роли женщин в политической жизни деревни см.: Atkinson D. End of the Russian Land Commune, 1905–1930. Stanford, 1983. P. 367–368; Bridger S. Women in the Soviet Countryside. Cambridge, 1987. P. 10–16.
- 15 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 61. Л. 133. (курсив мой).
- 16 Там же. Д. 131. Л. 159.
- 17 Там же. Ф. 260. Оп. 1. Д. 6. Л. 38.
- 18 Там же. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 61. Л. 133; Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 51.
- 19 Термин «кулацкий агитпроп» появился от сокращенного названия отдела партийной пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) – агитпроп.
- 20 Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 49.
- 21 См. табл. 5.2.
- 22 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 355. Л. 1.
- 23 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 131. Л. 158.
- 24 Там же. Л. 140.
- 25 Там же. Ф. 260. Оп. 1. Д. 6. Л. 39.
- 26 Там же. Ф. 3983. Оп. 5. Д. 163. Л. 59.
- 27 О важности вопроса см.: Уласевич В. Женщина на стройке социализма. С. 10; РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 49. Л. 114.
- 28 См., напр.: Strong A. L. The Soviets Conquer Wheat. New York, 1931. P. 37.
- 29 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 61. Л. 132, 127.
- 30 Там же. Л. 93.
- 31 Там же. Д. 131. Л. 46–45.
- 32 Там же. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 39. Л. 201.
- 33 Там же. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 131. Л. 153.
- 34 Там же. Л. 170.
- 35 Там же. Л. 174–170.
- 36 О роли женщин в хлебных бунтах см.: Berce Y.-M. History of Peasant Revolts: The Social Origins of Rebellion in Early Modern France / tr. A. Whitmore. Ithaca, 1990. P. 174–175, 262–263; Lucas C. The Crowd and Politics Between *Ancien Régime* and Revolution in France // Journal of Modern History. 1988. Vol. 60. No. 3. P. 422–423; Rude G. The Crowd in the French Revolution. New

- York, 1972. P. 69, 73, 152, 182–183; Thompson E. P. The Moral Economy of the English Crowd in the Eighteenth Century // Past and Present. 1971. Vol. 50. P. 115–116; Underdown D. Revel, Riot and Rebellion: Popular Politics and Culture in England, 1603–1660. Oxford, 1985. P. 111, 117. Как Берс, так и Руд объясняют ведущую роль женщин «биологическим» инстинктом или неполитическими мотивами, связанными с пропитанием и обеспечением семьи. Томпсон, с другой стороны, связывает центральную роль женщин в хлебных бунтах с их опытом и знаниями рынка и цен.
- 37 ГА РФ. Ф. 5457. Оп. 14. Д. 135. Л. 106.
- 38 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 119. Л. 14–11.
- 39 Там же. Д. 61. Л. 105–104.
- 40 Там же. Д. 102. Л. 223.
- 41 ГА РФ. Ф. 374. Оп. 9. Д. 398. Л. 490.
- 42 РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 87. Л. 26.
- 43 Там же. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 194. Л. 295–294.
- 44 ГА РФ. Ф. 376. Оп. 9. Д. 418. Л. 57.
- 45 РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 23. Л. 29.
- 46 СЮ. 1930. № 6. С. 5–6.
- 47 Евдокимов А. Колхозы в классовых боях. Л., 1930. С. 25–26.
- 48 СП. 1930. № 3. С. 11–12.
- 49 Grigorenko P. G. Memoirs / tr. T. P. Whitney. New York, 1982. P. 35.
- 50 Арсенов Г. И. Лебедевка, село колхозное. Курск, 1964. С. 43–44.
- 51 Замятин С. Бурный год. Опыт работы пятидесятника в Руднянском районе на Нижней Волге. М., 1931. С. 916.
- 52 Шолохов М. Поднятая целина. 3-е изд. [М.], 1933. С. 251–268, 275, 278.
- 53 Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 88–89.
- 54 На Ленинском пути (Новосибирск). 1928. № 13–14. С. 20–22. (Я выражаю благодарность Анне Рассвайлер за то, что она обратила мое внимание на эту статью.)
- 55 Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 87–88.
- 56 Smolensk Archives. WKP 261. P. 60–61. (Благодарю Дэна Хэли за этот источник.)
- 57 РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 87. Л. 25–26. См. также: ГА РФ. Ф. 374. Оп. 9. Д. 418. Л. 77.
- 58 Случай применения штрафа в три рубля также имел место в деревне Петропавловская в Татарии, когда людей нужно было заставить прийти на собрание против землеустройства. Тех, кто отказался от участия в собрании, по данным источника, заташили на него силой.
- 59 ГА РФ. Ф. 5469. Оп. 13. Д. 122. Л. 151.
- 60 Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 87.
- 61 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 193. Л. 72–71.
- 62 Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 88.

33 Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и дина-
64 мике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 86–87.
65 Там же. С. 49–50.
66 См., напр.: Неуслышанные голоса: документы Смоленского архива / под
ред. С. Максудова. Анн Арбор, 1987. Т. 1. С. 62–64, 75–76; II сессия ВЦИК
XIV созыва. Бюллетень № 7. С. 28; Коллективизация и крестьянство в зеркале
писем 25-тысячников / публ. М. Е. Колесовой // Советские архивы. 1991.
№ 3. С. 77; Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о фор-
мах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 50.
67 Мартовицкий И. К. Бабий бунт // Первая борозда / сост. А. Ф. Чмыга,
М. О. Левкович. М., 1981. С. 174–181.
68 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 122. Л. 203.
69 Ср.: «Со временем такие модели коллективных действий стали неотъемлемой
частью народной культуры, а бунт стал проходить по своего рода сценарию,
хотя и опасному, в котором каждый знал свою роль и общий замысел»
(Scott J. C. *Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts*. New
Haven, 1990. P. 151). См. также: Berce Y.-M. *History of Peasant Revolts*. P. 19.
70 Об этих случаях см., напр.: Мартовицкий И. К. Бабий бунт. С. 174–181;
Неуслышанные голоса. Т. 1. С. 75–76; ДС. С. 472; ПТП. С. 239–244.
71 Scott J. C. *Domination and the Arts of Resistance*. P. 151.
72 Мартовицкий И. К. Бабий бунт. С. 177.
73 Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и дина-
мике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 50.
74 На Ленинском пути. 1928. № 13–14. С. 20–22.
75 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 122. Л. 103.
76 Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и дина-
мике классовой борьбы в деревне в 1930 году. С. 50–51.
77 Роль рабочих бригад в борьбе за сплошную коллективизацию в Тамбовской
деревне / публ. М. Н. Черноморского // Материалы по истории СССР. Т. 1.
С. 378–380.
78 Денисов В. Один из двадцати пяти тысяч. Красноярск, 1967. С. 22; РГАЭ.
Ф. 7446. Оп. 5. Д. 87. Л. 24.
79 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 61. Л. 133, 123.
80 Федин П. Классовая борьба в деревне. М., 1929. С. 70.
81 См., напр.: РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 61. Л. 121, 73, 44; КСП. С. 632–635.
82 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 61. Л. 42.
83 Там же. Л. 44.
84 Федин П. Классовая борьба в деревне. С. 71; Коллективизация и крестьян-
ство в зеркале писем 25-тысячников. С. 77.
85 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 61. Л. 94–93.
86 Коллективизация и крестьянство в зеркале писем 25-тысячников. С. 77.
См. также: Федин П. Классовая борьба в деревне. С. 69–70.
87 Hindus M. *Red Bread: Collectivization in a Russian Village*. Bloomington, 1988.
P. 49–50; Strong A. L. *The Soviets Conquer Wheat*. P. 114–115; Белбей Р. За
или против. М., 1930. С. 50. См. также: КЗ. С. 183–184 (о случаях, когда
женщины «категорически» отказывались вступать в колхозы, в то время как

их мужа уже сделали это). Толстовец Дмитрий Мограчев был твердо уве-
рен (к своему разочарованию) в том, что женщины чужды общинной жизни,
и винил их за провал некоторых толстовских общин. См.: *Memoirs of Peasant
Tolstoyans in Soviet Russia* / ed. by W. Edgerton. Bloomington, 1993. P. 138, 159.
87 Harvard University Refugee Interview Project. Vol. 18. No. 341. P. 5–6 («А»
schedule).
88 КСП. С. 632–635.
89 ГА РФ. Ф. 5457. Оп. 14. Д. 114. Л. 18.
90 Лейкин С. Крестьянка в классовой борьбе // Женщина в колхозе / под ред.
В. Уласевич. М., 1930. С. 29–30. Лейкин описывает собрание, на котором
присутствовали 300 обозленных женщин, многие из них принесли грудных
детей – своих или чужих.
91 Hindus M. *Red Bread*. P. 170.
92 Возможно, некоторые женщины слышали о ряде постановлений, запрещав-
ших ссылать беременных женщин, кормящих матерей и семьи, где нет де-
еспособных мужчин. Однако большинство этих директив, судя по всему,
появились позднее, после «мартовской лихорадки», став следствием кошмар-
ного хаоса депортаций и переселений кулацких семей. Более того, они ка-
сались только ссылки, и в них не говорилось о других формах репрессий,
например о штрафах, принудительных работах по месту жительства и т. п.
О примерах таких постановлений см.: Viola L. *The Second Coming: Class Enemies
in the Soviet Countryside, 1927–1935* // *Stalinist Terror: New Perspectives* / ed.
by J. A. Getty, R. T. Manning. Cambridge, 1993. P. 94–95, n. 161; ГАСО (Госу-
дарственный архив Свердловской области). Ф. 88р. Оп. 21. Д. 63. Л. 15–16;
Д. 51. Л. 148. (Я обязана Джеймсу Харрису, который поделился со мной этим
источником.) Также следует отметить, что по крайней мере с июля 1931 г.
была официально запрещена депортация кулацких семей, в которых нет де-
еспособных мужчин. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 52. Л. 90.
93 Berce Y.-M. *History of Peasant Revolts*. P. 6–7.
94 Примеры см.: Smolensk Archives. WKP 261. P. 60–61; ПТП. С. 239–244.
95 Smolensk Archives. WKP 261. P. 60–61.
96 См. вышеприведенные случаи, а также примеры из главы 5.
97 См., напр., главу 5. См. также: Pirogov P. *Why I Escaped*. New York, n. d. P. 166–
167; РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 87. Л. 25–26; Неуслышанные голоса. Т. 1. С. 57–
58 (о бунтах, вызванных закрытием церквей и снятием колоколов).
98 См., напр.: Мартовицкий И. К. Бабий бунт. С. 174–181; Берсон Л. Весна
1930 года: Записки двадцатипятилетнего. М., 1931. С. 57–62; ГА РФ.
Ф. 5469. Оп. 13. Д. 122. Л. 151; ИР. С. 158.
99 См., напр.: Smolensk Archives. WKP 261. P. 60–61; РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 5.
Д. 87. Л. 25–26.
100 КЗ. С. 266–267.
101 Scott J. C. *Domination and the Arts of Resistance*. P. 151.
102 Davis N. Z. *Women on Top*. P. 131, 146.
103 Scott J. C. *Domination and the Arts of Resistance*. P. 2.
104 Field D. *Rebels in the Name of the Tsar*. P. 2, 213–214.
105 ДС. С. 472.

- ¹⁰⁶ Bonnell V. E. The Peasant Woman in Stalinist Political Art of the 1930s // American Historical Review. 1993. Vol. 98. No. 1. P. 67–68.
- ¹⁰⁷ Солженицын А. И. Колокол Углича: Повесть. Рассказы. Крохотки. М., 2003. С. 30.

Глава 7

- ¹ СЮ. 1931. № 30. С. 14–16; 1932. № 3. С. 22; № 4. С. 11; № 12. С. 13–14; 1933. № 1. С. 2.
- ² Scott J. C. Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance. New Haven, 1985. P. 16; Everyday Forms of Peasant Resistance / ed. by F. D. Colburn. Armonk, N.Y., 1989. P. 9–10.
- ³ Karcz J. F. Thoughts on the Grain Problem // Soviet Studies. 1967. Vol. 18. No. 4. P. 409–412, 414–415, 421–422; Иконникова И. П., Угроватов А. П. Сталинская репетиция наступления на крестьянство // Вопросы истории КПСС. 1991. № 1. С. 77–78; ДЮ. 1928. № 2. С. 1–2.
- ⁴ Гушин Н. Я. Из истории классовой борьбы в сибирской деревне в 1928–29 гг. // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. 1967. Вып. 1. № 1. С. 85; Гожанский А. В развернутое наступление на кулака. Л., 1931. С. 10; Каврайский В., Хамармер И. Уроки классовой борьбы: Итоги выборов советов Сибири, 1928–29. Новосибирск, 1929. С. 7; РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 193. Л. 61; Азизян А. К. Аренда земли и борьба с кулаком. М.; Л., 1929. С. 71; КЮ. 1928. № 7. С. 5; СП. 1930. № 10. С. 3–5.
- ⁵ Viola L. The Case of Krasnyi Meliorator or «How the Kulak Grows into Socialism» // Soviet Studies. 1986. Vol. 38. No. 4. P. 508–529. См. также: Большаков А. М. Коммуна Кудрова. Л., 1930. С. 16; КЮ. 1929. № 13. С. 13.
- ⁶ См. главу 3.
- ⁷ См.: Viola L. The Second Coming: Class Enemies in the Soviet Countryside, 1927–1935 // Stalinist Terror: New Perspectives / ed. by J. A. Getty, R. T. Manning. Cambridge, 1993. P. 91.
- ⁸ См.: Davies R. W. The Soviet Collective Farm. Cambridge, Mass., 1980. P. 29. По данным Дэвиса, четверть урожая 1930 г. ушла на МТС.
- ⁹ О механизмах заготовок см.: Lewin M. «Taking Grain»: Soviet Policies of Agricultural Procurements before the War // Lewin M. The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia. New York, 1985. P. 156–160, 170–172; Medvedev Zh. A. Soviet Agriculture. New York, 1987. P. 106, 108.
- ¹⁰ Davies R. W. The Soviet Collective Farm. P. 132–153; Nove A. An Economic History of the USSR. New York, 1990. P. 171.
- ¹¹ Davies R. W. The Soviet Collective Farm. P. 141.
- ¹² О примерах см.: РГАЭ. Ф. 260. Оп. 1. Д. 10. Л. 64; Д. 13. Л. 75–76; Д. 15. Л. 53; КЦПР. С. 321; Саратовская партийная организация в период наступления социализма по всему фронту: Создание колхозного строя. Саратов, 1961. С. 42; Кравченко Е. Крестьянка в колхозах. М., 1929. С. 30; Уласевич В. Женщина на стройке социализма // Женщина в колхозе / под ред. В. Уласевич. М., 1930. С. 10; Каминская П. Организация женского труда в колхозах // Там же. С. 78.

- ¹³ Davies R. W. The Soviet Collective Farm. P. 161, 169; Nove A. An Economic History of the USSR. P. 174–176.
- ¹⁴ См., напр.: РГАЭ. Ф. 260. Оп. 1. Д. 16. Л. 16, 82. Возможно, этот вывод проливает некоторый свет на локальный характер голода, затронувшего бедняков – членов колхоза в 1930 г. См. главу 5.
- ¹⁵ Nove A. An Economic History of the USSR. P. 163–165. Автор приводит следующие цифры о числе дворов, вошедших в колхозы (с. 163): 1930 г. – 23,6%; 1931 г. – 52,7%; 1932 г. – 61,5%; 1933 г. – 64,6%; 1934 г. – 71,4%; 1935 г. – 83,2%; 1936 г. – 89,6%. Эта динамика говорит об уменьшении числа дворов, оставшихся вне колхоза.
- ¹⁶ См., напр.: РГАЭ. Ф. 260. Оп. 1. Д. 4. Л. 16.
- ¹⁷ Там же. Ф. 260. Оп. 1. Д. 4. Л. 16; Ф. 7446. Оп. 5. Д. 39. Л. 26, 64, 80; Большевик. 1930. № 15–16. С. 31; № 23–24. С. 79; Саратовская партийная организация в период наступления социализма по всему фронту. С. 130–131. См. главу 5.
- ¹⁸ См. главу 5.
- ¹⁹ О другой точке зрения см.: Conquest R. The Harvest of Sorrow. New York, 1986.
- ²⁰ Точное число погибших от голода до сих пор не известно (и вряд ли когда-нибудь будет известно). О последних исследованиях см.: Nove A. Victims of Stalinism // Stalinist Terror: New Perspectives / ed. by J. A. Getty, R. T. Manning. Cambridge, 1993. P. 262–267; Wheatcroft S. G. More Light // Ibid. P. 278–289.
- ²¹ Thompson E. P. The Moral Economy of the English Crowd in the Eighteenth Century // Past and Present. 1971. Vol. 50. P. 78–79. Также см.: Scott J. C. The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia. New Haven, 1976. P. 3.
- ²² Радин А., Шаумян Л. За что жители станицы Полтавской выселяются с Кубани в северные края. Ростов н/Д., 1932. С. 14. О мнении Крыленко касательно возможности «нейтральности» колхозников см.: СЮ. 1933. № 7.
- ²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 52. Л. 66, 89–90.
- ²⁴ Писатель и вождь: Переписка М. А. Шолохова с И. В. Сталиным, 1931–1950 годы: Сб. документов из личного архива И. В. Сталина / сост. Ю. Мурин. М., 1997. С. 68.
- ²⁵ См., напр.: СЮ. 1933. № 10. С. 2.
- ²⁶ СЮ. 1933. № 6. С. 15–16.
- ²⁷ История колхозного права: Сб. законодательных материалов СССР и РСФСР, 1917–1958 гг.: В 2 т. М., 1958. Т. 1. С. 224–225.
- ²⁸ О нейтральности см.: СЮ. 1931. № 9. С. 2. См. также: СЮ. 1933. № 7. С. 7. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 441. Вып. 2. Л. 14–15.
- ²⁹ Более подробно см.: Viola L. The Best Sons of the Fatherland: Workers in the Vanguard of Soviet Collectivization. New York, 1987. Chap. 6.
- ³⁰ См., напр.: ГА РФ. Ф. 374. Оп. 9. Д. 398. Л. 58; РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 16. Д. 77. Л. 4.
- ³¹ Volin L. A Century of Russian Agriculture. Cambridge, Mass., 1970. P. 236.
- ³² XVII съезд ВКП(б): Стеногр. отчет. М., 1934. С. 149.
- ³³ РГАЭ. Ф. 260. Оп. 1. Д. 10. Л. 45.

35 Большевик. 1930. № 13. С. 69.
36 РГАЭ. Ф. 260. Оп. 1. Д. 15. Л. 33.
37 Там же. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 194. Л. 282; Д. 193. Л. 47.
38 Там же. Ф. 260. Оп. 1. Д. 10. Л. 92.
39 Там же. Ф. 7446. Оп. 14. Д. 187. Л. 32–34. (В среднем 3–4 исключения в каждом колхозе.)
40 Там же. Ф. 260. Оп. 1. Д. 15. Л. 35.
41 Солженицын А. И. Колокол Углича: Повесть. Рассказы. Крохотки. М., 2003. С. 14.
42 Memoirs of Peasant Tolstoyans in Soviet Russia / ed. by W. Edgerton. Bloomington, 1993. P. 104. (В красном списке, или на красной доске, доске почета, стояли имена лучших работников, а в черном – худших.)
43 РГАЭ. Ф. 260. Оп. 1. Д. 10. Л. 63.
44 Там же. Л. 47; Д. 15. Л. 31.
45 Там же. Д. 10. Л. 47; Д. 13. Л. 28; Д. 15. Л. 22; Д. 16. Л. 19.
46 Там же. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 131. Л. 182.
47 См. главу 5.
48 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 131. Л. 105.
49 Зеленин И. Е. Осуществление политики «ликвидации кулачества как класса» (осень 1930–32 гг.) // История СССР. 1990. № 6. С. 40; Он же. О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации // История СССР. 1989. № 2. С. 15.
50 КЗС. С. 267–270. (В целом 6944 дворов были исключены из колхозов во второй четверти 1935 г.) См. также: КСП. С. 294, 482 (о других примерах отказа крестьян от работы).
51 СЮ. 1931. № 11. С. 16; 1933. № 16. С. 6.
52 ГА РФ. Ф. 374. Оп. 9. Д. 398. Л. 507.
53 РГАЭ. Ф. 260. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.
54 Там же. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 39. Л. 159.
55 Там же. Оп. 1. Д. 240. Л. 50.
56 Там же. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 193. Л. 88.
57 Там же. Д. 194. Л. 282.
58 Там же. Ф. 260. Оп. 1. Д. 13. Л. 18.
59 См. главу 5. См. также: РГАЭ. Ф. 260. Оп. 1. Д. 16. Л. 16.
60 См., напр.: РГАЭ. Ф. 260. Оп. 1. Д. 13. Л. 22, 82; Д. 15. Л. 17. (В то же время были зафиксированы случаи, когда середняков отстраняли от руководящих должностей в колхозах; см., напр.: Там же. Л. 14, 16.)
61 Там же. Д. 10. Л. 34, 45, 61–62.
62 О неравенстве см.: Там же. Л. 64; Д. 13. Л. 75–76; Д. 15. Л. 53.
63 Там же. Д. 16. Л. 114. Об отнимающей время домашней работе см.: Там же. Д. 10. Л. 34.
64 СЮ. 1934. № 1. С. 21–22; КСЗ. С. 409, прим. 46. В середине 1930-х гг. исключения были широко распространенным методом поддержания дисциплины и наказания провинившихся: 3,8 % колхозников, чаще в старых, чем в новых колхозах, в 1931 г. были исключены из них, половина как «кулаки», остальные за нарушение норм труда (РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 14.

Д. 187. Л. 32–34). Согласно данным 1933 г., в 120 районах Московской области 26 334 двора (3,33 % всех членов колхозов) были исключены; в некоторых районах их число доходило до 10–12 %. Больше половины этих дворов позже снова были приняты в колхозы (СЮ. 1933. № 15. С. 8–10). В некоторых районах исключения были связаны с потребностью в рабочей силе и проводились сезонно, в зависимости от числа лишних рабочих рук (СЮ. 1934. № 1. С. 21–22).
65 См.: Miller R. F. One Hundred Thousand Tractors. Cambridge, Mass., 1970.
66 СЮ. 1934. № 14. С. 4; КСЗ. С. 395.
67 См.: Davies R. W. The Soviet Collective Farm. P. 157–159; Нахимсон Ф., Рогинский Г., Сахов В. Суд и прокуратура на охране производства и труда. М., 1932. Ч. 2. С. 272.
68 РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 51. Л. 12, 18. См. также: Там же. Ф. 260. Оп. 1. Д. 11. Л. 12.
69 Там же. Ф. 260. Оп. 1. Д. 15. Л. 21.
70 Ермолаев А. И. Коллективизация и классовая борьба в Ленинградской области. М.; Л., 1931. С. 47; РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 42. Л. 83; КСП. С. 228.
71 РГАЭ. Ф. 260. Оп. 1. Д. 10. Л. 32, 34.
72 Нахимсон Ф., Рогинский Г., Сахов В. Суд и прокуратура на охране производства и труда. Ч. 2. С. 272.
73 КЗ. 1936. № 2. С. 3–4.
74 СЮ. 1936. № 2. С. 5–6.
75 См.: Shanin T. The Nature and Logic of the Peasant Economy // Shanin T. Defining Peasants. Oxford, 1990. P. 123–126.
76 РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 2. Д. 216. Л. 77–78.
77 СЮ. 1932. № 12. С. 13–14; 1933. № 22. С. 4; 1935. № 9. С. 3–4.
78 СЮ. 1932. № 9. С. 14; РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 51. Л. 18.
79 История колхозного права. Т. 1. С. 427–433.
80 СЮ. 1935. № 24. С. 3–4; 1937. № 20. С. 14–15.
81 КЗ. С. 433, 518; КЗС. С. 264.
82 СЮ. 1935. № 11. С. 32–33; № 12. С. 4; № 14. С. 10; № 24. С. 1–2; 1937. № 4. С. 27.
83 СЮ. 1935. № 7. С. 1–4. См. также: СЮ. 1935. № 24. С. 1–2.
84 СЮ. 1934. № 11. С. 7.
85 СЮ. 1935. № 11. С. 32–33; № 32. С. 1–3.
86 КЦЧО. С. 280–281. Подобная практика была продолжением схожих мер, применявшихся в 1920-х гг. См., напр.: КЮ. 1928. № 7. С. 5; СП. 1930. № 10. С. 3–12; Азизян А. К. Аренда земли и борьба с кулаком. С. 71.
87 РГАЭ. Ф. 260. Оп. 1. Д. 13. Л. 38; Фролов В. И. Год борьбы политотдела. Архангельск, 1934. С. 6; Kushner P. I. The Village of Viriatino / ed. and tr. by S. Benet. Garden City, N.Y., 1970. P. 180; СЮ. 1932. № 8. С. 14.
88 СЮ. 1932. № 2. С. 10, 23.
89 РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 1. Д. 240. Л. 62.
90 История коллективизации сельского хозяйства Грузинской ССР. Тбилиси, 1970. С. 436.
91 РГАЭ. Ф. 260. Оп. 1. Д. 10. Л. 46–47.

- 92 Более подробно о таком сравнении см.: Pryor F.L. The Red and the Green: The Rise and Fall of Collectivized Agriculture in Marxist Regimes. Princeton, 1992. P. 12–13.
- 93 РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 39. Л. 183.
- 94 Там же. Л. 156.
- 95 Там же. Оп. 14. Д. 187. Л. 22.
- 96 Гушин Н. Я. Классовая борьба в сибирской деревне накануне и в годы массовой коллективизации // Проблемы социально-экономического развития советской деревни. Вологда, 1975. С. 55; КЗС. С. 197; ДС. С. 38.
- 97 См., напр.: СЮ. 1933. № 11. С. 4; КСП. С. 419; Документы о политической и организационно-хозяйственной деятельности политотделов совхозов в 1933–1935 гг. / публ. Ю. С. Борисова, Д. М. Езерского // Материалы по истории СССР: Документы по истории советского общества. М., 1955. Т. 7. С. 388.
- 98 «Шахтинское дело» было фиктивным процессом, в ходе которого в 1928 г. группу инженеров и специалистов Донбасса обвинили в саботаже. Оно было использовано как довод в пользу необходимости создания «пролетарского резерва» лояльных режиму специалистов.
- 99 СЮ. 1933. № 2–3. С. 22–25.
- 100 КЦПР. С. 646.
- 101 РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 14. Д. 187. Л. 22.
- 102 См.: Nove A. An Economic History of the USSR. P. 164–165; История крестьянства СССР. М., 1978. Т. 2. С. 234–235; История колхозного права. Т. 1. С. 209–211, 121–213, 220–222 (о законодательстве того времени). См. также табл. 3.1 о статистике по снижению поголовья скота в эти годы.
- 103 История крестьянства СССР. Т. 2. С. 235.
- 104 СЮ. 1932. № 9. С. 9–12; № 20. С. 20–21.
- 105 СЮ. 1932. № 9. С. 9–12.
- 106 История крестьянства СССР. Т. 2. С. 235.
- 107 РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 1. Д. 240. Л. 136.
- 108 Там же. Оп. 5. Д. 45. Л. 118. См. также: СЮ. 1933. № 11. С. 6–7.
- 109 Вылцан М. А., Ивницкий Н. А., Поляков Ю. А. Некоторые проблемы коллективизации в СССР // Вопросы истории. 1965. № 3. С. 10.
- 110 КСП. С. 23. См. также: Там же. С. 478 (о Мордовии).
- 111 РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 1. Д. 240. Л. 106.
- 112 СЮ. 1933. № 15. С. 8–10; КЗ. С. 368–369, 386, 419–420, 432; Rapports secrets soviétiques, 1921–1991: La société russe dans les documents confidentiels / dir. N. Werth, G. Moulecc. Paris, 1994. P. 149.
- 113 См., напр.: КЗ. С. 432, 664, прим. 69.
- 114 Данилов В. П. Коллективизация: как это было // Правда. 1988. 16 сент. С. 3.
- 115 Ивницкий Н. А. Коллективизация сельского хозяйства в СССР: Опыт, истоки, выводы. М., 1988. С. 22. См. также: КЗ. С. 420; КЗС. С. 268–270 (ранние и не столь конкретные сообщения о подобной миграции).
- 116 КЗ. С. 664, прим. 69.
- 117 Коллективизация сельского хозяйства Дагестанской АССР. Махачкала, 1976. Т. 2. С. 187.

- 118 КЗС. С. 268–270.
- 119 Там же. С. 268–271; КЗ. С. 368–369; Данилов В. П. Коллективизация: как это было. См. также главу 3.
- 120 Memoirs of Peasant Tolstoyans in Soviet Russia. P. 104.
- 121 Более подробно о повсеместном «воровстве» уже в 1930 г. см.: РГАЭ. Ф. 260. Оп. 1. Д. 6. Л. 172; Fainsod M. Smolensk under Soviet Rule. Cambridge, Mass., 1958. P. 151–152, 261.
- 122 СЮ. 1934. № 2. С. 8–11.
- 123 СЮ. 1933. № 1. С. 6.
- 124 СЮ. 1932. № 4. С. 32.
- 125 История колхозного права. Т. 1. С. 224–225.
- 126 Данилов В. П. Коллективизация: как это было; Ивницкий Н. А. Коллективизация сельского хозяйства в СССР. С. 21–22.
- 127 СЮ. 1934. № 9. С. 8; № 13. С. 6; Попов В. П. Государственный террор в Советской России. 1923–1953 гг. // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 26.
- 128 СЮ. 1932. № 4. С. 32.
- 129 История колхозного права. Т. 1. С. 224.
- 130 Ивницкий Н. А. Коллективизация сельского хозяйства в СССР. С. 21–22.
- 131 См. также: СЮ. 1934. № 2. С. 8–11 (здесь утверждается, что 42,5 % воров в Северном крае были кулаками, на Средней Волге – 26,7 %, на Урале – 20 %).
- 132 СЮ. 1933. № 16. С. 6.
- 133 СЮ. 1933. № 1. С. 6.
- 134 См., напр.: СЮ. 1933. № 15. С. 4–6.
- 135 СЮ. 1934. № 11. С. 12–13.
- 136 Там же. С. 2.
- 137 СЮ. 1933. № 16. С. 7.
- 138 Там же. С. 4.
- 139 Там же. С. 2.
- 140 СЮ. 1933. № 11. С. 2.
- 141 Каравай М. Политотдел. М., 1934. С. 11.
- 142 СЮ. 1933. № 15. С. 4–6.
- 143 СЮ. 1933. № 16. С. 3; № 21. С. 12; 1934. № 2. С. 8–11.
- 144 ДЮ. 1933. № 13. С. 16.
- 145 СЮ. 1934. № 30. С. 9.
- 146 См., напр.: СЮ. 1933. № 2–3. С. 22–25; № 15. С. 8–10.
- 147 СЮ. 1932. № 4. С. 33. (Он получил 2 года тюрьмы.)
- 148 СЮ. 1931. № 21. С. 4.
- 149 СЮ. 1932. № 32. С. 1; 1933. № 2–3. С. 22–25; ДЮ. 1931. № 21. С. 2–4.
- 150 СЮ. 1932. № 32. С. 1.
- 151 ДЮ. 1933. № 4. С. 11.
- 152 СЮ. 1933. № 7. С. 21.
- 153 См.: РГАЭ. Ф. 260. Оп. 1. Д. 5. Л. 13; Д. 11. Л. 12; Д. 16. Л. 6.
- 154 Мошков Ю. А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР. М., 1966. С. 169–170.

- 155 ДЮ. 1931. № 21. С. 2–4. См. также: СЮ. 1931. № 20. С. 5.
156 РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 51. Л. 12.
157 Там же. Л. 19.
158 СЮ. 1933. № 22. С. 4.
159 СЮ. 1933. № 15. С. 4–6.
160 СЮ. 1933. № 2–3. С. 28–29.
161 Подробнее см.: Shimotomai N. Springtime for the *Politotdel*: Local Party Organization in Crisis // Acta Slavica Iaponica. 1986. Т. IV. Р. 11–12; Idem. A Note on the Kuban Affair (1932–1933) // Acta Slavica Iaponica. 1983. Т. I. Р. 45–48; Thorniley D. The Rise and Fall of the Soviet Rural Communist Party, 1927–1939. New York, 1988. Р. 112–117, 142–151.
162 СЮ. 1931. № 22. С. 18; 1932. № 16. С. 9; 1933. № 15. С. 4–6; № 16. С. 7; 1934. № 20. С. 2–3; 1935. № 1. С. 9–10.
163 СЮ. 1931. № 11. С. 16; Классовая борьба и преступность на современном этапе. Вып. 1. Л., 1933. С. 66. О схожей практике в 1940-х гг. см.: Belov F. The History of a Soviet Collective Farm. New York, 1955. Р. 46.
164 РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 51. Л. 18; СЮ. 1931. № 11. С. 15; 1932. № 6–7. С. 6; № 16. С. 9; 1933. № 11. С. 2.
165 СЮ. 1933. № 21. С. 4; 1934. № 24. С. 1; № 26. С. 1–2.
166 СЮ. 1933. № 16. С. 5, 7–8.
167 СЮ. 1934. № 16. С. 1–2; № 20. С. 2–3; 1935. № 1. С. 9–10; КЦПР. С. 332.
168 СЮ. 1934. № 20. С. 1.
169 СЮ. 1935. № 3. С. 2–3.
170 СЮ. 1933. № 8. С. 2–5.
171 См., напр.: РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 16. Д. 77. Л. 4, 19, 71.
172 СЮ. 1932. № 6–7. С. 7–8.
173 РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 51. Л. 17.
174 Там же. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 122. Л. 94.
175 Зеленин И. Е. О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации. С. 15.
176 Кондрашин В. В. Голод 1932–33 годов в деревнях Поволжья // Вопросы истории. 1991. № 6. С. 180.
177 СЮ. 1933. № 11. С. 1; 1935. № 13. С. 1–6.
178 Tuominen A. The Bells of the Kremlin / tr. by L. Leino. Hannover; London, 1983. Р. 117–123.
179 КЦПР. С. 743. (Чаще крестьяне воспринимали условие «вечного пользования земель» как возврат к крепостному праву.)
180 О законах и сложностях при их применении см.: СЮ. 1935. № 29. С. 9–11; 1936. № 3. С. 7–8; № 5. С. 7–8; № 10. С. 18–19; № 16. С. 4–6. Законы опубл.: Собрание законов. 1933. № 40. С. 613–614; 1935. № 44. С. 674–675. (Амнистия покрывала 1928–1935 гг.)
181 РГАЭ. Ф. 260. Оп. 1. Д. 6. Л. 37–39; Д. 11. Л. 2.
182 Там же. Д. 4. Л. 16.
183 См. главу 4.
184 СЮ. 1932. № 17–18. С. 31–32.
185 СЮ. 1934. № 30. С. 11. Этот вопрос подробно рассматривается в главе 4.

- 186 Полезным источником подобной информации является журнал «Деревенский юрист» (ранее – «Крестьянский юрист»). Особенный интерес представляют рубрики «Нам пишут» и «Сигналы актива».
187 СЮ. 1931. № 29. С. 18.
188 Каравай М. Политотдел. С. 46–47.
189 Там же.
190 Саратовская партийная организация в годы борьбы за завершение социалистической реконструкции народного хозяйства. Саратов, 1963. С. 79.
191 См., напр.: СЮ. 1936. № 3. С. 5; № 12. С. 3; 1937. № 4. С. 25; ДЮ. 1935. № 15. С. 9; КЦПР. С. 646. См. также: Manning R. T. Women in the Soviet Countryside on the Eve of World War II, 1935–1940 // Russian Peasant Women / ed. by B. Farnsworth, L. Viola. New York, 1992. Р. 220–221.
192 Каравай М. Политотдел. С. 41.
193 ДС. С. 48. См. также: Solzhenitsyn A. I. The Gulag Archipelago / tr. T. P. Whitney, H. Willetts. 3 vols. New York, 1973–1978. Vol. 2. Р. 392; Вестник крестьянской России. 1931. № 9–10. С. 15–16.
194 Земсков В. Н. Спецпоселенцы (по документам НКВД–МВД СССР) // Социологические исследования. 1990. № 11. С. 6.
195 См., напр.: КЗС. С. 163–164.
196 См., напр.: СЮ. 1932. № 30. С. 8; 1933. № 2–3. С. 28–29; № 14. С. 4–5. См. также необыкновенные путешествия Ивана Твардовского: Твардовский И. Страницы пережитого // Юность. 1988. № 3. С. 11–29.
197 СЮ. 1932. № 27. С. 23. См. также главу 3.
198 См., напр.: Социалистическое переустройство сельского хозяйства Молдавской АССР. Кишинев, 1964. С. 402.
199 В этой связи интересно посмотреть литературу об «охоте на ведьм» в ранней современной истории Европы и Америки. См., напр.: Trevor-Roper H. R. The European Witch-Craze of the Sixteenth and Seventeenth Centuries and Other Essays. New York, 1968. Chap. 3; Klaitz J. Servants of Satan. Bloomington, 1985 (особенно гл. 4); Boyer P., Nissenbaum S. Salem Possessed. Cambridge, 1974; Demos J. P. Entertaining Satan: Witchcraft and the Culture of Early New England. New York, 1982; Kunze M. Highroad to the Stake: A Tale of Witchcraft / tr. by W. E. Yuill. Chicago, 1987; Cohn N. Europe's Inner Demons. New York, 1977.
200 Более подробно см.: Viola L. The Second Coming. Р. 90–95.
201 Ibid. Р. 81–90.
202 РГАЭ. Ф. 260. Оп. 1. Д. 5. Л. 13; Д. 11. Л. 12; Д. 16. Л. 6.
203 Viola L. The Second Coming. Р. 90–95.
204 КЗС. С. 271.
205 См., напр.: РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 39. Л. 26; Большевик. 1930. № 23–24. С. 79; Саратовская партийная организация в период наступления социализма по всему фронту. С. 130–131.
206 РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 5. Д. 39. Л. 62, 64; Д. 57. Л. 16. (Судя по всему, данная практика применялась с самого начала. См.: Молот. 1930. 11 февр. С. 3.)
207 История колхозного права. Т. 1. С. 427.
208 Там же.
209 Там же. С. 427–430.

- ²¹⁰ См., напр.: История колхозного права. Т. 1. С. 213–219, 352–353, 357–359.
- ²¹¹ Это никоим образом не соотносится с тем, что Шейла Фицпатрик описывает как «переговоры» или «торг» между государством и крестьянством. См.: Fitzpatrick S. Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization. New York, 1994. P. 7, 10.

Заключение

- ¹ Гинзбург Е. Крутой маршрут. Книга первая. Нью-Йорк, 1985. С. 8.
- ² См.: Getty J. A. Origins of the Great Purge. Cambridge, 1985. P. 207–210.
- ³ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛаг (особенно т. 1). О дореволюционных исторических традициях см.: Tucker R. C. Stalin in Power. New York, 1990. О Гражданской войне см.: Fitzpatrick S. The Legacy of the Civil War // Party, State, and Society in the Russian Civil War / ed. by D. P. Koenker et al. Bloomington, 1989. P. 385–398.
- ⁴ Scott J. C. Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance. New Haven, 1985. P. 16.
- ⁵ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 122. Л. 103.
- ⁶ См. табл. 5.1, 5.4, 4.1, 4.3.
- ⁷ См., напр.: Dragadze T. Rural Families in Soviet Georgia. New York, 1988. P. 27, 34; Perry E. J. Rural Violence in Socialist China // The China Quarterly. 1985. No. 2. P. 426–427.
- ⁸ См., напр.: Fitzpatrick S. Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization. New York, 1994. P. 319–320.
- ⁹ Интересную дискуссию по данному вопросу см.: Данилов В. П. Аграрная реформа в постсоветской России // Куда идет Россия? М., 1994. С. 125–136.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации
- ДС – Документы свидетельствуют
- ДЮ – Деревенский юрист
- ИВС – История коллективизации сельского хозяйства в Восточной Сибири
- ИР – Из истории коллективизации сельского хозяйства Ямало-Ненецкого автономного округа
- ИУ – История коллективизации сельского хозяйства Урала
- КЗ – Коллективизация сельского хозяйства в Западном районе
- КЗС – Коллективизация сельского хозяйства Западной Сибири
- КК – Коллективизация и развитие сельского хозяйства на Кубани
- КНГ – Коллективизация сельского хозяйства в Нижегородском-Горьковском крае
- КС – Коллективизация сельского хозяйства в Северном районе
- КСЗ – Коллективизация сельского хозяйства в Северо-Западном районе
- КСК – Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе
- КСП – Коллективизация сельского хозяйства в Среднем Поволжье
- КЦПР – Коллективизация сельского хозяйства Центрального Промышленного района
- КЦЧО – Коллективизация сельского хозяйства в Центрально-Черноземной области
- КЮ – Крестьянский юрист
- ПТП – Путь трудовых побед
- РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической информации
- РГАЭ – Российский государственный архив экономики
- СП – Судебная практика
- СЮ – Советская юстиция

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Архивные источники

ГА РФ

- Фонд 374 (НК РКИ СССР)
Фонд 5457 (ЦК союза текстильщиков)
Фонд 5469 (ЦК союза металлистов)

РГАЭ

- Фонд 260 (Научно-исследовательский колхозный институт)
Фонд 3983 (Союз союзов сельскохозяйственной кооперации РСФСР-СССР)
Фонд 5675 (Учреждение по руководству переселением в СССР)
Фонд 7446 (Колхозцентр СССР и РСФСР)
Фонд 7486 (Наркомзем СССР)

РГАСПИ

- Фонд 17 (Центральный комитет КПСС)
Фонд 78 (Михаил Иванович Калинин)

Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 году // *The Tragedy of the Soviet Countryside. 5 vols. / ed. by V. P. Danilov, R. T. Manning, L. Viola.* (Выдержки из этого документа ранее публиковались. См.: *Cahiers du monde russe. 1994. Vol. 35. No. 3.*)

Smolensk Archives

Российские и советские периодические издания

Беднота
Большевик

Вестник крестьянской России
Вопросы истории
Вопросы шефства
Заря востока
Исторический архив
Коллективист
Крестьянская газета
Крестьянская правда
Крестьянский юрист / Деревенский юрист
Лицом к деревне
Металлист
Молот
На Ленинском пути (Иваново-Воскресенск)
На Ленинском пути (Новосибирск)
Нижеволжский колхозник
Отечественные архивы
Правда
Пролетарий
Советская этнография
Советская юстиция
Советские архивы
Социалистическое земледелие
Социологические исследования
Судебная практика
Труд

Опубликованные документы, законодательные акты и стенографические отчеты

- Внутренние войска в годы мирного социалистического строительства, 1922–1941 гг.: Документы и материалы. М., 1977.
Вторая сессия ВЦИК XIV созыва: Стеногр. отчет. М., 1929.
Докладная записка Колхозцентра в ЦК ВКП(б) о колхозном строительстве в 1928–1929 гг. // *Материалы по истории СССР: Документы по истории советского общества / под ред. Ю. С. Борисова, Д. М. Езерского.* М., 1959. Т. 7.
Документы о политической и организационно-хозяйственной деятельности политотделов совхозов в 1933–1935 гг. // *Материалы по истории СССР: документы по истории советского общества / под ред. Ю. С. Борисова, Д. М. Езерского.* М., 1959. Т. 7.

Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации, 1927–1932 гг. / под ред. В. П. Данилова, Н. А. Ивницкого. М., 1989.

Завершение коллективизации сельского хозяйства и организационно-хозяйственное укрепление колхозов Белорусской ССР: Сб. документов и материалов. Минск, 1985.

Западный областной комитет ВКП(б): Стеногр. отчет 2-й областной партконференции. М.; Смоленск, 1931.

Из истории коллективизации сельского хозяйства Дальнего Востока. Хабаровск, 1979.

Из истории коллективизации сельского хозяйства Рязанской области. Рязань, 1962.

Из истории раскулачивания в Карелии, 1930–1931: Документы и материалы. Петрозаводск, 1991.

Из истории тамбовской деревни начала 30-х годов / публ. Т. А. Ляпиной // Советские архивы. 1991. № 6.

История коллективизации сельского хозяйства в Восточной Сибири. Иркутск, 1979.

История коллективизации сельского хозяйства Грузинской ССР. Тбилиси, 1970.

История коллективизации сельского хозяйства Урала. Пермь, 1983.

Исторія колективізації сільського господарства Української РСР. Київ, 1965. Т. 2.

История колхозного права: Сб. законодательных материалов СССР и РСФСР, 1917–1958 гг.: В 2 т. М., 1958–1959.

Коллективизация и крестьянство в зеркале писем 25-тысячников // Советские архивы. 1991. № 3.

Коллективизация и развитие сельского хозяйства на Кубани. Краснодар, 1981.

Коллективизация сельского хозяйства Башкирской АССР. Уфа, 1980.

Коллективизация сельского хозяйства в Западном районе. Смоленск, 1968.

Коллективизация сельского хозяйства в Нижегородском-Горьковском крае. Киров, 1985.

Коллективизация сельского хозяйства в Северном районе. Вологда, 1964.

Коллективизация сельского хозяйства в Северо-Западном районе. Л., 1970.

Коллективизация сельского хозяйства в Среднем Поволжье. Куйбышев, 1970.

Коллективизация сельского хозяйства в Туркменской ССР. Ашхабад, 1968. Т. 2.

Коллективизация сельского хозяйства в Центрально-Черноземной области. Воронеж, 1978.

Коллективизация сельского хозяйства Дагестанской АССР. Махачкала, 1976. Т. 2.

Коллективизация сельского хозяйства Западной Сибири. Томск, 1972.

Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе. Краснодар, 1972.

Коллективизация сельского хозяйства Центрального Промышленного района. Рязань, 1971.

Коллективизация сельского хозяйства Якутской АССР. Якутск, 1978.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 7-е изд. М., 1953. Ч. 2.

Материалы по истории СССР: Документы по истории советского общества: В 7 т. М., 1955–1959.

Неизвестная Россия: XX век: В 4 т. М., 1992–1994.

Неуслышанные голоса: Документы Смоленского архива. Т. 1 / под ред. С. Максудова. Ann Arbor, 1987.

Письма И. В. Сталина В. М. Молотову, 1925–1936 гг. М., 1995.

Политический и трудовой подъем рабочего класса СССР (1928–1929 гг.): Сб. документов. М., 1956.

Путь трудовых побед. Волгоград, 1967.

Роль рабочих бригад в борьбе за сплошную коллективизацию в Тамбовской деревне / публ. М. Н. Черноморского // Материалы по истории СССР: Документы по истории советского общества. М., 1955. Т. 1.

Саратовская партийная организация в годы борьбы за завершение социалистической реконструкции народного хозяйства. Саратов, 1963.

Саратовская партийная организация в годы социалистической индустриализации страны и подготовки сплошной коллективизации сельского хозяйства (1926–1929 гг.). Саратов, 1960.

Саратовская партийная организация в период наступления социализма по всему фронту: Создание колхозного строя. Саратов, 1961.

Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР.

Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР.

Социалистическое переустройство сельского хозяйства Молдавской АССР. Кишинев, 1964.

Спецпереселенцы в Западной Сибири, 1930 – весна 1931 г. / под ред. В. П. Данилова, С. А. Красильникова. Новосибирск, 1992.

Труды первой всесоюзной конференции аграрников-марксистов. М., 1930. Т. 1.

Участие рабочих-металлистов в колхозном строительстве весной 1930 г. / публ. О. М. Грибковой, М. Е. Лепехиной // Исторический архив. 1955. № 2.

Участие совхозов в социалистической перестройке деревни в 1929–1930 гг. / публ. М. Л. Богденко // Материалы по истории СССР: Документы по истории советского общества. М., 1959. Т. 7.

XIV Всероссийский съезд советов: Стеногр. отчет. М., 1929.

XV съезд ВКП(б): Стеногр. отчет: В 2 т. М., 1961–1962.

XVI съезд ВКП(б): Стеногр. отчет. М.; Л., 1930.

XVII съезд ВКП(б): Стеногр. отчет. М., 1934.

Rapports secrets soviétiques, 1921–1991: La société Russe dans les documents confidentiels / dir. N. Werth, G. Moullec. Paris, 1994.

The Penal Code of the RSFSR (Text of 1926 with Amendments up to Dec. 1, 1932). London, 1934.

Прочие первичные источники

Азизян А. К. Аренда земли и борьба с кулаком. М.; Л., 1929.

Ангаров А. Классовая борьба в деревне и сельсовет. М., 1929.

Белбей Р. За или против. М., 1930.

Берсон Л. Весна 1930 года. Записки двадцатипятилетия. М., 1931.

Большаков А. М. Деревня, 1917–1927. М., 1927.

———. Коммуна Кудрова. Л., 1930.

Буров Я. Деревня на переломе (год работы в деревне). М.; Л., 1926.

Варейкис И. О сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Воронеж, 1930.

Гагарин А. Хозяйство, жизнь и настроения деревни (по итогам обследования Починковской волости Смоленской губернии). М.; Л., 1925.

Гожанский А. В развернутое наступление на кулака. Л., 1931.

Голубых М. Казачья деревня. М.; Л., 1930.

———. Очерки глухой деревни. М., 1926.

Григоренко П. Г. В подполье можно встретить только крыс. Нью-Йорк, 1981.

Деревня при НЭПе: Кого считать кулаком, кого – тружеником, что говорят об этом крестьяне? М., 1924.

Долотов А. Церковь и сектантство в Сибири. Новосибирск, 1930.

Дорофеев Я. Деревня Московской губернии. М., 1923.

Евдокимов А. Колхозы в классовых боях. Л., 1930.

———. В борьбе за молодежь: классовая борьба в деревне. Л., 1929.

Елизаров Н. В. Ликвидация кулачества как класса. М.; Л., 1930.

Ерихонов Л. Кулак перед судом. Самара, 1929.

Ермолаев А. И. Коллективизация и классовая борьба в Ленинградской области. М.; Л., 1931.

Женщина в колхозе / под ред. В. Уласевич. М., 1930.

Замятин С. Бурный год: Опыт работы пятидесятилетия в Руднянском районе на Нижней Волге. М., 1931.

Ивницкий Н. А. История подготовки постановления ЦК ВКП(б) о темпах коллективизации сельского хозяйства от 5 января 1930 г. // Источниковедение истории советского общества. Вып. 1. М., 1964.

———. Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения коллективизации сельского хозяйства // Проблемы аграрной истории. Минск, 1978. Ч. 2.

———. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М., 1972.

———. Коллективизация сельского хозяйства в СССР: опыт, уроки, выводы. М., 1988.

Иконникова И. П., Угроватов А. П. Сталинская репетиция наступления на крестьянство // Вопросы истории КПСС. 1991. № 1.

История крестьянства СССР. М., 1978. Т. 2.

Каврайский В., Нусинов И. Классы и классовая борьба в современной деревне. 2-е изд. Новосибирск, 1929.

Каврайский В., Хамармер И. Уроки классовой борьбы: Итоги выборов советов Сибири, 1928–29. Новосибирск, 1929.

Каравасев А., Сосновский А. Краснополянский гигант. М., 1929.

Каравай М. Политотдел. М., 1934.

Катцнельбаум Д. Женщина в колхозе // Женщина в колхозе / под ред. В. Уласевич. М., 1934.

Классовая борьба и преступность на современном этапе. Вып. 1. Л., 1933.

Комаров Н. Г. Лицо классового врага: Классовая борьба в деревне во время пере выборов сельских советов в 1929 году (по материалам рабочих шефских бригад). Л., 1929.

Комсомол в деревне: Очерки / под ред. В. Г. Тан-Богораза. М.; Л., 1926.

Кравченко Е. Крестьянка в колхозах. М., 1929.

Крестьяне о советской власти. М.; Л., 1929.

Кретов Ф. Деревня после революции. М., 1925.

Курейко М. 25-тысячники на колхозной стройке. М.; Л., 1930.

Лаговьер Н. О самосудах. М.; Л., 1927.

Лейкин С. Крестьянка в классовой борьбе // Женщина в колхозе / под ред. В. Уласевич. М., 1930.

Ленин В. И. Полное собрание сочинений: В 55 т. 5-е изд. М., 1958–1966.

Лицо донской деревни к 1925 г. (по материалам обследования ДКК и Дон. РКИ). Ростов н/Д., 1925.

Лужин А., Резунов М. Низовой советский аппарат. М., 1929.

Нахимсон Ф., Рогинский Г., Сахов В. Суд и прокуратура на охране производства и труда. М., 1932. Ч. 2.

Обновленная деревня / под ред. В. Г. Тан-Богораза. Л., 1925.

Радин А., Шаумян Л. За что жители станицы Полтавской выселяются с Кубани в северные края. Ростов н/Д., 1932.

Революция в деревне / под ред. В. Г. Тан-Богораза. М.; Л., 1924. Ч. 1.

Розит Д. П. Партия и советы в деревне. М., 1925.

———. Проверка работы низового аппарата в деревне: Основные итоги проверки низового аппарата членами ЦК РКП(б) в 12 уездах и округах СССР. М., 1926.

Росницкий Н. Полгода в деревне: основные итоги обследования 28 волостей и 32 730 крестьянских хозяйств Пензенской губ. Пенза, 1925.

Рыклин Г. Х. Как советская печать помогает крестьянину. М.; Л., 1926.

Селищев А. Язык революционной эпохи. М., 1928.

Соколов А. Коммуна «Колос» М.; Л., 1929.

Старый и новый быт / под ред. В. Г. Тан-Богораза. Л., 1924.

Твардовский И. Страницы пережитого // Юность. 1988. № 3.

Тимофеев Г. Межа умерла: Краснополянский район сплошной коллективизации. М., 1930.

Уласевич В. Женщина на стройке социализма // Женщина в колхозе / под ред. В. Уласевич. М., 1930.

Федин П. Классовая борьба в деревне. Воронеж, 1929.

Фертауп Е. Л. Низовой советский аппарат и деревня Урала. Свердловск, 1925.

Фролов В. И. Год борьбы политотдела. Архангельск, 1934.

Фурман Г. Как помогали колхозам 25-тысячники. М., 1930.

Что нужно знать работнику колхоза? М., 1930.

Шафир Я. Газета и деревня. 2-е изд. М.; Л., 1924.

Шуваев К. М. Старая и новая деревня (материалы исследования с Ново-Животинного и дер. Моховатки Березовского района, Воронежской области за 1901 и 1907, 1926 и 1937 гг.). М., 1937.

Яковлев Я. Деревня как она есть (очерки Никольской волости). 2-е изд. М., 1923.

Ярцев А. Секта евангельских христиан. 2-е изд. М., 1928.

Agabekov G. OGPU: The Russian Secret Terror. New York, 1931.

Belomor / ed. M. Gorkii et al. New York, 1935.

Belov F. The History of a Soviet Collective Farm. New York, 1955.

Dolot M. Execution by Hunger. New York, 1985.

Hindus M. Red Bread: Collectivization in a Russian Village. Bloomington, 1988.

Memoirs of Peasant Tolstoyans in Soviet Russia / ed. by W. Edgerton. Bloomington, 1993.

Pirogov P. Why I Escaped. New York, n. d.

Strong A. L. The Soviets Conquer Wheat. New York, 1931.

Вторичные источники

Варенов В. И. Помощь Красной Армии в развитии колхозного строительства, 1929–33 гг. М., 1978.

Васильев В. Крестьянские восстания на Украине, 1929–30 годы // Свободная мысль. 1992. № 9.

Вылцан М. А., Ивницкий Н. А., Поляков Ю. А. Некоторые проблемы истории коллективизации в СССР // Вопросы истории. 1965. № 3.

Гущин Н. Я. Из истории классовой борьбы в сибирской деревне в 1928–29 гг. // Известия Сибирского отделения АН СССР (серия общ. наук). 1967. № 1. Вып. 1.

———. Классовая борьба в сибирской деревне накануне и в годы массовой коллективизации // Проблемы социально-экономического развития советской деревни. Вологда, 1975.

———. Ликвидация кулачества как класса в сибирской деревне // Социальная структура населения Сибири. Новосибирск, 1970.

Гущин Н. Я., Ильиных В. А. Классовая борьба в сибирской деревне, 1920-е – середина 1930-х гг. Новосибирск, 1987.

Данилов В. П. Глава пятая: коллективизация сельского хозяйства в СССР // История СССР. 1990. № 5.

———. Коллективизация: как это было // Правда. 1988. 15 сент.

———. Крестьянский отход на промыслы в 1920-х годах // Исторические записки. 1974. Т. 94.

———. Сельское население Союза ССР накануне коллективизации // Исторические записки. 1963. Т. 74.

———. Советская доколхозная деревня: В 2 т. М., 1977–1979.

Данилов В. П. и др. Советское крестьянство: краткий очерк истории (1917–1970). 2-е изд. М., 1973.

Егорова Л. П. К вопросу о контрреволюционной деятельности кулачества в Западной Сибири в 1928–29 гг. // Сборник работ аспирантов кафедры истории КПСС. Томск, 1974.

- . Классовая борьба в западносибирской деревне в ходе хлебо-заготовительных кампаний (1928–30 гг.) // Осуществление аграрной политики КПСС в Сибири и на Дальнем Востоке. Томск, 1986.
- Зеленин И. Е. О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации // История СССР. 1989. № 2.
- . Осуществление политики «ликвидации кулачества как класса» (осень 1930 – 1932 гг.) // История СССР. 1990. № 6.
- Земсков В. Н. Спецпоселенцы (по документации НКВД–МВД СССР) // Социологические исследования. 1990. № 11.
- Каревский Ф. А. Ликвидация кулачества как класса в Среднем Поволжье // Исторические записки. 1967. Т. 80.
- Киреев Р. Н. К вопросу об исторической неизбежности ликвидации кулачества как класса (по материалам Южного Зауралья) // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Курган, 1971.
- Кондрашин В. В. Голод 1932–33 годов в деревнях Поволжья // Вопросы истории. 1991. № 6.
- Крестьянство Сибири в период строительства социализма. Новосибирск, 1983.
- Мартовицкий И. К. Бабий бунт // Первая борозда / сост. А. Ф. Чмыга, М. О. Левкович. М., 1981.
- Медведев В. К. Крутой поворот: из истории коллективизации сельского хозяйства Нижнего Поволжья. Саратов, 1961.
- Михайлов Н., Тепцов Н. Чрезвычайщина // Родина. 1989. № 8.
- Мошков Ю. А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР. М., 1966.
- Немаков Н. И. Коммунистическая партия – организатор массового колхозного движения. М., 1966.
- Полищук Н. С. У истоков советских праздников // Советская этнография. 1987. № 6.
- Попов В. П. Государственный террор в советской России. 1923–53 гг. // Отечественные архивы. 1992. № 2.
- Проблемы аграрной истории советского общества: материалы научной конференции, 9–12 июня 1969 г. М., 1971.
- Сидоров В. А. Ликвидация в СССР кулачества как класса // Вопросы истории. 1968. № 7.
- Трифонов И. Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1975.
- . Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы НЭПа. М., 1960.
- Угроватов А. П. Борьба коммунистов органов юстиции Сибири с кулачеством в хлебозаготовительную кампанию 1929/30 гг. //

- Деятельность партийных организаций Сибири по социалистическому преобразованию и развитию деревни. Новосибирск, 1982.
- Чернопицкий П. Г. На великом переломе: сельские советы Дона в период подготовки и проведения массовой коллективизации. Ростов, 1965.
- Adas M. Prophets of Rebellion: Millenarian Protest Movements against the European Colonial Order. Chapel Hill, N.C., 1979.
- Alavi H. Peasant Classes and Primordial Loyalties // Journal of Peasant Studies. 1973. Vol. 1. No. 1.
- Atkinson D. The End of the Russian Land Commune, 1905–1930. Stanford, 1983.
- Berce Y.-M. History of Peasant Revolts: The Social Origins of Rebellion in Early Modern France / tr. A. Whitmore. Ithaca, 1990.
- Berger J. The Vision of a Peasant // Peasants and Peasant Societies / ed. T. Shanin. 2nd ed. Oxford, 1987.
- Bethea D. M. The Shape of Apocalypse in Modern Russian Fiction. Princeton, 1989.
- Bonnell V. E. The Peasant Woman in Stalinist Political Art of the 1930s // American Historical Review. 1993. Vol. 98. No. 1.
- Bridger S. Women in the Soviet Countryside: Women's Roles in Rural Development in the Soviet Union. Cambridge, 1987.
- Brooks J. The Breakdown of Production and Distribution of Printed Material, 1917–1927 // Bolshevik Culture / ed. A. Gleason, P. Kenez, R. Stites. Bloomington, 1985.
- Burke P. Popular Culture in Early Modern Europe. New York, 1978.
- Bushnell J. Mutiny Amid Repression: Russian Soldiers in the Revolution of 1905–06. Bloomington, 1985.
- Carr E. H. Foundations of a Planned Economy. London, 1978. Vol. 2.
- Cherniavsky M. The Old Believers and the New Religion // The Structure of Russian History / ed. M. Cherniavsky. New York, 1970.
- Christian D. «Living Water»: Vodka and Russian Society on the Eve of Emancipation. Oxford, 1990.
- Clements B. E. The Effects of the Civil War on Women and Family Relations // Party, State, and Society in the Russian Civil War: Explorations in Social History / ed. D. P. Koenker, W. G. Rosenberg, R. G. Suny. Bloomington, 1989.
- Cobb R. C. The Police and the People: French Popular Protest, 1789–1820. Oxford, 1970.
- Cohn N. Europe's Inner Demons. New York, 1977.
- . The Pursuit of the Millennium. London, 1957.
- Conquest R. The Harvest of Sorrow. New York, 1986.

- Davies R. W. *The Socialist Offensive: The Collectivization of Soviet Agriculture, 1929–1930*. Cambridge, Mass., 1980.
- . *The Soviet Collective Farm, 1929–30*. Cambridge, Mass., 1980.
- Davis N. Z. *Women on Top // Society and Culture in Early Modern France*. Stanford, 1975.
- Demos J. P. *Entertaining Satan: Witchcraft and the Culture of Early New England*. New York, 1982.
- Deutscher I. *Stalin*. 2nd ed. New York, 1977.
- Eklof B. *Russian Peasant Schools: Officialdom, Village Culture, and Popular Pedagogy, 1861–1914*. Berkeley, 1986.
- Everyday Forms of Peasant Resistance / ed. F. D. Colburn. Armonk, N.Y., 1989.
- Fainsod M. *Smolensk under Soviet Rule*. Cambridge, Mass., 1958.
- Field D. *Rebels in the Name of the Tsar*. Boston, 1976.
- Figes O. *Peasant Russia, Civil War: The Volga Countryside in Revolution, 1917–21*. Oxford, 1989.
- Fitzpatrick S. *Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization*. New York, 1994.
- Frank S. P. *Confronting the Domestic Other: Rural Popular Culture and Its Enemies in Fin-de-Siècle Russia // Cultures in Flux: Lower-Class Values, Practices, and Resistance in Late Imperial Russia / ed. S. P. Frank, M. D. Steinberg*. Princeton, 1994.
- . *Popular Justice, Community, and Culture Among the Russian Peasantry, 1870–1900 // The World of the Russian Peasant / ed. B. Eklof, S. P. Frank*. Boston, 1990.
- . *Simple Folk, Savage Customs? Youth, Sociability, and the Dynamics of Culture in Rural Russia, 1856–1914 // Journal of Social History*. 1992. Vol. 25. No. 4.
- Frierson C. A. *Peasant Icons: Representations of Rural People in Late Nineteenth Century Russia*. New York, 1993.
- Funkenstein A. *A Schedule for the End of the World: The Origins and Persistence of the Apocalyptic Mentality // Visions of Apocalypse: End or Rebirth? / ed. S. Friedlander et al*. New York, 1985.
- Geertz C. *The Interpretation of Cultures*. New York, 1973.
- Genovese E. D. *From Rebellion to Revolution: Afro-American Slave Revolts in the Making of the New World*. New York, 1981.
- Hay D. *Time, Inequality, and Law's Violence // Law's Violence / ed. A. Sarat, T. R. Kearns*. Ann Arbor, 1992.
- Hobsbawm E. J. *Peasants and Politics // Journal of Peasant Studies*. 1973. Vol. 1. No. 1.
- . *Social Bandits and Primitive Rebels: Studies in Archaic Forms of Social Movement in the 19th and 20th Centuries*. Glencoe, Ill., 1959.
- Hobsbawm E., Rude G. *Captain Swing: A Social History of the Great English Agricultural Uprising of 1830*. New York, 1975.
- Hoffmann D. L. *Moving to Moscow: Patterns of Peasant In-Migration During the First Five-Year Plan // Slavic Review*. 1991. Vol. 50. No. 4.
- . *Peasant Metropolis: Social Identities in Moscow, 1929–41*. Ithaca, 1994.
- Hughes J. *Stalin, Siberia and the Crisis of the New Economic Policy*. Cambridge, 1991.
- Jung C. G. *Flying Saucers: A Modern Myth of Things Seen in the Skies / tr. R. F. C. Hull*. Princeton, 1978.
- Karcz J. F. *Thoughts on the Grain Problem // Soviet Studies*. 1967. Vol. 18. No. 4.
- Kingston-Mann E. *Lenin and the Problem of Marxist Peasant Revolution*. New York, 1983.
- Kselman T. *Miracles and Prophecies in Nineteenth-Century France*. New Brunswick, N.J., 1983.
- Kushner P. I. *The Village of Viriatino / ed. and tr. S. Benet*. Garden City, N.Y., 1970.
- Lefebvre G. *The Great Fear of 1789: Rural Panic in Revolutionary France / tr. J. White*. London, 1973.
- Le Roy Ladurie E. *Carnival at Romans / tr. M. Feeney*. New York, 1980.
- Lewin M. *Russian Peasants and Soviet Power: A Study of Collectivization / tr. I. Nove*. New York, 1975.
- . *The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia*. New York, 1985.
- Lih L. T. *Bread and Authority in Russia, 1914–21*. Berkeley, 1990.
- Lucas C. *The Crowd and Politics Between Ancien Régime and Revolution in France // Journal of Modern History*. 1988. Vol. 60. No. 3.
- Male D. J. *Russian Peasant Organization before Collectivization*. Cambridge, 1971.
- Manning R. T. *The Crisis of the Old Order in Russia: Gentry and Government*. Princeton, 1982.
- . *Women in the Soviet Countryside on the Eve of World War II, 1935–1940 // Russian Peasant Women / ed. B. Farnsworth, L. Viola*. New York, 1992.
- Medvedev R. *Let History Judge: The Origins and Consequences of Stalinism / tr. G. Shriver*. New York, 1989.
- Medvedev Zh. A. *Soviet Agriculture*. New York, 1987.
- Miller R. F. *One Hundred Thousand Tractors*. Cambridge, Mass., 1970.
- Mixter T. *The Hiring Market as Workers' Turf: Migrant Agricultural Laborers and the Mobilization of Collective Action in the Steppe Grainbelt of European Russia, 1853–1913 // Peasant Economy*,

Culture, and Politics of European Russia / ed. E. Kingston-Mann, T. Mixer. Princeton, 1991.

Moon D. Russian Peasants and Tsarist Legislation on the Eve of Reform: Interaction between Peasants and Officialdom, 1825–1855. London, 1992.

Moore B., Jr. Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World. Boston, 1967.

Narkiewicz O. A. The Making of the Soviet State Apparatus. Manchester, 1970.

Niccoli O. Prophecy and People in Renaissance Italy / tr. L. G. Cochrane. Princeton, 1990.

Nove A. An Economic History of the USSR. New York, 1990.

Oja M. F. *Traktorizatsiia* as Cultural Conflict, 1929–33 // Russian Review. 1992. Vol. 51. No. 3.

Peasant Economy, Culture, and Politics of European Russia, 1800–1921 / ed. E. Kingston-Mann, T. Mixer. Princeton, 1991.

Peasants and Peasant Societies / ed. T. Shanin. 2nd ed. Oxford, 1987.

Perry E. J. Rural Violence in Socialist China // The China Quarterly. 1985. No. 2.

Pryor F. L. The Red and the Green: The Rise and Fall of Collectivized Agriculture in Marxist Regimes. Princeton, 1992.

Ranger T. Peasant Consciousness: Culture and Conflict in Zimbabwe // Peasants and Peasant Societies / ed. T. Shanin. 2nd ed. Oxford, 1987.

Redfield R. Peasant Society and Culture. Chicago, 1956.

Rude G. The Crowd in the French Revolution. New York, 1972.

Russian Peasant Women / ed. B. Farnsworth, L. Viola. New York, 1992.

Sabeian D. W. Power in the Blood: Popular Culture and Village Discourse in Early Modern Germany. Cambridge, 1984.

Sathyamurthy T. V. Indian Peasant Historiography: A Critical Perspective on Ranajit Guha's Work // Journal of Peasant Studies. 1990. Vol. 18. No. 1.

Schneer M. A Peasant Community During Russia's First Revolution // Slavic Review. 1994. Vol. 53. No. 1.

Scott J. C. Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts. New Haven, 1990.

----- Hegemony and the Peasantry // Politics and Society. 1977. Vol. 7. No. 3.

----- The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia. New Haven, 1976.

----- Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance. New Haven, 1985.

Shanin T. Defining Peasants. Oxford, 1990.

----- The Awkward Class: Political Sociology of Peasantry in a Developing Society. Russia, 1910–1925. Oxford, 1972.

----- The Roots of Otherness: Russia's Turn of Century. 2 vols. New Haven, 1985–1986.

Shimotomai N. A Note on the Kuban Affair (1932–33) // Acta Slavica Iaponica. 1983. T. I.

----- Springtime for the *Politotdel*: Local Party Organizations in Crisis // Acta Slavica Iaponica. 1986. T. IV.

Solzhenitsyn A. I. The Gulag Archipelago / tr. T. P. Whitney, H. Willetts. 3 vols. New York, 1973–1978.

Stalinist Terror: New Perspectives / ed. J. A. Getty, R. T. Manning. Cambridge, 1993.

Stites R. Revolutionary Dreams. New York, 1989.

Thompson E. P. The Crime of Anonymity // Albion's Fatal Tree: Crime and Society in Eighteenth Century England / ed. D. Hay et al. London, 1975.

----- The Moral Economy of the English Crowd in the Eighteenth Century // Past and Present. 1971. No. 50.

Thorniley D. The Rise and Fall of the Soviet Rural Communist Party, 1927–39. New York, 1988.

Tilly C., Tilly L., Tilly R. The Rebellious Century, 1830–1930. Cambridge, 1975.

Ulanovskaia B. Voluntary Seclusion: The Life of a Lonely Old Woman in a Deserted Village // Russian Review. 1992. Vol. 51. No. 2.

Underdown D. Revel, Riot and Rebellion: Popular Politics and Culture in England, 1603–1660. Oxford, 1985.

Velidov A. The «Decree» on the Nationalization of Women: The Story of a Mystification // Moscow News. 1990. No. 8–9.

Viola L. Bab'i Bunty and Peasant Women's Protest During Collectivization // Russian Review. 1986. Vol. 45. No. 1.

----- Guide to Document Series on Collectivization // A Researcher's Guide to Sources on Soviet Social History in the 1930s / ed. S. Fitzpatrick, L. Viola. Armonk, N.Y., 1990.

----- «L'ivresse du succès»: les cadres russes et le pouvoir soviétique durant les campagnes de collectivisation de l'agriculture // Revue des études slaves. 1992. Vol. 64. No. 1.

----- The Best Sons of the Fatherland: Workers in the Vanguard of Soviet Collectivization. New York, 1987.

----- The Campaign to Eliminate the Kulak as a Class, Winter, 1929–30: A Reevaluation of the Legislation // Slavic Review. 1986. Vol. 45. No. 3.

----- The Case of Krasnyi Meliorator or «How the Kulak Grows into Socialism» // Soviet Studies. 1986. Vol. 38. No. 4.

- . The Peasants' Kulak: Social Identities and Moral Economy in the Soviet Countryside in the 1920s // *Collectivization and the Soviet Countryside* / ed. V. P. Danilov, R. T. Manning. (Forthcoming).
- . The Second Coming: Class Enemies in the Soviet Countryside, 1927–35 // *Stalinist Terror: New Perspectives* / ed. J. A. Getty, R. T. Manning. Cambridge, 1993.
- Ward C. Stalin's Russia. London, 1993.
- Wolf E. R. On Peasant Rebellions // *Peasants and Peasant Societies* / ed. T. Shanin. 2nd ed. Oxford, 1987.
- . Peasant Wars of the Twentieth Century. New York, 1969.
- Worobec C. D. Peasant Russia: Family and Community in the Post-Emancipation Period. Princeton, 1991.
- Yang A. A. A Conversation of Rumors: The Language of Popular *Mentalités* in Late Nineteenth-Century Colonial India // *Journal of Social History*. 1987. Vol. 21.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Введение	11
1. Последний и решительный бой: коллективизация как гражданская война	23
Первобытная мужицкая темнота	25
Насажение социализма	30
Великий перелом	37
Сталинская метафизика	42
Война с традицией	53
Заключение	59
2. Знак Антихриста: слухи и идеология крестьянского сопротивления	61
Мир перевернулся	63
Ночной кошмар крестьян	73
«От Господа Бога»	79
Заключение	85
3. «У нас кулаков нет»: крестьянский луддизм, уловки и самозащита	87
«Уничтожается лошадь как класс»	89

«Теперь и середняку нужно быть настороже и вовремя ликвидировать свое хозяйство»	101
«У нас кулаков нет»	110
«Если мы кулаки, то у нас вся Сибирь кулаки»	116
Заключение	125

4. Обрезы и «красный петух»: крестьянский террор и гражданская война

Масштабы террора	129
Гражданская «война внутри войны»	139
«Помните, собачьи души, мы с вами расправимся в два счета»	145
«Пожар!»	151
«По колено в крови станем, но землю не отдадим»	155
Заключение	161

5. «Мартовская лихорадка»: крестьянский бунт и кулацкие выступления

Размах бунта	165
«Долой Антихриста»	180
«Бессмысленный и беспощадный»	191
Бандитизм	218
Заключение	222

6. «Пусть женщины говорят»: бабьи бунты и анатомия крестьянского восстания

«Маленькое недоразумение»	226
Кулацкий агитпроп и мелкобуржуазные инстинкты	228
Бабьи бунты	234
Заключение	248

7. «Тихой сапой»: повседневные формы сопротивления в колхозах в 1930-м и в последующие годы

Новая моральная экономика	252
В колхозе	257
«Своекорыстные тенденции» и борьба за хлеб	270
Эпилог: самозащита и саморазрушение	277
Заключение	282

Заключение

Примечания

Список сокращений

Избранная библиография

Научное издание

История сталинизма

Виола Линн

КРЕСТЬЯНСКИЙ БУНТ В ЭПОХУ СТАЛИНА
Коллективизация и культура крестьянского сопротивления

Перевод с английского *А. В. Бардина*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Художественное оформление *П. П. Ефремов*
Редакторы *А. М. Ранчин, Л. Ю. Пантина*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Выпускающий редактор *И. В. Киселева*
Компьютерная верстка *И. Д. Звягинцева*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 22.10.2009.
Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 23. Тираж 2000 (1-й завод – 1000) экз. Заказ 9150

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)
117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82
Тел.: 334-81-87 (дирекция)
Тел./факс: 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14